

*Тайные Пси-
войны
России и
Америки*

*Предисловие
заместителя
председателя КГБ
генерала Николая*

*Под
редакцией
Виктора
Рубеля*

© Copyright by Laboratories for Fundamental Research

Palo Alto, California

May 2009

Manuscript: 115, 125 Words

Переводчики:

Нина Кононенко (английский-русский)

Аня Кухарева (русский-английский)

Авторы

Эдвин Мэй, доктор физики, последний директор программы экстрасенсорной разведки Правительства США «Звёздные Врата». В настоящее время – директор Лабораторий Фундаментальных Исследований в Пало Алто, Калифорния.

Джозеф Мак-Монигл, старший ворент-офицер военной разведки США, агент-дальновидящий 001 – лучший по результатам экстрасенс программы «Звёздные Врата». Осуществлял уникальные операции по экстрасенсорному шпионажу за Советским Союзом. В настоящее время – писатель и телеведущий: написал 6 книг, его телевизионная аудитория, например, в Японии насчитывает 30 миллионов человек.

Алексей Юрьевич Савин, генерал-лейтенант, доктор технических и философских наук, бывший начальник Управления Генерального Штаба, известного как таинственная войсковая часть 10003

Борис Константинович Ратников, генерал-майор, заместитель начальника Федеральной Службы Охраны (в отставке), создатель и глава специального парапсихологического отдела в системе охраны высших государственных лиц, включая президента Ельцина.

Виктор Афанасьевич Рубель, доктор психологии и социологии, соавтор-редактор и координатор данного международного проекта. В настоящее время – директор ЛФР-медиа лаборатории в Пало Алто, Калифорния.

Содержание

<i>Авторы</i>		
<i>Содержание</i>		
<i>Благодарности</i>		
<i>Предисловие</i>		<i>Генерал Николай Шам</i>
<i>Введение</i>		
Пси-войны: реальность или фантазия?		
Часть I История пси-войн		
1.	Экстрасенсорика и войны из глубины веков	
2.	К военной экстрасенсорике 20 столетия: пси-войны Гитлера и Сталина	
3.	Холодная пси-война с обеих сторон Железного Занавеса	
Часть II Военная экстрасенсорика: Запад		
4.	Агент-дальновидящий 001 <i>Джозеф Мак-Монигл</i>	
5.	За кулисами программы «Звёздные Врата» <i>Эдвин Мэй</i>	
6.	За и против американской военной экстрасенсорной программы <i>Эдвин Мэй</i>	
Часть III Военная экстрасенсорика: Восток		
7.	КГБ и экстрасенсорика	
8.	Парапсихологический щит российского президента <i>Генерал Борис Ратников</i>	
9.	Военная магия и Генеральный Штаб: сверхсекретная войсковая часть 10003 <i>Генерал Алексей Савин</i>	
Часть IV Будущее экстрасенсорики		
10.	Новые горизонты экстрасенсорики	
<i>Послесловие</i>		
<i>Словарь терминов</i>		
<i>Приложения</i>		

Благодарности

С российской и американской сторон мы хотим поблагодарить множество героев, имена которых не могут быть названы. Мы полны признательности и благодарим многих людей, которые прилагали большие усилия, чтобы сделать возможной работу и российской, и американской экстрасенсорных программ, – учёных, военных, правительственных служащих всех уровней, экстрасенсов и несчетное число всех других.

Среди тех, кто может быть назван, мы выражаем особую благодарность заместителю председателя КГБ (в отставке) генерал-майору Николаю Шаму, написавшему предисловие для этой книги и много рассказавшему о своей работе в области экстрасенсорики и новых технологий; генерал-майору Георгию Рогозину, профессору Вячеславу Звоникову и экстрасенсу Тофику Дадашеву, давшим для этой книги специальные интервью; генералам армии Михаилу Моисееву, Владимиру Лобову, Анатолию Квашнину и другим начальникам Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, а также начальнику Службы Безопасности Президента (в отставке) генерал-лейтенанту Александру Коржакову, всячески поддерживавшим российские экстрасенсорные программы. Мы очень благодарны Виктору Мелентьеву, полковнику Генерального Штаба и экстрасенсу, в чьем московском офисе неизменно проходили наши встречи и чья консультативная фирма неизменно помогала нам.

Мы благодарим доктора Джеральда Путоффа, Расселла Тарга и экстрасенса Инго Сванна, стоявших у истоков американской экстрасенсорной программы; директора разведывательного подразделения в Форте Мид Дэйла Граффа, вложившего много сил в её развитие; а также сенатора и астронавта Джона Гленна и ряд других сенаторов, конгрессменов и сотрудников Белого Дома, всячески поддерживавших её. Мы выражаем благодарность сотруднику ЦРУ экстрасенсу Анжеле Форд, давшей для нашей книги специальное интервью.

С особой благодарностью мы чтим память последнего премьер-министра СССР Валентина Павлова, оказавшего большую помощь российской экстрасенсорной программе, и Ларисы Виленской, талантливого экстрасенса и исследователя, исключительно много сделавшей для переброски «экстрасенсорного моста» между Россией и Америкой – для связи российских и американских коллег в этой области.

Мы также благодарим наших друзей и коллег, которые помогали нам как в работе с ЭСВ, так и в работе над этой книгой: Сергея Птичкина, Олега Вавилова, Нину Кононенко, Аню Кухареву, Маргариту Мишкину, Елену Климову, Елену Олейник, Владимира Гоффа, Галину Васильеву, Кэрл Весецки, Невина Ланца, Генри Дейкина, Майкла Мёрфи и руководство Института Ноэтик-наук в Калифорнии.

Предисловие

Пси-войны, экстрасенсорные войны – эти выражения звучат как из фантастического романа. Между тем перед вами документальная книга, написанная военными и учёными, генералами и докторами наук, среди которых люди, возглавлявшие крупнейшие военные экстрасенсорные программы в США и России. Экстрасенсорный шпионаж, телепатия, работа военных разведок, ЦРУ и КГБ в области экстрасенсорики – об этих и многих других вопросах рассказано в этой книге.

Мы все неоднократно слышали, что разведывательные службы и военные всего мира проявляют особый интерес к парапсихологии. Однако, реальной информации об этом мало. Да и не может быть иначе. Ведь парапсихология, открывающая экстрасенсорные способы получения информации и воздействия на людей, рассматривается военными и разведками как возможность создания новых уникальных видов оружия и как средство ведения войн нового типа – экстрасенсорных войн. Поэтому, работы в этом направлении велись и ведутся на протяжении последних десятилетий во многих странах. И, прежде всего, в СССР/России и США, представлявших до последнего времени полюса геополитики.

В России наиболее масштабная работа в области военной экстрасенсорики и парапсихологии проводилась Экспертно-аналитическим управлением Генерального Штаба, известным как таинственная воинская часть 10003, под руководством генерал-лейтенанта, доктора технических и философских наук Алексея Савина. Немало было сделано и в спецслужбах, возникших из 9-го Управления КГБ, – Федеральной Службе Охраны и Службе Безопасности Президента – под руководством генерал-майоров Бориса Ратникова и Георгия Рогозина, занимавших посты первых заместителей начальников этих служб. В Министерстве Внутренних Дел парапсихологические исследования и оперативную

экстрасенсорную работу возглавлял полковник внутренней службы, доктор медицинских наук, профессор Вячеслав Звоников.

Наиболее масштабной в США была программа «Звёздные Врата», проводившаяся ЦРУ и военной разведкой с 1972 по 1995 годы. Её основной задачей было применение экстрасенсорного восприятия в военных целях, в первую очередь, использование дальновидения для получения информации о военных объектах СССР. Директором этой программы на протяжении последних десяти лет её существования был доктор физики Эдвин Мэй. А самым успешным экстрасенсом этого проекта стал профессиональный разведчик высшей категории Джо Мак-Монигл, официально числившийся Агентом 001.

Естественно, все эти программы принадлежали к категории совершенно секретных. Но времена меняются. Пришёл исторический конец коммунистическому блоку, изменилось стратегическое соотношение сил, многие военные тайны перестали быть секретами. Бывшие противники стали друзьями и получили возможность поделиться опытом, достижениями и планами на будущее. И начали работать вместе, в результате чего появилась эта книга. Я также знаю, что этим проектом интересуется телевидение, так что вполне можно ожидать и серию документальных фильмов по этой книге (или книгам, учитывая планы на будущее). Первую из этих книг вы видите перед собой, и я всячески рекомендую её вашему вниманию.

По поводу изложенного материала я хотел бы сделать несколько общих замечаний. Как Советском Союзе, так и в Соединённых Штатах в области парапсихологии гражданские исследования существенно не отличались ни направлением, ни уровнем. Учёные ставили одни и те же цели, опирались на одни и те же принципы, использовали аналогичную аппаратуру, и результаты были схожие. Что касается военных исследований, то здесь наметилось некоторое различие. В США значительный акцент был сделан на работе с операторами-экстрасенсами и дальновидении, т.е. на удалённом экстрасенсорном съёме информации о важных объектах потенциального противника, как это чётко определилось в программе «Звёздные Врата».

В Советском Союзе и России, хотя и делалась аналогичная работа, но было два существенно отличавших её момента. Во-первых, физическое присутствие экстрасенсов во время боевых действий, например, в Чечне. Это удивляло американцев, ведь для самого экстрасенсорного восприятия в этом нет необходимости. Однако, веские причины всё же были, и о них расскажет генерал Савин. Во-вторых, заметное внимание уделялось аппаратным средствам работы с психикой и необычным способам воздействия на материальные объекты – тому, что впоследствии стало модным называть «психотронным генераторами» или «психотронным оружием». Отчасти этому способствовало давление марксистко-ленинской идеологии, для которой аппаратные средства воздействия были более «материальными», чем «мистические флюиды» экстрасенсов. Аппаратные разработки велись во многих режимных научно-исследовательских институтах, а также предлагались гражданскими учёными. Правда, следует подчеркнуть, что 90% этих предложений, исследований и разработок не давали значимых результатов и чаще всего были следствием ошибок, научной некомпетентности или просто обмана. Что касается оставшихся 10% – это были и есть совершенно уникальные разработки, зачастую опережающие своё время и закладывающие основы технологии будущего. О них начнётся разговор в этой книге и продолжится в следующей.

С начала 90-х годов в связи с перестройкой, сменой идеологии и сменой политического строя в СССР и затем в России началась крупная военная программа по исследованию и развитию у людей необычных способностей. Она велась Экспертно-аналитическим управлением Генерального Штаба Вооружённых Сил России. Здесь, под руководством генерал-лейтенанта Алексея Савина был проведён большой комплекс исследовательских работ в различных областях энерго-информационных воздействий, традиционно относимых к парапсихологии и экстрасенсорике. Была организована подготовка групп военнослужащих-экстрасенсов для оперативной работы в различных видах и родах вооружённых сил, в первую очередь, на флоте и в авиации. Военные экстрасенсы использовались в оперативных целях во время вооружённых конфликтов в Чечне и других «горячих точках». Но самое главное – были разработаны и тщательно опробованы

на практике уникальные методики развития в человеке неординарных способностей, качественного повышения его интеллектуального и духовного уровня, которые и в настоящее время не имеют аналогов

Федеральная Служба Охраны и Служба Безопасности Президента России решали задачи обеспечения безопасности высших государственных лиц, а также сбора и анализа информации, имеющей политическое значение. В этих спецслужбах генерал-майоры Борис Ратников и Георгий Рогозин применяли многие экстрасенсорные методы. В 90-е годы начали систематически использовать экстрасенсов в своей работе и другие силовые структуры. Так, в следующей книге полковник профессор Вячеслав Звоников расскажет о парапсихологических исследованиях, подготовке экстрасенсов и их оперативной работе в Министерстве Внутренних Дел. Всё это требовало своей системы, и в начале 90-х годов я, будучи заместителем председателя КГБ, приложил много усилий для налаживания координации парапсихологических исследований между силовыми ведомствами.

Но оперативная работа экстрасенсов – это далеко не самое главное. Парапсихология и экстрасенсорика гораздо шире этого. В СССР, как и в США, эта работа начиналась из тривиальных побуждений: опередить противника, не допустить, чтобы он снимал сведения с наших объектов и воздействовал на них. Затем добыть сведения о противнике и, по возможности, воздействовать на него парапсихологическими методами. Но спектр феноменальных способностей человека необычайно широк: это и ясновидение, и телепатия, и перемещение предметов силой мысли, и диагностирование, и лечение болезней, и информационно-энергетическое воздействие на различные среды. Этот спектр выходит за пределами любых рамок, которые могут в принципе налагаться утилитарными военными задачами, что говорит о совершенно иной значимости экстрасенсорных феноменов в сети сложных эволюционных процессов. Кроме того, в процессе поиска механизмов возникновения неординарных способностей, в процессе их развития и оперативного использования мы увидели, что люди, занимавшиеся этими исследованиями и практиками, становились другими, менялись их ценности, повышался их культурный и интеллектуальный уровень.

Это, с моей точки зрения, и есть самый главный результат нашей работы в области парапсихологии и экстрасенсорики, хотя он и не укладывается в рамки первоначальных задач, поставленных спецслужбами и военными ведомствами. Я убеждён, что именно эти результаты нашей работы внесут свой важный вклад в укрепление взаимопонимания между людьми и чем-то помогут в решении сложных, стоящих сегодня перед человеческим сообществом задач.

Николай Шам,
генерал-майор,
заместитель председателя КГБ в 1991-92 годах

Введение

Пси-войны: реальность или фантазия?

Пси-войны — что это такое? Войны всегда были неотъемлемой частью истории человечества и становились все более и более изощрёнными по мере возникновения всё новых и новых видов оружия. Совсем ещё недавно ядерное, лазерное, биорадиологическое оружие и даже обычная радиосвязь могли показаться мистикой и фантастикой. Точно такой же может быть и первая реакция на предположение, что можно применять в военных целях экстрасенсорные явления – такие как телепатия, ясновидение, предсказания и психокинез. Ведь даже само существование этих явлений у многих вызывает сильные сомнения. Но это не фантазия, и речь идёт даже не об отдалённом будущем, а о настоящем времени – экстрасенсорика уже входит в арсенал современной войны как в Соединенных Штатах и России, так и в других странах мира.

После падения коммунизма и развала Советского Союза, рассекречивания шпионской экстрасенсорной программы США «Звёздные Врата» и рассекречивания аналогичных программ в России, к применению экстрасенсорники в военных целях стал проявляться значительный общественный интерес. Этот интерес породил множество публикаций и телепередач по данной тематике. Однако у них были и есть несколько существенных недостатков. Первый и самый важный недостаток в том, что они готовились людьми, не обладавшими полноценной информацией и уж тем более не занимавшими руководящих должностей в военных экстрасенсорных программах России и США.¹ Во-вторых, в

¹ Частичным исключением из этого правила могут быть недавно опубликованные книги А.Ю. Савина и Д.Н. Фонарёва «Путеводитель по вечности», М. ВеГа, 2009, а также Б.К. Ратникова и Г.Г. Рогозина «За гранью познанного», М. ВеГа, 2008. Однако в этих книгах не рассказывается история соответствующих программ и не обсуждается последовательно их оперативная работа.

российских изданиях практически нет материала об американских программах, а в американских – о российских, поэтому не видно взаимосвязей между ними.

Наша книга исправляет оба этих недостатка.

Впервые соавторы книги – руководители военных экстрасенсорных программ двух противостоящих в прошлом политических лагерей – Эдвин Мэй, доктор физики, директор американской программы «Звёздные Врата» с 1985 по 1995 год, и генерал-лейтенант Алексей Юрьевич Савин, доктор технических и философских наук, руководитель Экспертно-аналитического управления Генерального Штаба ВС России, имевшего кодовое название «войсковая часть 10003». Два этих автора могут дать абсолютно точный и исчерпывающий документальный отчет по использованию экстрасенсорики в военных целях в Соединённых Штатах Америки и России со времён Холодной войны и до наших дней.

Ещё один соавтор с российской стороны – генерал-майор спецслужб Борис Константинович Ратников. Он исполнял обязанности первого заместителя руководителя Федеральной Службы Охраны и главы ее особого парапсихологического отдела. Под его руководством в этой Службе применялись парапсихологические методы для получения информации в области международной политики и для защиты ключевых российских политических фигур от вражеского экстрасенсорного сканирования и потенциальных психических атак.

Ещё один соавтор с американской стороны – Джозеф Мак-Монигл – кадровый разведчик армии США, много работавший в Восточной Европе, Вьетнаме и других регионах мира. С конца 1975 года он стал участником программы «Звёздные Врата» и показал наилучшие среди всех агентов результаты в области экстрасенсорного шпионажа за Советским Союзом. Никто другой в США не мог бы стать более подходящим автором, способным рассказать нам обо всех психологических тонкостях экстрасенсорной разведки.

Соавтор-редактор – Виктор Афанасьевич Рубель, доктор психологии и социологии – не был связан с военными экстрасенсорными программами ни с американской стороны, ни с российской. Однако без его координирующей и литературной работы, требующей понимания обеих сторон и сочетания навыков менеджера и

историка, данный международный проект вряд ли бы состоялся, и эта книга не появилась бы на свет.

Мы объединили усилия с нашими бывшими противниками для того, чтобы не только рассказать о ходе пси-войн и нашем противостоянии в прошлом, но и засвидетельствовать наше единство в понимании общих гуманистических принципов, которое ранее было скрыто от многих (в том числе и от некоторых из нас) противостоянием политических систем и господством некомпетентных идеологий.

В этой книге, наряду с историей пси-войн, представлены личные истории главных игроков с американской и российской сторон. В нашем повествовании мы старались избегать технических подробностей и дать представление о том, что происходило за кулисами событий и как в них отражались индивидуальности участвовавших людей.

Пси-войны отличаются от других видов войн использованием *экстрасенсорики* в качестве оружия. Термин *экстрасенсорный*, подразумевающий значение «без использования обычных органов чувств», был введён в употребление знаменитым американским парапсихологом Дж. Б. Райном в тридцатые годы 20 века. Стандартной аббревиатурой для него является ЭСВ, – традиционно расшифровываемой как *экстра-сенсорное восприятие*. Однако сегодня к этой группе сплошь и рядом относят телекинез и другие явления, подразумевающие воздействие на объекты чисто психическими средствами. Это требует расширения значения термина, поэтому мы предлагаем в дальнейшем расшифровывать ЭСВ как *экстра-сенсорное взаимодействие*.²

Общая область исследования ЭСВ имеет много различных названий, самым распространённым из которых является *парапсихология*. Часто применяется сокращение *Пси-*, которое мы использовали в названии этой книги. В рамках программы американского правительства «Звёздные Врата» было введено новое

² То же самое относится и к соответствующему английскому термину и аббревиатуре ESP. Вместо обычно употребляющегося значения Extra-Sensory Perception мы предлагаем и будем в дальнейшем подразумевать значение Extra-Sensory Performance.

называние – *аномальное познание (АП)*,³ что означает получение информации такими когнитивными способами, механизма которых мы в настоящее время не понимаем и поэтому называем аномальными. В целом все эти термины обозначают одно и то же.

Исторических доказательств существования ЭСВ и его проявлений в «полевых условиях» предостаточно. Добавим к этому и личный опыт людей, случаи из их собственной жизни. Хотя эти факты нельзя рассматривать как строгие свидетельства существования ЭСВ, они всё равно играют важную роль – бросают вызов традиционной науке, «не дают спокойно спать» исследователям, требуют, чтобы те не отворачивались от этих проявлений, а тщательно изучали их в своих лабораториях с применением самой современной и точной научной методологии. Таким образом, описывая в этой книге исторические примеры военного использования экстрасенсорики и чей-то личный опыт, мы имеем в виду, что хотя их и нельзя принимать за истину в последней инстанции, но, тем не менее, эти истории важны, так как они создают основу для понимания и практического использования ЭСВ.

Мы, безусловно, принимаем во внимание тот факт, что исследование ЭСВ вызывает немало споров. Так, многие люди, когда слышат об экстрасенсорике, реагирует с некоторой долей насмешливого, а иногда заинтересованного скептицизма. Но это происходит больше в силу традиций и недостатка информации. Ведь обычная публика судит об ЭСВ по курьёзным парapsихологическим историям в бульварных газетах и телепередачах, которые предназначены только для развлечения. С другой стороны, существует огромный пласт серьёзной научной литературы, отвечающей всем требованиям современной науки и прошедшей экспертную оценку ведущих специалистов, который решительно подтверждает факт существования экстрасенсорных явлений. Эти отчёты напечатаны в специальных научных журналах и хранятся в архивах многих библиотек⁴, но обычная публика этим не интересуется. Что ещё хуже – этим не

³ Anomalous Cognition (AC).

⁴ Например, есть масса технических обзоров экспериментальной литературы по парapsихологии — они известны сейчас как мета-анализы и представляют собой огромное количество собранных вместе исследований, имеющих определённую направленность. В частности,

интересуются и многие учёные, считающие себя «серьёзными и компетентными». При этом они считают себя вправе высказывать своё отрицательное «мнение» о парапсихологии и экстрасенсорике, не основанное ни на чём, кроме впитанных когда-то пустых догм и псевдонаучных верований. Если бы такие учёные потрудились взглянуть на тщательно проверенные факты и строгие экспериментальные данные и проанализировали их, нет сомнений, что у них была бы совсем другая реакция.

В этой ситуации мы не можем не затронуть проблему доказательства реальности ЭСВ. И хотя убедить вас, уважаемые читатели, в достоверности экстрасенсорных явлений не является нашей непосредственной целью, мы, действительно, предлагаем некоторые свидетельства их существования. Вот для примера несколько таких доказательств.

Профессор статистики Джессика Ютс (Калифорнийский Университет, Дэвис), наряду с другими, была негласно нанята Центральным Разведывательным Управлением США для проведения критического статистического обзора свидетельств экстрасенсорных явлений. Частью ее анализа стало следующее заявление:

“Используя стандарты, относящиеся к любой другой области науки, можно прийти к следующему заключению: наличие экстрасенсорных явлений достоверно установлено. Статистические результаты проведённых исследований выходят далеко за рамки того, что можно назвать случайностью. Аргументы, высказанные за то, что эти результаты могли произойти из-за методологических недостатков экспериментов, обоснованно опровергнуты. Исследования, проводившиеся в спонсируемых правительством Стэнфордском Исследовательском Институте (SRI) и Международной Корпорации Прикладных Наук (SAIC), дублировались во многих лабораториях по всему миру, и везде были получены подобные результаты. Такая однотипность полученных результатов не может быть объяснена

такой обзор можно найти в престижном научном журнале *Статистические Науки* (опубликованный профессором Калифорнийского Университета Д. Ютс), о чём будет идти речь ниже.

никакими претензиями к качеству экспериментов или мошенничеством”.⁵

Вторая форма доказательств более косвенная. Она основана на том, что положительный взгляд на ЭСВ неизбежно вытекает из факта длительной и плодотворной работы военных экстрасенсорных программ в США и России, из уровня задействованных в них научных сил и из той обширной и продолжительной поддержки, включавшей серьёзное финансирование, которую им оказывали на самом высоком правительственном уровне в обеих странах. Если бы эти программы не были результативны, они были бы закрыты ещё в самом начале.

К примеру, последний премьер-министр СССР Валентин Павлов оказывал всемерную поддержку российской экстрасенсорной программе и очень интересовался её результатами. С американской стороны один из соавторов этой книги Джозеф Мак-Монигл получил самую престижную и высокую для мирного времени награду за выдающиеся успехи в разведке. Причём за успехи в экстрасенсорной разведке! Приводим фрагмент цитаты из церемонии награждения его орденом Почётного Легиона:

“ ... [Мак-Монигл] использовал свои таланты и знания при выполнении более чем 200 боевых заданий, идентифицировав более 150 существенных элементов информации. Об этих существенных элементах информации, содержавших важнейшие разведывательные данные, было доложено в самые высокие эшелоны наших вооруженных сил и правительства, включая такие структуры национального уровня, как Объединенный Комитет Начальников Штабов⁶, Разведывательное Управление Министерства Обороны США, Управление Национальной Безопасности, ЦРУ, Управление по Борьбе с Наркотиками и Секретная Служба⁷. Мак-Монигл получал критическую, жизненно важную разведывательную информацию, недоступную никаким другим источникам”.

⁵ Полный отчёт о проделанной научно-исследовательской работе и её статистическом анализе можно найти по адресу: www.lfr.org/LFR/csl/library/AirReport.pdf.

⁶ Американский эквивалент российского Генерального Штаба.

⁷ Служба безопасности президента США.

Мало того, что это доказывает существование самой экстрасенсорики, но мы ещё видим и причастность к этой сфере представителей американского правительства самого высокого уровня, в том числе и представителей Белого Дома.

Теперь немного об истории самой книги. В 1993 году Эдвин Мэй и его ныне покойная коллега, Лариса Виленская, приехали в Москву, и эта поездка оказалась первой из череды их многочисленных посещений российской столицы. Хотя большая часть первого визита была посвящена изучению областей исследований ЭСВ в России, не спонсируемых из государственных источников, они не могли не заметить признаки большой экстрасенсорной программы, развивающейся под правительственным крылом.

Во время своего второго посещения они попали на «золотую жилу» – встретились с генералом Алексеем Савиным и некоторыми из его коллег. После нескольких официальных встреч Мэй и Савин пришли к заключению, что если они объединят усилия для разрешения проблем, представляющих общий интерес, к примеру, в антитеррористической и антикоррупционной борьбе, то Россия и США могут извлечь из этого существенную обоюдную выгоду.

Во время последующих почти ежегодных визитов Мэй и Савин сдружились и стали понимать друг друга что называется с полуслова. Наконец, в 2000 году Мэй, Виленская и Мак-Монигл вновь встретились с Савиным и многими другими сотрудниками войсковой части 10003. Во время визита Савин разрешил сделать много фотографий и сказал, что в области экстрасенсорики и развития человеческого интеллектуального потенциала он готов вести совместные исследования со своими американскими коллегами. Мэй и Виленская написали отчёт американскому разведывательному командованию об этих обширных контактах и многообещающих перспективах подобного сотрудничества. Дальше в книге мы ещё расскажем о том, что вышло (а точнее, что не вышло) из этого сообщения, поскольку ни усилия Мэя с американской стороны, ни усилия Савина со стороны российской не увенчались успехом. Их рапорты остались без внимания высокопоставленного начальства.

В конце концов, после того, как Мэй узнал об отставке Савина, он написал ему письмо с предложением объединиться для рассказа о своих программах и личных историях, а также предать огласке рассекреченные к этому времени документальные факты, которые никогда раньше не предавались публичной огласке. Савин согласился, и вот перед вами результат – первая книга из нескольких задуманных.

Мы решили начать с экскурса в историю экстрасенсорики и пси-войн, чтобы картина была более полной у незнакомого с этим вопросом читателя. Наряду с реальными фактами использования ЭСВ в конфликтах мы также затрагиваем и мифологические сюжеты, поскольку в них отражаются характерные черты архетипов, которые так или иначе проявляются в реальных действиях людей и человеческих сообществ. Это понимание необходимо для правильной оценки исторических фактов в отношении экстрасенсорики и пси-войн.

Заканчивая общеисторический обзор описанием периода Холодной войны, мы затем перейдём к изложению нашего материала из первых рук, разделив его на Западный и Восточный разделы и сопроводив соответствующими фотографиями с обеих сторон. Заканчивает книгу раздел о периоде 90-х годов и будущем экстрасенсорики, как оно видится сегодня. В приложении приведены некоторые недавно рассекреченные ЦРУ документы по программе «Звёздные Врата».

В следующих книгах мы планируем углубить этот рассказ, сделать его более детальным, сообщить новые документальные факты и тщательно проанализировать их с помощью строгих научных методологий. Возможно, к этому времени нам удастся добиться рассекречивания ещё более поразительного материала, которого накопилось немало за время нашей работы. В любом случае мы надеемся, что эта и последующие книги принесут читателям такие факты и подходы, которые будут способствовать новому пониманию экстрасенсорики и её места в нашей жизни.

Часть 1

История пси-войн

Глава 1

Экстрасенсорика и войны из глубины веков

Пси-войны начались не сегодня и не вчера. Это явление старо, как мир, но, углубляясь в века, нам важно отметить, что истории о реальных и мифических пси-войнах фактически являются различными проявлениями архетипа Войны Магов⁸. Этот архетип, представляя конкретные структуры нашего бессознательного, в одних случаях определял реальные попытки людей использовать экстрасенсорные способности в конфликтах, с другой стороны, способствовал широчайшему мифологическому творчеству на эту тему. И разделить эти две стороны в истории не так-то просто, поскольку любое повествование, и о реальных событиях, и о вымышленных, имеет тенденцию к фольклоризации, обрастая со временем легендами. В исторической перспективе для понимания природы этого явления важны обе его стороны.

Вряд ли на оси истории можно найти ту конкретную точку времени, когда наш далёкий предок, пробудившись однажды, вскричал: «Эврика! Я – экстрасенс!» Природа и эволюция так не работают. Да и экстрасенсорика – не та область, которая постоянно была в центре внимания летописцев, и засвидетельствованных фактов сохранилось мало. Но всё же, история ясно говорит о том, что экстрасенсорные феномены всегда проявлялись у людей, и им всегда находилось применение. С древнейших времён люди сталкивались с вещими снами, предчувствиями, предсказаниями, случаями спонтанной телепатии и ясновидения, удивительными мгновенными излечениями от болезней и другими подобными явлениями. Будучи не очень частыми, эти явления всегда вызывали интерес и недоверие одновременно, и, конечно же, люди старались использовать их для

⁸

В терминологии Карла Густава Юнга и современной глубинной психологии.

практических целей: поправить здоровье, найти пропавшего человека или вещь, узнать предстоящую погоду или будущие события.

**

На заре цивилизации все эти задачи решали шаманы. Шаманизм – самая древняя и самая универсальная религия человечества, которая одновременно является ещё и системой целительства, и способом решения жизненных проблем. Единообразие шаманских методов в различных культурах говорит о том, что люди в разных местах и в разные времена имели дело с одними и теми же аспектами нашей реальности. Самыми существенными моментами шаманской практики, по мнению большинства исследователей, являются особые состояния сознания и следование мифологическим архетиповым процессам. В особых состояниях сознания шаман приобретает новые силы и возможности, такие как ясновидение, телепатия и другие, которые он использует для решения стоящих перед ним задач. Благодаря своей способности видеть невидимое, шаман становится посредником между двумя мирами – физическим миром людей и миром духов. Об этом много писали такие замечательные исследователи, как Джозеф Кэмпбелл, Майкл Харнер и другие. Нам же любопытно взглянуть, как шаманы использовали свои экстрасенсорные способности в конфликтах.

Прямой задачей шамана всегда была борьба в потусторонних мирах за интересы соплеменников. Поэтому, одна из главных задач шамана – экстрасенсорная война, сражение с невидимым. Вот как российский антрополог С.И. Вайнштейн рассказывает о сражении со злым духом очень старого и физически немощного тувинского шамана:

«Чувствовалось, что костюм и бубен тяжелы для старика, и невольно возникало сомнение, сможет ли Шончур двигаться в таком одеянии... Вдруг шаман... резко вскочил. Почти в танце он сделал несколько движений, очень удивив меня их лёгкостью и свободой... Прикрываясь бубном, как щитом, он легко бегал и прыгал по юрте, гоняясь за злым духом, не открывая глаз, однако, и, как это ни странно, никого из присутствующих при этом не задевая... Он прыгал и, наконец, достиг

врага. Началась борьба. Враги упали и катались по полу юрты. Шаман крепко прижимал злого духа бубном».⁹

Интересно, что бубен при этом был не только музыкальным инструментом, но и оружием, а часто – иместилищем магической жизненной силы шамана. У ряда народов, как, например, в алтайских племенах, было распространено убеждение, что если уничтожить бубен, то умрёт и сам шаман.

Чаще всего свои экстрасенсорные способности, обретаемые в иных состояниях сознания, шаманы направляли на помощь людям. Но при столкновениях племён от шаманов требовалось обеспечить победу: призвать своих духов на помощь, узнать у них о намерениях врага и наслать на него порчу. Вот одно такое шаманское экстрасенсорное камлание-сражение, описанное по шаманской песне исследователем И.М. Сусловым в 1927 году в Сибири:

«Шаман вскочил на ноги. Теперь тревожной песней созывает он своих лучших духов-помощников. Подвластные шаману духи-бумумуки обращаются в коров, коней, оленей и под охраной духов-помощников где-то в темноте формируются в отряд. И вот отряд мстителей мчится к врагам. Во главе духов – душа самого шамана... верхом на корневище молодой лиственницы...»¹⁰

Кроме того, шаманы ведь тоже люди, и нередко случалось, как и в наши дни, что обычные человеческие страсти брали у шамана верх над его высшими устремлениями, и это выливалось в использование экстрасенсорных качеств в корыстных целях, таких как получение власти, богатства или мести. Если в такой ситуации шаман сталкивался с противодействием другого шамана, то начиналась уже настоящая экстрасенсорная война между ними. Вот как описано такое личное сражение двух шаманов в современной антропологической литературе:

«Шаманы, боровшиеся за первенство, предстали друг перед другом в полном ритуальном облачении, увешанные своими амулетами-защитниками. Глядя друг другу в глаза и двигаясь по кругу, они начали свои шаманские танцы и песни, причём каждый аккомпанировал сам

⁹ Цитируется по книге: Басилов В.Н. Избранники духов. Политиздат, М., 1984

¹⁰ Цитируется по книге: Басилов В.Н. Избранники духов. Политиздат, М., 1984

себе на своём бубне. Закончив пение, они легли на землю головами друг к другу, закрыли глаза и погрузились в иные миры. Время от времени тела их вздрагивали, из уст вырывались хрипы и стоны, по которым было видно, что сражение продолжается где-то в далёких пространствах. Так продолжалось много часов, наступила ночь. Когда утром люди подошли к ним, то оказалось, что оба шамана лежат на своих местах, но оба они мертвы».

Исследователи шаманизма Сибири отмечают, что если во время таких войн погибал сам шаман, то с ним часто погибали его ученики и дети, особенно – в возрасте до 3-х лет, поскольку они составляли с ним единое целое. Кроме того, ученики и дети могли погибнуть даже раньше шамана, внутренне не выдержав сражения, так как в мире духов разрушались их основные источники жизненной силы. Или шаман мог принести своих подопечных в жертву противнику в обмен на свою жизнь. Такие случаи были известны в Приамурье у нанайцев и угличей даже в 20 веке.

Само слово шаман происходит из якутского языка, а предания якутов и других народов Сибири повествуют о многочисленных экстрасенсорных сражениях шаманов. Аналогичные описания можно найти в шаманских традициях практически всех уголков земли. Это говорит о том, что на протяжении тысячелетий войны между шаманами и войны с участием шаманов были едва ли не более частыми, чем войны без них.

Раз уж мы заговорили о шаманизме Сибири, отметим одну его любопытную особенность, которая имеет отношение к экстрасенсорике и не очень широко известна. Речь идёт о загадочном заболевании *мерячении*, которое вплоть до начала 20 века охватывало довольно большие группы населения Сибири и Крайнего Севера. Иногда оно возникало совершенно спонтанно, но чаще проявлялось во время выполнения шаманских обрядов. Люди при мерячении повторяли движения друг друга и выполняли любые команды. Это состояние врачи относили к индуцированным массовым психозам истерического типа и даже называли его термином «психическая зараза». Похожие феномены наблюдались в Западной Европе и Азии во время вспышек религиозного фанатизма. Но есть и отличие.

По наблюдениям некоторых исследователей, при мерячении люди иногда повторяли общие движения, не видя друг друга! Это говорит о том, что в этом состоянии они подключались к экстрасенсорным каналам информации, точнее, к одному и тому же каналу. Правильность такого предположения косвенно подтверждается тем общеизвестным фактом, что натуры истерического типа часто имеют сильные экстрасенсорные способности.

Хотя у нас нет конкретных антропологических данных, вряд ли можно сомневаться, что временами шаманы и вожди племён старались использовать мерячение в своих целях, в том числе и военных. Автоматическое подчинение и экстрасенсорный канал для отдачи приказов – это розовая мечта завоевателей всех времён. Ну чем не строки из фантастического романа, да ещё в реальности! Таким образом, на примере шаманизма мы видим, что экстрасенсорные войны имеют почти такую же долгую историю, как и войны обыкновенные. На протяжении тысячелетий архетип Войны Магов проявлялся в реальности, прежде всего, через шаманские сражения.

**

Со временем наследниками шаманов стали всевозможные маги, жрецы, оракулы и колдуны. Правители и военачальники искали таких магов и прорицателей, старались заручиться их поддержкой и очень часто использовали для войны. Не все эти «маги» обладали реальными экстрасенсорными способностями, но почти все для поддержания своего авторитета и кармана старались раздувать славу о своих потусторонних силах и победах в экстрасенсорных сражениях. Так проявлялась другая сторона архетипа Войны Магов – мифотворчество, легенды и сказки, распространённые у всех народов. Интересным примером широкой популярности архетипа Войны Магов в Древнем Египте и Средней Азии может служить текст Библии:

«И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами. Каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями; но жезл Ааронов пожрал их жезлы» (Исход, 7:10-12).

Колдовство и гадания веками оставались постоянными спутниками людей. Среди магии и прорицаний начали зарождаться первые известные нам культуры в Месопотамии, Индии, Египте и Китае. У шумеров, аккадцев, вавилонян, ассирийцев, древних ариев, китайцев и египтян жрецы особо охотились за тайными знаниями. В Месопотамии между 10 и 6 веками до нашей эры древние верования сложились в религию зороастризма, оформившуюся в учении пророка Заратуштры, который свёл множество разнообразных добрых и злых духов к двум основным началам: царству света под владычеством Ахурамазды и царству тьмы под главенством Ахримана. Однако, несмотря на новую упорядоченную теологическую схему, ставшую государственной религией, магические практики здесь по-прежнему имели настолько большое значение, что само современное слово маг происходит от древнеперсидского слова магу-ш, означающего священника в зороастризме.

История даже знает случай, когда в 522 году до нашей эры маг стал царём огромной Персидской державы, охватывавшей в то время большую часть цивилизованного мира. Надпись, высеченная на скале Бехистун около города Керманшаха, гласит: «И Гаумата-маг отнял у Камбиза и Персию, и другие страны, захватил, присвоил себе, стал царём. Не было человека – ни перса, ни мидянина, ни кого-либо из нашего рода – кто мог бы отнять царство у Гауматы-мага». Однако, в жёсткой борьбе за власть экстрасенсорные силы подвели, и маг Гаумата был убит всего через полгода после своего восшествия на престол.

Интересно, что с отцом Камбиза – царём Киrom Великим, создателем Персидской империи, связано одно из самых известных военных предсказаний, сделанное Дельфийским Оракулом. Храмовые оракулы в древнем мире представляли собой систему выдачи ответов божеств на вопросы посетителей. Для их получения жрецы часто использовали людей-медиумов, задачей которых было добывание информации через экстрасенсорные каналы. Иногда это были просто экстрасенсорно одарённые люди, хотя чаще, по всей видимости, использовались практики входа в особые состояния сознания. Так, в знаменитом храме Аполлона в городе Дельфы медиумами были женщины – *пифии*. По некоторым данным, на роль пифий отбирались молодые девушки, легко поддающиеся гипнозу, в процессе

которого и давался ответ. По другой гипотезе, пифии и другие глашатаи оракулов вдыхали природные сернистые испарения или курения с психоактивным действием, получаемые жрецами от сжигания веществ типа гашиша. Это позволяло пифиям входить в состояние ясновидения, и тогда они давали ответы посетителям. Начиная с 8 века до нашей эры и в течение последующих 1200 лет, пифии давали советы и делали предсказания как простым гражданам, так и правителям по разным вопросам, включая результаты будущих войн. Трудно себе представить, чтобы за такой долгий срок у экстрасенсорного бизнес-проекта, именуемого Дельфийским Оракулом, ни разу не наступил бы «творческий кризис». Увы, такое бывало, о чём многим пришлось пожалеть.

Крѐз, царь богатейшего государства Лидии, желая остановить разрастание персидской державы, начал готовить военную кампанию против Кира Великого. Прежде чем отправиться в поход, он обратился к Дельфийскому Оракулу с традиционным вопросом: стоит ли ему вести эту войну. Оракул ответил тоже с традиционной для предсказаний двусмысленностью: если Крѐз нападѐт на Персию, он уничтожит великое царство. На всякий случай ему ещё посоветовали заключить союз с сильнейшим из греческих государств. Крѐз, хотя уже имел союзы с египетским фараоном и вавилонским царѐм, следуя рекомендации оракула, объединился со Спартой. После этого он, уверенный в благословении богов, в 547 году до нашей эры начал кампанию против персов. Вначале удача ему сопутствовала, что лишний раз убедило его в правильности предсказания. Но в центральной Анатолии его продвижение затормозилось. Тем временем наступила зима. Как было принято в то время, на зимнее время армии расформировывались. Успокоенный пророчеством и своими успехами, Крѐз так и сделал, а Кир воспользовался этим, напал на него и захватил в плен. Получилось так, что великим царством, которое Крѐз должен был уничтожить, оказалось его собственное царство.

В результате масштаба наступивших последствий это пророчество стало одним из наиболее известных пророчеств Дельфийского Оракула. На его примере мы видим, что попытки использования экстрасенсорного восприятия для сбора информации с целью ведения успешных войн столь же стары, как и сами войны. Хотя в данном

случае наиболее вероятным кажется мошенничество жрецов, давшим лукавый двусмысленный ответ на оба случая, следующий пример точнее иллюстрирует общую проблему предсказаний – вопрос интерпретаций. Римскому императору Нерону было сделано следующее предостережение пифии: «Берегись 73-го года». Нерон решил, что прорицание относится к его возрасту, и не очень-то беспокоился им, так как ему было в это время немногим более 30 лет. Но уже через год в результате государственного переворота он потерял власть, был брошен даже собственными телохранителями и покончил с собой. Как выяснилось, предсказание относилось к возрасту правителя Испании Гальбы, свергнутому Нерона и ставшему императором на 73-м году своей жизни.

Здесь предсказание очень похоже на истинное, однако оно не помогло и вряд ли могло помочь Нерону ввиду своей формулировки. Это один из ярких примеров того факта, что на протяжении всей истории вопрос интерпретации данных, полученных экстрасенсорным путём, являлся одним из краеугольных камней парапсихологии и яблоком раздора между сторонниками и противниками «потустороннего». На него нет простого и однозначного ответа, поэтому мы будем детально обсуждать его в этой и последующих книгах.

Пророчества были не единственной «специализацией» древних греков. О знаменитом философе и мистике Пифагоре (6 век до н.э.) ходили слухи, что он мог не только видеть прошлое и будущее собеседника, но и запросто читать его мысли. Этому, по преданию, Пифагор обучался у египетских жрецов. Тайное пифагорейское учение о магии чисел было одной из интереснейших попыток связать рациональное мышление и логику, к которой так стремились греки, с таинственным иррациональным миром пророчеств, магических ритуалов и сверхъестественных сил. Немалую роль в этом сыграли и Элевсинские мистерии, которое через особые состояния сознания открывали участникам мир духовности и экстрасенсорики, и через которые прошли почти все выдающиеся греческие философы. В результате греки стали важнейшим передаточным звеном между магическим миром Востока и современной западной культурой.

**

«Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» – этот знаменитый тезис мы традиционно приписываем древним грекам, хотя, пожалуй, наиболее масштабно он выражен в духовных традициях Индии. А ведь одно из его значений – раскрытие в себе экстрасенсорных способностей, через которые мы можем получать новую информацию о вселенной. В Индии эти традиции издавна сложились в практику йоги, детальные наставления в которой мы находим уже в древнеиндийских эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна», насчитывающих возраст от трёх до пяти тысяч лет. В ещё более систематизированном виде они изложены в «Йога сутре» Патанджали. Различные экстрасенсорные способности здесь называются *сиддхами* – особыми психическими силами. Патанджали и другие учителя отмечают, что сиддхи появляются на определённых этапах духовного развития, и предупреждают не увлекаться ими, так как это отвлекает ученика от правильного пути. Однако, эти предупреждения частенько не оказывали должного воздействия. «Махабхарата» и «Рамаяна» полны описаниями историй, когда отшельники, мудрецы, а иногда и боги занимались суровой аскезой для накопления экстрасенсорных сил. Затем они обрушивали эти силы друг другу на головы в виде проклятий и вступали в экстрасенсорные сражения.

Хотя некоторые исследователи считают, что войны, описанные в «Бхагавадгите» и других частях эпоса, имели основу в ранний период индийской истории, по мнению же других, эти войны представляют собой метафоры сражений во внутреннем, духовном мире. В пользу последней точки зрения говорят и упоминания об оружии богов, таком как *брахмаширас*, оружии Браммы. Это одновременно и молния, и разящая психическая сила. Она является проявлением *Шакти*, универсальной космической энергии, разрушающей и создающей миры.

Одной из форм Шакти также является *прана*, жизненная энергия, связанная с дыханием. Управление праной с помощью специальных упражнений *пранаям* всегда было одной из важнейших задач йоги. Древние руководства указывают, что пранаямы исключительно эффективны для развития экстрасенсорных способностей, но делать их надо с большой осторожностью и под руководством опытного учителя, чтобы не нанести вред своему здоровью. Современные научные исследования пока не подтвердили экстрасенсорную эффективность пранаям, но

авторы этой книги встречались с людьми, интенсивно занимающимися йогой и лично подтверждавшими этот факт. Открытию экстрасенсорных способностей может способствовать *Холотропное дыхание*¹¹ и другие дыхательные техники, практика медитации, околосмертные и другие пиковые переживания, но чёткой взаимосвязи здесь не наблюдается.

Аналогичные представления о жизненной энергии развивались в Древнем Китае, здесь её называли *ци*. Работая с течением ци через меридианы тела, китайские врачи и даосские мастера часто приходили к проявлению экстрасенсорных феноменов. Китайские манускрипты описывают множество таких случаев.

Для буддийских мастеров владение экстрасенсорными силами по легендарной традиции считается само собой разумеющимся. Когда в 8 веке для утверждения буддизма на Тибете царь Грисонг-Децэн пригласил гуру Падмасамбхаву, тому пришлось, по преданию, выдержать множество экстрасенсорных и духовных сражений с божествами местной религии Бон-по. Он сумел победить их и сделать хранителями учения Будды.

Интересным личным свидетельством применения экстрасенсорных сил являются воспоминания тибетского йога Миларепа (Джецюна, 1052-1135 гг.). Когда умер его отец, всё имущество, включая дом и поле, забрали его дядя и тётя. Они всячески издевались над ним, его матерью и сестрой, держали их голодными и заставляли делать наиболее тяжёлую чёрную работу. По просьбе матери Миларепа пошёл учиться чёрной магии, чтобы отомстить своим родственникам. Найдя ламу, обладавшего магическими силами, он прошёл у него обучение и приступил к мести, о чём рассказывает сам:

«Я нанес удар моим врагам в день свадьбы старшего сына дяди. Собрались его сыновья, невеста и те, кто особенно враждебно к нам настроен. Всего их было тридцать пять человек... Я применял инструкции в течение семи дней... И действительно, в ту самую ночь появились покровительствующие божества, принеся с собой кровоточащие головы и сердца тридцати пяти человек и, сложив их в

¹¹ Дыхательная техника выхода в особые состояния сознания, разработанная доктором Станиславом Грофом.

грудю, сказали: "Ты этого хотел, взывая к нам непрерывно в течение последних дней?" ...

[В результате в день свадьбы] ... несколько жеребцов и кобыл, привязанных ниже дома, взбесились и начали метаться и толкать друг друга. Несколько жеребцов сорвались с привязи и бросились на кобыл. Жеребцы ржали, кобылы лягались, и в конце концов одна из них ударилась о несущий столб с такой силой, что столб сломался, и весь дом со страшным грохотом рухнул. Погибло тридцать пять человек, в том числе невеста и все сыновья дяди. Клубы дыма и пыли застлали небо. Обломки смешались с трупами погибших мужчин, женщин, детей и животных».

Мать Миларепа во всеуслышание объявила, что это была магическая месть её сына. Часть односельчан, в ужасе от содеянного, ополчилась на неё. И тогда по требованию матери Миларепа наслал град на их поля:

«Тем временем я установил на возвышенности, обращенной к долине, приспособление, которое требуется для приведения в действие моей колдовской силы, и начал читать заклинания, но ни малейшего облачка не появилось, даже размером с воробья. Я начал произносить имена богов и, пересказывая историю наших злключений и описывая жестокость соседей, ударил о землю моей сложенной одеждой и от отчаяния заплакал. Откуда ни возьмись, сразу появилась огромная, тяжелая, тёмная туча, и когда она опустилась над долиной, пошел сильнейший град, не оставивший на полях ни одного колоска. Град выпадал трижды и прорыл глубокие овраги на склонах холмов. Громкий вопль безысходности и горя вырвался из уст жителей деревни».

В дальнейшем Миларепа горько сожалел о своих поступках, раскаялся в них и вскоре стал одним из самых знаменитых буддийских подвижников:

«Я испытывал глубокое раскаяние в том, что сотворил столько зла ... и я так жаждал приобщиться к религии, что забывал поесть. Днем и ночью я не находил себе покоя и не мог спать».¹²

¹² "Великий йог Тибета Миларепа" пер. О. Т. Тумановой.

Ещё раз отметим, что говоря о свидетельствах применения магии и экстрасенсорике, нельзя забывать тенденцию к фольклоризации, которую очень трудно избежать даже самим очевидцам, и принцип синхронностей Юнга, по которому два события могут иметь общий смысл, но не иметь обычной причинно-следственной связи.

С именем Бодхидхармы (440-528), другого мастера и святого, принесшего учение буддизма в Китай, связаны традиции боевых искусств *кунг-фу* и *тай-цзи*, на протяжении полутора тысяч лет сохраняемые и развиваемые в Шаолиньском монастыре и других восточных школах единоборств. Эти направления предполагают систематическую работу с энергией и развитие экстрасенсорных способностей, таких как предвидение и ясновидение. Среди них даже есть традиции энергетического «бесконтактного» боя, взятые на вооружение современными спецслужбами. Современный корейский мастер боевых искусств Сонг Парк, создатель системы *Кьяйдо (Kiaido)*, рассказывает:

«Среди систем энергетического бесконтактного боя есть три основные разновидности. Первая – нарушение цепи “намерение-импульс-действие”. Для этого боец должен уловить у противника момент начала этой цепи на стадии “намерение-импульс” и оборвать её неожиданным движением или звуком. Вторая – “обтекание энергии” – когда боец чувствует, куда направлен ударный поток энергии противника, и просто уходит, “обтекает” его или идёт вместе с ним. Внешне это выглядит как простой уход от удара, хотя он совсем не так прост. Третья – это собственно энергетический блок, когда удар противника упирается в невидимую стену. Все три способа требуют экстрасенсорных способностей, но в разной степени. Особенно труден и опасен для самого защищающегося третий вариант. Какое-то время я проводил демонстрации энергетической блокировки удара на тренировках, но дело закончилось для меня серьёзной болезнью. Чрезмерная концентрация энергии не проходит даром. Сейчас я работаю только с первыми двумя».¹³

¹³ Специальное интервью Сонга Парка для этой книги.

В средневековой Японии тренировки, ведущие к раскрытию экстрасенсорных способностей, были характерны для подготовки воинов *ниндзя* («нин»-тайный, «дзя»-личность) – разведчиков-диверсантов и лазутчиков. Система нин-дзюцу, безусловно, была связана с эзотерической практикой боевого искусства у-шу и других школ. Так, для развития ночного видения ребенка помещали на несколько дней и даже недель в пещеру, куда едва пробивался дневной свет, и заставляли уходить все дальше и дальше в темноту. Когда интенсивность света сводилась к минимуму, ребенок приобретал способность видеть в кромешной тьме. Частично это было связано с тренировкой чувствительности сетчатки глаза, но нельзя и исключить развитие экстрасенсорной способности ясновидения – «зрения без глаз», типа кожного зрения. В результате регулярного повторения подобных тренировок эти способности закреплялись. А обладание этими способностями не всегда, но очень часто способствовало внутреннему развитию индивидуума.

Вообще, история разных культур показывает, что существует глубокая внутренняя связь между человеческой духовностью и проявлением экстрасенсорных способностей, тем самым подтверждая аналогичные заявления ряда религиозных и духовных традиций. На протяжении веков эта связь остаётся довольно крепкой, и есть впечатление, что она неизбежна. Похоже, что нам нужны систематические исследования, что выяснить, действительно ли она необходима для лучшего проявления экстрасенсорного восприятия.

**

Говоря об истории необычных феноменов, нельзя не упомянуть астрологию и алхимию. Хотя напрямую эти предметы, казалось бы, не связаны с экстрасенсорикой, но традиционно их всегда ставили рядом и взаимоотношения их тесно переплелись. Нам нужно отметить эти границы.

Астрология возникла в глубокой древности и стала прародительницей всей науки. Она расцветала практически во всех высокоразвитых культурах, что ясно указывает на её практическую полезность. Астрология устанавливает соотношения между положением планет и звёзд на небе с событиями на Земле. Серьёзные научные статистические исследования показывают, что такое соотношение

существует, что и было обнаружено эмпирически в древности. Вопрос только в правильной его интерпретации. Фундаментальный прорыв в этом вопросе сделал Карл Густав Юнг, на большом клиническом материале пришедший к выводу, что циклы движения планет соответствуют циклам функционирования архетипов нашего коллективного бессознательного. Это в принципе сняло противоречия между астрологией и современной наукой, но не избавило астрологию от огромного количества шарлатанов, всегда желавших поживиться за её счёт.

Точкой преткновения оказался факт, что астрология может предсказывать только характер и качество архетиповых энергий, которые будут действовать в определённые моменты в будущем. Она в принципе не может предсказывать конкретные события. А это и есть то, что от астрологии всегда требовали и требуют. В результате астрология стала широким полем для обмана, интриг и заговоров, иногда захватывающих целые государства, и часто была одним из инструментов войны.

Однако из истории астрологии мы также знаем значительное количество сбывшихся конкретных предсказаний. Как это могло быть? Дело в том, что астрология всегда была своеобразным «объективным щитом» для людей, обладающих экстрасенсорной способностью предвидеть будущее. Для человека, получившего по экстрасенсорному каналу информацию о будущем, зачастую было неудобно и неавторитетно ссылаться на зыбкую почву «откровений». Гораздо солиднее объявить, что «так сказали звёзды» и в случае несбывшегося предсказания всегда можно сослаться на неточность расчетов. Таким образом, если отвести шарлатанство, политику и розыгрыши, то за всеми точными астрологическими предсказаниями стоит классическая экстрасенсорная способность – предвидение. И в качестве дополнительного, подсобного инструмента для предвидения астрология может быть очень полезна. Суммируя сказанное, мы видим, что там, где речь идёт о точных предсказаниях в астрологии, мы почти всегда можем встретить скрытую экстрасенсорику. Возможно, астрология действует как психологический механизм, разрешающий человеку «включать» экстрасенсорное восприятие и, тем самым, позволяющий экстрасенсорным явлениям случаться.

Несколько иная ситуация сложилась в алхимии, где совершенно чётко выделилось два уровня целей и идеологии. Низший уровень преследовал чисто меркантильные цели: получение некоей субстанции, философского камня, для превращения веществ в золото или обеспечения бессмертия. Вариациями утилитарного подхода были попытки создать в пробирке живые существа в качестве рабов и слуг. Высший, особо тайный уровень алхимии относился к духовному развитию и эволюции сознания. Под философским камнем и трансмутацией грубого материала в золото здесь подразумевалась трансформация индивидуального сознания и достижение божественности. Высшая алхимия утверждала, что бог есть во всём, и всем материальным элементам соответствуют духовные *элементали*. Знаменитый врач и алхимик Парацельс (1493-1541) ввёл целую классификацию духовных существ невидимого мира: «Они живут в четырех элементах: Нимфы – в элементе воды, Сильфы – воздуха, Пигмеи – земли и Саламандры – огня». Видимо, Парацельс сам обладал экстрасенсорными способностями и старался систематизировать свой личный опыт. В этом убеждает другое его высказывание: «С помощью магической силы воли человек на этой стороне моря может услышать сказанное человеком на другой стороне». Судя по всему, в процессе экспериментирования алхимики довольно часто получали вещества с психоактивным действием, ряд из которых усиливал экстрасенсорное восприятие, поэтому экстрасенсорные феномены более-менее регулярно сопутствовали алхимии.

**

Вернёмся к пси-войнам. История знает пример войны, проведённой с реальным и успешным применением экстрасенсорных способностей. Речь идёт о Жанне д'Арк и Столетней войне. С детства Жанна слышала голоса, говорящие о её предназначении спасти отчизну. Когда она объявила о своей миссии, то была отослана ко двору французского дофина, который после многочисленных допросов сообщил присутствовавшим, что Жанна посвятила его в некую тайну, которую никто, кроме Бога, не знал и знать не мог, вот почему он ей полностью доверяет. Предполагают, что Жанна телепатическим путём узнала и точно повторила вслух личную молитву дофина. В результате ей дали войско, и Жанна отправилась снимать осаду Орлеана, который был последней преградой, отделявшей англичан

от захвата всей Франции. Она выполнила эту задачу, причём совершенно невероятным образом. Как указывают некоторые историки, англичане делали необъяснимые ошибки и просто бросали оружие; весь их образ действий был до такой степени странным, что это можно объяснить только сверхъестественными причинами. Пророческий дар Жанны засвидетельствован множеством людей и не вызывает сомнений. Она запросто говорила: «Подождите, еще три дня, тогда мы возьмем город» или «Потерпите, через час вы станете победителями», и её слова сбывались в точности. В конечном итоге католическая церковь признала её святой, а Франция сохранила суверенитет.

Но реальные экстрасенсорные способности далеко не всегда приносили реальные результаты, во всяком случае те, которых от них ожидали. Русские летописи 17 века сохранили историю учёного монаха Сильвестра Медведева, который три года скрывал у себя в келье волхва Дмитрия Силина, обладавшего ясновидческим даром. Волхвы, или колдуны, были на Руси наследниками дохристианских, фактически шаманских традиций, но православный монах Сильвестр хотел использовать его экстрасенсорные способности, чтобы самому быть Патриархом на Руси, а также помочь своему покровителю князю Василию Голицыну стать на Москве царём. Попытка государственного и клерикального переворота закончилась казнью Медведева и Голицына, что заранее не было секретом ни для волхва Силина, ни для них. Но это не остановило заговорщиков. Мы знаем об этой истории из судебных «розыскных дел»:

«И Сильвестр Медведев велел ему посмотреть в солнце: каково-де будет князь Голицын и будет ли он на Москве царём?.. а он, Сильвестр, патриархом? – И он, Силин, по тем Сильвестровым словам, ходил на Ивановскую колокольню Великаго и дважды в солнце сматривал. И в солнце он видел: на великих государях венцы, по обыкновению, на главах, а у князя Василия Голицына венец мотался около груди и назад и со стороны, и он, князь, стоял темен и ходил колесом; а царевна Софья Алексеевна была печальна и смутна; а Сильвестр темен... Он же, Сильвестр Медведев, посылал, будто бы, Силина к князю Голицыну. И

князь спрашивал: будет ли он на Москве великим человеком? И Силин ему сказал: что ни затеял и тому не сбытца, – болши ничего не будет».¹⁴

**

Средние века принесли также человечеству экстрасенсорную войну нового типа. Если до сих пор такие войны велись людьми или между людьми, обладающими экстрасенсорными способностями, то в 16 веке христианская церковь в массовом порядке объявила войну против этих людей. Сама же церковь при этом оказалась в очень двусмысленном положении. С одной стороны, и Христос, и многие святые делали чудеса, явно носившие экстрасенсорную природу: читали мысли, лечили наложением рук, демонстрировали левитацию и материализацию. В уважаемой церковью книге Батлера «Жития Святых» приведены десятки свидетельств проявления экстрасенсорных феноменов у католических святых, в том числе более 30 случаев ясновидения и более 20 случаев телепатии. Увлекались магическими опытами и выдающиеся деятели церкви: святой Альберт, Фома Аквинский, Роджер Бэкон и другие. С другой стороны, церковь всячески старалась отрицать такие способности у обычных людей. А поскольку отрицать очевидное было невозможно, их объявили «посланцами Сатаны», которые действуют со «всякой силой и знаменами и чудесами ложными» (2-е Фесс. 2:9).

До 13 века число казней за колдовство было сравнительно невелико. И лишь после «ведовской буллы» папы Иннокентия VIII – «Summis desiderantes» (1484) развернулась настоящая охота на ведьм. Служители церкви соревновались в изощрённости пыток и количестве жертв. Дело доходило до того, что в некоторых немецких деревнях не оставалось ни одной представительницы женского пола. Жанна д'Арк тоже была сожжена на костре как колдунья. Надо добавить к этому, что древняя шаманская вера в способность перевоплощаться в животных сохранялась в Европе до эпохи Возрождения. Такое превращение шамана или колдуна получило название *оборотень* и позже стало особым предметом внимания инквизиции. Превращения происходили во внутреннем, субъективном мире

¹⁴ По материалам книги А. А. Горбовского. Пророки и прозорливцы в своём отечестве. М-Л., 1990, стр. 96-97.

шамана или колдуна, но власти или инквизиция наказывали за них как за реальное преступление.

Эпидемия охоты на «врагов Христа» особенно бушевала в Европе с 1450 по 1750 годы и уничтожила, по различным данным, от миллиона до нескольких миллионов человек. Экстрасенсорные способности в это время фактически означали смертный приговор, если человек их старательно не скрывал. За несколько поколений это могло сказаться на генотипе. Возможно, одним из результатов этой христианской пси-войны стала относительная редкость спонтанного проявления экстрасенсорных способностей в наши дни.

Историкам не удаётся объяснить это явление средневековым невежеством. Пик охоты на ведьм пришёлся на 16-17 века и совпал с эпохой Просвещения, причём значительное число активных «охотников» были как раз «гуманистами» – образованными философами, писателями, юристами и врачами. Нам кажется, что, как и в любом сложном социальном явлении, здесь совмещались разные стороны. Христианская церковь в это время уже прошла пик своего могущества и начинала понемногу его терять. Для неё охота на ведьм была средством борьбы с духовностью и попыткой сохранения власти над умами, поскольку человек, обладающий экстрасенсорными способностями, видит иные горизонты мироздания и божественности, и для него слово церкви уже не имеет большого значения. Это негативная сторона явления. С противоположной точки зрения можно высказать предположение, что охота на ведьм представляла собой этап эволюции, на котором массовое распространение экстрасенсорных способностей могло затормозить развитие человеческого вида или направить его в ненужную сторону, по аналогии с этапом увлечения сиддхами в индивидуальном развитии, против чего предупреждают духовные учителя. В результате включились некие эволюционные механизмы, которые выразились в массовом истреблении ведьм и колдунов. Если такое предположение верно, то хочется верить, что этот этап человечество надёжно оставило позади.

Ещё одним примером духовной и экстрасенсорной борьбы являются ситуации, когда в результате особого состояния сознания человека физическое оружие не могло на него подействовать. Из официальной, документированной истории

инквизиции известны примеры, когда представители церкви не могли сжечь осуждённых ведьм: огонь просто не причинял вреда их телам.

В средние века процветал ещё один тип пси-войн, получивший название *экзорцизма* и представляющего собой изгнание злого духа, поселившегося в теле человека. Эта процедура является прямым наследием шаманских традиций и присутствует в большинстве религий мира. В Китае эту задачу выполнял даосский священник, использовавший молитвы, чашу с водой и меч. Хорошо известны Ветхозаветные и Новозаветные примеры изгнания злых духов. В средние века экзорцизм иногда принимал весьма драматические формы, что с той или иной степенью преувеличения отражено во множестве фильмов ужасов. Но, как отметил II Ватиканский собор, в современной жизни экзорцизм утратил прежнее значение, сохранившись в обряде Таинства Крещения, которое снимает с человека его греховность.

Однако, в наши дни об экзорцизме неожиданно заговорили психологи и психиатры, работающие с тяжёлыми случаями душевных болезней. Один из таких случаев описан всемирно известным психиатром Станиславом Грофом в его книге «Путешествие в поисках себя». Он произошёл в Мэрилендском Центре Психиатрических Исследований в Балтиморе. В проводившуюся здесь программу ЛСД-психотерапии была направлена Флора, 28-летняя пациентка, у которой было настолько сложное сочетание симптомов и проблем, что все другие терапевтические средства оказались неэффективными, и Флоре грозила пожизненная госпитализация. Дальше рассказывает доктор Гроф:¹⁵

«В первые два часа третьего ЛСД сеанса тоже не происходило ничего необычного... Затем внезапно она [Флора] пожаловалась, что боль от лицевого спазма становится невыносимой. Прямо на моих глазах спазм гротескно увеличился и её лицо превратилось в нечто, чему лучше всего подходит наименование "маска зла". Она заговорила глубоким мужским голосом, и всё в ней так изменилось, что трудно было связать то, как она выглядела теперь, с её обычным видом. Ее глаза горели непередаваемым злом; руки сжались в когтистую лапу.

¹⁵

Станислав Гроф. Путешествие в поисках себя, М. 1994, стр.263-264.

Чужая энергия, вошедшая в ее тело, и голос представились как ЗЛО. "Он" прямо обратился ко мне, приказывая мне оставить Флору в покое и не пытаться ей помочь. Она принадлежит ему, и он накажет каждого, кто попытается ступить на его территорию. Затем последовал явный шантаж, поток зловещих откровений относительно того, что произойдет со мной, с моими коллегами и с нашей исследовательской программой, если я не послушаюсь.

Трудно описать зловещую атмосферу, вызванную этой сценой. Присутствие чего-то чуждого в комнате ощущалось совершенно явственно. Воздействие шантажа и чувство сверхъестественного события усиливалось тем, что пациентка не могла в своей повседневной жизни иметь доступа к той информации, которую "голос" использовал в этой ситуации.

Я оказался в состоянии огромного эмоционального стресса, имевшего метафизические измерения. Хотя я и сталкивался с подобными проявлениями во время ЛСД сеансов ранее, они никогда не были столь реалистическими и убедительными. Мне было трудно контролировать свой страх, готовность воспринять присутствие зла как реальность и сильное желание вступить в активную психологическую и духовную борьбу. Я пытался быстро сообразить, как лучше всего вести себя в этой ситуации. В какой-то момент я поймал себя на мысли о том, что следовало бы иметь в терапевтическом зале распятие как орудие терапии. Моя рационализация звучала так, что я являюсь свидетелем проявления юнгианского архетипа, для которого крест может быть подходящим архетиповым противоядием.

Но скоро мне стало ясно, что мои эмоции, будь то страх или агрессия, делают ситуацию и эту сущность более реальными. Я не мог удержаться от воспоминаний о телефильме "Звездный Путь", где чуждая сущность питалась человеческими эмоциями. Я понял, что необходимо оставаться спокойным и сосредоточенным. Я решил погрузиться в медитативное состояние, держа Флору за ее скрюченную руку и пытаюсь представить ее себе такой, какой она была раньше. В то же время я старался визуализировать капсулу света, охватывающую нас обоих, основываясь

на архетиповой полярности света и зла. Это длилось около двух часов. С субъективной точки зрения это были два самых длинных часа в моей жизни, если не говорить о моих собственных психоделических сеансах».

Этот сеанс, к удивлению Грофа, привел к неожиданному терапевтическому прорыву. Флора избавилась от суицидальных наклонностей и по-новому оценила жизнь. Она перестала пить, отказалась от героина и барбитуратов и стала посещать церковную группу, лицевой спазм почти прошел. Состояние Флоры настолько улучшилось, что ей уже не пришлось возвращаться в психиатрическую клинику.

Приведённый пример хорошо показывает, что различные процедуры экзорцизма, как шаманские и иные практики изгнания злых духов, в некоторых случаях имели и имеют под собой реальную почву, хотя степень реальности этой ситуации во многом определяется верой и поведением присутствующих людей. Так или иначе, человек, в христианской терминологии экзорцист, вступавший в борьбу с архетиповым злом, иногда становился участником серьёзного духовного и экстрасенсорного сражения.

**

Эпоха просвещения с начавшимся быстрым прогрессом науки отодвинула в сторону вопрос об экстрасенсорных войнах. Интерес к магическому и потустороннему сохранялся, но теперь он всё больше сочетался с попытками дать рациональное объяснение необычным явлениям и свести их к обобщающим наукообразным теориям. Одним из самых ярких примеров этого времени стал знаменитый австрийский врач Франц Антон Месмер (1734-1815). Имея медицинскую практику в Вене, Месмер в нескольких сложных случаях попробовал применить для лечения сильные магниты, опираясь на идеи Парацельса о влиянии магнитных «флюидов» на человека. Многие пациенты у него выздоравливали, что убедило Месмера в существовании «животного магнетизма», которым человек может «подзаряжаться» от планет и, в свою очередь, заряжать любые другие предметы. Месмер объявил о своем открытии и стал очень популярен, но конфликтные ситуации с другими врачами и академическим миром преследовали его до конца жизни. К работам Месмера восходит ряд позднейших исследований в области экстрасенсорики, особенно попытки создания аккумуляторов

биологической энергии. Но основной действующей силой его лечения был гипноз, родоначальником медицинского применения которого и стал Месмер, хотя для официального признания этого метода наукой потребовалось несколько десятилетий.

Идеи Месмера получили новый резонанс в работах известного немецкого естествоиспытателя и химика барона Карла фон Райхенбаха (1788-1869), изобретателя керосина и парафина. Он пришёл к выводу о существовании некой «жизненной энергии», названной им *одкрафт*, которая исходит из органических и неорганических тел и может быть воспринята очень чувствительными людьми. Фон Райхенбах начал экспериментировать с «одической энергией» и публиковал свои результаты в самых солидных журналах, таких как «Анналы физики и химии». Его результаты подтверждались независимыми экспериментами, и сегодня можно с большой долей уверенности утверждать, что фон Райхенбах работал с тем, что позднее стало принято называть термином *биополе*.

Из области военной экстрасенсорики конца этого исторического периода можно привести точные предсказания войны Наполеона с Россией и Первой мировой войны, сделанные в конце 18 века черкесом Логином Кочкарёвым московскому губернатору Еропкину и императрице Екатерине II. В январе 1789 года в Москве появился странный бродячий монах. Проходя по одной из улиц, он вдруг остановился, затем подбежал к дому купца Ахлопова, и начал кидать пригоршнями снег в окна. Прибыла полиция, и ей человек рассказал, что зовут его Логин Кочкарёв и что он, мол, увидел дом горящим и поспешил его тушить. Логина задержали как нарушителя спокойствия, но на следующий день в доме купца действительно начался пожар. Тогда о происшествии доложили московскому генерал-губернатору Петру Дмитриевичу Еропкину. Тот лично допросил Кочкарёва и получил предсказание о войне России с Наполеоном в 1812 году. Губернатор ехидно пожелал узнать что-нибудь о более близком будущем, и Логин тут же ответил: «Не далее как завтра Вас ожидают нечаянные великие радости». К немалому изумлению Еропкина на следующий день императрица прислала ему в подарок усыпанную драгоценными камнями золотую табакерку с собственным портретом. Это была награда за верную службу, почти равносильная ордену! Тогда

генерал-губернатор отправил Логина Кочкарёва к императрице, сопроводив письмом:¹⁶

«Сей человек, при всей его проницательности и дивном даре прорицания будущего, пагубные последствия создать может, ибо предсказал, что в 1812 году в Россию вторгнутся несметные вражеские силы и возьмут Москву, от которой не останется камня на камне. От сего предсказания может произойти великое смятение в умах».

В Петербурге Логин был подвергнут «нарочитому» наблюдению тамошних медиков и учёных и затем получил аудиенцию у императрицы Екатерине II, после которой она отписала Еропкину:

«Пётр Дмитриевич, присланный вами Кочкарёв, есть человек необыкновенный. Он и нам предсказал, что в 1812 г. будет война, с разорением Москвы, и что война сия окончится нашей победою. Он предсказывает ещё войну в начале XX столетия, со многими народами...»

Также Кочкарёв предсказал Екатерине II долгую войну на Кавказе и присоединение к Российской Империи многих земель в Азии. Что еще рассказал провидец матушке-императрице, осталось тайной, поскольку после аудиенции всякие следы прорицателя Кочкарёва в истории теряются. Кстати, хорошим историческим объяснением спокойной реакции России на известие о нападении Наполеона и стратегии, направленной на уход от активных боевых действий, может быть тот факт, что российскому императорскому дому было заранее хорошо известно как о начале войны, так и о её исходе.

**

Однако, наряду с реальными случаями проявления пси-феноменов нельзя забывать, что эта сфера всегда служила лакомой приманкой для мошенников всех мастей и в результате часто становилась областью обмана и жульничества, которого обычно было больше, чем реальных феноменов. Любопытным юмористическим примером такой «военной экстрасенсорики» может служить случай короля Пруссии

¹⁶ По материалам книги А. А. Горбовского. Пророки и прозорливцы в своём отечестве. М.-Л., 1990, стр. 97-98.

Фридриха-Вильгельма II. В 1871 году его убедили вступить в орден Золотых Розенкрейцеров, тайно руководимый «старшими братьями» из Франции. Позже, когда у Пруссии начались военные действия против Франции, «братья» вызвали Фридриха-Вильгельма прямо с бала условным паролем розенкрейцеров и привели его в полутёмный зал, где перед королём предстал «призрак» его деда Фридриха II, сыгранный французом-актёром Флери. «Призрак деда» посоветовал Фридриху-Вильгельму не вмешиваться в дела Франции. Впечатлённый сеансом король так и не дал приказ о наступлении на Париж, остановив прусскую армию около Вердена. И далее, в сражении при Вальми плохо организованные и слабо обученные французские войска одержали неожиданную победу из-за странной нерешительности прусского командования.

* *

К середине 19 века развитие науки и образования, популярность месмеризма, работы фон Райхенбаха и других исследователей вывели вопросы экстрасенсорики и парапсихологии из сфер преступной магии и колдовства, о которых можно было говорить только шёпотом и с оглядкой, на широкую сцену публичного обсуждения. Лечение наложением рук, разговоры о передаче мыслей и зрении без глаз, вызывание духов и беседы с умершими стали популярны во всех слоях общества, от нижних до самых верхних. Всё это подготовило первый гигантский парапсихологический бум, который начался в Европе, Америке и России во второй половине 19 столетия.

Вторая половина 19 века ознаменовалась небывалым массовым взрывом интереса к парапсихологии. Падение влияния церкви, популярность месмеризма и живые примеры таких одарённых медиумов, как итальянка Эузапиа Паладино (1854-1918), способности которой проверяли и изучали ученые из многих стран, немало способствовали росту интереса к необычным феноменам. Этот интерес вылился в два наиболее мощных течения того времени – медиумизм и теософию, которые сыграли значительную роль в подготовке экстрасенсорных войн 20 столетия. Поэтому поговорим о них подробнее.

Увлечение медиумическими сеансами, вызыванием духов, верчением блюдец и столоверчением охватило все слои общества. Перед Первой мировой войной в Германии было более двух тысяч спиритических кружков, во Франции – более трёх тысяч, в России – более трёх с половиной тысяч, из которых около тысячи функционировали только в Петербурге. Как реакцию на это поветрие физическое общество при Петербургском университете в 1875 году даже организовало медиумическую комиссию во главе со всемирно известным учёным Дмитрием Менделеевым, открывателем Периодической системы элементов. По его проекту был сооружен специальный прибор – манометрический стол, регистрирующий давление рук участников сеанса. После исследований комиссия дала заключение: «Спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритическое учение (вера в духов) есть суеверие». Но на широкую публику это впечатления не произвело, и медиумы продолжали «завоёвывать» мир.

Интересно, что сам Менделеев сделал своё великое открытие во сне: Периодическая таблица элементов просто приснилась ему, когда он пытался найти закономерность в повторении свойств химических веществ. Но это не заставило его поверить в существование экстрасенсорных каналов информации.

**

В это же время европейская цивилизация начала открывать для себя глубины философии Востока вместе с практикой индуистской и буддистской йоги. Повсеместно возникали различные общества по изучению и практике оккультизма и восточных учений. Самым известным из них стало Теософское Общество, основанное Еленой Блаватской и полковником Генри Олькоттом 17 ноября 1875 года в Нью-Йорке с объявленной целью исследования неизученных законов природы и способностей человека на основе синтеза духовных достижений Востока и Запада. Скрытой же целью Елены Блаватской было, без сомнения, создание новой мировой религии, о чём говорит даже выбор самого термина *теософия*, по-гречески означающего «божественная мудрость».

Елена Петровна Блаватская родилась в 1831 году в России в знатной и богатой аристократической семье, по одной из линий восходящей к князьям Долгоруким, основателям Москвы. У неё с детства проявлялись особые психические способности, наряду с живым и проницательным умом. Её дед был губернатором в Астрахани, где проживало много калмыков-буддистов, и это дало Елене возможность познакомиться с восточными учениями еще в раннем возрасте. В семнадцать лет она вышла замуж, но быстро сбежала от мужа и отправилась путешествовать по миру. В течение последующей четверти века она побывала во множестве стран, причём неоднократно пыталась проникнуть в Тибет. По её утверждениям, в конце концов ей это удалось, и в 1873 году, после двух посещений Тибета она уезжает в Америку, где встречает полковника Генри Олькотта, и с его помощью в 1875 году основывает теософское движение.

Хотя главные труды Блаватской «Разоблачённая Изида» и «Тайная Доктрина» представляют собой невероятную смесь восточных легенд, обрывков философии, нападок на науку, путевых заметок, медиумических откровений и просто сказок, но на увлекающуюся мистикой американскую и европейскую публику они впечатление произвели. Так, например, членами Теософского Общества были: великий американский изобретатель Томас Эдисон, известный французский астроном Камиль Фламарион, знаменитый английский психолог Уильям Джемс и другие известные люди. Влияние теософии на эзотерическую мысль во всём мире трудно преувеличить, оно просто гигантское. Теософские общества появились в 1884 году в Германии, в 1893 – во Франции, в 1908 – в России и многих других странах. Сначала Теософское Общество находилось в США, затем в 1879 году его основатели перенесли штаб-квартиру общества в Индию, а несколькими годами позже сама Блаватская переехала в Европу.

Теософия пытается увязать личное духовное развитие и историю человечества с эволюцией мироздания, беря за основу понятия реинкарнации, кармы и цикличности. Нынешнему человечеству предшествовало несколько других «коренных» рас: астральная раса, возникшая в иных измерениях; гиперборейцы, жившие на северном континенте, исчезнувшем под Ледовитым океаном; лемурийцы, обитавшие на архипелаге островов в Индийском океане, и раса

жителей Атлантиды, погибшая в результате природной катастрофы. Согласно Блаватской, в нынешние времена истинный прогресс человечества может идти только под предводительством пятой коренной расы – арийской. Духовную элиту человечества составляют Учителя – прямые потомки древних рас, достигшие высочайшего развития и проживающие в Шамбале. Сама Елена Блаватская претендовала в оккультной иерархии на роль пророка, якобы связанную с порученной ей Учителями миссией передать высшую мудрость арийской расе. Кстати говоря, Елена Петровна считала свастику одним из главных символов Теософского Общества и даже подготовила проект официальной печати с её изображением в центре. Не удивительно, что теософия стала одной из излюбленных отправных точек для идеологов-основателей Третьего Рейха.

В основном, научный мир занял отрицательную позицию к теософии и спиритизму. Но некоторые видные учёные считали, что медиумические явления надо серьёзно изучать, и в 1882 году по предложению физика сэра Уильяма Флетчера Барретта (1844—1925) в Лондоне было создано Общество Психических Исследований (ОПИ). Его первым президентом стал кембриджский профессор Генри Сиджвик (1838-1900); в 1894-95 годах президентом был Уильям Джеймс, один из основателей современной психологии. Среди видных членов ОПИ был и сэр Артур Конан Дойль (1858-1930), автор рассказов о Шерлоке Холмсе. В 1885 году появились Французское Общество Психических Исследований и Американское Общество Психических Исследований, а в 1890 году Российское Общество Экспериментальной Психологии образовало комиссию для изучения феномена «чтения мыслей».

Все подобные организации стремились отделить реальные парапсихические явления от шарлатанства и исследовать их как отрасль науки. Ими изучался каждый случай спонтанной телепатии, подтвержденный свидетелями, и было сделано немало, хотя иногда ценой сильных разочарований самих исследователей. Проверки ОПИ, вопреки намерениям его членов, больше способствовали разоблачению обмана, нежели подтверждению реальности медиумических явлений. В частности, английское ОПИ намеревалось опубликовать благоприятный доклад о Теософском обществе. Однако Эмма Куломб, работавшая в штаб-

квартире общества, не добившись от Блаватской денег за своё молчание, разоблачила ряд трюков, которыми теософы дурачили публику, и эта история сразу же попала в газеты. Начался скандал, один из первых в длинной серии разоблачений теософских мошенничеств. Чтобы исправить положение и дать объективный отзыв, ОПИ направило представителя в Индию, где тому разрешили осмотреть принадлежавший Блаватской ковчег из кедрового дерева, в котором мистическим образом появлялись письма из «высшего мира». Какой-то верный ученик, желая показать, что обман невозможен, ударил по задней стенке ковчега со словами: «Видите, это абсолютный монолит!» И тут, к его ужасу, панель открылась, показав внутри другую дверцу в стене будуара Блаватской. Разразился новый скандал. Некоторые теософские общества, в частности, немецкое, распались.

Блаватская умерла в 1891 году. Вскоре после её смерти в руководстве общества начались жестокая борьба за власть, частично основанная на истории фальсификации писем махатм. Американское теософское общество откололось и провозгласило независимость. В 1907 году президентом первоначального общества стала Анна Безант, и в 1912 году она объявила своего подопечного – молодого пандита Джидду Кришнамурти – мессией, спасителем человечества и Буддой-Майтреей. Это вызвало массу протестов.

В знак несогласия Рудольф Штайнер (1861-1925), бывший руководителем немецкого Теософского общества, вышел из него и основал в 1913 году на похожих принципах новое Антропософское Общество и вместе с ним и своё учение антропософию. Его лекции собирали огромные аудитории, особенно он был популярен у студентов и светских дам. Кое-кто даже считал его духовным наставником, и среди этих «кое-кто» оказался Некто – генерал Гельмут-Иоганн-Людвиг фон Мольтке-младший, начальник Генштаба немецкой армии в Первой мировой войне. Наставничество окончилось плохо. Как сообщает историк Тревор Равенскрофт, ещё во времена Веймарской республики Гитлер обвинил Штайнера в применении «чёрной магии», с помощью которой тот подчинил себе фон Мольтке и диктовал ему свою волю, результатом чего стало поражение Германии в Первой мировой войне. В качестве мести Гитлер распорядился подготовить покушение и

устранить Штайнера, но летом 1922 года Штайнер тайно покинул Германию и не вернулся в неё уже никогда.

Хотя Штайнер мирно умер в Швейцарии и громкий террористический приговор в исполнение не был приведён, заявление Гитлера о том, что Германия проиграла Первую мировую войну из-за чёрной магии Штайнера выглядит очень пикантно и на блюде солидной военной истории, и на блюде истории парапсихологии. Вряд ли на результатах войны сказалась «магия Штайнера», но объективности ради надо сказать, что если кто-то и помог своей стране проиграть Первую мировую войну с помощью «чёрной магии», то это был Григорий Распутин (1869-1916) – «святой старец», выходец из крестьян и фаворит российской императорской четы, способствовавший в этот период чехарде смены министров и развалу государственного аппарата с помощью своего гипнотического влияния, экстрасенсорных способностей и интриг.

**

Конечно, не все спиритуалисты и медиумы были обманщиками. Многие недоверчивые критики свидетельствовали о выдающихся экстрасенсорных способностях неаполитанки Эузалии Паладино. Доктор Эрколе Чиайя, исследовавший способности Эузалии, в 1888 году писал Чезаре Ломброзо, известному психиатру и криминалисту, рьяному критику спиритизма: «Будучи привязанной к стулу... или удерживаемая за руки... она [Эузалия] притягивает к себе предметы мебели, находящиеся вокруг, они поднимаются, парят в воздухе... и она постепенно снова опускает их вниз на пол, как будто подчиняя их своей воле... Кажется, она держится в воздухе, как на диване, вопреки всем законам тяготения; она играет на музыкальных инструментах – клавире, бубне, тамбуринах, не дотрагиваясь до них пальцами, кажется, что на них играет невидимый домовый». Через некоторое время Ломброзо побывал на её сеансах, и это произвело на него такое впечатление, что он из критика превратился в сторонника и исследователя паранормальных явлений.

Всемирно известными стали медиумы братья Вилли и Руди Шнейдеры, родившиеся в начале 20 века в пограничном австро-баварском городе Браунау, в

том самом городе, где примерно пятнадцатью годами ранее родился Адольф Гитлер. Интересно, что у Вилли Шнейдера и у будущего фюрера была одна и та же сиделка. Браунау вообще слыл городом медиумов. В присутствии Шнейдеров предметы двигались по помещению, хотя к ним никто не прикасался; стержень, закрепленный на треножнике, сам писал осмысленный текст.

В это же время в Берлине начинаются выступления Вольфа Мессинга (1899-1974), ставшего впоследствии одним из самых знаменитых экстрасенсов-актёров 20 столетия. Надо отметить, что некоторые исследователи оспаривали и оспаривают наличие у Мессинга реальных экстрасенсорных способностей. Подвергались сомнению и описанные в автобиографии факты его встреч с Эйнштейном, Фрейдом, Ганди и Сталиным. Но есть и контраргументы. Не вступая в эти споры, мы просто приведём отдельные данные из его официальной биографии. Ведь не подлежит никакому сомнению, что выступления Мессинга на сцене видели сотни тысяч людей, множество из которых он заразил интересом к необычным явлениям психики и фактически стал «крёстным отцом» многих экстрасенсов и исследователей парапсихологии. Тем самым Мессинг сыграл весьма заметную роль в истории экстрасенсорики 20 века, в том числе, и военной.

Мессинг родился в бедной еврейской семье 10 сентября 1899 в небольшом городке недалеко от Варшавы. Родители собирались отправить его учиться на раввина, но Мессингу совсем не улыбалась перспектива стать священником, и в 11 лет он сбежал из дома, добрался до Берлина и стал кормиться там чёрной работой. Ему часто приходилось голодать, и во время одного из голодных обмороков он попал в больницу, где встретился с невропатологом профессором Абелем. По пересказам, Мессинг прочитал мысли Абеля: «Надо заявить в полицию, чтобы отыскали родителей этого мальчика. А пока придётся отправить его в приют» и вслух ответил: «Не отправляйте меня в приют! И полицию не надо». Абель был поражён, он понял, что у мальчика есть необыкновенные телепатические способности, и нашёл ему импресарио. После выздоровления Мессинг начал выступать на сцене со своими «Психологическими опытами» и вскоре стал знаменит. Вольф Мессинг публично и точно предсказал время начала и окончания Второй мировой войны,

сделал несколько кругосветных турне, и многие известные люди восхищались его даром. Немного позже мы ещё вернёмся к его биографии.

В это же время росла слава знаменитого «спящего пророка» Эдгара Кейси (1877-1945). В течение сорока трёх лет Кейси занимался предсказаниями и медицинским диагностированием во время погружения в гипнотический сон, используя свой изумительный дар. Предсказания «спящего пророка» занимают особое положение в истории парапсихологии, так как они полностью запротоколированы. Кроме того, Кейси оставил отчёты о тридцати тысячах случаев успешной лечебной практики, подтверждённые карточками историй болезней (ему официально разрешили давать медицинские рекомендации). Многие из пророчеств Кейси стали реальностью, его глобальные предсказания серьёзно изучаются различными организациями, в том числе и созданной им Ассоциацией Исследований и Просвещения.

Есть достоверные свидетельства о предвидении им двух мировых войн с указанием времени их начала и окончания. Им было предсказано обретение Индией независимости, время образование государства Израиль и опускание под воду городов Лос-Анджелеса и Сан-Франциско. В отношении России Кейси предвидел конец коммунистической эпохи, установление дружеских отношений с США и религиозное развитие России, подающее миру большие надежды, центром которого станет Западная Сибирь.

Кейси также утверждал, что Атлантида действительно существовала, остатки её погибли от природных катаклизмов около 10 тысяч лет назад, и многие души, жившие там, сегодня активно воплощаются на планете. Вместе со своими выдающимся умом и способностями к изобретательству они несут в жизнь «склонность к экстремизму». В отношении своих прошлых воплощений Кейси получил информацию о том, что наибольшее значение имела его прошлая жизнь в Египте, где он был верховным жрецом по имени Ра-Та во времена фараона Рамзеса II и много сделал для духовного роста своего народа. Эдгар Кейси, безусловно, является историческим феноменом не только американского, но и мирового масштаба.

**

Среди пионеров-классиков, начавших серьёзные научные исследования феноменов телепатии и мысленного внушения, стоят имена Владимира Бехтерева, Владимира Дурова, Бернарда Кажинского, Леонида Васильева. Известный русский психиатр академик Владимир Бехтерев (1857-1927) был основателем и руководителем Института по изучению мозга и психической деятельности в Петербурге (Ленинграде). Имея давний научный интерес к экстрасенсорным феноменам, он по предложению известного дрессировщика Владимира Дурова (1863-1934) провёл вместе с ним в 1919 году серию опытов по мысленному внушению приказов животным. Бехтерев так описывает начало их совместной работы:

«Ряд такого именно рода опытов был произведен в моей квартире над небольшой собачкой Пикки мужского пола из породы фокстерьеров, очень бойкой и шустрой по натуре. Опыты были произведены в послеобеденное время в присутствии нескольких членов моей семьи, в том числе двух врачей – О. Бехтеревой-Никоновой и Е. Воробьевой...

Пикки легко выполнил все мысленные задания [присутствующих]... Чтобы иметь полную уверенность..., я решил сам проделать аналогичный опыт, не говоря никому о том, что я задумаю. Задание же мое состояло в том, чтобы собака вскочила на стоявший сзади меня в расстоянии около 2 сажень неподалеку от рояля круглый стул и осталась на нем сидеть. Как и в предыдущих опытах, приглашается собака подняться на стул, я же, сосредоточившись на форме круглого стула, некоторое время смотрю собаке в глаза, после чего она стремглав бросается от меня и много раз кружится вокруг обеденного стола. Опыт я признал неудачным, но я вспомнил, что я сосредоточился исключительно на форме круглого стула, упустив из виду, что мое сосредоточение должно начинаться движением собаки к круглому столу и затем вскакиванием собаки на самый стул. Ввиду этого я решил повторить тот же опыт, не говоря никому о своей ошибке и поправив лишь себя в вышеуказанном смысле.

Я снова приглашаю собаку сесть на стул, обхватываю ее мордочку обеими ладонями, начинаю думать о том, что собака должна подбежать к круглому стулу, находившемуся позади меня в расстоянии около 1 сажени, и, вскочив на него, сесть. Сосредоточившись так около 1/2 - 3/4

минуты, я отпускаю собаку, и не успел я оглянуться, как собака уже сидела на круглом стуле. Задание, которое выполнила в этом случае Пикки, как упомянуто, не было известно никому, кроме меня самого, ибо я ни с кем по этому поводу не советовался, и, тем не менее, Пикки разгадал мой секрет без малейшего затруднения».¹⁷

В дальнейшем Бехтерев и Дуров провели несколько тысяч экспериментов по изучению телепатии у человека и животных. Часть из них проводилась в бехтеревском Институте мозга в Ленинграде, другая – в Москве, в основанной Дуровым Практической лаборатории зоопсихологии. Только за 1921 год здесь было проведено 1278 опытов мысленного внушения животным, из них удачных – 696, неудачных – 582, причём в проведении экспериментов и обработке результатов принимали участие учёные Московского университета.

В лаборатории Дурова работал и инженер-электрик Бернад Казинский (1890-1962), который ещё в 1919 году начал исследования по проверке электромагнитной концепции природы телепатии или «мозгового радио», как её тогда называли. Опыты проводились в экранированных металлом и другими материалами камерах. В 1923 году Казинский опубликовал свои результаты в книге «Передача мыслей». Двумя годами позже он познакомился с Бехтеревым, и тот пригласил его в свой Институт мозга для работы над аппаратом электромагнитного усиления мысленного внушения. Аппарат Казинского был создан к началу 1927 года, однако желаемого воздействия на процесс телепатии оказать не смог. Вскоре работы сильно застопорились: в декабре 1927 года очень странной смертью от отравления умер академик Бехтерев. Многие исследователи подозревают в причастности к ней ОГПУ.

В Институте мозга работы по изучению телепатии возглавил ученик и сотрудник Бехтерева профессор-физиолог Леонид Васильев (1892-1966). В этот период к работам по телепатии начал проявлять интерес Накромат Оборонны. По его заданию проводилась тщательная проверка электромагнитной гипотезы природы телепатии. Васильев помещал испытуемых сначала в металлические камеры, а потом опыты

¹⁷ Бехтерев В.М. Доклад, сделанный на конференции Института по изучению мозга и психической деятельности в ноябре 1919 г.

повторяли вне камер. Проявления телепатии не исчезали при экранировании человека металлическим экраном, задерживающим электромагнитные волны. Это говорило против того, что носителем мысленного сигнала являются электромагнитные волны. Однако, противоположные результаты были получены в недавно созданном Институте биофизики академиком Петром Лазаревым и профессором Сергеем Турлыгиным, которые даже определили длину волны мозгового излучения в 1,8-2,1 мм. Принимал участие в работах и Институт физиологии имени Павлова.

Интересный вклад в понимание природы экстрасенсорных явлений внёс известный биолог Александр Гурвич (1874-1954). Пытаясь объяснить процесс морфогенеза растений, он пришёл к убеждению в существовании специфических биологических полей, формирующих живые объекты в процессе их роста и обеспечивающих их развитие. В результате Гурвич впервые ввёл в науку понятие *морфогенетического поля* в своей работе «О понятии эмбриональных полей» (1922). Работы профессора Гурвича широко публиковались на Западе в 1920-30-х годах и в дальнейшем нашли своё развитие в идеях Руперта Шелдрейка о *морфическом поле* и *морфическом резонансе*, ставшими очень популярными в конце 20 века. Александр Гурвич много сделал для разработки обобщающей концепции *биополя*, фактически дав и этому термину дорогу в науку. Будучи классическим академическим учёным, профессор Гурвич всегда живо интересовался исследованиями, проводившимися в Институте мозга, и старался объяснить феномен телепатии с точки зрения биологических полей.

В середине 20-х годов в Институте мозга появился инженер В.К. Чеховский, которой до этого самостоятельно ставил эксперименты по телепатии. Он использовал коллективного индуктора – группу людей, одновременно старающихся передать одну и ту же мысль перципиенту. Учёный совет института и лично Бехтерев заинтересовались его исследованиями и дали положительный отзыв. На этом основании Чеховский начал хлопотать об открытии филиала Института мозга в Москве. И вот здесь начинается нечто необычное – попытка реального использования древней магии для свержения правящего режима – настоящая пси-война! Да ещё с помощью магической процедуры инвольтации!

Известный биофизик Александр Чижевский (1897-1964), который тоже занимался вопросами телепатии и хорошо знал участников тех событий, рассказывает:

«Но эти работы позволяли скрывать иную, весьма опасную деятельность. Еженедельно по четвергам, вечерами, на квартире Чеховского, проживавшего [напротив здания ОГПУ] на Лубянке, с соблюдением строжайших правил конспирации собиралась чертова дюжина людей-единомышленников хозяина, включая его самого. В молчании они набрасывали на плечи некие мантии, надевали странные головные уборы и в определенном порядке рассаживались вокруг удлиненного стола с закругленными краями. Перед каждым из них лежала книга с неизвестными письменами. В центре стола находился искусно вылепленный из воска бюст... самого Сталина! Голову бюста покрывали волосы, принадлежавшие оригиналу. Они за сумасшедшие деньги покупались у сталинского парикмахера. Иногда вместо бюста в центре стола лежала фотография головы Сталина, снятая со спины. Получить ее было столь же трудно, как и его волосы, но собравшимся было нужно изображение именно затылка вождя.

Затем начиналось само действие. Оно состояло в том, что под аккомпанемент особых словесных формул-заклинаний стальной иглой пронзалось фото затылка вождя или затылок воскового бюста. Именно там, в затылочной области, у человека расположены продолговатый мозг и центры, отвечающие за дыхание и сердцебиение. Собравшиеся страстно желали поразить эти жизненно важные центры вождя.

Через какое-то время об этом уголовно наказуемом желании стало известно соответствующим органам. В один из четвергов преступное сообщество было нейтрализовано. Внезапно нагрянули представители этих самых органов и арестовали всех, как они посчитали, участников преступного деяния. В квартире оставили засаду. Но когда на второй день в той пустой квартире вдруг появился какой-то необычно одетый человек, сидевшие в засаде в панике бросились вон из странной квартиры. Оказалось, что один из участников действия успел спрятаться в каком-то закутке, затаился там, и его не заметили. Когда же таиться стало невтерпеж, он решил – будь, что будет, и вышел из своего тайного

укрытия, до смерти напугав сбежавшую засаду. И оказался на свободе.

Так о том случае стало известно на воле».¹⁸

Органы ОГПУ арестовали два десятка участников вместе с руководителями этой группы – Чеховским и Тегером. В 1928 году оба последних были сосланы на Соловки, откуда Тегера по болезни перевели в Среднюю Азию, а Чеховский после попытки возглавить массовый побег заключенных был расстрелян в октябре 1929 года.

Чтобы обезопасить себя от подобных деяний, Сталин после этого дарил на память гостям только одну свою фотографию, на которой он повернут вполборота и, сощурившись, раскуривает трубку. Эта фотография, согласно уверениям специалистов по магии, не годилась для энвольтования. Глаза, как энергетически уязвимое место, на этом снимке прикрыты, а «общий энергетический контур» защищён огнём.

Возможно, для дополнительной подстраховки против «магических атак» Сталин в начале 30-х годов приказал перевезти из Ленинграда в Москву известную потомственную «ведьму» Наталью Львову. В своей колдовской практике она использовала «классические» инструменты: высушенные части тел животных и неведомые травы. Правда, похоже, что Сталин консультировался с ней не только по поводу магии, – после её визитов часто случались кадровые перестановки.

**

Тем временем на Западе парапсихологический бум продолжался. Во Франции действовал Международный Метапсихологический Институт, в Германии – Берлинский Институт Парапсихологии. Именно эти ранние начинания обеспечили точку отсчета для попытки Дж. Б. Райна (1895-1980) перенести в лабораторию некоторые явления, попадающие под название парапсихологии. Классик парапсихологии Джозеф Бэнкс Райн, в будущем директор Института Парапсихологии США и первый главный редактор «Журнала Парапсихологии» начал свою научную деятельность в Америке в середине 30-х годов. Основываясь на работах Райна этих лет, другие исследователи на Востоке и Западе стали

¹⁸ Мирзалис И.В. Статья “Неразгаданная тайна А. Л. Чижевского”.

принимать эти явления более серьёзно, поскольку стало явным то, что эти результаты получены с помощью методологий солидной западной науки. Предложенные им методы исследований, созданный понятийный аппарат и введенные в обиход термины, такие как экстрасенсорный и экстра-сенсорное восприятие (ЭСВ), сегодня очень широко используются.

В 1925 году Райн закончил обучение и начал работать на кафедре ботаники в университете Западной Вирджинии. В это время он прослушал лекции сэра Артура Конан Дойла, убеждённого сторонника спиритизма. Это перевернуло мировоззрение Райна. С 1927 года он начал научные исследования в лаборатории парапсихологии, основанной Уильямом Мак-Дугаллом, деканом факультета психологии в университете Дьюка, позднее ставшей Институтом Парапсихологии. Райн был убеждён, что способности к телепатии присущи всем людям и могут развиваться при упражнениях. Он доказал, что по мере проведения серий опытов успешность результатов у большинства пар индуктор-перципиент повышалась с 10-26% в начале экспериментов до 60-80% после нескольких их десятков. С 1930 года Райн вёл исследования ЭСВ, то есть, восприятия помимо органов чувств, а также жизни после смерти.

В опытах по телепатии того времени часто использовались карты. Карл Зенер, один из сотрудников Райна, предложил вместо обычных игральные использовать специальные карты с геометрическими символами: крестом, кругом, квадратом, звездой и тремя параллельными волнистыми линиями. В колоде 25 карт, по 5 с каждым символом. Простота этих символов позволяла проводить более чистые и наглядные эксперименты по телепатии. Начиная с 1936 года, карты Зенера стали в США печатать типографским способом, и они поступили в широкую продажу. Вместе с МакДугалом Райн проводил сложные экстрасенсорные исследования, в состав исследовательских групп которых входили ученые различных специальностей: физики, психологии, врачи, математики. В 1937 году Райн стал первым шеф-редактором только что созданного им «Журнала Парапсихологии». Исследования Райна затрагивают и более поздние периоды истории парапсихологии, о которых мы будем говорить дальше.

Внёс свою лепту в историю парапсихологии и всемирно известный психоаналитик Вильгельм Райх (1897-1957), первый ученик Фрейда. Он происходил из бедной еврейской семьи, жившей в украинской части Австро-Венгрии. В 1922 году после окончания медицинской школы Венского университета Райх становится ассистентом Фрейда, ведёт большую врачебную практику и участвует в общественных движениях того времени. Постепенно он развивает своё направление в психоанализе, связав фиксирующиеся мышечные напряжения в теле человека с защитой от болезненных эмоциональных переживаний и проявлениями характера и назвав это теорией мышечного панциря. После прихода нацистов к власти он уезжает в Данию, затем в Норвегию, а в 1939 году перебирается в США. В Нью-Йорке Райх вводит в своё учение понятие *оргонической энергии* и основывает Институт Оргона. Его идеи об оргоне как о единой биологической и космической энергии прямо перекликаются с понятиями праны, ци, эфира и биополя. В дальнейшем Райх пытается сконструировать аккумуляторы оргона и лечить с их помощью различные болезни, зачастую довольно успешно. Идеи Райха об аккумуляторах биологической энергии позже стали весьма популярны среди создателей психотронного оружия.

**

В Германии 17 августа 1918 года было основано Общество Туле, которому оказалось суждено сыграть исключительную роль в судьбе Европы. Это была масонская организация – мюнхенская ветвь Германского ордена, возникшего в 1912 году и вобравшего в себя мистический пангерманизм Гвидо фон Листа (1848-1919), теософию и другие модные оккультные течения того времени. Слово *Туле* означало название северного континента, бывшего, по воззрениям оккультистов, прародиной ариев. Общество имело главным символом свастику. Для политических акций членами общества в 1918 году была создана Немецкая рабочая партия (позже НСДРП), куда в следующем году вступил Адольф Гитлер (1889-1945).

У начинающего фюрера быстро нашлись духовные учителя и друзья из общества Туле, такие как Дитрих Эккарт и Альфред Розенберг. Среди них одним из ближайших оказался Рудольф Гесс (1894-1987). Этот молодой человек страстно

увлекался мистикой и астрологией, а также учился в Мюнхенском университете у профессора Карла Хаусхофера (1869-1946), чьи геополитические теории также производили на него глубокое впечатление. Гесс познакомил своего друга Адольфа с Хаусхофером, и с этого момента профессор стал одним из главных духовных наставников фюрера. Обучение началось в тюрьме, где Гитлер сидел после «Пивного путча». Хаусхофер приносил ему свои статьи, и они, судя по всему, сильно повлияли на написание «Майн Кампф».

Хаусхофер утверждал, что Британская империя клонится к упадку, Америка по своему положению так и останется в полуизоляции, а мировое лидерство должно перейти к Германии. В связи с этим немцам необходимо расширение «жизненного пространства», что неизбежно ведёт Германию к территориальным экспансиям, в первую очередь – на востоке. В этом плане идеи Хаусхофера даже затмили для Гитлера авторитет Бисмарка, который предупреждал будущих немецких вождей не ссориться с Россией. В результате в «Майн Кампф» появились рассуждения о восточных территориях и связи жизненного пространства с внешней безопасностью и призывы к установлению «естественных» границ.

Хаусхофер также «посвятил» Гитлера в «тайну» происхождения человеческих рас, где арийцам отводилась роль наследников духовной элиты Атлантиды. По мнению Хаусхофера, центром обитания арийской расы долгое время был Тибет, и там до сих пор сохраняются многие её корни и знания. В результате после прихода к власти нацисты приложили немало усилий для организации экспедиций на Тибет, где, в частности, даже измеряли черепа тибетцев, чтобы доказать их принадлежность к нордическому типу. А сам Хаусхофер и его ученики из НСДРП установили контакты с тибетскими общинами в Берлине и Мюнхене, чтобы использовать их в своих мистических расовых целях. Хаусхофер полагал, что из Тибета, из мифической Шамбалы должны прийти сверхлюди, которые будут править миром. Эти идеи, видимо, послужили базой для формирования тайного отряда тибетцев, который охранял фюрера, и о котором мы будем говорить в следующей главе. В итоге Хаусхофер приобрёл репутацию духовного отца Гитлера, а после прихода последнего к власти геополитические и мистические теории Хаусхофера стали в Германии необычайно популярны.

Чтобы увидеть корни и взаимосвязи этих теорий, любопытно взглянуть, кем был сам автор. Карл Хаусхофер родился 27 августа 1869 года в Мюнхене. С 1887 года находился на дипломатической службе в Азии. Во время Первой мировой войны был бригадным генералом. Ходили слухи, что он обладал сильными экстрасенсорными способностями, предсказывал передвижение войск противника, даже точно указывал место и время попадания снарядов и бомб. После войны в 1921 году он становится профессором Мюнхенского университета. Это внешняя сторона, но была и другая, о которой Хаусхофер обычно помалкивал. Он поддерживал связи с Блаватской, тайным восточным орденом «Чёрный Дракон» и Георгием Гурджиевым (1877-1949), одним из самых известных мистических и духовных учителей 20 столетия. Исследователи указывают, что Хаусхофер вместе с Гурджиевым в 1903 году совершили путешествие на Тибет и Кавказ с целью исследования тайного знания. Есть основания полагать, что они неоднократно встречались и позже.

**

Начиная разговор о Георгии Гурджиеве, надо сказать, что легенд о нём больше чем достаточно. Он родился 28 декабря 1872 года в городе Александрополе на Кавказе в семье отца грека и матери армянки. С детства испытывал огромную тягу к эзотерическому и духовному знанию, которую в нём воспитали его отец и настоятель местного православного собора. Около 15 лет, с середины 1890-х годов, он провёл в путешествиях по Востоку, учился у суфиев, долго жил на Тибете. Гурджиев уверяет: «У меня была возможность проникнуть в святая святых почти всех закрытых организаций, как, например, оккультные, религиозные, философские, политические и мистические общества, недоступные обычному человеку...» Гурджиев сам начал учить в Петербурге в 1912 году, после революции иммигрировал во Францию, где купил замок Фонтенбло и основал там свою школу.

Центр учения Гурджиева заключается в его системе духовного развития «Четвёртый путь» с главным принципом «Помнить себя», который восходит к классической рефлексивной медитации «Кто я?». Человека Гурджиев делит на семь типов в зависимости от развития. «Обычный человек – это машина», – говорил Гурджиев. Только человек № 6 и № 7 является по-настоящему осознающим и

выходит из круга необходимостей. В обработке и пересказе его талантливому ученику журналиста Петра Успенского это интересное учение завоевало немало поклонников по всему миру. Однако, по выражению одного из его учеников, «страсть самого Гурджиева к играм в тайные общества, скрытые знания, посвящения, высших учителей и тому подобное» привела его к ссоре с Успенским и упадку его школы ещё при жизни.

Очень любопытным является факт личного знакомства Гурджиева с Иосифом Сталиным (1879-1953), отмечаемый большинством исследователей. Но некоторым данным, они много общались в Тифлисе в 1890-х годах и, возможно, встречались позже в Петербурге. В этой связи можно даже предположить личное знакомство Хаусхофера со Сталиным. Когда в 1903 году Гурджиев привёз Хаусхофера на Кавказ, Сталину, который в это время уже занимался подпольной революционной деятельностью, могло очень пригодиться знакомство с немецким дипломатом. Так это или нет, но, несомненно, на обоих сильное впечатление произвела личность Гурджиева, учитывая его идеи и необыкновенные экстрасенсорные гипнотические способности. Учение Гурджиева о семи типах человека Хаусхофер и Сталин могли легко трансформировать в идею Сверхчеловека, что очень соответствовало их характерам. Отсюда легко увидеть, как у Сталина и Гитлера оказались очень похожие взгляды на самих себя. Кроме того, если для Сталина в юности и существовал вопрос о реальности парапсихологических феноменов, то после знакомства с Гурджиевым он был окончательно решён.

**

Сам Гурджиев, Хаусхофер, Гитлер, Блаватская, а также известный художник Николай Рерих (1874-1947) старались найти Шамбалу – мифическую страну духовных учителей. Они неоднократно организовывали экспедиции по её поискам. Мотивы этих поисков легко варьировались от высших знаний к высшим силам. В начале 20 века это вообще была очень популярная тема. Священный трепет у эзотерической западной публики вызывали выражения типа «воины Шамбалы» и мифологические описания битв армий Добра и Зла с использованием высших сил и фантастических видов оружия. Шамбалу искали и нацисты, и коммунисты. В

результате, в эти времена для многих людей Шамбала стала не символом поисков духовности, а символом экстрасенсорных войн.

Одну из таких экспедиций в Шамбалу под руководством профессора Александра Барченко (1881-1938) готовил спецотдел ОГПУ. Барченко издавна увлекался парапсихологией и ещё в период своего обучения на медицинском факультете Юрьевского университета в 1905-1911 годах ставил опыты по телепатии. В 1920 году он познакомился с академиком Бехтеревым и был командирован Институтом мозга на Кольский полуостров для изучения загадочного заболевания мерячения, о котором мы уже говорили. Побывав на Севере, Барченко пришёл к убеждению в происхождении северных народов от древней арктической цивилизации Гипербореи и в 1922 году отправился в новую экспедицию для её исследования. Сообщения Барченко об остатках цивилизации гиперборейцев произвели сенсацию, но денег по-прежнему было мало, и Барченко посылает письмо главе ОГПУ Феликсу Дзержинскому с рассказом о своих исследованиях и просьбой о помощи.

Такая информация не могла не заинтересовать спецорганы, и в декабре 1924 года Барченко вызвали в Москву для доклада на коллегии ОГПУ. Здесь он познакомился с главой спецотдела ОГПУ Глебом Бокием, который стал его могущественным покровителем и спонсором. Спецотдел Бокия по заданию Ленина занимался криптографией, взламыванием шифров и сбором компромата на высших руководителей большевиков; у него были деньги и самое современное оборудование. При спецотделе Бокий организовал Лабораторию нейроэнергетики для изучения парапсихологических феноменов и назначил Барченко её руководителем.

Кроме того, Барченко убедил Бокия организовать экспедицию в Шамбалу. По-видимому, главным мотивом предприятия был поиск высшего знания и высших сил для организации экстрасенсорной войны против... красного террора. Барченко пошёл на сотрудничество с ОГПУ в поисках возможности продолжить научную работу, идейно он явно не поддерживал большевиков. Что касается мотивов Бокия, то данные тут противоречивы. С одной стороны, он стал революционером давно и из-за личного конфликта с царским режимом. Возможно, что в тайне он тоже не

одобрял курса партии большевиков, по которому она пошла после революции. С другой стороны, его иногда называют среди отцов-организаторов самого коммунистического террора, что довольно сомнительно, учитывая его «кабинетную» должность начальника криптографического отдела.

На экспедицию Бокий выделил огромную сумму – 100 тысяч рублей (по тогдашнему курсу – более полумиллиона долларов). Она была подготовлена к лету 1925 года, но сорвалась из-за противодействия главы разведки Трилиссера и министра иностранных дел Чичерина. Спецотдел Бокия проработал ещё двенадцать лет, но в 1937 году во время очередной волны чисток Бокия и Барченко были арестованы и чуть позже расстреляны по обвинению в организации покушения на Сталина. Все парапсихологические исследования были прекращены, а материалы бесследно исчезли в архивах НКВД.

**

Гораздо больше повезло другим организаторам экспедиций по поискам Шамбалы – супругам Николаю и Елене Рерихам, но лишь потому, что они остались жить за пределами Советского Союза. Отношение к ним и в России, и за её пределами довольно неоднозначное, но у нас нет задачи его обсуждать. Нам важно лишь отметить связь Рерихов с идеей пси-войн, по поводу которой мы можем привести высказывание историка Валентина Сизова, тщательно изучавшего их письменное наследие:

«Следуя наиболее распространённому общественному мнению, я относился к Рерихам с большим уважением, но только до тех пор, пока сам не начал изучать написанные ими книги и письма. Рерихи скрупулезно собирали сведения о сиддхах и всяких высших силах, но далеко не с мирными целями. Они собирались использовать эти экстрасенсорные силы для революции в Азии и создания там нового монголо-сибирского государства, называя это «Великим Планом». Естественно, во главе этого государства должен был встать сам Николай Рерих, новый «мировой вождь». Для подтверждения «прав на трон» он, с подачи услужливых лам, объявил себя воплощением Далай-ламы V и всячески вербовал себе сторонников на Западе. Всё это могло

закончиться войной, и не только экстрасенсорной. Но какой кровью это обойдётся, Рерихов не волновало, для них цель оправдывала средства. Это видно из их практических действий: поскольку с сиддхами дело шло туго, Николай Рерих обратился за помощью к большевикам, кровавый режим которых ему был хорошо известен. Он сфальсифицировал хвалебное письмо к советскому правительству от якобы восточных махатм: в этом письме и Ленин был назван «Махатмой». Призывая объединить ленинизм с буддизмом, он заручился помощью советских властей и организовал экспедицию на Тибет, которая, слава богу, окончилась провалом.

Утратив надежды на светское лидерство, Рерих сконцентрировал своё внимание на лидерстве духовном, всячески пропагандируя своё учение под названием «Агни Йога». Когда же я начал читать многочисленные толстые книги по Агни Йоге и Живой Этике, то с удивлением обнаружил, что не нахожу в них никакого смысла. Сначала я досадовал на собственную глупость и лишь впоследствии понял, что “король-то – голый!” Это “учение” было явно сфабриковано по политико-идеологическим мотивам самими Рерихами, кстати, весьма поверхностно разбиравшимися в восточной философии. “Пси-война” Рерихов вылилась в идеологический обман или, точнее, в самообман.¹⁹

Это заявление о связи Рерихов с пси-войнами нам кажется довольно любопытным, хотя мы не можем согласиться с его резкостью. Справедливости ради надо отметить, что Николай Рерих был замечательным своеобразным художником и последовательным борцом за сохранение памятников культуры. Возможно, его политические и личные амбиции повели его в не лучшую сторону, но делал он всё это из лучших побуждений и для блага людей, в том виде, как он себе его представлял.

**

Стоит рассказать ещё об одной пси-войне, начавшейся в этот период и, в отличие от предыдущих, ставшей реальностью. Как хорошо известно, большевики вели своё происхождение от масонско-террористических организаций, и в первые годы

¹⁹ Специальное интервью Валентина Сизова для этой книги.

советской власти полуокультурные-полунаучные идеи были у них очень популярны. Многие партийные лидеры, несмотря на официальную материалистическую марксистскую идеологию, интересовались оккультизмом и парапсихологией. Особенно ярко это проявилось в 1924 году, когда красные вожди в связи со смертью Ленина решили начать многолетнюю магическую пси-войну против своего народа. Посередине страны, официально провозгласившей материализм, с использованием магических ритуалов, восходящих к Древнему Египту, была сделана мумия Ленина и помещена на всеобщее постоянное обозрение в мавзолее рядом с Кремлём. По методам чёрной магии мозг был вынут и мумифицирован отдельно.

Как указывает российский психолог Александр Митрофанов, «задачей этих действий коммунистов было покорение сознания народа путём использования магических, экстрасенсорных и психологических средств». Эта пси-война оказалась весьма успешной, хотя какие именно факторы – экстрасенсорные или чисто психологические – внесли наибольший вклад – вопрос спорный. Следуя идеям экстрасенсорики, исследователь Владимир Авдеев отмечает, что

«...мумия Ленина, который при жизни был отягощен многими неприятными болезнями, является источником деградации народа, особенно при прохождении через мавзолей больших масс людей... Чучело красного фараона нужно сжечь и развеять его прах за пределами России, лучше всего над водной поверхностью».

В противоположность подобным мнениям оппозиция из коммунистов и сейчас стоит за сохранение мавзолея, а нынешняя власть предпочитает замалчивать этот вопрос. Таким образом, эта, почти уже столетняя пси-война всё ещё продолжается.

**

Первый парапсихологический бум привёл огромное число людей к осознанию реальности экстрасенсорных феноменов, к частичному признанию их наукой и неоднократным попыткам их военного применения. Следующий шаг к практике военного применения экстрасенсорики был сделан в период Второй мировой войны.

Глава 2

К военной экстрасенсорике 20 столетия: пси-войны Гитлера и Сталина

Ничего не остаётся постоянным. После подъёма должен быть спад, после спада – подъём. Это всеобщий закон перемен. После первого парапсихологического бума в мире начался период «парапсихологической депрессии». В середине 30-х в странах Запада развернулась тотальная кампания критики экстрасенсорики и мистицизма. Ортодоксальная наука и общественность «мстила» парапсихологии за недавние поражения и обиды.

Общую ситуацию не могли изменить даже такие серьёзные исследователи, как Джозеф Б. Райн, опубликовавший этот период несколько классических работ, в том числе и фундаментальный труд «Шестьдесят лет изучения сверхчувственного восприятия». В этой книге, вышедшей в 1940 году, описано 145 экспериментов по сверхчувственному восприятию с участием более 75 тысяч человек; причем, в 106 случаях результаты превзошли ожидаемые по теории вероятностей. Райн суммировал различные подходы к изучению паранормальных явлений и пригласил своих критиков-учёных написать независимые главы. Откликнулись только трое: жёсткое давление со стороны академического мира продолжалось. Но книга всё равно сыграла свою историческую роль. Райн не сдавался и продолжал исследования, всячески стараясь применять стандартные лабораторные методологии, чтобы парапсихология в конце концов была признана наукой.

**

В Германии и Советском Союзе происходило то же самое, но в гораздо более жёсткой форме и по несколько по другим причинам. Сталин к этому времени уже стал абсолютным диктатором и теперь «очищал пространство» от потенциальных экстрасенсорных угроз, в реальности которых, как мы помним, он не сомневался. Магия должна была быть только на его стороне, а ещё лучше – и вообще без неё:

власти у Сталина и так хватало. По всей стране изымались книги по оккультизму, ссылались в лагеря и уничтожались участники эзотерических групп. В течение нескольких лет оккультизм в России практически перестал существовать, а парапсихологические исследования, к этому времени проводившиеся только профессором Васильевым и Институте мозга, были полностью прекращены. Ну чем не очередная пси-война или «охота на ведьм»!

У всех тоталитарных режимов манеры одинаковы. В Германии Гитлер, придя к власти, тоже начал преследовать оккультистов. Но за этим, учитывая связи его режима с мистическим обществом Туле, ещё более, чем в случае Сталина, видно желание избавиться от возможной магической конкуренции. Чтобы расправиться с другими экстрасенсами, нужна была собственная «экстрасенсорная гвардия» – и для нападения, и для защиты. У Гитлера с 20-х годов уже был личный провидец и телепат Эрик-Ян Хануссен (Ганусен, 1889-1933). Однако один в поле не воин, и вот Гитлер, видимо по совету Хаусхофера и с его помощью, начинает набирать экстрасенсорную стражу из тибетцев, проживавших в Берлине и Мюнхене. С расовой точки зрения тут было всё в порядке, поскольку тибетцы расценивались как прямые потомки первых арийских переселенцев.

В этом нелёгком деле Гитлеру всемерно помогал другой большой любитель мистики – Генрих Гиммлер (1900-1945). Возглавляя СС – элитные военизированные подразделения нацистской партии, он превратил эту организацию в подобие Ордена Иезуитов, с мистическими ритуалами и символикой, явно направленными на использование магии в военных целях. В качестве штаб-квартиры СС Гиммлер отстроил в средневековом стиле замок «Вевельсбург» с множеством специальных ритуально оформленных помещений, включая зал высшего Совета 12 рыцарей-обергруппенфюреров. В нём находился огромный круглый стол в духе короля Артура, вокруг которого располагались 12 личных кресел – дубовых стульев с серебряными именованными табличками и гербами. Сам Гиммлер занимал отдельный, 13-й трон и имел в замке личную комнату, отделанную в честь германского короля Генриха I Птицелова, воплощением которого он себя считал. Высшее руководство и обычных членов СС разделял ещё внутренний круг, каждый член которого имел ритуальный кинжал и серебряное

кольцо с черепом и рунами-символами. На деятельности СС лежал полумистический покров тайны. В результате всего этого СС начали называть «Чёрным Орденом».

В 1937 году в составе СС появилось новое подразделение «Аненербе», первоначальной задачей которого было изучение германского исторического и культурного наследия. Под СС оно превратилось в организацию, контролирующую разработки секретного оружия и всю информацию парапсихологического, мистического и оккультного толка, а также курирующую концентрационные лагеря. В составе «Аненербе» работало несколько десятков научно-исследовательских институтов. Главою этой организации Гиммлер назначил Вольфрама Сиверса (1905-1945). В «Аненербе» оккультные тенденции СС расцвели пышным цветом. Например, специалисты из «Аненербе» изучали возможность воздействия на так называемые кристаллы воли – якобы особые образования в области гипофиза. Они пытались создать аппараты, дистанционно меняющие форму этих кристаллов, что должно было подчинять волю любого человека и даже изменять его психику. Прямой задачей «Аненербе» была экстрасенсорная магическая война.

**

В 1938-1939 гг. СС и «Аненербе» приняли деятельное участие в подготовке экспедиции на Тибет, возглавляемой Эрнстом Шафером. Задачами экспедиции были: установление дипломатических контактов; классификация рас в Тибете; выделение остаточных признаков нордических черт; поиски Шамбалы; изучение магических практик религии Бон; поиски экстрасенсорных средств, которые могли бы быть использованы нацистским режимом. Возможно, спонсоры экспедиции задумывались и о вербовке тибетцев, обладающих экстрасенсорными силами, но об этом нет прямых данных. Экспедиция была с почётом принята в Лхасе и тибетские власти оказали ей всемерную поддержку. Регент Тибета 5-й Ретинг Ринпоче писал Гитлеру:

«Господин Гитлер, король Германии, достигший власти над обширными странами. Пусть Ваши благородные дела увенчаются успехом! Я не только без какой-либо задержки пустил в Тибет сахиба Шафера и его

спутников, которые стали первыми немцами, посетившими нас, но был им в полном смысле этого слова другом и помощником. Я очень надеюсь на упрочение и расширение дружественных связей между нашими странами и правительствами. Я полагаю, что Вы, Ваше Величество король, господин Гитлер, будете единомышленны со мной в том, насколько это важно и существенно. Держите меня в курсе Ваших намерений, и да пребудет с Вами здоровье в насущных делах! Отправлено Ретингом (Рвасгрэнг) Хутукту в 18-й день 1-го тибетского месяца года Земляного Зайца [1939 год]»²⁰

Здесь может быть отмечен очень любопытный факт: из этого письма совершенно ясно, что к этому моменту регент Тибета Ретинг Ринпоче знал о захвате Гитлером других стран. Более того, есть данные, что он знал, что Гитлер строит своё государство на основе идеи расового превосходства.²¹ Однако это не удержало регента от намерения подружиться с Гитлером, и вся буддийская духовность не помогла ему принять более гуманистическое решение. Ни его позиция как высшего священнослужителя в тибетской иерархии, ни его почётный титул «Ринпоче» (означающий Святой Учитель), не помогли ему открыть своё сердце и ум.

Несмотря на успехи, экспедиции пришлось вскоре свернуть свою деятельность по приказу Гимmlера из-за приближения Второй мировой войны. Больше крупных экспедиций не было, но тяга тибетского правительства к дружбе с фашистской Германией не прошла для Тибета бесследно. Некоторые историки связывают конфликт Китая с Тибетом в 1959 году не только с двусторонними историко-идеологическими разногласиями, но и с тем фактом, что Китай имел некоторые основания считать Лхасу союзником нацистов и не видел причин, почему СССР и США могли разгромить Японию, точно такого же союзника, а Китай не может трогать Тибет.

В период тибетской экспедиции СС 1938-39 годов спецорганы НКВД убили Агвана Доржиева, посланника Далай-ламы в России. В сталинские времена убийство ещё

²⁰ Текст письма с сокращениями приводится по книге А.В. Васильченко «Тибетская экспедиция СС», М., Вече, 2009, (стр.88). В литературе есть немного отличающиеся переводы этого письма.

²¹ См. книгу Антона Первушина «Оккультные войны НКВД и СС», М. 2003.

одного человека не было большим делом, но разведывательная информация о намечающихся отношениях Германии и Тибета могла дать дополнительный стимул для этого.

Некоторые исследователи утверждают, что в Германии вскоре был сформирован отряд тибетцев под командованием ламы, носившего зелёные перчатки и имя «Хранитель Ключа». Этот отряд верой и правдой служил Гитлеру до самого конца, обеспечивая ему экстрасенсорную защиту, а возможно, и не только защиту. Но эту пси-войну «германско-тибетский альянс» проиграл. В апреле 1945 года во время штурма Берлина года русские солдаты нашли в одном из отделений бункера Гитлера шесть тел мёртвых тибетцев, лежавших в виде круга. В центре этого круга находился труп тибетца в зелёных перчатках. Расположение тел говорило о вероятном ритуальном самоубийстве. В целом советскими войсками было уничтожено несколько сотен тибетцев, служивших на стороне Гитлера. Многие из них носили эсэсовскую форму.²²

Несмотря на страсть к Тибету, сам Гитлер больше связывал свою судьбу с копьём Лонгина, якобы дававшему обладателю власть над всем миром. По легенде, этим копьём центурион Гай Кассий нанёс Иисусу Христу «удар милосердия», прервав тем самым его мучения. Эту реликвию юный Адольф увидел в музее дворца Хофбург в Вене, и она произвела на него мистическое впечатление. Гитлер поставил своей целью завладеть копьём и добился этого после аншлюса Австрии. Таким образом, в 1938 году главная битва магической войны была уже выиграна, оставались мелочи – завоевать весь мир. Но тут Гитлер проявил непоследовательность. Вместо того, чтобы расслабиться и предоставить копьё делать всю работу, фюрер продолжал суетиться и на всякий случай заигрывать с другими потусторонними силами. Копьё, естественно, ему такой измены не простило, и власть над миром так и осталась миражом.

**

В 1939 году от Гитлера в Советский Союз бежал известный экстрасенс Вольф Мессинг. В своей книге «О самом себе» он вспоминает:

²² Эти данные присутствуют во многих источниках, однако указаний и ссылок на оригинальные документы по этому вопросу авторы этой книги не видели.

«Когда 1 сентября 1939 года бронированная немецкая армия перекатилась через границы Польши, государство это, несравненно более слабое в индустриальном и военном отношении, да к тому же фактически преданное своим правительством, было обречено. Я знал: мне оставаться на оккупированной немцами территории нельзя. Голова моя была оценена в 200 000 марок. Это было следствием того, что еще в 1937 году, выступая в одном из театров Варшавы в присутствии тысяч людей, я предсказал гибель Гитлера, если он повернет на Восток. Об этом моем предсказании Гитлер знал: его в тот же день подхватили все польские газеты – аншлагами на первой полосе. Эта премия в 200 000 марок тому, кто укажет мое местонахождение, и была следствием моего предсказания.

Фашистский фюрер был чувствителен к такого рода предсказаниям и вообще к мистике всякого рода... Не зря при нём состоял собственный "ясновидящий" – тот самый Ганусен... Это один из немногих известных мне телепатов, в действительности обладавший способностью к чтению мыслей. Я с ним познакомился в 1931 году, перед его выступлением корреспондент одной варшавской газеты представил меня Ганусену за кулисами... Ганусена приблизил к себе Гитлер, хотя Ганусен был чистокровный еврей... Вращаясь в окружении Гитлера, шагая от успеха к успеху, Ганусен узнал слишком много того, что знать ему не следовало. Определенные круги использовали его для того, чтобы под видом "астральных откровений" дать фюреру тот или иной совет. И когда он оказался уже слишком рискованной фигурой в большой политической игре, его просто убрали. Завезли в лес и застрелили.

Так или иначе, желая ли отомстить мне за моё предсказание или, наоборот, намереваясь заменить мною Ганусена, Гитлер объявил премию человеку, который укажет моё местонахождение... Мне удалось бежать в Варшаву. Некоторое время я скрывался в подвале у одного торговца мясом... Однажды вечером, когда я вышел на улицу пройтись, меня схватили. Офицер, остановивший меня, долго вглядывался в мое лицо, потом вынул из кармана обрывок бумаги с моим портретом. Я узнал афишу, расклеивавшуюся гитлеровцами по городу, где сообщалось о награде за мое обнаружение.

– Ты кто? – спросил офицер и больно дернул меня за длинные до плеч волосы.

– Я художник...

– Врёшь! Ты – Вольф Мессинг! Это ты предсказывал смерть фюрера...

Он отступил на шаг назад, продолжая держать меня левой рукой за волосы. Затем резко взмахнул правой и нанес мне страшной силы удар по челюсти. Это был удар большого мастера заплочных дел. Я выплюнул вместе с кровью шесть зубов...

Сидя в карцере полицейского участка, я понял: или я уйду сейчас, или я погиб... Я напряг все свои силы и заставил собраться у себя в камере тех полицейских, которые в это время были в помещении участка. Всех, включая начальника и кончая тем, который должен был стоять на часах у выхода. Когда они все, повинаясь моей воле, собрались в камере, я лежавший совершенно неподвижно, как мертвый, быстро встал и вышел в коридор. Мгновенно, пока они не опомнились, задвинул засов окованной железом двери. Клетка была надежной, птички не могли вылететь из нее без посторонней помощи. Но ведь она могла подоспеть... В участок мог зайти просто случайный человек. Мне надо было спешить... Из Варшавы меня вывезли в телеге, заваленной сеном... Проводники вели и везли меня только по ночам. И вот наконец темной ноябрьской ночью впереди тускло блеснули холодные волны Западного Буга. Там, на том берегу, была Советская страна».

В Советском Союзе Мессинг начал выступать на сцене с такими же концертами. Война между СССР и Германией ещё не началась, но этот вопрос «вита́л в воздухе», и как-то во время выступления Мессинга спросили, будет ли она. Он автоматически ответил: «Я вижу танки с красными звёздами на улицах Берлина...» На выступлении присутствовали немецкие дипломаты, разразился скандал, и российскому МИДу пришлось заминать его. Популярность Мессинга росла, и скоро сам Сталин «пригласил» его на встречу, о которой Мессинг вспоминает:

«Сталина интересовало положение в Польше, мои встречи с Пилсудским и другими руководителями Речи Посполитой. Индуктором моим он не

был. После довольно продолжительного разговора, отпуская меня, Сталин сказал:

– Ох и хитрец вы, Мессинг.

– Это не я хитрец, – ответил я. – Вот вы так действительно хитрец!

[Президент Михаил] Калинин незаметно потянул меня за рукав. Со Сталиным я встречался и позже. Вероятно, по его поручению были всесторонне проверены мои способности. Помню такие проверки: мне было дано задание получить 100 000 рублей в Госбанке по чистой бумажке. Опыт этот чуть не кончился трагически.

Я подошел к кассиру, сунул ему вырванный из школьной тетради листок. Раскрыл чемодан, поставил у окошечка на барьер. Пожилой кассир посмотрел на бумажку. Раскрыл кассу. Отсчитал сто тысяч... Для меня это было повторением того случая с железнодорожным кондуктором, которого я заставил принять бумажку за билет. Только теперь это не представляло для меня, по существу, никакого труда. Закрыв чемодан, я отошел к середине зала. Подошли свидетели, которые должны были подписать акт о проведенном опыте. Когда эта формальность была закончена, с тем же чемоданчиком я вернулся к кассиру. Он взглянул на меня, перевел взгляд на чистый тетрадный листок, насаженный им на один гвоздик с погашенными чеками, на чемодан, из которого я начал вынимать тугие нераспечатанные пачки денег... Затем неожиданно откинулся на спинку стула и захрипел... Инфаркт!.. К счастью, он потом выздоровел».²³

Во время войны Мессинга много раз спрашивали, когда она закончится. Он всегда отвечал: «8 мая 1945 года». После окончания войны Сталин прислал ему телеграмму, поздравляя с точным предсказанием.

Многие исследователи считают, что Мессинг неоднократно выполнял задания лично Сталина и органов НКВД. Каковы именно были эти задания, вероятно лучше расскажут медиумы после общения с духом Сталина, а мы можем предположить, что Мессинг добывал разведывательную информацию с помощью дальновидения и

²³

В. Мессинг. О самом себе. М. 1965.

в ряде случаев применял свои гипнотические способности. Возможно, он пытался дистанционно воздействовать на Гитлера и других лидеров Третьего Рейха. Учитывая его способности, а также преследования, которым Мессинг подвергся со стороны нацистов, можно не сомневаться, что он вёл личную экстрасенсорную войну против гитлеровской Германии. С каким успехом? Вряд ли на этот вопрос когда либо будет получен достоверный ответ. Может и были в своё время какие-то документы, но практика уничтожения архивов у НКВД была нормой, поэтому на дальнейшие исследования сильно рассчитывать не приходится.

**

Есть также сведения, что в конце 30-х годов НКВД отбирал детей с экстрасенсорными способностями. Их содержали в хороших условиях и изучали. Подспудной целью НКВД могла быть подготовка агентов, обладающих парапсихологическими способностями, в том числе, и для работы за границей. Иногда с подготовкой детей-экстрасенсов связывают имя Леонида Васильева, ученика Бехтерева, но это маловероятно. Подобная деятельность должна была бы оставить заметные следы в дальнейших работах профессора Васильева, но таковые отсутствуют.

Если подобная программа действительно существовала, то где эти дети? По крайней мере, у некоторых из них необычные способности могли развиваться и сделать их известными экстрасенсами в 1950-60 годы. Людей с такими биографиями мы не знаем. Даже если они были все завербованы, должны были остаться следы. Но данных о том, что ГРУ и КГБ в этот период использовали агентов-экстрасенсов, тоже нет. Скорее всего, программа была прекращена где-то в середине войны, и детей убедили больше не использовать их способности. Причины могли быть чисто идеологические, но, скорее всего, Сталин опасался сильных экстрасенсов. Одно дело – контролировать Мессинга – потрепанного жизнью эмигранта, плохо говорящего по-русски, и ещё двух-трёх человек подобного уровня, другое – целую группу молодых и образованных экстрасенсов, полных энергии и видов на будущее.

**

Ещё одна магическая война Сталина связана с могилой Тамерлана. Эта история может служить прекрасным примером синхронностей, описанных Юнгом. К тому же в ней хорошо видно отношение Сталина к потустороннему и его явное нежелание вступать в конфликт с магическими силами.

Прозванный из-за увечья ноги Железным Хромцом, потомок одного из полководцев Чингисхана Тамерлан (Тимур, 1336-1405) завоевал в 14 веке огромные территории от Индии до Средиземного моря. Его невероятная жестокость стала легендой: он устраивал стены из штабелей живых людей, заливая их известью, и возводил башни из десятков тысяч отрубленных голов. Столицей своей империи Тамерлан сделал Самарканд, и когда он умер, его похоронили там же, в великолепном мавзолее Гур-Эмир. На гробнице помимо множества имён Тамерлана было выбито предостережение желающим вскрыть гробницу: «Нарушивший покой Тимура навлечёт на себя великие бедствия, а по всему миру разразятся жестокие войны». Так и случилось.

Около пяти веков никто не решался беспокоить останки Тимура. Не трогали её и большевики, ни во времена революции, ни во времена гражданской войны, ни после. Однако Сталина неодолимо тянуло всё, что было связано с великими завоевателями и правителями прошлого. Он всячески намекал на своё сходство с Петром I, и, конечно, не мог пропустить такую реликвию, как могила Тамерлана на советской территории. В июне 1941 года в Самарканд отправилась научная экспедиция с целью вскрыть гробницу, изучить останки, показать на выставке и на их основе воссоздать портрет завоевателя. Неожиданные препятствия и поломки оборудования затягивали работу экспедиции. Узнав об их цели, хранитель мемориала восьмидесятилетний Масуд Алаев пришёл в ужас и указал приезжим на предостерегающую надпись. На всякий случай, для перестраховки, об этом доложили в Москву. Оттуда пришел приказ: Алаева арестовать за распространение панических слухов, гробницу вскрыть немедленно.

Свидетели рассказывают, как непосредственно перед вскрытием к участникам экспедиции подошли старцы-аксакалы и ещё раз предупредили, что если открыть гробницу Тимура, то начнётся война. В момент самого вскрытия в мавзолее погас свет. Но приказа Москвы никто послушаться не решился, и 19 июня 1941 года

саркофаг Тамерлана был вскрыт. Через 48 часов после этого началась война – ранним утром 24 июня Германия напала на Советский Союз. Эта война, действительно, оказалась одной из самых жестоких в истории человечества. Оператор экспедиции Малик Каюмов позже на фронте рассказал эту историю маршалу Жукову. Тот отнёсся к ней весьма серьёзно и передал Сталину. 20 декабря 1942 года останки Тимура были с почестями перезахоронены, а мавзолей Гур-Эмир в разгар войны отреставрирован. Удивительным образом эта дата совпала с окончанием Сталинградской битвы, одного из важнейших переломных сражений Второй мировой войны.

**

Как раз в это время в Германии началась ещё одна пси-война. В 1942 году капитан военно-морской службы Ганс Ройдер высказал предположение, что англичане используют маятник для определения местонахождения немецких подводных лодок. Работа с маятником или резонатором – стандартная экстрасенсорная процедура. Она служит для получения ответа на поставленный вопрос в момент реакции резонатора. Так маятник должен изменять направление или частоту своих колебаний в тот момент, когда он находится над заданной точкой на карте или когда оператор высказывает правильное предположение. Эта процедура сродни лозоходству, когда рамка в руках оператора приходит в движение над залежами полезных ископаемых, подземными источниками воды или кладами.

Идею восприняли с пониманием, и «Аненербе» организовало Институт Маятника для определения местонахождения военных целей. Самой известной операцией этого Института стали поиски Муссолини. Когда в сентябре 1943 года в Италии был арестован дуче Бенито Муссолини, Гитлер приказал его найти и спасти. Но разведка этого сделать не смогла, и в ход была пущена парапсихология. Институт Маятника набрал группу экстрасенсов, они сутки напролёт сидели над картами с отвесами в руках. Место, где находился дуче эти экстрасенсы указали неправильно, дело снова перешло в руки разведки, и специалист по тайным операциям Отто Скорцени в конце концов освободил итальянского диктатора, за что и был обласкан Гитлером. А экстрасенсы получили крупный нагоняй.

Пытались нацисты вести магическую войну и против евреев. Как сообщает историк Тревор Равенскрофт,²⁴ они разбрасывали пепел, полученный от сжигания в печах концлагерей определённых частей тел евреев, с целью заставить эту нацию покинуть пределы Германии. Идея была аналогична приворотно-отворотным зельям в колдовстве и была взята Гиммлером у Рудольфа Штайнера, несмотря на официальную опалу последнего. Штайнер успешно использовал её в 20-е годы для изгнания кроликов из поместий некоего графа, и в 1944 году Гиммлер решил воспользоваться этим методом для быстрого и лёгкого решения еврейского вопроса. Одному из отделов «Аненербе» было поручено «произвести» нужный пепел, «активировать» его по методу Штайнера и распылить в разных районах Германии. Чем закончилась эта магическая война, хорошо известно.

**

В истории Второй мировой войны были и другие эпизоды, связанные с парапсихологией, но сейчас мы хотим остановиться на одном из самых необычных её моментов – неожиданном перелёте Гесса в Англию. Этому эпизоду историки так и не дали удовлетворительного объяснения.

10 мая 1941 года Рудольф Гесс, который в это время был заместителем Гитлера по партии и вторым человеком в иерархии Германии, вдруг садится в самолёт и улетает в Шотландию. Как мог один из вождей Третьего Рейха сделать такое? Это не могло быть предательством – Гесс боготворил Гитлера и готов был отдать за него жизнь. Это не могло быть заданием Гитлера по заключению сепаратного мира с Великобританией – Гитлер был шокирован и до предела взбешён поступком Гесса: он объявил его сумасшедшим. Да и зачем для заключения мира лететь одному на самолёте через линию фронта? Для этого есть другие пути, более надёжные и заслуживающие доверия противника. Зачем одному из высших руководителей Рейха разом перечёркивать всю свою карьеру? Нельзя забывать, что в случае неожиданной смерти Гитлера Гесс мог возглавить Третий Рейх, конкурентом в этот момент ему мог быть только Герман Геринг. И зачем рисковать

²⁴ Равенскрофт Тревор. Копьё судьбы. Спб., Амфора, 2006

жизнью? Его ведь просто могли сбить и сбили: Гесс выпрыгнул с парашютом. А мог и вообще погибнуть. Зачем всё это??

Неудивительно, что все объяснения историков шиты белыми нитками. И сам Гесс, хотя и прожил до 1987 года, так и не пролил свет на свой поступок. Представ в 1946 году перед военным трибуналом в Нюрнберге, он во время процесса постоянно переспрашивал судей и повторял: «Я ничего не помню». Естественно, его обвинили в симулировании потери памяти. А если это не так? А если он действительно ничего не помнил?

Мы рискнём высказать крамольную мысль: Гесс говорил правду! Он ничего не помнил, и когда его заставляли вспоминать, из-за внутреннего сопротивления психики вспышки амнезии затрагивали даже оперативную память, поэтому он и переспрашивал судей. Эти признаки вполне могут указывать на пост-гипнотическое внушение – Гесс под глубоким гипнозом получил мощный приказ лететь в Англию, а затем забыть обо всём, что касалось его перелёта и предшествующего периода времени. Эта версия выглядит очень логично, тем более, что хорошо известна гипнабельность Гесса: многие свидетели подтверждают, что он впадал в религиозный экстаз и даже транс при выступлениях Гитлера.

Но кто загипнотизировал Гесса и отдал ему приказ улететь в Англию, а после забыть обо всём? Конечно же, не Гитлер. Нет смысла даже обсуждать вопрос, смог бы или нет это сделать фюрер, поскольку он мог отдать такой приказ и без гипноза. Да и зачем ему было это? От полёта Гесса Гитлер ничего не выиграл, зато много проиграл. А если не Гитлер, тогда кто и зачем?

**

И вот тут перед нами всплывает имя Сергея Вронского. Это человек-миф. Давайте посмотрим, что о нём говорят исследователи Александр Рудаков и Георгий Стегер в их солидной книге «Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего Рейха»:

«Личным лечащим врачом и астрологом Гесса был Сергей Алексеевич Вронский (25.03.1915 Рига - 1998 г. Балашиха Московская обл.) –

нелегал советской военной разведки. Сергей Вронский руководил нелегальной берлинской резидентурой ГРУ ГШ с 1939 по 1942 год. Резидентура Вронского работала в тесном оперативном контакте с Рихардом Зорге (04.10.1895 - 1944) – резидентом ГРУ в Китае и Японии, а также Вилисом Лацисом – сотрудником военной разведки.

Отец Вронского – начальник отдела криптографии генерал Генерального штаба царской армии, мать – итальянская красавица и их дети Александр, Михаил, Ванда, Варвара были расстреляны в 1920 году бандой Якова Яворского.

Сергей Вронский управлял агентурой глубокого залегания, которая разрабатывала Гитлера, Геббельса, Геринга, Бормана, руководителя одного из институтов «Аненербе» – отца германского ракетостроения – Вернера фон Брауна, генерала Вальтера фон Браухича и других фигурантов помельче. В 1942 году С. Вронский находился в звании майора вермахта, самостоятельно вышел из оперативной разработки, совершив побег на легком самолете «Шторк». С помощью гипноза С. Вронский завладел подлинными документами пленного офицера Красной Армии, на самолете пересек линию фронта и предстал перед очами И. Сталина в Кремле. *Подлинная биография легендарного нелегального военного разведчика генерала С. А. Вронского закрыта на сто лет.* [выделено ред.] Умер С. Вронский в скромной квартире в городе Балашиха Московской области, где проживал совместно с любимой женой Лианой Жуковой» (стр. 109).

У нас нет задачи подтверждать или опровергать информацию Рудакова и Стегера. Когда соответствующие архивы ГРУ и НКВД-КГБ будут рассекречены и опубликованы, мы получим исчерпывающие ответы. Пока же мы будем пользоваться официальной биографией Сергея Вронского, в том виде, как он сам её излагал. Конечно, имея в виду, что по указанным выше причинам в его биографии причудливым образом переплетаются правда и легенды.

**

Сергей Алексеевич Вронский родился 25 марта 1915 года в Риге в семье старинного дворянского рода Вронских, который перебрался в Россию из Польши

ещё в семнадцатом веке. Его бабушка, черногорская княгиня из рода Ненадичей-Негош, была потомственной ясновидящей и прорицательницей. Получив прекрасное образование в Германии и во Франции, княгиня всерьёз занималась магией, хиромантией, астрологией. Интерес к этим областям знания у Сергея Вронского проявился, видимо, благодаря генам бабушки.

Отец Сергея, граф Алексей Вронский, до октября 1917 года имел чин генерала и был начальником шифровального отдела российского Генштаба. Этот энциклопедически образованный человек был полиглотом и знал множество языков. К революции генерал отнёсся положительно и оказал большевикам ряд услуг по налаживанию шифровальной работы. Однако, видя разворачивающийся в России кровавый террор, граф Вронский решил уехать за границу. Ленин лично дал ему разрешение на выезд.

В 1920 году, когда семья уже паковала чемоданы, в дом внезапно ворвалась банда анархиста Яворского и расстреляла всю семью Вронских: самого Алексея, его жену и четверых детей. Только Сергей уцелел чудом, так как в это время гулял с гувернанткой в саду. Гувернантка-француженка сначала спрятала мальчика у соседей, а потом вывезла Сергея во Францию, где его через Красный крест нашли бабушка и дедушка, жившие в Риге.

Вронского определили в частную гимназию в Риге, где занятия велись на русском языке. Учился мальчик прекрасно, поражая наставников своими знаниями, логическим мышлением и блестящей памятью. От отца ему достались способности к языкам: среди прочего он свободно говорил и писал по-немецки. Одновременно бабушка занималась с ним своими магическими науками, передавая внуку то, чем владела сама. Будучи семилетним мальчиком, Сергей уже прекрасно разбирался в астрологии, умел читать гороскопы и составлять их для друзей и знакомых. Приблизительно в том же возрасте у Вронского проявились способности к гипнозу, он увлёкся психотерапией и спиритизмом. Нередко удивлял Сергей своих товарищей тем, что угадывал, какой билет выпадет ему или им на экзамене.

В 1933 году Сергей Вронский приехал в Германию и поступил на медицинский факультет Берлинского университета. С биографией проблем у молодого графа не

возникло: он заявил, что вся его семья была зверски уничтожена большевиками. Никаких подозрений у нацистов это не вызвало, а проверить было невозможно: в неразберихе первых лет российской революции мало кто мог отличить анархиста Яворского от большевиков и прочих «красных». К тому же, в Германии Сергей Вронский всегда подчёркивал, что часть его дворянского графского рода имеет немецкие корни и ведёт генеалогию от тевтонских рыцарей.

На медицинском факультете у Сергея быстро проявились экстрасенсорные способности: он ставил диагнозы с закрытыми глазами, лечил наложением рук, предсказывал ход болезней, давал больным необычные рекомендации. На талантливого студента быстро обратили внимание нацисты и предложили ему перейти в закрытый Биорадиологический Институт. Здесь готовили врачей, наделённых экстрасенсорными способностями для работы с нацистской верхушкой. Помимо медицинских дисциплин студентам читали лекции по шаманизму, магии, астрологии, восточным религиям, гипнозу, психотерапии. Среди преподавателей можно было увидеть тибетских лам, индийских йогов, китайских специалистов по иглоукалыванию. Позже Вронский писал: «В эти страшные годы я был не только студентом, но и подпольщиком. С 1938 года несколько раз тайно бывал в Советском Союзе... Но пока об этом говорить не имею права». В этот период Сергей Вронский становится кадровым советским разведчиком и получает первое офицерское звание.

После вручения диплома Вронского вызвали в кабинет ректора, где его ждал офицер в форме полковника вермахта. Он сделал Сергею заманчивое предложение работать на одного из вождей великой Германии. Этим вождём оказался Рудольф Гесс, «наци № 2», пожелавший иметь возле себя лучшего выпускника Биорадиологического Института, хорошо разбирающегося в астрологии.

«Сошлись мы на астрологии, – рассказывал Вронский, – и Гесс стал моим первым учеником. Он оказался очень способным в познании этой науки, но ему мешала большая самоуверенность. Общаясь с ним, я начал по-настоящему применять мои способности гипноза и внушения. Надо сказать, он хорошо поддавался этому. Сначала я вошел в круг его друзей и сослуживцев. Когда же меня допустили “ко двору”, куда чужих не

подпускали на пушечный выстрел, интуиция и мои навыки помогли мне разгадывать корыстные и карьерные игры среди приближенных Гесса, их возникающие союзы и группировки. Я давал ему советы, как с кем вести себя, кого остерегаться, кого приблизить. Он очень прислушивался к этим советам, так как я обычно попадал в точку».

Обратим внимание, что здесь Сергей Вронский подтверждает высокую гипнабельность Гесса и тот факт, что он постоянно и успешно применял к Гессу свои гипнотические способности.

Гесс был доволен: почти всё, предсказанное Вронским, сбывалось. «Звезды управляют дураками, а умные – своими звездами», – любил повторять Гесс, радуясь своему удачному выбору. Он бы радовался меньше, если бы знал, что Вронский уже давно управляет им самим с помощью гипноза и использует гороскопы больше для отвода глаз: у Сергея были мощные способности ясновидения, в основном они, а не гороскопы помогали ему. Гесс познакомил Вронского со многими влиятельными нацистами, которым Вронский составлял гороскопы и которых лечил экстрасенсорным воздействием. Высокопоставленные клиенты и пациенты, зачастую делились с ним своими служебными секретами, спрашивая совета. Вронский давал советы и вместе с тем посылал подробные отчёты об этих разговорах по линии разведки в Москву. Рост своей известности Вронский старался сдерживать, ведь был разведчиком и возглавлял часть советской резидентуры. Словами поговорки можно сказать, что астролог-врач Вронский был «широко известен в узких кругах».

Теперь мы подходим к самому интересному моменту, с которого началось наше повествование – к полёту Гесса. Сначала предоставим слово самому Вронскому:

«К 1941 году мы были близки и полностью откровенны. Рудольф рассказал мне о плане “Барбаросса”. Мы составили астрологический прогноз, отталкиваясь от точного времени вторжения. Расчеты предвещали полный крах нацистской Германии. Гороскоп перепроверялся не раз. Все сходилось в точности. Гесс обратился к фюреру с просьбой перенести дату, но Гитлер поднял его на смех. В побеге Гесса нет ничего удивительного. Он подумывал даже бежать в

Россию, но звезды предсказывали ему там немедленную гибель. Английский же вариант обещал жизнь. Так и случилось. Гесс пережил своих товарищей по партии на 50 лет».

А вот здесь, с разрешения разведчика-графа Вронского, мы ему не поверим. Во-первых, Вронский был первоклассным астрологом – он не мог не знать, что никакой гороскоп не может предвещать «полный крах». В любом, даже самом «худшем» гороскопе есть альтернативные транзиты, и ни один астролог не может со 100% уверенностью сказать, какие из них реально подействуют. Ни по какому гороскопу войны нельзя точно сказать, кто победит. Вронский это прекрасно знал, другое дело – что он постарался убедить Гесса в полной безнадёжности войны и в надвигающейся катастрофе. Естественно, это вызвало у Гесса панику и судорожные попытки найти выход. Нужное психологическое состояние было достигнуто. Вронскому оставалось только загипнотизировать Гесса в подходящий момент и отдать ему приказ лететь в Англию, а по прилёту забыть обо всём.

Зачем это нужно было Вронскому? Ведь у него была великолепная, фантастическая для разведчика позиция – личный друг второго человека в стане врага! По логике, он должен был как можно дольше удерживаться в этой позиции и укреплять позиции своего высокопоставленного босса, – чтобы иметь постоянный доступ к высшим секретам Рейха. С отлётом Гесса он терял всё это и ставил себя под неизбежный удар со стороны гестапо и других нацистских спецслужб. И если Вронский так сделал, то это могло быть только по прямому приказу из Москвы, только по личному приказу Сталина.

Зачем это нужно было Сталину? Ведь с потерей Вронского-Гесса он терял почти прямой доступ к Гитлеру. Значит, дело того стоило. Что же это было за дело?

Альтернативой такой огромной потере могла быть только глобальная вещь – война. Сталину нужна была война Гитлера с Англией. Не та, которая уже шла – позиционная, с периодическими морскими сражениями и бомбовыми налётами, а полномасштабная – с форсированием Ла-Манша и высадкой немецких войск на Британских островах. Для Сталина это давало возможность выждать, пока обе стороны не обескровят друг друга, а потом напасть на Гитлера, одним ударом взять

всю Европу, и Англию в придачу. Вот тут-то мечта Сталина о мировом господстве могла стать реальностью, это были не миражи Гитлера.

Но как этого добиться? Как заставить Гитлера наконец-то начать настоящую войну против Англии? У нацистов был разработан план высадки немецких войск в Великобритании «Морской Лев». Но Гитлер то приказывал запустить его в действие, то отменял приказ. Как было заставить его всё-таки нанести удар? Зная характер фюрера, Сталин понимал, что его надо вывести из себя, взбесить, довести до того, чтобы Гитлер в порыве гнева отдал приказ о нападении. Как это сделать? Ответ – предательство! Сталин знал, насколько щепетильно Гитлер относится к верности своих ближайших соратников. И ближе всех в душевном отношении к Гитлеру был Гесс. В его беспредельной преданности Гитлер не сомневался, и его предательство он должен был перенести больнее всего. Теперь представьте: Гесс бросает Гитлера и летит в Англию! Реакция фюрера могла быть только одна: смерть предателю и смерть Англии! Это как муж, застав свою любимую жену в постели с другим мужчиной, убивает и её, и любовника. Сравнение более чем точное.

Ради этого можно было пожертвовать Вронским. Сергей это понял, но приказ выполнил. И стал генералом. В 26 лет. Сталин любил награждать обречённых на смерть. Шансов выжить у Вронского не было почти никаких. Страсть Гесса к астрологии была хорошо известна, связь Вронского с Гессом – тоже. К тому же Гитлер подозревал, что в этом деле замешена астрология. На придворных астрологов обрушились репрессии, многих арестовали. Но не Вронского. Как ему удалось спастись – неизвестно. Возможно, в этот момент он лечил самого Гитлера или кого-то из ближайших. Врачом быть куда полезнее, чем астрологом...

Жертва оказалось напрасной. Окружение Гитлера невероятными усилиями удержало его от высадки войск в Англии. Интенсивно шло расследование «дела Гесса». Вронскому оставаться на виду в Берлине дальше было опасно. Он к этому времени уже имел звание капитана вермахта и, используя связи, устроился военным врачом в Африканский Экспедиционный Корпус генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля. После боевых действий в Африке за храбрость и боевые заслуги Роммель вручает Вронскому личное оружие с надписью «За честную и преданную

службу Германскому Рейху». Вскоре Сергей становится личным врачом Роммеля. Однако, преданный рейху врач-экстрасенс Вронский не забывал передавать в советский разведцентр важные сведения, которые тут же поступали к англичанам и помогли им нанести сокрушительное поражение немцам в Африке.

К 1942 году кольцо вокруг Вронского начинает сжиматься. Слишком много нитей связывало его с Гессом. Своим отъездом в Африку он отсрочил провал, но заставить гестапо забыть о себе насовсем он не мог, даже используя все свои гипнотические силы. С советской стороны тоже назревают проблемы. Сталин был крайне удивлён, что Вронскому удалось выжить, и начал подозревать его в двойной игре. Сергей чувствовал опасность возвращения в Советский Союз, но оставаться у немцев тоже было нельзя: гестапо уже подбиралось к нему вплотную, арестовать его могли с минуты на минуту.

Сергей Вронский просит о кратковременном отпуске, чтобы съездить на родину в Прибалтику, бывшую тогда под контролем Германии. Едва Вронский прибыл в Ригу, как из Берлина пришёл приказ о его аресте. Группе эсэсовцев, явившихся, чтобы его задержать, Вронский внушил, что его нет дома, и заставил их устроить засаду на самого себя. А сам сел в эсэсовскую машину и отправился на прифронтной аэродром. В машине оказался портфель командира группы эсэсовцев, в котором лежали документы пленного советского офицера-лётчика. Вронский их взял. На аэродроме он загипнотизировал охрану, диспетчера и механика, и с их помощью угнал лёгкий самолёт. Такие самолёты он умел водить ещё со времён увлечения авиацией в гимназии и сам перелетел линию фронта. Над советской территорией Вронский был сбит зенитками, но сумел посадить машину. Его схватили красноармейцы, но русский язык и документы советского лётчика спасли ему жизнь в первый момент. Он был доставлен в особый отдел ближайшей воинской части.

Вронский попросил особистов передать его личные пароли в Главное разведывательное управление (ГРУ), и оттуда пришёл приказ немедленно доставить его в Москву. Но сделать это не успели, началось наступление немцев, и воинская часть оказалась в центре боевых действий. Командир части, узнав, что Вронский врач, попросил его занять место только что убитого хирурга в полевом

госпитале. Через несколько дней в блиндаж, где оперировал Вронский, попал снаряд, и он получил ранение. В это время за ним прибыла специальная группа сопровождения из Москвы, и он был доставлен в столичный военный госпиталь. После поправки генерал Сергей Вронский встретился с Иосифом Сталиным.

Для Сталина это была сложная встреча, для Вронского тем более. Побег Вронского несколько сгладил подозрения Сталина, но не уничтожил их совсем. Были и другие причины. По логике диктатора, если Вронский не двойной агент, то тем более стоит опасаться его мощных гипнотических и экстрасенсорных способностей. Социальная ситуация тоже была не простой: одно дело дать звание генерала юноше-смертнику, о котором мало кто знает и мало кто узнает; другое – иметь живого 27-летнего генерала прямо в Москве. Наполеоны Сталину были не нужны. Но Сталин очень хотел использовать способности Вронского в своих целях, и это перевесило другие соображения. До поры до времени ему это удавалось, пока Сергей Вронский не разобрался получше, что из себя представляет советский строй и коммунизм по-сталински. Эта игра в кошки-мышки между Сталиным и Вронским заняла долгие четыре года, и о ней можно будет рассказать только после публикации соответствующих архивов НКВД-КГБ. Это была пси-война, и закончилась она арестом Вронского и отправкой его в ГУЛАГ. Но закончилась ли?

В 1946 году Вронского арестовывают и судят по обвинению в тайном сотрудничестве с немцами. Его лишают генеральского звания, всех наград и воинских пенсионных привилегий, уничтожают многие связанные с ним архивные материалы и осуждают на 25 лет лагерей с отбыванием в Мордовии. Генерал Вронский перестал существовать, но Сталин так и не решился его физически уничтожить. По мнению Вронского, Вольф Мессинг или кто-то из шаманов-колдунов убедил Сталина, что мощные экстрасенсы-маги могут в момент смерти забрать с собой на тот свет душу своего убийцы. Такое путешествие в планы Сталина не входило, и для Вронского он выбрал компромиссный вариант – Потьминские лагеря. Конечно, Сталин предпринял специальные меры, чтобы Вронский не мог убежать оттуда, воспользовавшись своими гипнотическими способностями.

Однако в лагере Сергей быстро завоевал расположение тюремного начальства своим медицинским искусством, и его, как замечательного врача, содержали в более-менее приличных условиях. Через несколько лет, когда Сталин начал о нём забывать и специальный контроль заметно ослаб, Вронский симулировал неизлечимую болезнь, и его отпустили на волю умирать.

Вряд ли мы вправе считать, что Сергей Вронский безропотно сносил эти преследования, а также страдания окружающих его людей. Не тот он был человек. Если советский строй и вызывал у него иллюзии в период пребывания в Прибалтике и Германии, то уже после проживания в Советском Союзе эти иллюзии должны были рассеяться. Да и отношение Сталина к себе Вронский видел воочию. Так же, как в случае Мессинга и Гитлера, мы можем предположить, что Сергей Вронский старался вести личную пси-войну против Сталина. Каковы были результаты, мы тоже никогда не узнаем, но в 1952 году Сергей Вронский выходит на свободу, а несколькими месяцами позже, в марте 1953 Сталин скоростижно умирает.

Вронский поселился в Юрмале. Здесь он подрабатывал тем, что с помощью своих экстрасенсорных способностей помогал следователю, своему бывшему школьному товарищу, искать пропавших людей и вещи. Периодически он приезжает в Москву, где проводит подпольные лекции по астрологии и экстрасенсорике. Многие экстрасенсы, ставшие весьма известными в России позже, учились у него. Как пример можно привести замечательного экстрасенса Владимира Сафонова, описавшего свою учёбу у Сергея Вронского в книге «Нить Ариадны».

Органы безопасности быстро обратили на эту деятельность внимание, и доклад о ней, пройдя по инстанциям КГБ, лёг на стол главы партии и правительства Никиты Хрущева. Тот ещё со времён войны знал о легендарном разведчике-экстрасенсе и направил его в Звёздный Городок работать врачом-консультантом для космонавтов. В связи с этим в 1963 году Вронский переезжает в Москву. Здесь на его долю выпадает ещё одна интересная миссия – познакомиться с астрологией Юрия Гагарина, первого человека, побывавшего в космосе. Несколько позже КГБ также начало сотрудничать с Вронским в своей оперативной работе. С помощью экстрасенсорики он помогал раскрывать преступления и предотвращать

катастрофы. Работал по обеспечению безопасности полётов для международного аэропорта Шереметьево. Некоторые офицеры КГБ учились экстрасенсорике у Вронского, о чём мы расскажем позже.

С 1968 Сергей Вронский читал лекции и проводил практические занятия в Лаборатории биоинформации при радиотехническом обществе имени Попова, одной из немногих, официально занимавшихся парапсихологией. В 1982 году, после прихода к власти Юрия Андропова, лично знавшего Вронского, ему разрешили заниматься астрологией, но потребовали, чтобы это называлось космобиологией. В это время Вронский составляет гороскопы для ряда крупных чиновников и высших руководителей СССР. Но при этом остаётся бесребреником: берёт очень маленькие гонорары или вообще не берёт и всегда отказывается от «грязных» денег.

В 90-е годы после крушения коммунистической системы начинается бум известности Сергея Вронского. О нём заговорили пресса и телевидение, он пишет несколько книг, которые становятся бестселлерами. Главным из них можно считать 12-ти томный труд «Классическая астрология». Одновременно он преподаёт астрологию в ряде учебных заведений и читает много публичных лекций. Множество астрологов и экстрасенсов 90-х годов выросли под его руководством.

Сергей Вронский сыграл огромную роль в возрождении астрологии и парапсихологии в России в послевоенный период. Целая плеяда известных экстрасенсов и астрологов обязаны ему своими знаниями и умениями. Среди них можно назвать генерал-майора спецслужб Георгия Рогозина, Владимира Сафонова, Ларису Виленскую и других. Но об этом пойдёт речь уже в следующих главах.

Сергей Вронский был человек не только больших знаний и способностей, но и большой души. Несмотря на трудную, временами жестокую жизнь, он всегда сохранял любовь к людям. Умер Сергей Алексеевич Вронский 10 января 1998 года. В одной из последних бесед с журналистами Вронский сказал: «Я не вправе рассказать всю правду... Есть принцип: посвященный в великую тайну должен унести ее с собой».

**

Мы ещё раз хотим подчеркнуть, что далеко не все детали пересказанной биографии Сергея Вронского соответствуют действительности. Мы пользуемся лишь наилучшей версией, доступной для публикации. Однако, независимо от этих деталей Сергей Вронский внёс заметный и очень необычный вклад в парапсихологию и историю пси-войн, вполне достойный того, чтобы описанием его биографии завершить главу о военной экстрасенсорике периода Второй мировой войны.

В дополнение к сказанному мы хотим отметить, что история о гипнотизировании Гесса и отдаче ему приказа о полёте под гипнозом здесь впервые публикуется в открытой печати. Мы, естественно, готовы к публичному обсуждению этой истории как версии, и хотим обратить внимание историков на то, что на сегодняшний день это единственная версия, объясняющая все известные факты.

Глава 3

Холодная пси-война с обеих сторон Железного Занавеса

Сразу после Второй мировой войны начинается Холодная война между противоборствующими лагерями, возглавляемыми США и СССР. Пси-войны становятся прерогативой прежде всего этих двух стран, поэтому и наше повествование теперь фокусируется на них. Интересно, что пик Холодной войны – Карибский кризис в октябре 1962 года, когда две супердержавы едва не начали забрасывать друг друга ядерными бомбами, – тоже не обошёлся без экстрасенсорики. В разгар кризиса, когда ядерная война вот-вот могла стать реальностью, Владимир Сафонов, ставший сам впоследствии известным экстрасенсом и помогавший спецслужбам, обратился к Вольфу Мессингу с вопросом: начнётся ли война? Мессинг не решился дать ответ сразу, хотя обычно делал предсказания с ходу. Но на этот раз вопрос был слишком ответственным. Мессинг провёл специальный сеанс, во время которого вошёл в состояние глубокого транса и автоматически написал на листке ответ: «Мир будет». Возможно, это было лишь предсказание, но некоторые знакомые Мессинга были уверены, что он активно пытался экстрасенсорными средствами направлять развитие конфликта в мирную сторону. Конечно, это всего лишь красивая история, проверить её никак нельзя.

С конца 40-х неоспоримым лидером в парапсихологических исследованиях становятся Соединённые Штаты Америки. А с начала 50-х здесь начинается новый парапсихологический бум. Его патриархом становится Джозеф Бэнкс Райн, который, обобщая гигантскую проделанную в этой области работу, констатирует: «мы с удивлением обнаружили, что "пси"-способности широко распространены. Не исключено даже, что они присущи всем людям, а не являются проявлением индивидуальной одаренности, как это было принято думать раньше. Важным

достижением было и установление того факта, что "пси"-феномены не связаны ни с болезнью, ни с патологией личности... К 1951 г. проявились все признаки новой уверенной науки».

Эксперименты по угадыванию карт Зенера, начатые Райном и его коллегами в Университете Дьюка, не были бесспорны, но восприняты были серьезно, что ярко проявилось в обзоре известного химика и генетика Джоржа Прайса, опубликованном в престижном журнале *Сайенс*. Прайс признал, что результаты Райна были революционными, если они верны, но поскольку сам Прайс не мог идентифицировать технические или процедурные недостатки или придумать какое-нибудь другое реальное объяснение, он заключил, что результаты, должно быть, были получены в результате мошенничества. Это заявление породило живые дебаты в *Сайенс* в 1950-х. Два десятилетия спустя Прайс принёс извинения за его необоснованное заявление.²⁵

В 1962 году Райн основывает Фонд Исследований Природы Человека, который позже будет переименован в Исследовательский Центр Райна. По предложению Райна 19 июня 1957 года в Северной Каролине была основана Парапсихологическая Ассоциация, которая в 1969 году стала членом Американской Ассоциации Развития Науки, крупнейшего научного объединения в мире. Попытки некоторых членов научного сообщества воспротивиться этому успеху не имели, что, несомненно, свидетельствовало о широком признании парапсихологии как полноправной науки. В это время к исследованиям в области парапсихологии начали подключаться многие лаборатории, институты и университеты, в том числе и выполняющие военные заказы.

В начале 50-х Вильгельм Райх продолжал свои исследования оргонической энергии и конструирование аккумуляторов оргона, но в 1954 году Управление фармакологии и пищевой промышленности США возбудило против него дело об

²⁵ Исследователи Чарльз Хонортон и Дайен Феррари провели современный анализ 50-летней истории экспериментов с картами Зенера, включающий более чем 2 миллиона отдельных выборов карт. Они разобрали все возможные проблемы типа «публикации только удачных результатов», неточных протоколов или анализов, подогнанных под результаты. В конечном итоге они пришли к выводу, что есть маленький, но статистически твёрдый и определённый позитивный эффект
Источник: Honorton & Ferrari, 1989. "Future Telling:" A Meta-Analysis of Forced-Choice Precognition Experiments, 1935-1987, *Journal of Parapsychology*, 53, 281-308. Эта информация также представлена на: www.lfr.org/LFR/csl/library/HonortonFerrari.pdf.

использовании непроверенного медицинского аппарата. На суде Райх держался вызывающе и заявил, что суд не обладает достаточной компетенцией, чтобы выносить приговоры, касающиеся научных открытий. Тогда власти обвинили учёного в неуважении к правосудию и приговорили к двум годам тюрьмы. Все книги и публикации Райха, многие из которых не имели отношения к аккумуляторам оргона, были уничтожены. На восьмом месяце заключения 3 ноября 1957 года Вильгельм Райх скончался от сердечного приступа в федеральной тюрьме. Однако, идеи накопления биологической и психической энергии не умерли вместе с ним, а наоборот, вскоре расцвели пышным цветом в связи с попытками создания психотронных генераторов.

**

Всё больше интереса к парапсихологии и экстрасенсорике стали проявлять военные и разведывательные организации США. Этот интерес естественным образом проистекал из их попыток разработать методы контроля человеческой психики, начавшихся ещё в 1945 году «Операцией Бумажная Скрепка» – программой использования нацистских специалистов по промыванию мозгов. В этом направлении вскоре последовало несколько аналогичных проектов: «Болтун» (1947), «Синяя Птица» (1950) и «Артишок» (1951). На этой основе по приказу директора ЦРУ Аллена Даллеса 13 апреля 1953 был начат новый масштабный проект МК-УЛЬТРА, возглавляемый Сиднеем Готлибом.

ЦРУ хотелось получить возможность манипулировать иностранными лидерами, найти новые методы добывания информации и передачи её без осознания носителя, усиливать или ослаблять действие алкоголя и других наркотиков, вызывать панику и дезориентацию или, наоборот, усиливать мыслительные способности и остроту восприятия, а также множество других целей. Эксперименты включали использование гипноза, психотропных лекарственных препаратов, проигрывание закольцованных шумов, введение в кому с помощью лекарств и многие другие жёсткие методы. Многие эксперименты проводились без ведома пациентов, им просто подмешивали в пищу препараты или применяли другие неоощуаемые сразу воздействия. Так частью МК-УЛЬТРА была «Операция Чайная Чашка», когда исследовалось действие радиации на беременных женщин без их ведома.

В 1964 году проект был переименован в МК-ПОИСК. Шла Холодная Война, и в программе много сил было уделено поиску совершенного наркотика правды для допросов подозреваемых советских шпионов. Исследовались любые другие возможности контроля психики, масса экспериментов была сделана с ЛСД, а также другими психоделиками и наркотиками. Их тоже нередко давали без ведома пациентов, или использовали солдат-«добровольцев».

Проект МК-УЛЬТРА имел огромные масштабы, его финансирование составляло 6% от оперативного бюджета ЦРУ. 44 американских университета и колледжа, 15 исследовательских фондов, химических и фармацевтических компаний, 12 госпиталей и 3 тюрьмы участвовали в МК-УЛЬТРА. Иногда исследовательские учреждения не знали, на кого и для чего они работают – контракты с ними заключались через подставные организации ЦРУ.

В декабре 1974 газета Нью-Йорк Таймс сообщила, что в 60-е годы ЦРУ проводило незаконные эксперименты на американских гражданах. Это сообщение инициировало расследование Конгресса, которым занялись Церковный Комитет и Рокфеллеровская Комиссия. По их рекомендации Президент Джеральд Форд в 1976 издал исполнительный приказ для разведслужб, среди прочего запрещавший экспериментирование с лекарствами на человеке без его согласия. Последующие распоряжения Президентов Картера и Рейгана расширили эту директиву, включив в неё любые эксперименты на человеке. Эти директивы оказали существенное влияние на программу экстрасенсорного шпионажа Звёздные Врата (о которой говорится далее), ограничив возможности её экспериментов с людьми очень жёсткими правилами.

Немало экспериментов МК-УЛЬТРА были связаны с парапсихологией. С одной стороны, ЦРУ очень интересовали парапсихологические средства манипулирования психикой, а также экстрасенсорные средства получения и передачи информации. С другой – многие эксперименты проекта проводились с применением гипноза и ЛСД, то есть выводили людей в особые состояния сознания, в которых экстрасенсорные феномены проявляются очень часто. Проект МК-УЛЬТРА уже без всяких скидок можно отнести к важнейшим составляющим Холодной пси-войны.

К сожалению, многие этапы этой пси-войны мы никогда не узнаем, потому что в 1973 году директор ЦРУ Ричард Хелмс приказал уничтожить все файлы МК-УЛЬТРА с целью скрыть реальные масштабы и суть многих работ этого проекта, как это выяснилось во время расследования в Конгрессе. Тем не менее, ряд исследований стал известен благодаря свидетельствам очевидцев и участников. Конечно, не все эти свидетельства соответствуют действительности, однако среди них одно заслуживает особого внимания ввиду той колоссальной роли, которую оно сыграло в эскалации Холодной пси-войны между США и СССР, а также в развитии парапсихологии в обеих странах.

**

Речь идёт о телепатических экспериментах на первой атомной подводной лодке США «Наутилус». По общеизвестной версии, эта история началась с того, что в 1957 году знаменитая Рэнд Корпорэйшн, занимающаяся секретными исследованиями для американского правительства, направила президенту Эйзенхауэру доклад, рекомендующий телепатические эксперименты на подводной лодке под арктическими льдами. Дело в том, что радиосвязь с подводной лодкой в погруженном состоянии невозможна, поскольку вода не пропускает радиоволны. Подводные лодки вынуждены всплывать, чтобы принять или передать сообщение. В случае, если поверхность воды покрыта льдом, даже эта возможность отсутствует. Вывод Рэнд Корпорэйшн был весьма логичен: надо попробовать телепатию.

Правительство отреагировало положительно, и между Управлением военно-морских сил США и Лабораторией Парапсихологии Райна в Университете Дьюка был заключён контракт. В соответствии с ним, эксперименты начались 25 июля 1958 года и продолжались 16 дней, большую часть из которых «Наутилус» находился под арктическими льдами. Индуктор – студент из Университета Дьюка под именем «Смит» находился в Вестинггаузовской Лаборатории во Френдшипе, штате Мериленд. Реципиент – лейтенант ВМС США под именем «Джонс» находился на подводной лодке. Возглавлял проект полковник Вильям Бауэрс. В согласованное заранее время два раза в день автомат перетасовывал 1000 карт Зенера, и с интервалом в минуту выдавал Смигу пять карт, который

сосредоточивался на рисунке, старался мысленно передать изображение и зарисовывал его. Затем листок с пятью рисунками запечатывался в конверт. Полковник Бауэрс фиксировал время эксперимента и запирает рисунок в сейф. На подводной лодке в это же время Джонс рисовал фигуры карт, которые он видел телепатически, и отдавал в запечатанном конверте капитану «Наутилуса». Когда подводная лодка вернулась в порт и конверты были вскрыты, сравнение дало 70% совпадений (112 из 160) вместо 20%, ожидаемых по теории вероятностей. Возможность случайного выпадения такого результата относится как 1 к 8,000,000,000!

Доктор Ричард С. Браугтон, бывший директор Райновского Исследовательского Центра, который был знаком с наследием Райна, не стал отвергать эти эксперименты на Наутилусе, хотя и не смог подтвердить их. В своём электронном письме от 2 июня 2008 года, адресованном одному из авторов настоящей книги Эдвину Мэю, Браугтон вспоминает:²⁶

«Однако, на основе того, что я помню из одного или двух случайных документов, которые я увидел в личном сейфе Райна (отличающихся от документов, которые он передал в университет Дьюка), часть этих заявлений может быть правдой. Но как Вы сами понимаете, эти маленькие зёрна правды не соответствуют целому заговору широкого применения экстрасенсорики в ЦРУ и других правительственных организациях.

Я действительно помню копии, помеченные грифом секретности (или что-то вроде того), которые относились, по крайней мере, к одному контракту с военно-морским ведомством. Насколько я помню, этот документ не уточнял, какие именно исследования проводились, подразумевая, что это указано в других документах. Но кажется, мне говорили люди, знакомые с этим (Дороти Поуп или Фэй Дэвид), что это был контракт на эксперименты Пратта с возвращающимися голубями (которые всегда были слегка аномальными в программе университета Дьюка).

²⁶

Публикуется с разрешения д-ра Ричарда С. Браугтона.

Я также думаю, что есть некоторые зёрна правды в экспериментах с картами на Наутилусе, но это были скорее одноразовые демонстрации, чем целая программа [выделено ред.]. Мне никогда не встречались документы, предполагавшие систематическую работу.

Определённо, Райн имел свои контакты с военными, в нескольких случаях обращался к ним за финансированием и иногда получал его. Также, в 50-х годах и возможно позже он был ярким антикоммунистом (о чём свидетельствуют его неопубликованные выступления) и видел парапсихологию как научное средство для борьбы с советским материализмом. Нет ничего удивительно, если он использовал эту перспективу для получения финансирования».

Многие детали этой истории указывали на преднамеренную дезинформацию Советов со стороны спецслужб США: сам Райн и ВМС США отрицали свою причастность к таким экспериментам; сообщение впервые появилось в иностранной прессе – французском журнале *Констеллэйшн*; источник информации так и не был раскрыт; ВМС США отрицали факты, но косвенные данные её подтверждали; в это время США устанавливали в океанах новые звуковые детекторы для обнаружения советских подводных лодок, им нужно было отвлечь внимание от этого проекта; телепатические эксперименты на «Наутилусе» по существу не несли в себе ничего нового – и в США, и в Советском Союзе подобные опыты ставились сотнями ещё в 20-30-е годы – новостью было только специфически военно-морское применение.

Однако, в Советском Союзе эта информация была воспринята весьма серьёзно, хотя и с пониманием возможности дезинформации. Дело в том, что после войны, в последние годы жизни Сталина и первые годы правления Хрущева Советский Союз находился в глубочайшей «парапсихологической депрессии». Не то что парапсихология, а даже психология не считалась полноправной наукой. Не было отдельной научной степени по психологии, её заменяла степень по педагогике; первый специализированный журнал *Вопросы психологии* начал издаваться лишь в 1956 году. Всё это объяснялось идеологическими причинами: психология, а тем более парапсихология были слишком «идеалистичными», их развитие на каждом шагу вступало в конфликт с марксистско-ленинской доктриной. Впрочем, это была

не только их судьба. Даже кибернетика и генетика казались лженауками поборникам чистоты коммунистических воззрений.

С конца 30-х и вплоть до конца 50-х годов работы по исследованию телепатии в СССР не проводились, если не считать небольшой серии работ 1952 года, проведенных в Институте биофизики АН СССР профессором Турлыгиным и врачом-психиатром Мирзой. С приходом к власти Хрущева ситуация начала улучшаться, и в марте 1958 в Институте биофизики началось обсуждение вопросов о возобновлении работ по изучению телепатии; правда, никакого решения принято не было. Независимо от этого в конце 1958 в научно-исследовательском институте «Электром» АН СССР была открыта небольшая лаборатория по исследованию телепатии, которую возглавил врач-психотерапевт Дмитрий Мирза.

Известный специалист по кибернетике подполковник Игорь Полетаев принимал участие в этой деятельности и, будучи кадровым офицером, старался добиться финансирования исследований по телепатии от Министерства Обороны. Для этого он подал официальный рапорт по военным инстанциям, но реакция была очень слабая. Как только стало известно об экспериментах «Наутилуса», 26 марта 1960 года Полетаев снова подал рапорт, но теперь уже непосредственно министру обороны СССР маршалу Родиону Малиновскому:

«В марте 1960 г. профессор Л.Л. Васильев (заведующий кафедрой физиологии Ленинградского государственного университета) сообщил о том, что в американских вооруженных силах принята на вооружение телепатия (передача мыслей на расстояние без помощи технических средств) в качестве средства связи с подводными лодками, находящимися в плавании. Профессор Васильев получил эти сведения из Парижа от одного из своих коллег. В двух французских журналах опубликованы статьи с кратким упоминанием этого факта (переводы статей я прилагаю). Научные исследования телепатии ведутся давно, но начиная с конца 1957 г., в работу включились крупные исследовательские организации США: "Рэнд корпорейшн", "Вестингауз", "Белл телефон компани" и другие. Работы проводились интенсивно и успешно. В итоге работ был проведен эксперимент передачи информации с помощью телепатической связи с базы на

подводную лодку "Наутилус", находившуюся в погруженном состоянии под полярными льдами на расстоянии до 2000 км от базы. Опыт прошел успешно.

Передача велась в пятизначном алфавите (карты Зенера) и дала 70% безошибочно принятых знаков. Учитывая, что сегодня могут быть разработаны на основании теории информации самокорректирующиеся коды, которые позволяют исправлять ошибки в канале связи, результат эксперимента (если о нём сообщают правду) дает уверенность в возможности использования телепатии для установления эффективной связи, в частности – военной.

Следует отметить также, что в условиях эксперимента с "Наутилусом" никакой другой вид связи не мог быть использован. В частности – радиосвязь была невозможна, ибо лодка находилась в погруженном состоянии. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о степени достоверности упомянутых сообщений, следует признать, что опасность в случае использования против СССР нового неизвестного нам психологического оружия слишком велика, чтобы оставить эти сообщения без внимания. Считаю своим долгом срочно доложить непосредственно Вам о вышеизложенном.

В Советском Союзе, как мне известно, проводились успешные исследования телепатии в интересах Наркомата обороны в 30-х гг. в Институте физиологии им. И.П. Павлова (Ленинград) под руководством профессора Л.Л. Васильева. Впоследствии работы были прекращены, хотя и дали положительный результат. Отчеты о результатах работы донныне хранятся в архивах Института им. И.П. Павлова.

В марте 1958 г. в Институте биофизики Академии наук СССР было проведено совещание под руководством Г.М. Франка. На этом совещании, наряду с другими, обсуждался вопрос об исследовании телепатических явлений. Совещание не приняло решения о возобновлении работ в этом направлении. Сразу же после совещания я, как его участник, доложил обо всем, что мне казалось важным с точки зрения использования в вооруженных силах, заместителю начальника части где я служил в то время – генерал-майору Т.Ф. Клочкову.

Последний довел эти сведения до Политуправления, откуда они были сообщены Вам.

В сентябре 1958 г., согласно Вашему приказанию, начальник Главного военно-медицинского управления провёл несколько совещаний с участием профессора Васильева и профессора Гуляева о возможности возобновления работ по исследованию телепатии в интересах военных и военно-медицинских применений. Однако по ряду причин начало работ откладывалось. Работы не начаты и до сих пор.

В настоящее время основные советские специалисты по телепатии П.И. Гуляев и Л.Л. Васильев (показавший 25 лет тому назад возможность телепатической связи в условиях экранирования радиоволн) могут и готовы, по их заявлению, продолжить работы по исследованию телепатии».²⁷

Как это видно из рапорта, возможность дезинформации или просто журналистской «утки» с самого начала имелась в виду, но это не было существенным моментом. Скорее всего, известные учёные Васильев и Полетаев просто решили использовать выгодную ситуацию, чтобы пробить идеологический барьер и получить военное финансирование для исследований, которые они считали перспективными. А для советского военного командования всегда было важно не остаться позади Америки в каком-нибудь новом потенциальном виде оружия. В Советской Союзе знали о расширяющихся парапсихологических исследованиях в Америке, и, не будь сообщения о «Наутилусе», к подобным результатам привела бы какая-нибудь другая информация.

Как бы то ни было, реакция маршала Малиновского не заставила себя долго ждать. Вскоре в том же 1960 году при мощном содействии и финансировании министерства обороны при Институте физиологии биологического факультета Ленинградского университета была организована специальная лаборатория для изучения телепатических явлений под руководством профессора Васильева. Было издано несколько его книг, включая «Таинственные явления человеческой психики», «Экспериментальные исследования мысленного внушения» и другие.

²⁷ Копия рапорта – была рассекречена и передана И.А. Полетаевым для публикации в 1968 г.

Они пользовались огромной популярностью среди студентов и молодых учёных, а дискуссии по поводу телепатии в те годы были чрезвычайно популярны. Лаборатория под руководством Леонида Васильева работала до его кончины в феврале 1966 года, выполняя как академические исследования, так и заказы Министерства Обороны.

**

В 1961 году в системе Академии Наук СССР был создан Институт проблем передачи информации (ИППИ). Находился он в Москве и представлял собой полузакрытое научное учреждение, где абсолютное большинство тем имели гриф секретности. Наряду с кибернетикой, вычислительной техникой и разработками электронных коммуникационных технологий в институте почти с самого начала было открыто направление по информационным процессам в живых системах и биоинформатике. Здесь процветала экстрасенсорика. Причём именно процветала, поскольку исследования велись на новейшем оборудовании и на серьёзном научном уровне. В частности, в ИППИ разрабатывали аппаратуру для регистрации телепатических сигналов. В марте 1962 года по решению Академии Наук в ИППИ была передана и телепатическая лаборатория Дмитрия Мирзы. Бюджет Института, исчислявшийся уже вначале огромной суммой в 10 миллионов рублей (более 15 миллионов долларов по курсу тех дней), с каждым годом возрастал.

Лаборатория Васильева и ИППИ были только первыми ласточками. Со второй половины 60-х годов в СССР быстро увеличивается количество научных учреждений, так или иначе связанных с парапсихологическими исследованиями. Помимо закрытых исследовательских учреждений, к изучению экстрасенсорики подключаются крупнейшие университеты СССР – Московский, Ленинградский, Новосибирский и другие. Большинство секретных научных институтов в какой-то степени затрагивали парапсихологическую тематику, хотя интрига «идеалистический–материалистический» всегда оставалась. Исследователи обходили её тем, что придумывали для парапсихологических разработок вполне уважаемые научные названия и всячески старались воспроизвести экстрасенсорные феномены на «материальных» приборах, что в итоге вылилось в создание огромного количества всевозможных психотронных аккумуляторов и

генераторов. Абсолютное большинство из них были неработающими, но не все..., о чём мы расскажем дальше. Впоследствии всё это стало модным называть психотронным оружием.

Помимо ИППИ, в качестве примера секретных работ можно привести обширную программу телепатических исследований на животных и человеке, выполненную с 1965 по 1968 годы под руководством капитана первого ранга (полковника), доктора технических наук В.П. Перова в полузакрытом Новосибирском институте автоматики и электрометрии сибирского отделения АН СССР. Одно из направлений работы касалось подтверждения возможности телепатической связи между кроликами на расстоянии до 7 км. Были получены результаты, статистически значимо подтвердившие влияние кролика-индуктора на кролика-реципиента в условиях, исключающих их общение через известные органы чувств. Результаты работы были рассекречены и опубликованы только через 10 лет, в середине 70-х.

**

Фундаментальный прорыв в понимании природы экстрасенсорных феноменов был сделан в 1960-е годы в Чехословакии, которая в то время относилась к советскому блоку. Он был связан с клиническими исследованиями особых состояний сознания, проводившихся под руководством Станислава Грофа в государственной программе ЛСД-психотерапии в Пражском Психиатрическом Центре. По своей природе эти исследования имели дело с большим количеством экстрасенсорных феноменов. Работы Грофа и убедительно продемонстрировали, что

«с более широкой перспективы нет причины выделять так называемые паранормальные феномены в специальную категорию. Поскольку многие... типы трансперсональных переживаний довольно типично включают доступ к новой информации о вселенной через экстрасенсорные каналы, чёткая граница между психологией и парапсихологией исчезает...»²⁸

²⁸

Станислав Гроф. Путешествие в поисках себя, М. 1994, стр. 175.

Давление коммунистической идеологии в Чехословакии было слабее, чем в СССР. Это привело к тому, что в Праге действовала большая ассоциация парапсихологов, и в маленькой Чехословакии в 60-70 годы проводилось едва ли не больше парапсихологических исследований, чем во всём огромном Советском Союзе. Занимались чехословацкие парапсихологи и созданием психотронных генераторов, один из которых показан на цветной вкладке. К сожалению, эти процессы были сильно заторможены в результате вторжения советских войск и насильственной смены чехословацкого правительства в период событий Пражской Весны 1967 года. Политический режим ужесточился, и многие интересные исследования были прерваны или в значительной мере свёрнуты.

**

Далеко не все исследователи экстрасенсорики в СССР хотели и могли работать на государство. Для некоторых критичным было то, что КГБ и министерство обороны стараются использовать парапсихологические разработки в политических и военных целях, и они не желали сотрудничать по моральным соображениям. Другие просто не могли попасть в закрытые исследовательские учреждения из-за биографии или недостатка формального образования. Но эти люди очень интересовались парапсихологией и хотели ею заниматься. Таких энтузиастов становилось всё больше, и в 1965 году они добились того, чтобы Научно-техническое общество радиотехники, электроники и связи им. А.С. Попова (НТОРЭС) создало новую секцию, специально посвящённую исследованиям экстрасенсорных феноменов, прежде всего телепатии, которую официально старались называть биологической связью, избегая парапсихологическую терминологию. Помимо телепатии, в сферу интересов секции было включено исследование психокинеза, ясновидения, психодиагностики, психоцелительства и других. Возглавил секцию доктор физико-математических наук профессор Ипполит Моисеевич Коган.

Три года спустя в Москве в довольно жалком полуподвале в Малом Вузовском переулке этим энтузиастам удалось оборудовать лабораторию биоинформации. Те, кто работали там по вечерам, никакой заработной платы не получали. Никакой дорогой и сверхточной аппаратуры в их распоряжении тоже не было. Тем не менее,

работа там шла серьезная. Были проведены ныне широко известные опыты по телепатической связи на больших расстояниях – сеансы Юрия Каменского и Карла Николаева Москва-Ленинград и Москва-Новосибирск. Менее известны эксперименты по распознаванию экранированных образов проводились Юрием Корабельниковым и Людмилой Тищенко. Сотрудничал с лабораторией известный врач-гипнолог профессор Московского университета Владимир Райков, ставивший экстрасенсорные опыты во время своих сеансов гипноза. Успешно работали в лаборатории группа Варвары Ивановой по обучению целителей, группа Карла Николаева, в которой велась тренировка телепатических способностей, а также группа Ларисы Виленской²⁹ по исследованию феномена «кожного зрения».

Интересно, что уровень работ секции биоинформации был настолько серьёзным, что на Западе сообщения о них воспринимали как утечку информации о секретных исследованиях. В западной прессе вплоть до сегодняшнего дня можно встретить описания опытов, например, Карла Николаева как пример «экспериментов КГБ». Это звучит едкой иронией, так как большинство людей, делавших эту работу, относились к КГБ крайне негативно, и нередко работали, преодолевая сопротивление властей. О преследованиях в СССР парапсихологов-энтузиастов западная пресса тоже писала немало, и это, в основном, была правда. Заявления же некоторых западных авторов о всемерной поддержке государством парапсихологии в СССР были чисто рекламными и преследовали их личные цели. В целом, государство больше давило парапсихологию, чем развивало её. Причины, как мы уже говорили, были чисто идеологические. Основное развитие шло за счёт энтузиазма исследователей.

**

В это же время в СССР повторно открывается эффект свечения объектов при фотографировании в токах высокой частоты. Впервые это явление было открыто в 1895 году белорусским учёным Яковом Наркевичем-Йодко (1847-1905), и получило название *электорографии*. Впоследствии оно было забыто и в 40-е годы заново открыто супругами Семёном и Валентиной Кирлиан, назвавшими его

²⁹ Лариса Виленская позже переехала на жительство в США и работала в военной экстрасенсорной программе «Звёздные Врата».

эффектом Кирлиан. В 1949 году на этот метод ими было получено авторское свидетельство. Быстро выяснилось, что любой живой объект, помещённый в поле высокой частоты, даёт на фотоплёнке свечение, характер которого зависит от состояния этого объекта. Это сразу заинтересовало парапсихологов, и «кирлианография» со временем стала одним из стандартных методов парапсихологических исследований – и гражданских, и военных, поэтому мы скажем о ней ещё несколько слов.

Многие исследователи убеждены, что на кирлиан-фотографиях мы видим таинственную ауру и биологические поля. Так, советские учёные В.И. Инюшин и В.Г. Адаменко обнаружили «фантомные эффекты» у повреждённых листьев растений при фотографировании их по методу Кирлиан. На фотографиях обрезанные листья растений выглядели целыми. Эти исследования подтверждали существование энергетических структур биологических объектов, по которым последние строят свою форму, и которые Александр Гурвич ещё в 20-е годы предсказал теоретически и назвал морфогенетическими полями.

Публикация в 1957 году брошюры Кирлиан «В мире чудесных разрядов» вызвала настоящую сенсацию в научном мире. Оказалось, что эффект Кирлиан может применяться для диагностики заболеваний, определения активности медикаментов, тестирования психологического состояния людей, поиска дефектов материалов и в десятках других областей. Не оказались исключениями военное дело, спецслужбы и криминалистика.

Например, научный сотрудник Ленинградского политехнического института Константин Коротков изучал по методу Кирлиан изменение характера светимости подушечек пальцев у умерших людей и пришёл к выводу, что этим методом можно с достаточной точностью определить, какой смертью умер человек – естественной или насильственной; было ли причиной смерти самоубийство или неправильно оказанная медицинская помощь. Этот метод оказался очень полезным в криминалистике и военной экстрасенсорике. Профессор Коротков на этом не остановился и продолжал изучать энергетическую активность органов человека в течение нескольких дней после смерти. На основании этих исследований он

пришёл к выводу о существовании этапов посмертного пути человека и опубликовал свои результаты в книге «Свет после жизни».

Метод Кирлиан сначала завоевал широкое признание на Западе. В 60-70-х годах в Нью-Йорке прошли представительные международные конференции по эффекту Кирлиан, в США был создан институт по исследованию этого явления, и появилась специальная международная ассоциация. И лишь тогда в СССР Академия Наук спохватилась и начала рекомендовать его к применению. Несмотря на опоздание, к началу 90-х в СССР уже было выдано около 50 авторских свидетельств и патентов на различные изобретения, основанные на эффекте Кирлиан, заметная часть из которых была связана с экстрасенсорикой, а некоторые – и с военной тематикой.

**

Легенды, ходившие среди советских парапсихологов, рассказывали, что разрешил заниматься парапсихологией в СССР сам Никита Хрущев после поездки в Индию, где ему показали йогов. Там он увидел людей, которые произвольно останавливали деятельность сердца, людей, чьё тело как будто не знало боли: йог спокойно возлежал на щите, утыканном гвоздями. Хрущев решил, что если овладеть «чудесами» йогов, то КГБ и советская армия станут еще более боеспособными и неуязвимыми.

При всей симпатичности этой легенды нужно всё же признать, что основными стимулами к возобновлению работ по исследованию экстрасенсорики в СССР на рубеже 1950-60 гг. послужила информация об аналогичных исследованиях, проводившихся в военно-прикладных целях в проекте МК-УЛЬТРА, Управлении военно-морских исследований США, лаборатории профессора Райна и в ряде других фирм, институтов и университетов США и Западной Европы.

Далее сыграл механизм запугивания друг друга. Советский Союз ответил всё увеличивающимся количеством парапсихологических исследований и попытками разработать психотронное оружие. Хотя они и не имели единой программы, но к началу 70-х годов советские изыскания в области парапсихологии своими масштабами подтолкнули США к началу очередного витка Холодной пси-войны – к программе «Звёздные Врата».

ЧАСТЬ 2

Военная экстрасенсорика: Запад

Глава 4

Агент-дальновидящий 001

Джозеф Мак-Монигл

Со времён начала моего участия в программе «Звёздные Врата» многие спрашивали и спрашивают меня, когда я в первый раз заметил у себя экстрасенсорные способности. Ответить на этот вопрос практически невозможно, потому что они были у меня изначально, по крайней мере, с того самого момента, как я начал себя осознавать, я уже ощущал их наличие в себе.

**

Детство

Я родился 10 января 1946 в Майами, штат Флорида, и, как говорила моя мать, это рождение не было лёгким. Я был одним из близнецов и первым, появившимся на свет. И я, и моя сестра Маргарет были недоношенными младенцами, пришедшими в мир семимесячными. В те времена шансы выжить у таких детей были весьма призрачными. Инкубаторы, помогающие выхаживать недоношенных детей, были тогда редкостью, и врачи еще не знали, что избыток кислорода может вызывать полную слепоту ребенка.

Удивительно, что я был дома уже через несколько недель, в то время как моя сестра-близняшка, родившаяся на 18 минут позже, провела в больнице, борясь за свою жизнь, гораздо дольше. Но, в конечном счете, ей тоже разрешили присоединиться ко мне.

Мы росли вместе и всюду появлялись вдвоём, по крайней мере до того, как пойти в школу. Мы с сестрой были не-разлей-вода, понимали друг друга с полуслова и даже, казалось, без слов. Моя мать говорила, что временами ей казалось, будто мы сговорились свести её с ума. Я полагаю, что мы просто читали мысли друг друга.

Мы росли вместе и не могли не заметить, что оба обладаем некой уникальной способностью, которой не было у других людей, или же, обладая такой способностью, они просто не использовали её. Казалось, мы знали, что произойдёт прежде, чем это случалось. Эта наша особенность и мысленная связь между мной и сестрой были настолько примечательны, что учителя всегда пытались держать нас в классных комнатах разделёнными, никогда не сажали вместе. Я уверен, что они думали, будто мы их дурачим. Много раз получалось так, что мы набирали в тестах одинаковое количество баллов, причём отвечали правильно на одни и те же вопросы, и неправильные ответы у нас тоже были одинаковые.

Однажды, когда мы были ещё маленькими и спали в одной комнате, посреди ночи к нам пришла наша любимая тетя. Это была младшая сестра нашего отца, тетя Анна. Мы любили её, потому что она всегда была очень добра к нам во время наших приездов в гости. Мы никогда не слышали, чтобы тётя повышала на кого-то голос, своей добротой и мягкостью она походила на земного ангела. Так вот, однажды ночью, когда мы уже спали, она появилась перед нами. Её приход разбудил нас с сестрой, и мы увидели тётю, во всём белом, с ног до головы окутанную мерцающим светом. Я никогда не видел, чтобы взгляд её был столь сияющим и прекрасным. Войдя, тётя села на край моей кровати и улыбнулась. Она выглядела очень счастливой, мы с сестрой сели перед ней, а тётя, глядя нас по волосам, спокойно сказала, что в скором времени мы услышим грустные новости о ней, но мы не должны волноваться: с ней всё будет хорошо. Люди будут говорить, что она умерла и ушла на небеса, все будут грустить и плакать, но мы не должны переживать, потому что она просто собирается присоединиться к ангелам, и будет следить за нами оттуда, сверху. Мы обрадовались её словам, и видно было, что она сама радовалась им. Именно этого ей и хотелось больше всего – быть среди ангелов.

На следующее утро мы решили рассказать об этом отцу, что я и сделал. Я просто сказал ему, что тетя Анна ушла, чтобы быть с ангелами.

Анна была любимой сестрой отца. Он всё время беспокоился о ней, и мы не могли понять, почему. Когда я пересказал ему о тётини слова, он очень рассердился и сильно ударил меня по лицу, так что я даже упал. Отец сказал, чтобы я никогда не

смел больше так говорить о его сестре Анне. Я спрятался под кровать и прорыдал там целый час, но слова тёти твёрдо запечатлелись в моей памяти. Моя сестра пришла в комнату и тоже из солидарности со мной провела этот час под кроватью.

В тот же день моему отцу позвонили. Минувшей ночью его самая младшая сестра, Анна, умерла от рака легкого. Она только что отметила свой двадцать первый день рождения и никогда не курила. Отец так никогда и не извинился передо мной.

Много раз получалось так, что мы с сестрой знали, что произойдёт прежде, чем это случалось. Мы обсудили эту свою особенность и приняли решение никогда не говорить об этих вещах взрослым - это небезопасно. Довольно длительное время мы так и поступали, но в итоге моя сестра Маргарет, забыв наше соглашение, начала обсуждать эти вещи с матерью. Думаю, что это произошло, когда нам было лет по 14-15.

Наша мать была весьма обеспокоена происходящим, особенно когда сестра рассказывала о том, что мы всё время мысленно обмениваемся друг с другом информацией в школе, или знаем заранее, что должно произойти. Но, особенно встревожилась она после того, как Маргарет красочно описала, как она разговаривает с теми, кого уже больше с нами нет.

В результате мать начала водить мою сестру к психиатру. Маргарет попросила, чтобы я поддержал ее в некоторых вопросах, которые она обсуждала с матерью, но я побоялся и отказался сделать это. В течение долгого времени доктора настаивали на том, чтобы моя сестра принимала лекарства, помогающие взять под контроль её видения. Я помню, что в течение некоторого времени она боролась и отказывалась пить лекарства, но в итоге вынуждена была сдаться. С годами общаться с сестрой становилось всё труднее и труднее. Ее мысли были столь сумбурны, что я не мог её понять. В конечном счете, мы стали общаться, только когда она испытывала сильную боль, страх, или отчаянно нуждалась во мне. Конечно, я должен был быть рядом с ней, но, будучи маленьким ребенком, просто боялся. Я скрывал свои способности и использовал их как средство самообороны.

Пройдёт немало лет, прежде чем я смогу спокойно разговаривать о своих необычных способностях с любимым. Потом рядом со мной окажется другая

любимая тетья. Я продолжал использовать свои навыки, чтобы не попадаться на пути моих родителей, когда они пили, избежать неприятностей в школе и получать хорошие экзаменационные отметки по всем предметам. Никто так и не смог понять, почему я никогда не брал учебники домой, чтобы делать домашние задания.

**

Вьетнам, 1967

На автомагистрали формировалась группа сопровождения, Маршрут 19, к востоку от Ахн Кхе, для прохода через горы к местечку Кьюи Нхон, Вьетнам. В горных районах, к северу от Маршрута 19, была значительная переброска вьетнамских войск между деревнями Тай-Сон и Нам-Тьюонг. Наша миссия состояла в том, чтобы переместиться в этот район с оборудованием, оснащённым чувствительными датчиками, и с максимальной точностью определить, где находится основная часть армии Северного Вьетнама (NVA). Все наше оборудование, как предполагалось, было портативным, но так как аккумуляторы были тяжелыми, а большая часть оборудования очень чувствительной по своей природе, мы предпочли подвезти всё это хозяйство на джипе как можно ближе к району операции. Из той ситуации мы извлекли горький, но полезный урок: чем меньше подвергать оборудование тяжким испытаниям передвижения по джунглям Юго-Восточной Азии, тем эффективнее будет оно работать и прослужит дольше. Под тройным листовым шатром, без малейшего движения воздуха, постоянной жаре в 42-43 градуса и 100%-ой влажности мы продвигались по джунглям. И что бы ни говорили наши прославленные конструкторы, высокая температура и влажность, тяжело переносимые людьми, были совершенно непереносимыми и разрушительными для электроники.

Мы почти час просидели под палящими лучами солнца, ожидая, когда будут готовы двинуться в путь остальные грузовики колонны, и меня всё это время просто выворачивало наизнанку. Было необходимо ехать в конвое, потому что движущаяся в одиночку машина, особенно джип, в котором могут ехать сержанты или офицеры, – идеальная мишень для засады. Конвои с бронированными

транспортными средствами и тяжелым оружием гарантировали защиту таким транспортным средствам-одиночкам, как наш. Был также большой риск, что одинокая машина, едущая по дороге, могла напороться на мину, и это сделало бы её пассажиров уязвимыми для нападения превосходящих сил противника, а то и привести к смерти от отсутствия необходимой медицинской помощи. И всё же тем утром в моей голове настойчиво звучал какой-то внутренний голос, который кричал мне: «Езжай один, не жди больше ни минуты!» Я поделился своими мыслями с двумя другими офицерами из моей команды, знающими меня достаточно хорошо, чтобы не спорить. Я завёл джип, выехал из колонны и, сорвавшись с места, подлетел к шлагбауму, где нас остановила Военная Полиция. Я предъявил им удостоверения офицеров разведки и приказал поднять шлагбаум. Так мы возглавляли Маршрут 19, и целых двадцать минут ехали перед конвоем в клубах дорожной пыли.

Я хотел было сказать, что в тот день ничего не произошло, только тогда надо уточнить: с нами ничего не произошло, чего нельзя сказать о колонне, в составе которой мы должны были следовать. К востоку от Кхе, приблизительно в 13-14 километрах от него, там, где дорога петляет, напоминая американские горки, все транспортные средства, особенно большие грузовики, должны были замедлять ход до 10 километра в час и даже меньше, чтобы вписаться в повороты. К тому же дорога на продолжительных участках круто падала вниз как раз перед поворотами, а затем длительный промежуток пути резко взбиралась вверх, за чем немедленно следовал ряд поворотов. Северовьетнамские солдаты поставили в горах четыре тяжелых миномета, жёстко контролируя дорогу в местах поворотов. Вся дорога возле горы была пристрелена: и верхние, и нижние её точки. Когда мы проезжали мимо на нашем одиноком джипе, вьетнамцы мудро не обнаруживали свою засаду, решив, что автомобиль-одиночка с тремя пассажирами – незавидная цель. Вместо того чтобы обстреливать нас, они поджидали конвой, который должен был проехать минут через двадцать после нас. Вьетнамцы позволили конвою продвинуться по серпантину, сделать поворот и начать крутой подъем. Но как только колонна достигла высшей точки подъема, которая была хорошо пристрелена, миномётный огонь поражает головную машину с реактивно

управляемыми гранатами RPG, одновременно поражая едущие за ним транспортные средства, заманивая конвой в срединную ловушку, которую они и обстреляли тяжелым миномётным огнём. Само собой разумеется, нам не понадобилась хитроумная электроника, чтобы понять, где сосредоточена основная часть армии Северного Вьетнама. Оставалось только оглянуться и увидеть клубы черного дыма. Это была смертельно опасная засада, и мы, конечно, попали бы в неё, если бы не голос, который я услышал.

Это только один пример из многочисленных случаев интуитивного знания. Их было так много, что более-менее близкие ко мне люди начали подражать мне в моих действиях. Если в базовом лагере мне хотелось в течение парочки ночей отсидеться в бункере, он тут же оказывался подозрительно переполненным людьми, идущими за мной следом.

Непосредственно перед моим приездом в Юго-Восточную Азию, я видел сон, в котором мне представилась моя смерть. В самый момент гибели возникла сияющая белая вспышка света, и я знал, что я мертв, что я убит. Но смерть моя была достойной. Я умер, с честью выполнив свой долг. Почему-то смерть воспринималась мной как должное. Из этого сна я знал, что, вероятно, погибну от артиллерийского снаряда, гранаты или миномётного выстрела, разворотившего землю у меня под ногами. Кроме того, сон дал мне понять, что смерть на поле боя – правильная смерть, умереть солдатом не так уж плохо. Как бы то ни было, у меня не было плохого ощущения от этого сна. Я поделился им с самыми близкими своими друзьями и коллегами. В отличие от меня, они восприняли этот сон совсем не так благодушно, как я. Много раз посреди перестрелок, несмотря на свист пролетающих мимо пуль, я, не кланяясь, обходил позиции с приказом удерживать плацдарм. И все смотрели на меня не то как на отчаянного храбреца, не то как на окончательно спятившего человека. Я же не был ни тем, ни другим. Я точно знал, что от пули не погибну. В 1968 году во время наступления, совпавшего с вьетнамским Новым Годом, один из моих друзей был ранен при попытке пересечь открытую местность. Я остановился, чтобы прикрыть его своим бронезиловым, а затем тянул его за бронетранспортёром APC. Это было подобно работе в улье, только вместо пчёл жужжали пули. Нет, в этом не было ничего от храбрости –

просто я уже знал, как мне суждено умереть. А вот когда враг обстреливал нас минометами или 122-миллиметровыми ракетами и гранатомётами, то вы бы не нашли около меня ни одного человека – я всегда находился в гордом одиночестве: никто не хотел стоять рядом со мной!

Когда я был совсем маленьким, казалось, я знал некоторые вещи, которые не мог знать. Моя бабушка говорила мне, что это называется чувство жучка. Она сказала так:

– Это точно так же, как жучки безошибочно находят воду и пищу, как насекомые находят тебя в темноте.

С другой стороны моя мать говорила:

– Не слушай бабушку. Всё это глупости. Если люди услышат, что вы говорите о звучащих в голове голосах, то они будут думать, что вы просто сумасшедшие.

**

Дальновидящий 001, проект «Звёздные Врата»

Кто-то однажды сказал, что история всегда пишется победителями, но это не всегда верно в том случае, когда история пишется солдатом. Солдаты понимают, что в их службе главное не победа или поражение, а выбор необходимого или единственно правильного в возникающих обстоятельствах поведения. Солдаты иногда принимают решение, которое в определённый момент времени могло бы показаться неадекватным при сложившихся условиях, но абсолютно обоснованным их опытом и знаниями, накопленными за годы, когда опасность ходила за ними по пятам. Они просто знают, что поступить надо именно так, а не иначе и действуют в соответствие с этим внутренним убеждением.

Мне приходилось принимать подобное решение в конце 1977 года. Уверен, что в определённые моменты своей жизни, мои коллеги, пишущие эту книгу, сталкивались с такими ситуациями, когда им приходилось принимать решения, которые можно назвать интуитивными.

После десятилетней службы за границей – в Европе и на Дальнем Востоке, а также 27 месяцев работы в Юго-Восточной Азии, меня, как старшего ворент-офицера

Армии Соединенных Штатов, назначили в Штаб Разведывательного Управления Службы Разведки и Безопасности США, который находится в Эрлингтоне, штат Виржиния. Решение о моём переводе в штаб, где я служил и техническим консультантом, и по своей военной специальности, было принято Главнокомандующим. В мои обязанности входило управление сбором разведывательной информации как с помощью людских ресурсов, так и автоматическими аппаратами на территории Континентальных Соединенных Штатов, а также за границей: в Европе и на Дальнем Востоке. В этой должности на меня была возложена ответственность за всё тактическое и стратегическое оборудование, включая авиацию и транспортные средства, развитие новых передовых технологий, апробацию текущей технологии, а также планирование, поддержка и обслуживание, финансирование и обучение персонала. Кроме того, меня попросили выполнять обязанности руководителя международных и внутренних переговоров по заключению соглашений в поддержку шести уровней национальных спецслужб и проводить прямые консультации с начальниками армейских штабов разведки в Пентагоне. Это была потрясающая должность и исключительная ответственность, в сравнении с которой мерк весь мой прежний послужной список – по крайней мере, я тогда думал именно так. До этого назначения я был консультантом Службы Безопасности в одной из крупнейших в мире зарубежных разведок; участвовал в антитеррористических и контрразведывательных операциях в США и за границей; был командиром отряда в двух отдаленных разведывательных центрах; работал в службе спасения в воздухе и на море, служил в разведке большого диапазона, был руководителем Сил быстрого реагирования и снайпером в районе боевых действий, но чувствовал, что мне этого мало, главное - впереди.

Самый разгар Холодной войны. Я только что возвратился из инспекционной заграничной поездки по многочисленным разведывательным центрам и был завален работой. Именно тогда я получил сообщение, в котором меня просили зайти на беседу в кабинет на третьем этаже штаба. Это произошло в не самый лучший для меня момент. Через четыре часа должна была состояться встреча по

бюджетным вопросам, к которой я был недостаточно подготовлен. Так что перспектива незапланированной беседы непонятно с кем меня не осчастливила.

Когда я вошел в комнату, там меня уже поджидали двое мужчин в гражданской одежде. Они показали удостоверения агентов контрразведки и попросили, чтобы я присел. По личному опыту я знал, что это обычно означает неприятность. Я сел, настороженно глядя на моих собеседников. Они были слишком дружелюбны, и это усилило мою настороженность: я был на чеку в ожидании какого-то подвоха. Мужчины сказали, что они проводили анкетирование и разговаривали с элитой штаба. Моя кандидатура была названа Командующим и моим непосредственным начальником, человеком открытым и не боящимся высказывать своё мнение. Я только утвердительно кивнул. Помнится, меня заботил вопрос, не было ли в комнате спрятано записывающее устройство. Один из контрразведчиков спросил меня, что я думаю о теме, которую можно назвать «паранормальные явления»?

Вспоминается, что меня прошиб пот. Мысли унеслись в прошлое, и память высветила множество случаев из моей военной карьеры, особенно из Вьетнама, которые казались давно и навсегда забытыми. Никто никогда не называл их паранормальными, но, без сомнения, именно таковыми они и являлись. Может быть, как раз эти случаи и интересовали тех, кто пригласил меня на беседу?

Эти промелькнувшие в мозгу воспоминания и заставляли теперь меня, сидящего в комнате с этими двумя мужчинами из Подразделения Контрразведки Службы Разведки и Безопасности США, покрыться испариной. Поэтому я и кивнул утвердительно головой, когда они спросили меня, знаю ли я, что означает слово «паранормальное». Один из беседующих со мной слегка улыбнулся, и я занервничал. Мне не давал покоя вопрос: что они знают о моей жизни? Какие факты моей биографии им известны? Человек, сидящий справа от меня, лейтенант Фредерик Этуотер открыл свой портфель и, перевернув его вверх дном, вывалил на стол груду бумаг, разложив их передо мной. Часть этих бумаг представляла собой секретные материалы, полученные со спутников стран коммунистического блока. Много было газетных и журнальных вырезок, а также ксерокопий статей из книг. Все эти многочисленные материалы затрагивали во всех мыслимых и немыслимых

аспектах тему паранормального: от Большой Ноги, отпечаток которой был найден на северо-западе Америки, до телепатии.

Другой человек, назвавшийся майором Скотти Уэттом, внешне демонстрировал ироническое отношение к предмету разговора и казался открыто враждебным ко мне. Усмехаясь, он спросил меня:

– Вы, конечно, не верите во все эти сказки, не так ли?

Я дал ему честный ответ: я не знаю, как относиться к содержанию всех этих бумаг, так как мало знаю о предмете. Он же предложил мне просмотреть лежащий передо мной материал, чтобы изучить его получше, а они тем временем сходят выпить по чашечке кофе. Когда они вышли из комнаты, я тщательно просмотрел бумаги. Это была очень старая подборка. Первая статья, которую я выудил из кучи бумаг, была публикация о Карле Николаеве, эксперимент с которым проводился, по-моему, в 1966 году. О нём много писали в России. «Передатчик» был в Москве, а сам Николаев, «приёмник», находился в Новосибирске, на расстоянии почти в три тысячи километров. Это был первый эксперимент из целого ряда опытов, в которых передатчик и приёмник располагались на расстояниях от нескольких километров до нескольких тысяч километров, и, в конечном счете, этот опыт вошёл в историю, так как ознаменовал собой огромный скачок интереса к вопросам парапсихологии в Советском Союзе. Николаев утверждал, что приобрёл свои способности, благодаря напряженному обучению, и он был настолько убедителен в демонстрации своих возможностей, что получил исключительные привилегии от Коммунистической партии – частный дом, большую зарплату, автомобиль, модную одежду и другие льготы, не доступные для обычного гражданина. Конечно же, из-за последнего предложения, этот документ и был засекречен.

Я провел в одиночестве не очень долго, прочитав многие из самых коротких статей и бегло просмотрев объёмные документы. Офицеры возвратились приблизительно через 45 минут, с чашечками кофе в руках. Я про себя отметил, что мне они кофе не принесли. Этуотер, не будучи особо доброжелательным, по крайней мере, не был и враждебен ко мне. Он спросил, нет ли, по моему мнению, в этих лежащих передо мной на столе материалах некой угрозы. Этот вопрос застал меня врасплох,

и я, восприняв его серьёзно, не торопился отвечать. Уэтт же требовал от меня немедленного ответа. Он был явно враждебно настроен, и идеи, изложенные в статьях, кучей лежащих перед нами, вызывали в нём отвращение, словно это куча коровьего дерьма, в которое он невзначай вляпался. После глубоких раздумий я сказал:

– Да, я действительно думаю, что в этих материалах просматривается потенциальная угроза, хотя определённой уверенности в серьёзности её у меня нет, но, я думаю, что кто-то должен изучить всё это и попытаться, по крайней мере, определить серьёзность исходящей угрозы и то, насколько уязвимы мы в этом плане.

Я не спрашивал себя, верят ли они мне или нет, я думал о том, что они, наверное, воспринимают меня сейчас как человека, слегка тронувшегося умом. Они поблагодарили меня за уделённое им время и кивнули на дверь, явно давая понять, что мне пора уходить. Когда я уже подошёл к выходу, Уэтт откашлялся и напомнил мне, что я подписал соглашение неразглашения и не должен ни с кем обсуждать этот разговор. Когда он говорил это, на его лице появилась улыбка, которая была из разряда узнаваемых мной гримас. Это та самая улыбка, которая появляется на лице человека, который, имея с вами дело, уверен, что вы просто притворяетесь и подшучиваете над ним. Я вышел из кабинета не менее заинтригованный, чем до того момента, как переступил через его порог.

**

Форт Мид, Мэриленд

Мне позвонили почти три недели спустя. Это был Майор Уэтт. Он сказал:

– Похоже, ваши слова произвели впечатление. Вы будете приглашены для повторной беседы с генералом. Не обсуждайте это ни с кем.

После этих слов он повесил трубку. Час спустя мой непосредственный начальник сообщил, что командир, бригадный генерал Ролья, приказывает мне завтра утром в 9.00 прибыть в 902 Группу Военной разведки, Форт Мид, Мэриленд.

На следующее утро я уже входил в маленький офис в форте Мид. Здесь меня снова встретили Этуотер и Уэтт в гражданской одежде. На сей раз они были очень сердечны и менее формальны. Офицеры улыбнулись, пожали мне руку, предложили кофе и пригласили поудобнее расположиться в кресле. Меня снова попросили подписать ещё более строгую бумагу о неразглашении того, что я услышу, и материала, что будет мне показан. Мне сказали, что американская военная разведка располагает неопровержимыми сведениями о том, что есть реальная угроза использования Советским Союзом и другими странами коммунистического блока экстрасенсов для шпионажа за Соединенными Штатами и его союзниками. Меня спросили, верю ли я в такую возможность. Я сказал, что не знаю ответа на тот вопрос, но если такая возможность реальна, то мы должны знать об этой угрозе и всеми силами противостоять ей. В глубине души я понимал, что пси-война вполне реальна, но пока не решался заявить об этом вслух. Думаю, что, если бы я сказал это напрямую, никто бы мне не поверил. Офицеры посмотрели друг на друга и улыбнулись. Они были согласны со мной, рассматривая, как и я, возможное экстрасенсорное воздействие как угрозу – именно поэтому я был с ними в офисе форта Мид.

Уэтт вышел из комнаты, и я провел около часа, беседуя с Этуотером о паранормальных явлениях в моей личной биографии, рассказывая о происходивших со мной событиях. Когда Уэтт возвратился в офис, он держал в руках моё личное дело, которое вручил Этуотеру. Перелистывая бумаги в толстой папке, тот дошёл до маленького коричневого конверта, прикреплённого к внутреннему краю папки. Конверт был запечатан скотчем, и через всю его поверхность проходила диагональная красная полоса, на которой было написано предупреждение: «Вскрыть может только Командующий Службой Разведки и Безопасности США». Я ощутил, как ко мне вновь возвращается былая нервозность, беззаботности словно и не бывало. Этуотер теребил в руках коричневый конверт и вдруг оторвал его от папки.

– Прошу вас не вскрывать конверт, – сказал я. – Здесь написано, что только командующий имеет право читать его содержимое.

Этуотер вопросительно посмотрел на Уэтта, тот, улыбнувшись, кивнул, и Этуотер быстро надорвал конверт. Было очевидно, что они хотели знать обо мне всё, и предупреждение на конверте остановить их уже не могло. Внутри были бумаги, касающиеся некоторых обстоятельств события, происшедшего со мной задолго до этого. То был странный случай, который чуть было не перечеркнул мою карьеру, и теперь, именно в этот определённый момент времени он опять возник в моей жизни. Теперь, мысленно возвращаясь в прошлое, могу уверенно сказать, что это был ключевой жизненный момент, синхронизирующий со всем, что в конечном счете происходило потом в моей жизни.

**

Американская Гостиница в Браунау, Австрия, 1970

В 1970 году, во время одной из моих командировок в Европу, я решил провести уик-энд со своей первой женой в гостинице австрийского города Браунау. Помню, какое было время года, так как было влажно и холодно, постоянно шёл дождь, ранними утренними часами туман окутывал городок. Мы с женой собирались остаться в маленьком пансионе на границе Германии и Австрии на весь уик-энд, а затем мне надо было продолжить свои командировочные дела. Там же, в пансионе, находился один из самых близких в то время моих друзей. Он собирался пообедать в пансионе, а затем отбыть к месту службы. Мы вошли в ресторан пансиона, сели в конце зала и перед обедом заказали напитки. Я сделал несколько глотков. Сразу же после того, как мы сделали заказ, я почувствовал себя плохо. Не желая показать своё плохое состояние своим коллегам, которые обедали тут же, я извинился и вышел из-за стола. Сказав своей жене, что мне нужно немного подышать свежим воздухом и что скоро вернусь, я торопливо покинул ресторан.

Искать мужской туалет времени не было, поэтому я сразу поспешил к выходу. Входная дверь была стеклянной, открывающейся в обе стороны. Помню, в спешке я сильно толкнул стеклянную дверь рукой, она распахнулась, и, проходя через неё, я услышал непонятный треск, похожий на щелчок пальцев. Затем был какой-то провал памяти, и следующее, что вспоминается: я стою на булыжниках дороги, идёт дождь. Дождь был тёплым, он освежил меня, и я почувствовал себя

значительно лучше. Протянув руки, чтобы собрать в ладони яростно хлещущий дождь, я был очень удивлён, видя, как струйки, не задерживаясь, проходят сквозь мои ладони. Это зрелище поразило меня. Я наблюдал этот феномен в течение нескольких секунд, пока я не заметил суматохи возле входной двери здания, находящегося передо мной. Там собралась толпа, и я тоже направился туда. То, что я увидел, потрясло меня до глубины души.

Перед зданием на тротуаре лежало моё тело. Моя жена стояла около него и, зажимая рот руками, отчаянно кричала. Друг сидел на мокром тротуаре и, положив моё тело к себе на колени, ударял меня в грудь. После каждого его удара по груди я снова оказывался в своём теле, ощущая сильнейшую острую боль, пронизывающую всего меня. Мне хотелось закричать, чтобы друг прекратить наносить мне удары. Но, каждый раз, как только я начинал кричать, то сразу же выходил за пределы своего тела, и осознавал, что смотрю на себя и наклонившегося надо мной друга откуда-то сверху, вижу оттуда, как он снова поднимает кулак и вновь ударяет меня в грудь. Я отчаянно кричал: «Нет! Не делай этого!» Но друг не мог услышать меня, ведь я был вне своего тела. Он ударил меня снова, и я тут же вернулся в тело, и лицо друга снова было надо мной.

Мысленно я кричал: «Нет, нет, вы должны прекратить это, он причиняет мне сильнейшую боль!» Наконец я перестал входить в своё тело и выходить из него. Я больше не возвращался, я парил над своим телом и наблюдал за происходящим.

Через несколько минут примчался Фольсваген Бентли, и я наблюдал за тем, как моё тело погрузили на заднее сидение и уехали. Я испугался и полетел за ними, пытаюсь их остановить. Я летел рядом с машиной, крича, чтобы меня подождали. Я видел, как автомобиль, не замедляя хода, пересёк КПП австрийско-германской границы. Я так и пролетел, не отставая от автомобиля, до самой больницы в Пассау, Германия.

Там я наблюдал, как мой друг нёс мое тело, перекинув его через плечо, от автомобиля до двери службы экстренной помощи и попытался её открыть. Дверь была закрыта. Позже я узнал, что немецкие больницы в то время всегда захлопывали свои двери в 20:00. Друг начал стучать ногами по стеклянным дверям

и колотил в них до тех пор, пока не прибежала медсестра и не отперла двери. Он занёс меня в комнату экстренной помощи и положил на стол, где на мне стали разрезать одежды и втыкать в руки иглы. Очень быстро мне наскучило наблюдать за этим процессом, и я впал в состояние, напоминающее погружение в сон. Я плавно поднялся и ощутил жар, разливающийся сзади по моей шее. Я подумал, что тепло может исходить от интенсивного, неестественно яркого света ламп, установленных в комнатах службы экстренной помощи, которые и жгут мне шею. Я повернулся, чтобы подтвердить своё предположение, и внезапно понёсся вниз сквозь темный туннель.

Туннель был заполнен лицами людей. Многие из них были мне знакомы. Это были люди, которых я знал или встречал на протяжении всей своей жизни. Некоторые были мне совершенно незнакомы, люди, которых я не помнил. Многие тянулись ко мне, пытались меня схватить. Одни кричали, другие стонали, некоторые улыбались и смеялись. Это зрелище действовало на меня неоднозначно: что-то казалось ужасающим, что-то, наоборот, несло успокоение, и эти ощущения постоянно менялись. Я закрыл глаза, и вся моя жизнь пронеслась перед моим мысленным взором. Она мелькала передо мной: каждое мгновение, каждое действие, каждое событие, от рождения до смерти. Меня не судили, нет, я не чувствовал никакого осуждения. Это скорее напоминало попытку обзора жизни, оценки её с позиции вопроса: а что если... А что, если бы я уделил этому больше внимания? А что, если бы я больше времени потратил на то? Что, если бы я тогда проявил к этому человеку немного больше уважения? Всё это происходило для того, чтобы я лучше понял, как мои действия сказываются на других людях, и как они же влияли на меня самого.

Вскоре я увидел пробивавшийся ко мне свет. Это был свет в конце туннеля. Сначала слабый, еле мерцающий в темноте, но он вселил в меня надежду. Это приободрило меня, и я стал быстрее продвигаться по туннелю, приближаясь к свету. Ещё мгновение – и вдруг я выскочил из туннеля в очень яркий и теплый свет, который полностью окутал меня. В этот момент возникло чувство завершенности - я ощутил себя целостным. Я знал все ответы на все вопросы, которые я когда-либо задавал себе. Я обрёл мир внутри себя, полное согласие с

самим собой. Я знал: теперь я дома. Мне не хотелось больше никуда, мне ничего больше не было нужно. Должно быть, это и есть то, что называют встречей с Богом.

Раздался голос: «Ты пришёл слишком рано. Тебе надо возвратиться». Я ответил: «Нет», но это не имело здесь никакого значения. Снова раздался звук, подобный щелчку пальцев, и сознание вернулось ко мне. Я открыл глаза и тут же сел прямо, словно аршин проглотил. Я был гол и лежал под простынёй в кровати рядом с другим пациентом. Он был испуган моим внезапным движением так, что даже чертыхнулся по-немецки.

Потом я узнал, что произошло со мной в тот момент, когда я тем роковым вечером, выходя из ресторана, сделал шаг к двери. Поскольку я торопился, то с силой толкнул вертящуюся стеклянную дверь. Та сделала полный оборот, и я упал в обморок на тротуар прямо через стеклянную панель. Приступ рвоты был настолько сильным, что в конвульсиях я заглотнул свой язык. Никто не знал, что произошло, а я просто не мог дышать. В 1970 году никто понятия не имел о кардиопульманальной реанимации, которая существует сейчас. Поэтому естественная реакция на моё состояние – бить по груди кулаком или ладонью. Именно это и делал мой друг, крича, чтобы я дышал. Но, я не мог дышать, так как мой язык перекрыл дыхательные пути. Другу и моей жене потребовалось около 16 минут, чтобы проехать 60 с лишним километров до больницы в Пассау. Так что меня доставили в комнату экстренной помощи с приговором: мёртв по прибытию. Немецкий доктор был очень квалифицированным специалистом и смог вновь запустить мое сердце и восстановить дыхание, но я пробыл в коме более двадцати четырёх часов и, наконец, пришёл в сознание рано утром на третий день после происшествия.

Я посмотрел на немецкого пациента и заговорил с ним на смеси английского и ломаного немецкого:

– Думаю, я встретил Бога, и Богом был белый свет. Смерти нет, мы никогда не умираем совсем. Наша идентичность продолжает жить после физической смерти. Надо только заботиться о том ... – и т.д.

Поскольку я молот вздор, немец быстренько ретировался из комнаты и вскоре возвратился с доктором и медсестрой, которая ввела нечто в мою капельницу, что быстро заставило меня почувствовать разливающееся по всему телу тепло и забыться сном. Много позже я узнал, что, когда доктор вошел в палату, он увидел, что мои широко открытые глаза были почти синими, с каким-то голубоватым свечением. По его словам, они выглядели так, будто пылали, излучая почти физический свет. Я подумал, что это очень странно, поскольку мои глаза всегда были зелеными. Представляю, как я до смерти перепугал того бедного немецкого больного, внезапно сев, вытянувшись в струнку после комы, длившейся более суток.

Когда сознание вернулось ко мне в очередной раз, было раннее утро, и я лежал, туго привязанный к больничной каталке. К лицу была прикреплена кислородная маска, и меня на каталке загружали на заднее сиденье лимузина. Возле меня суетился лейтенант и шептал в ухо:

– Мы перевезём вас в Мюнхен. Ваше должностное место уже занято, вы больше не командир отделения, и мы собираемся оставить всё так, как есть. Люди будут думать, что вы умерли, по крайней мере, до тех пор, пока мы не уладим этот вопрос. Расслабьтесь и наслаждайтесь поездкой.

Мне снова поставили капельницу, и я не запомнил ничего из моей длительной поездки в Мюнхен на заднем сидении лимузина. Запечатлелось лишь то, что окна были тонированы оловянным покрытием.

**

Мюнхен, Германия, 1970

Я проснулся в маленькой, но удобной кровати, в небольшой, но уютной комнате - обстановка была, как в весьма приличном госпитале. На самом деле это была комната в пустом крыле дома отдыха в предместьях Мюнхена. Я был слишком слаб, чтобы подняться с кровати, но у меня из окна открывался прекрасный вид сада, окружающего крыло дома. Голова кружилась, и было такое ощущение, словно она разламывается на кусочки. Мысли словно размазывались вокруг арахисовым маслом или растекались по стене всего здания. Я мог внутренним

зрением видеть все комнаты и всех людей в них, и было такое чувство, будто они разговаривают со мной все одновременно. Моя голова была заполнена голосами, и я не мог не заглушить ни одного из них. Мне казалось, что я схожу с ума.

Я видел крупного человека в армейской форме американского военного врача, входящего в мою комнату и спрашивающего меня, как мои дела. И я слышал, как я отвечал, что плохо, и два раза до этого я ответил так же. У меня страшно болела голова, я чувствовал тошноту, мне необходимо было поспать, но я не мог выключить голоса. Видение повторилось еще несколько раз, пока я не задремал. Меня разбудил стук в дверь. Крупный человек в американской форме военврача, который несколько раз уже появлялся в моих видениях, стоял в дверном проеме комнаты.

– Можно войти? – спросил он. – Как ваши дела?

Я не отреагировал на его вопрос, потому что в своих видениях уже раз пять отвечал на него задолго до его прихода. Головная боль возвратилась с удвоенной силой. Мне очень захотелось оказаться где-нибудь в любом другом месте, только не в комнате, где я находился тогда. Одно мгновение – и я вдруг осознал, что вокруг меня не стены палаты. Я был в саду, которым недавно любовался из окон комнаты, и наблюдал за врачом, который обращался с вопросом к лежащему на кровати человеку в больничной одежде, очень похожему на меня. Сквозь стекло невозможно было услышать их голоса. Я наблюдал, как военврач шел ко мне, сидящему в кровати, как он наклонился и, приподняв моё левое веко, направил в глаз маленький яркий луч света. Внезапная вспышка света, которую я ощутил в своём левом глазу, моментально вернула меня в моё тело, и я снова был в комнате.

– Ай! – резко отдернул я голову.

– Я знаю, что вы были где-то в другом месте, – констатировал доктор. – Вы не отвечали, очевидно, по каким-то понятным только вам причинам. Можете объяснить мне, что с вами происходит?

Инстинктивно я понимал, что, если я скажу этому человеку всю правду о том, что со мной происходит, он будет думать, что я окончательно спятил. Мне надо

попытаться вести себя нормально. Но проблема была в том, что я больше не знал, что значит норма.

В течение следующих нескольких недель лечения я понял, что врачей очень интересует тот факт, что меня доставили в больницу в Пассау со свидетельством: мёртв при поступлении. То обстоятельство, что мой мозг был без кислорода как минимум 8-10 минут, предполагало, что у меня, наверняка, непоправимое повреждение головного мозга. Поскольку я имел доступ к совершенно секретным материалам, все были очень озабочены тем, во что всё это может вылиться. Что я знаю? Насколько хорошо я помню то, что знаю? Не исходит ли от меня угроза для национальной безопасности после того, что я пережил? Можно ли мне доверять после того, как я выйду за пределы больницы и из-под их контроля? И как быть с той чушью, что я нёс после выхода из комы? Разговор о Боге, о том, что смерти нет, что мы можем знать то, чего мы не знаем... Что делать со всем этим, по их мнению, бессмысленным бредом? Все были абсолютно уверены, что я перенес серьёзное повреждение головного мозга, и меня не собирались выписывать, пока точно не определят, насколько страшны повреждения и как сильна возможная угроза системе, на которую я работал.

Проблема состояла в том, что мой мозг растёкся на пол-Мюнхена, а то и дальше. Я просто не мог вспомнить, что значит быть нормальным в общеупотребительном смысле этого слова. Я не мог отделить реальные образы от нереальных, возникающих у меня в мозгу, не понимал, какие разговоры происходят в действительности, а какие я слышу внутри себя. Я соскальзывал в сновидения наяву и слышал разговоры, которые в реальности прозвучат в течение двух последующих дней. Когда эти разговоры возникали наяву, я знал ответы прежде, чем их произносили. Это выглядело так, словно ты попал в ловушку своего собственного кошмара. Но постепенно, через довольно-таки долгое время, я пошёл на поправку. Мне очень помог психиатр, который наблюдал меня во время болезни. Думаю, он верил многому из того, что я говорил ему, потому что иногда я замечал, что он ничего не записывал. Он просто очень внимательно слушал и задавал серьёзные вопросы о том, что я рассказывал, а затем выключал ноутбук и долго обсуждал их со мной. Инстинктивно я понимал, что могу доверять ему. Если

бы не он, не уверен, что я был бы в состоянии самостоятельно соединить всё воедино и понять, что со мной происходит. В конечном счете, я начал чувствовать себя вполне нормально. Многие из тестов, которые были сделаны с помощью сканеров и электроэнцефалограммы показали, что нет абсолютно никаких признаков серьезного повреждения мозга или какого-либо другого отрицательного эффекта после пережитого мной. Врачи обнаружили несколько рубцов, появившихся после моего пребывания во Вьетнаме, но это, как определили, были просто следы от близко разорвавшегося снаряда. После многих недель обследований, меня, наконец, выписали под наблюдение врачей.

Перед выпиской было принято решение, что я не должен возвращаться на прежнее место работы. Врачи все еще не могли определить причину того, что произошло со мной и привело к срочной госпитализации. Это так и осталось загадкой навсегда. Вместо того чтобы приступить к своим прежним обязанностям, я был переведён на другую должность, где исполнял обязанности руководителя организации полётов до следующего моего назначения. Я тут же привлёк к себе внимание, как человек, не боящийся смерти, обладающий, однако, неплохим чувством юмора, с которым относитесь ко всем жизненным событиям. К сожалению, такой взгляд на жизнь большинством моих коллег не разделялся, поэтому я очень скоро стал погружённым в работу человеком-одиночкой, с которым никто близко не общается. Я был тем парнем, который всегда имеет дело с тем, за что не берутся другие.

«Дайте это Джо. Он непременно сделает. Он сделает всё, что угодно». Так я проработал за границей ещё 7 лет.

**

Форт Мид, 902-ая Группа Военной Разведки

Это была наша третья встреча в Форте Мид и мое третье интервью, только на сей раз, кроме меня, было приглашено ещё тридцать человек. Мы сидели без дела в большой комнате почти час. В центре комнаты стоял длинный стол, на всей поверхности которого лежали засекреченные брошюры о паранормальных явлениях, привезённые со всех континентов. Мы листали их в ожидании

аудиенции. Некоторые из присутствующих стали подшучивать над содержанием этих буклетов, и это создавало ощущение некоторого дискомфорта.

Наконец, в комнату вошёл Уэтт и произнёс короткую речь. Он сказал, что через пять минут надо будет перейти в другую комнату, где с нами проведут краткую вводную беседу по проекту, к которому некоторых из нас, возможно, привлекут. Как только нам расскажут о проекте, дороги назад не будет. Поэтому, если кто-то чувствует, что разложенный на столе материал или же те вопросы, которые нам задавали несколько месяцев назад, на предыдущих встречах, приводят кого-то в замешательство, об этом надо сказать сейчас.

В комнате стояла тишина.

Уэтт продолжил, заявив, что, как только мы войдём в другую комнату, у нас никогда не будет больше шанса получить продвижение по службе. Или, по крайней мере, шансов на это у нас будут меньше, чем 50 на 50, так как то, что будет нам открыто, не позволит больше продвигаться по карьерной лестнице. Но мы должны пожертвовать этим во имя благого дела – защиты национальной безопасности своей страны.

В комнате царил молчание.

Тогда Уэтт сказал, что, вступив в новый проект, нам скорее всего придётся разлучиться со своими семьями, а некоторым из нас придётся порвать и со своей церковью до тех пор, пока работа по проекту не будет закончена.

В комнате стояла мёртвая тишина.

В конце своей речи Уэтт пригласил нас пройти в другую комнату. Я был удивлен, увидев, что только двенадцать человек из тридцати встали и двинулись за Уэттом. Хотя «удивлён», это мягко сказано, точнее, наверное, было бы сказать, что я был ошеломлён. Нет, не речь Уэтта ошеломила меня, а то, что такое большое количество мужчин, военных людей, испугалось или не захотело посвятить свою жизнь служению Нации. В любом случае, оглядываясь назад, возвращаясь в то время, когда я принял это решение, я и сейчас полагаю, что поступил правильно, и если бы мне сейчас предложили сделать такой выбор, я поступил бы так же. Хотя

Уэтт не солгал: за всем этим стояли разрушенные браки, пошатнувшееся здоровье, смерть, потеря всех друзей, в том числе и военных. И всё же, если б возникла ситуация подобного выбора, я сделал бы его снова. И это главное.

Войдя в другую комнату, мы подписали бумаги и получили свидетельство о том, что проинструктированы по проекту Пламя Гриля. Это было началом моего введения в экстрасенсорную разведывательную программу Армии США. Человек по имени Хал Рутхофф вошел в комнату с другим человеком, которого звали Рассел Тарг. И они в течение часа рассказывали нам о явлении, называемом дальновидением, которое на протяжении последних пяти лет, согласно контракту с Центральным Разведывательным Управлением, изучалось в Стэнфордском Международном Научно-Исследовательском Институте, в Менло Парке, Калифорния. Нам показали фильм о человеке по имени Инго Сван, который с исключительной точностью смог описать местонахождение Геральда Путоффа, хотя его маршрут был выбран наугад, и Инго, находясь всё это время вместе с Расселом Таргом в изолированном помещении, не знал, куда отправился Путофф. Сидя в комнате без окон, Инго нарисовал местонахождение Геральда на бумаге. После того как Путофф возвратился, другой человек смог по рисунку Инго выбрать из пяти лежащих перед ним фотографий ту, на которой было запечатлено местонахождение Путоффа. Это была впечатляющая демонстрация явления дальновидения, но я всё еще воспринимал всё показанное как случайность, да к тому же весьма отдалённую. Интересно, сколько раз демонстрировался этот случай?

После фильма с нами снова беседовали, но уже конфиденциально, вопросы задавали Путофф и Тарг, профессора Стэнфордского Исследовательского Института. Нам сказали, что они беседуют с нами, чтобы выбрать трех из нас, способных к дальновидению, для дальнейшего обучения в СНИИ и последующего участия в проекте «Пламя Гриля». После курса обучения мы могли бы обучать других в Форте Мид. Неизвестный нам в то время, но хорошо организованный план предполагал годичное обучение дальновидению, после которого нас могли использовать в Контрразведке против особо сложных объектов, представляющих угрозу для Армии США. Эти объекты должны были отбираться на основе

широкого диапазона по типу, оборудованию и степени надёжности защиты безопасности. Как только мы, используя свои экстрасенсорные способности, получим всю доступную нам информацию относительно этих целей, наши данные переправляются независимому агентству, в распоряжении которого имеется исчерпывающая информация об изучаемом объекте, для анализа и оценки эффективности наших усилий по сбору информации. Другими словами, мы должны были точно воспроизвести, в какой боевой готовности находится советский блок. Однако только в конце мы будем в состоянии точно оценить, насколько он боеспособен.

Во время моего собеседования с Путоффом и Таргом Этуотер докладывал обо всём, что ему удалось узнать обо мне во время предыдущих встреч. Он говорил о моём околосмертном переживании в Австрии, а также о последующем за этим опыте нахождения вне тела. Всё это очень заинтересовало и Путоффа, и Тарга, а в результате я занял одно из первых мест в списке возможных кандидатов.

Собеседование заняло почти весь день, а остаток его мы провели, читая документы, принесенные к нам в комнату. В конце концов, нам объявили, что вынуждены внести изменения в правила отбора кандидатов. Процесс выбора был настолько успешен, что они не могут отобрать только трёх из двенадцати, и им придётся оставить шесть. Я же должен был первым отправиться на западное побережье для того, чтобы проявить свои экстрасенсорные способности и обучиться дальновидению.

**

Стэнфордский Исследовательский Институт, Менло Парк, Калифорния

Моя поездка в Менло Парк была трудной. Даже учитывая то, что я ехал по распоряжению командующего службы разведки и безопасности США, бригадного генерала, мой непосредственный начальник был в должности между подполковником и полковником, и он вовсе не был в восторге от своего новоиспечённого подчинённого. Он понятия не имел о том, что я делал, на кого я работал и вообще, зачем я нужен в его офисе. Моя работа продвигалась всё хуже и хуже, складывалось такое впечатление, что она никому не нужна. Это была одна из

первых поездок, о которой я не мог ни слова сказать своей жене. Накатывающаяся депрессия заставляла меня заново переосмысливать свои обязательства. Единственной отрадой была гражданская одежда и дополнительные деньги на счёте.

В первый день мне устроили экскурсию, показав оборудование, а остальное время я болтался по отелю, плавал в бассейне. Так, к началу второго дня я уже прекрасно отдохнул и начал скучать. Я пошёл на работу с твёрдой решимостью приступить к напряжённым двухнедельным занятиям. Но, к моему удивлению, этого не случилось. Вместо учёбы меня подняли на последний этаж, завели в помещение без окон, которое больше походило на холл с большой мягкой кушеткой и крестьянской обстановкой. Рассел Тарг и я устроились поудобнее напротив друг друга, и мне дали маленький альбом для рисования и набор ручек и карандашей. Путофф объяснил, что через час он будет находиться в одном из наугад выбранных мест Сан-Франциско, где-нибудь в области залива. Моя задача заключалась в том, чтобы попробовать точно описать то место, где он будет стоять. Геральд должен был находиться в выбранном месте ровно 15 минут, а потом возвратиться в лабораторию. После того, как я опишу место, мы должны были все вместе пойти на реальное место, которое было выбрано для проведения эксперимента, чтобы проверить обратную связь. Позже была бы проведена независимая оценка результатов каким-нибудь независимым экспертом, не задействованным в опытах по проблеме дальновидения.

Путофф спросил, нет ли у меня каких-нибудь вопросов. Я сказал ему, что есть. Что я конкретно должен делать, чтобы выполнить это задание? Он объяснил, что на самом деле нет никакой конкретной методики, как научиться дальновидению. Так что это мое дело, как я буду решать поставленную задачу. Нужно освободиться от всех мыслей, «сделать мозг пустым», а когда это произойдёт, открыть его для принятия нужной информации и мысленно увидеть требуемое место.

– Не переживай, ты обязательно увидишь что-нибудь такое, что поможет тебе определить нужный участок. Чтобы работать, тебе нужно создать свою систему и доверять ей, – с этими словами Путофф уехал.

Рассел отключил телефон и запер дверь, чтобы нам никто не помешал. Потом он посоветовал мне расслабиться, так как у нас есть почти сорок пять минут, пока Путофф не доберётся до места, которое мне надо будет описать. Он объяснил, что Путофф спустится в свой офис и с помощью генератора случайных чисел получит пятизначное число. Последние три цифры будут означать номер файла из сейфа. Затем, захватив с собой запечатанный файл, он сядет в автомобиль и отъедет от здания офиса. Поездив 10-15 минут, он остановится и откроет запечатанный конверт, находящийся в файле. В конверте будут фотографии и координаты места, к которому он должен подъехать. Как только он доберётся до места, это будет означать, что он находится у цели в точно назначенное время, и будет взаимодействовать с этим местом в течение пятнадцати минут. За это время мне надо будет попробовать зарисовать «цель», где находится Хал. По завершении отведённого на эксперимент времени он должен возвратиться в лабораторию, забрать нас и отвезти к тому месту, которое я попытаюсь увидеть и зарисовать.

Мне предстояло, приехав на участок, сравнить то, что я реально увижу, и то, что предстало до этого перед моим мысленным взором. Больше всего меня удивило, как быстро проходят 45 минут, когда ты расслабляешься и освобождаешь мозг от мыслей. Также я понял, как трудно перестать думать обо всем, что тебя беспокоит. Когда ты упорно заставляешь себя о чём-то не думать, мысли именно об этом настойчиво лезут тебе в голову. Чем больше я старался, тем больше моя голова забивалась «спамом». Наверное, обычный современный компьютер за всю свою электронную жизнь не получал такого количества макулатурной почты, как моя бедная голова в то время, как я пытался освободить её от всяких мыслей. Но среди роя мыслей не было ни одной о том, куда мог поехать Путофф из лаборатории в Менло Парке, и где он будет через 45 минут. Эта задача казалась мне неразрешимой.

Я отчаянно сражался со всем этим хламом, засорявшим мои мысли, когда внезапно, как гром среди ясного неба, прозвучал голос Рассела Тарга:

– Ну что Джо, скажи мне, где, по-твоему, может в данный момент стоять Хал?

Именно в этот момент мой мозг совершенно очистился – ни одной мысли.

Удивившись, что я всё-таки смог это сделать, я спросил Тарга, нельзя ли дать мне какой-нибудь намёк, на что он ответил отрицательно: Тарг сам понятия не имел, где находится Путофф. Я попросил Рассела дать мне хотя бы общее представление о том, как заставить себя увидеть отдалённое место. Он предложил, чтобы я просто расслабился и позволил информации самой прибыть ко мне. Я попробовал, но не тут-то было: каждый раз, когда я расслаблялся и подставлял свою голову для прибытия информации, мой мозг тут же заполнялся, бог знает чем, такой чушью, что я не мог выбрать из неё ни одной нужной мысли.

Время шло, а мой блокнот оставался так же девственно чист, как и до моего прихода в эту комнату. Тарг сказал, что у меня остаётся не больше десяти минут. Потом Путофф уедет из «целевой области». Расстроенный, я закрыл глаза и покачал головой. Я был готов к неудаче.

Именно в этот момент я поймал нечто, похожее на проблеск, маленькую вспышку. Очень короткое, быстро промелькнувшее видение, настолько стремительное, что, казалось, оно мерцало сквозь веки. Постой! Снова промелькнуло. Это напоминало какие-то тени, как затемнение или затенение позади больших колонн или столбов, похожих на те, что поддерживают греческие храмы. Я бросился к альбому, стал делать лихорадочные наброски. Были вспышки видения и других вещей: предмет, похожий на штангу, статуи, велосипеды или, по крайней мере, металлические стойки для велосипедов сбоку. А впереди две круглые кадки с низкорослыми деревьями. Вот это да! А ещё... И я кинулся делать наброски в альбоме. К тому моменту, когда Тарг сказал, что время вышло, я изрисовал всю страницу предметами, которые, я чувствовал это, были в том месте, где находился Хал. Но как только Тарг взял из моих рук альбом, я внезапно ощутил себя совершенно разбитым, словно моё тело полностью лишилось энергии. Я вдруг осознал себя мгновенно опустошённым, растерянным. Было такое чувство, словно я внезапно потерял контакт с целью и полностью расписался в собственном бессилии. Я сказал Таргу, что, вероятно, запорол эксперимент и всё перепутал.

Тарг смотрел на мои рисунки и улыбался. Он сказал, что уже знает, куда мы сейчас поедem. Через полчаса в лабораторию возвратился Путофф, мы втроём сели в автомобиль и поехали к цели. На пути я увидел несколько предметов, которые, как

мне показалось, напоминали то, что я зарисовал, хотя особых примет, нарисованных мной, я не находил. Мы выехали на дорогу, ведущую к Стэнфордскому Университету, и сделали несколько поворотов. Я никогда не был в университетском городке, и поэтому понятия не имел, куда мы едем. Когда Путофф резко повернул влево, я увидел справа от автомобиля здание и понял, что это и было моё «целевое здание» – библиотека Стэнфордского Университета. Машина подъехала к библиотеке и остановилась. Большие колонки перед зданием нельзя было не узнать, особенно в окружении кадок с маленькими деревцами. Был даже железный стенд для велосипедов точно в том месте, где я видел его в своем отрывочном видении. Я повернулся и посмотрел Рассела Тарга, сидящего на заднем сидении. Он широко улыбался, и улыбка была, что называется, до ушей.

– Не плохо для первого опыта по дальновидению, Джо, – сказал он.

В этом первом состязании по дальновидению я занял первое место, так же, как и в последующих четырёх, а вот шестое испытание принесло мне второе место. Геральд Путофф сказал мне, что это был лучший результат, продемонстрированный в Стэнфордском Институте за всё время проведения экспериментов. Когда я возвратился в Форт Мид, в свою 902 группу Военной Разведки с заключительными результатами, они были введены в принципиально новый файл под названием Дальновидящий 001. Меня взяли в головной офис и обязали добровольно согласиться участвовать в программе по дальновидению, ради которой, как я понял, мне надо будет отказаться от карьеры, будущих поощрений и, вероятнее всего, не получить за это ничего, кроме насмешек коллег. Однако, после того, что я испытал в Стэнфордском Университете, прочитал в документах за последние недели и осознал, что появилась новая угроза национальной безопасности моей страны, выбора у меня практически не было. Нужно было соглашаться – кто же, если не я?

**

Проект «Пламя Гриля», Форт Мид, Мэриленд

Работа над проектом была чрезвычайно трудной, не только с фундаментальной точки зрения, но также и с военной, и политической. Что касается базы проекта, то

её не было, до нас этим никто не занимался, так что мы были пионерами, которым предстояло прокладывать новые следы в деле дальновидения. Никто никогда не пытался сделать то, что пытались сделать мы. В военном отношении наша работа тоже была уникальна, так как вооруженные силы никогда не занимались эзотерическими вопросами и не были подготовлены к тому, чтобы иметь с ними дело. Эти темы были заранее обречены на то, чтобы вызывать насмешку в армейских кругах, и поэтому их скрывали даже от тех, кто по долгу службы был обязан поддерживать наше начинание. В сущности это был Чёрный Проект, запущенный в рамках Чёрного Проекта. Были многочисленные уровни безопасности, и только люди с самым высоким допуском секретности знали о нашем существовании и с разрешения Командующего имели доступ к нашим материалам. Те, кто непосредственно должны были оказывать нам поддержку, знали, что мы существуем, но не знали точно, чем мы занимаемся. Они могли думать всё, что угодно, и мы поддерживали их в том, что они думали о наших изысканиях, но они никогда не знали, чем же мы занимаемся на самом деле. Только горстке людей был разрешён реальный доступ в наше здание. Из-за естественной враждебности, с которой относились к нашей работе люди с определенными религиозными верованиями, мы должны были проявлять исключительно осторожность в подборе вспомогательного персонала, имеющего доступ в наш офис: секретарей, инструкторов, аналитиков и т.д. Поэтому вспомогательный персонал был сведён к абсолютному минимуму. Так как изначально весь персонал отдела дальновидения состоял из офицеров и военных чиновников высшего ранга, за исключением одного человека (старшего сержанта), то было введено дежурство, во время которого мы должны были мыть полы и окна, оттирать и красить стены, приобретать мебель. В скобках нужно сказать, что иногда «приобрести» означало «позаимствовать» в другом отделе, правда, в более свободном смысле этого слова, и, кроме того, приходилось даже по необходимости чистить туалеты. Мы не гнушались никакой работой, и никто не жаловался. В наше распоряжение выделили два старых здания времён Второй Мировой Войны, одним из которых была старая солдатская столовая. Оба здания были признаны непригодными лет десять назад и давно были предназначены под снос. Они вполне подходили для

наших целей, потому что стояли в стороне от оживлённых улиц, скрываясь от чужих глаз под сенью столетних дубов, вдали от остальных зданий. Мы превратились в невидимок: замаскировали входную дверь и почти полностью слились с пейзажем.

Вначале обучение шло очень тяжело. Мы начинали рано утром в 7:30, практиковались в дальновидении: кто-то ехал в случайно выбранное место, в то время как другой пытался с помощью дальновидения определить его местонахождение. Потом участники эксперимента менялись ролями. Мы исключили из опыта процедуру оценки, потому что нам не требовалось доказывать существование феномена дальновидения, мы просто хотели совершенствовать нашу способность к нему. К тому времени, как из Стэнфордского Университета нам прислали ещё 5 человек, наши способности значительно улучшились. В итоге нас, первую шестёрку волонтеров, назначили работать в проекте полный рабочий день, а другим шести добровольцам предложили приходить наблюдателями, которые часть времени должны были тренироваться, чтобы участвовать в некоторых опытах. Вся работа проводилась и финансировалась «из-под полы» (не было формального разрешения), и поэтому мы крутились на очень небольших финансах. Идея оставалась прежней: выяснить, может ли экстрасенсорное воздействие представлять угрозу для вооружённых сил США и сделать уязвимыми наши стратегические объекты. Проекту никогда не отводилась роль полнофункциональной единицы. Его первичная цель состояла в том, чтобы смоделировать операции Советского Союза с использованием экстрасенсов и определить ценность такой группы и возможности ее использования. Однако не прошло и полугодия после запуска проекта, как всё изменилось.

**

Моя первая военная цель в программе дальновидения

Конец 1978 года ознаменовал новый этап в моей практике по дальновидению. Фред Этуотер уведомил меня, что предстоит провести первый эксперимент по обнаружению реальной цели. На следующее утро, ровно в 9:00 я прибыл на своё рабочее место в полной готовности к испытанию. Я хорошо выспался и не мог

дождаться минуты, когда можно будет продемонстрировать, как хорошо я справлюсь с задачей по обнаружению реальной цели.

И вот мы расположились в комнате, где обычно проходили наши практические сеансы по дальновидению. К моему удивлению, Фред достал из своего портфеля конверт и извлек из него фотографию. Это была аэросъёмка ангара самолета с высоты не менее трёх тысяч футов – перспективная съёмка передней части ангара со скользящими воротами. Вокруг ангара стояло много маленьких самолетов. В большинстве своём это были одномоторные и двухмоторные самолёты, как гражданские, так и военные. Среди них не было ни одного реактивного самолета. Всё указывало на то, что это военный аэродром.

Я знал, что это было не по протоколу: дальновидящему не положено ничего показывать до того, как он не проведёт сеанс. У нас это называлось «первичной загрузкой». Пытаться определить, чем могла бы быть цель, когда вы полностью «слепы» и понятия не имеете, о чём идёт речь, несомненно, трудно. Но и «первичная загрузка» тоже очень мешает сосредоточиться. Как только мне показали фотографию ангара, мой мозг тут же заполнился всевозможными вариантами, что бы это могло быть. Я рассердился и спросил Фреда, зачем он это сделал. Фред ответил, что сожалеет, но начальство предписало ему поступить именно так. Ему приказали показать мне перед сеансом фотографию и сказать, что цель находится в ангаре самолета. Фред не знал, почему ему отдали такой приказ, но он обязан его выполнить. Он вручил мне фотографию и повторил приказ. Что мне оставалось делать? Пришлось согласиться с их условиями.

Я смотрел на фотографию, но не изучал ее. Я понимал: чем меньше я знаю, тем лучше. Поблагодарив Фреда, я положил фотографию на столик, стоящий между нами. Я лёг на кожаную кушетку и, закрыв глаза, пытался забыть, что я видел на фотографии, но у меня ничего не получалось. Я пытался снова и снова, продолжая говорить себе, что мне нужно определить цель, находящуюся в ангаре, а не сам ангар. Я повторял это про себя много раз и скоро почувствовал себя так, словно на мгновение моё сознание затуманилось, и я вошёл в особое состояние между сном и явью. Но только на одно мгновение, потому что тут же ощутил, что вновь вернулся в действительность с ясным осознанием, что мне надо сосредоточиться на цели.

Как только я вспомнил об этом, сразу же появилось видение железной трубы или какого-то длинного устройства, похожего на перископ, который внезапно промелькнул в моём видении. Я пытался удержать возникшую картинку, напрягая все силы, чтобы управлять ею. Перископ преобразовался в некое оптическое устройство слежения, визир, с мягкими резиновыми колпачками и устройством для глаз, повешенный на пульт управления. Я открыл глаза, взял бумагу и карандаш и начал торопливо зарисовывать то, что удерживал мысленным зрением. Увиденные мной вещи быстро превратились в нечто, напоминающее два уровня какого-то транспортного средства. Был верхний уровень и более низкий уровень, выдающийся вперёд. На обоих уровнях были сиденья, у каждого были свои функции и различная оснащённость приборами с армированием и другими средствами защиты. Внезапно перед моим мысленным взором возник жёстко закрепленный компьютер военного типа с клавиатурой, и я зарисовал его расположение. Это было трудно, но я смог сделать набросок расположения различных кнопок и кнопочных панелей. Стали приходить изображения складов снарядов, быстро превращающиеся в большие орудийные укрытия, которые в свою очередь преобразовывались в рельсы, ведущие вглубь транспортного средства. Возник сегмент автономного питания и бронированная его защита с автоматизированной подачей питания. Детали всё наплывали, и я едва успевал зарисовывать все подробности интерьера транспортного средства, вплоть до его трёхмерного изображения.

Наконец картинки перестали мелькать перед моим мысленным взором, и я отложил карандаш. Передав рисунки Фреду, я сказал ему, что именно находится внутри ангара.

Фред был доволен. Прежде чем изучить документы, мы обсудили цель. Фред сказал, что изначально он понятия не имел, что она из себя представляет. Этого не знал даже руководитель проекта Пламя Гриля. Таков был тест всего проекта, он должен был показать, насколько эффективна наша работа. А ещё Фред сказал, что любой, получив подобную «первичную загрузку», нарисовал бы самолёт. Любой, но не я.

– Хорошая работа, – сказал Фред.

К тому же я не стал зарисовывать внутреннюю часть здания, что означало, что я на самом деле установил реальный контакт с целью, которая находилась в здании, и это, по его словам, тоже было замечательно. Я ответил Фреду, что на протяжении всего сеанса был в полном контакте с целью. Я знал, что хорошо справился с заданием, и понимал, что если и не проявил до конца свои возможности, то и не провалился.

Как выяснилось, мы оба оказались правы. Целью был Танкер ХМ-1 Абрамса. Это был новейший секретный опытный образец танкера, ещё не принятого тогда на вооружение Армией США. Таких экземпляров было на то время всего три. Один из них преднамеренно оставили в ангаре самолета, чтобы проверить, сможем ли мы описать его как цель. Предполагалось, что в лучшем случае мы сможем увидеть летательные аппараты, и танкер окажется за пределами нашего мысленного зрения. Каково же было всеобщее удивление, когда мы не только идентифицировали цель, являющуюся танкером, но и смогли зарисовать Абрамса снаружи и изнутри, включая его автоматизированную систему погрузки, новую оптическую систему слежения, компьютерную систему танкера, размещение кнопок и кнопочных панелей, а также общие детали интерьера. Особенно впечатлил всех тот факт, что мы были в состоянии сделать это в так называемом двойном слепом эксперименте, который осложнялся очень отдалённым расстоянием и получением ложной предварительной информации. Так триумфально началась моя работа по дальновидению в рамках проекта «Пламя Гриля».

В это же самое время началась моя карьера экстрасенса в рамках только что запускающегося в то время разведывательного проекта в 902 Группе Военной Разведки. Мой начальник, возвратившись в Эрлингтон, штат Виргиния, пошёл на приём к руководителю департамента Министерства и потребовал моей замены. Генерал сместил меня с очень важного поста, который я занимал ранее, будучи очень востребованным специалистом, одним из двадцати девяти всемирно известных военных экспертов в моей области, занимавшего заметное место в Министерстве, и перевёл в невидимые бойцы 902 Группы Военной Разведки. Это было не в интересах Министерства, так как там было занято только 79% должностей военных экспертов (в штате было лишь 23 квалифицированных

старших ворент-офицеров из 29 необходимых для работы по всему миру). И больше половины из них должна была исполнять свою трудную миссию в горячих точках планеты.

В среднем каждый из ворент-офицеров проводил за границей около пяти лет. Общий стаж работы за границей как ворент-офицеров, так и офицеров, исполняющих обязанности без произведения в должность, не превышал восьми лет. Я же уже отслужил за границей более 12 лет и больше года был военным экспертом № 1. 9 лет было посвящено работе экспертом за пределами Штатов, так что вряд ли кто из коллег мог на меня пожаловаться. Но всё же два ворент-офицера написали жалобу в Министерство по поводу моего назначения в 902 Группу Военной Разведки вне штата, как только впереди замаячила их первая командировка экспертами в горячую точку. В жалобе было написано, что с этой трудной миссией должен ехать я, поскольку это я «лишний», а они в штате.

Чтобы было понятно, как это могло повредить мне как ворент-офицеру, процитирую кадровика из Военного Департамента – того самого человека, в обязанности которого входило отслеживание моих назначений, продвижений по службе и защита моих профессиональных интересов. Итак, цитата:

«Если Вы будете настаивать на том, чтобы работать не в военном экспертном комитете, то я больше не буду отстаивать Ваши интересы. Более того, я сделаю всё возможное, чтобы снять Вас как Главного ворент-офицера с должности, занимаемой Вами в Военном Департаменте».

Я принёс эту бумагу своему Командиру, который в свою очередь поговорил со своим Командиром, но всё то время, пока я оставался вне штата и должности, не получал никаких поощрений, продвижений по службе и прочих выгод.

Кроме того, так как это был временный проект, нам не было разрешено жить в форте Мид, Мэриленд. Поэтому, я был вынужден ездить из своей квартиры в Виргинии. В то время я жил в Рестоне, штат Виргиния, по другую сторону Кольцевой дороги. Как долго мне приходилось добираться до Форта Мид, может догадаться каждый, кому приходилось ездить в час пик по округу Колумбия. Так как работа начиналась в 7:30, я каждое утро должен был отправляться в путь не

позднее 4:30, чтобы успеть к началу рабочего дня. Три часа напряжённого движения не способствовало проведению качественных сеансов дальновидения, особенно с точки зрения стрессового фактора.

Зимой дела обстояли ещё хуже, особенно если шел снег, или дороги покрывались льдом. Были такие вечера, когда приходилось восемь – девять часов двигаться бампер в бампер, только чтобы возвратиться домой, упасть в кровать, провалиться часа на четыре в сон, а потом вновь начать повседневную рутину. Были времена, когда я в день проезжал мимо 5-6 автомобильных аварий, чудом не попадая в автомобильную смятку. Смею предположить, что только самый лучший из экстрасенсов, может выжить, пройдя через несколько лет битв за рулём, как это сделал я. Кстати, прекрасный способ отбирать будущих экстрасенсов для сложных проектов. Любой, кто более четырёх лет ездит на работу, ежедневно преодолевая пятьдесят с лишним миль по Кольцевой дороге округа Колумбия, и при этом ни разу не разбил машину, тот стопроцентный экстрасенс!

**

Переход к реальным операциям

В начале ноября 1979 года в здание американского Посольства в Тегеране (Иран) вторглись иранские революционеры и захватили заложников. Ранним утром меня и нескольких других дальновидящих подняли с постелей и вызывали в офис. Нас предупредили, чтобы мы, пока будем находиться в дороге, не слушали никаких радиопередач и не смотрели телевизор. Это требование было излишним, потому что никто в Америке в этот ранний час ещё знал о происшедшем.

Было ещё темно, когда мы собрались в кабинете, где уже были Фред Этуотер и майор Уэтт, уполномоченный дать нам необычное задание. Было сказано, что одно из наших посольств (где – не уточнялось) захвачено террористами, есть заложники. После этого сообщения Этуотер бросил на стол более ста фотографий и попросил идентифицировать только те фотографии, на которых изображены люди, взятые в заложники. Таким образом, то раннее утро ознаменовало начало новой темы, в которой были задействованы все дальновидящие нашего отдела и которую мы

разрабатывали в течение года, проведя сотни индивидуальных сеансов дальновидения.

Как дальновидящие мы сделали всё от нас зависящее, останавливаясь лишь у той границы, которая могла привести к возможному расстройству психики. Невозможно описать, как тяжело было раз за разом определять одну и ту же цель, день за днём, месяц за месяцем. Осложняло ситуацию и то, что каждый раз возникала проблема с первоначальной загрузкой, ведь мы осматривали одних и тех же людей, одни и те же здания, комнаты, участки, точки, списки, оборудование, цвет, отношения, и т.д. лишь с небольшими изменениями и при самых напряженных обстоятельствах. Представление между реальным и воображаемым быстро стирается, время вытягивается в одну непрерывную линию. Исчезают границы между понятиями «сегодня», «завтра», «вчера», и вы уже не разбираете: работаете ли вы на Центральное разведывательное управление, или Совет Национальной безопасности, или Управление Национальной безопасности, или Службу Разведки и Безопасности США, или на них всех вместе взятых. Вдобавок ко всему, на всех этих уровнях мы непреднамеренно наживали себе врагов. Начальству хотелось всего и сразу, мы и делали то, что они требовали: просматривали каждое здание, каждую комнату, каждого человека. Описывали, что делают люди, во что они одеты, что едят, как чувствуют себя, какая там мебель, какой краской покрашены стены, какие картины на них висят, какие ковры на полу. Даже спрашивали, какой высоты трава во дворике. Интересовало их также, сколько автомобилей было оставлено возле здания, в каком именно месте они припаркованы, какой они марки, и стояли ли они передней своей частью к зданию или кузовом.

В результате мы начали получать информацию о людях, которых воспринимали как заложников, но которые на самом деле таковыми не являлись. Маневры американской армии и другие передвижения в центре и в нижней части Тегерана, которые производили впечатление поспешных, странных или неуместных, с участием лиц, которые, по нашему убеждению, были американцами, или, по крайней мере, людьми, связанными со Штатами – всё трактовалось как действия с заложниками.

На самом же деле мы непреднамеренно вмешались в жёстко контролируемую секретную операцию по освобождению заложников! В результате наш отдел внезапно наводнился оперативниками из Органов Безопасности, которые буквально хватали наших людей, уводя их на допросы и требуя признания, кто допустил утечку информации об операции, которая должна была начаться в «Первой Пустыне» и многих других местах города. Наше вмешательство привело к значительным осложнениям при выполнении некоторых боевых задач, особенно это касалось спецопераций Совета Национальной безопасности.

**

Советский самолет радиотехнической разведки, Африканское Конго, Заир

В 1975 году секретный советский самолет радиотехнической разведки упал где-то в Центральной Африке, и по понятным причинам его искало множество людей. Ценность этого самолёта для разведслужб была огромной. По ряду причин вычислили, что самолёт упал где-то в Центральном Конго, в Заире. Но, из-за многокилометровой зоны предполагаемого крушения и труднопроходимости местности, даже воздушное наблюдение не дало результатов – не удалось обнаружить ни место крушения, ни каких-нибудь свидетельств его. Это был прекрасный тест для уже действующего проекта Пламя Гриля. Если никто не смог обнаружить цель, значит, необходимо использовать какие-то экстраординарные средства, чтобы определить её местонахождение и извлечь из этого хоть какую-нибудь пользу.

Кроме нас троих, работающих над этой проблемой в рамках проекта Пламя Гриля, над ней трудилось много учёных из Стэнфордского Университета и дальновидящие из учебной группы при нём. Нам выделили три автономные области в Заире, до 13 километров в диаметре каждая. Дальновидящим из Стрэдфордского Института и дополнительной учебной группе достались такие же участки. Поисковые команды были отправлены в места предполагаемого крушения, и самолет сел за километр от места, предоставленного в распоряжение группы дальновидящих. Все указанные зоны находились в пределах восьми километров от фактического места крушения. Когда первые поисковые команды прибыли к месту назначения и вошли в

означенный на карте круг, они столкнулись на дороге с местными жителями, несущими обломки потерпевшего крушение самолёта, которые они растаскивали по своим деревням, чтобы использовать для укрепления своих хижин.

Известно, что об этом случае доложили президенту, потому что Президент США Джимми Картер официально заявил об этом инциденте в присутствии газетных и телевизионных репортеров, обсуждая его со студентами колледжа в 1995. Он говорил о пропаже секретного советского самолета (бомбардировщика), возможно с ядерными боеголовками на борту, сконструированного с учётом самых передовых технологий, и это было очень опасно, ведь первыми его могли обнаружить не спецслужбы США и других стран, но и террористические организации. Когда его спросили, каким образом нашей стране удалось обойти всех и найти самолёт первыми, президент ответил, что это было сделано при помощи женщины-экстрасенса.

К сожалению, он делал эти комментарии, держа в руках папку, на корешке которой было рельефная надпись: «Пламя Гриля». В результате нам пришлось в срочном порядке изменить своё кодовое название, и с той памятной трансляции по национальному телевидению наш проект стал называться «Центральный Путь» и никогда больше мы не использовали старое название «Пламя Гриля».

**

Субмарина Класса Тайфун, Северодвинск, Советский Союз

В сентябре 1979 года Военно-морской офицер, работающий в Совете Национальной Безопасности, принес в наш офис информацию об одной из самых важных целей, над которой нам когда-либо приходилось работать. Это была одна из первых оперативных разведывательных целей, поставленных передо мной, и, несомненно, одна из самых существенных. Но вначале ни у кого из нас не возникало мыслей относительно важности цели или её роли в нашем проекте ни в политическом, ни в военном отношении; мы не предполагали извлекать из неё никаких-то дивидендов, ни тогда, ни сейчас, много лет спустя.

Цель была черно-белой фотографией очень большого промышленного здания, находящегося на некотором расстоянии от воды, очевидно являющегося частью

Северодвинского судостроительного завода на Белом море, около Северного Полярного Круга. Во время долгой холодной зимы этот порт полностью замёрзал, покрываясь толстым и непроницаемым слоем льда. Рядом со зданием были свалены штабеля промышленных материалов и просматривались железнодорожные пути в обе стороны. В течение многих месяцев материалы доставлялись в здание, но вагоны всегда выходили оттуда пустыми – из здания никогда ничего не вывозили. Материалы были общими по своей природе, и невозможно было определить, для чего конкретно они могли использоваться. Здание было громадное, рискну предположить, что в то время это было одно из самых больших, если не самое большое сооружение в мире, объединяющее под одной крышей множество построек. На здании было написано «Строение № 402», и никаких других опознавательных знаков и характерных признаков оно не имело. Многочисленные агентства, получившие задание определить, что происходит внутри здания, бились над решением этой задачи не один месяц, так и не приблизившись к разгадке, пока цель не поставили перед нами. Для того чтобы определить функциональное назначение здания, я использовал в работе дальновидение.

На первом сеансе дальновидения по заданной проблеме мне дали только ряд географических координат местоположения здания, и я определил его, как очень крайний север. Цель явно находилась к северу не ближе Финляндии, но гораздо восточнее неё. Я сосредоточился на цели, но ощущал только ледяную пустыню, холод и скалы. Посреди этой пустыни я видел очень большое промышленное здание с большими дымовыми трубами, а чуть поодаль от него гавань или море, покрытое толстым слоем льда.

Поняв, что я правильно определил местность и вижу цель, Фред открыл коричневый конверт с заданием и показал мне аэросъёмку здания. Я воспринял его как очень большой навес, постройку гигантских пропорций, с неприметной плоской линией крыши. Фред тогда спросил меня, что, по моему мнению, может находиться внутри здания.

Потратив значительное количество времени на расслабление и попытку освободить свой ум, я представил себя дрейфующим вниз и медленно проникающим через

крышу-навес внутрь здания. То, что внезапно последовало за этим видением, можно назвать взрывом видений. Я ощутил себя парящим в здании, размером с два с половиной - три торговых центра, объединённых под одной крышей. Я неверно определил размер здания. Оно было значительно больше, чем я мог вообразить, потому что первоначально я судил по двум внутренним стенам, которые, на первый взгляд, определяли длину здания. Но они казались лишь основанием, стенами, поддерживающими непосредственно здание и крышу. По всей их длине были пустые сегменты. Моё внутреннее зрение обрисовывало всё так, будто я нахожусь в здании и вижу это своими собственными глазами. Такое при дальновидении происходит крайне редко. Цель виделась настолько точно, что это казалось почти нереальным.

В гигантских областях залива между стенами находилось нечто, похожее на огромные секции, напоминающие обрезанные сигары или секции в форме сигар, каждая из которых представляла собой отдельную конструкцию. Вокруг этих «сигар» всюду были подмости. Части и секции этих форм приваривались друг к другу, как если бы две формы сигары соединялись вместе в пары-близнецы. Это напоминало строительство колоссальных размеров субмарины, таких огромных пропорций по высоте и длине, каких мне не доводилось видеть прежде. Это фактически были две субмарины, соединённые боками. Вместе они не уступали по размерам авианосцу времён Второй Мировой Войны. Шум строительства наполнял всё здание: стук, грохот, визг, звуки высокоэнергичной электроники, излучающей сильные пучки света при сварке стальных стен полуметровой толщины. От ярких дуг пучков света, весело пляшущих по стали, здание наполнялось густым сине-фиолетовым дымом. Душ горячего металла плескался в дуге, просачиваясь сквозь бетонные перекрытия. Я был ошеломлён деталями. Их было так много, что они, по сути, отключили мой мозг. Стараясь ничего не упустить, я несколько часов после сеанса зарисовывал детали, мелькавшие в моём сознании в течение нескольких минут, которые я провёл внутри здания 402.

Мы отправили результаты первого сеанса по дальновидению в Совет Национальной Безопасности. Они вызвали много разногласий. Другие агентства уже создали свои собственные теории о том, что происходило внутри Здания 402 и

теперь яростно их отстаивали, подвергая сомнению мой опыт дальновидения, хотя их анализ также невозможно было проверить, как и мои видения. Вывод был сделан почти единодушный: Советы строят принципиально новый тип военного судна – возможно, для транспортировки войск, возможно, с вертолетной площадкой – но субмарина? Этот вариант даже не рассматривался!

Во время второго сеанса дальновидения я находился еще ближе к строящемуся судну. Теперь я был в состоянии судить о его размерах и высоте: по длине он был приблизительно равен двум полям для игры в американский футбол (200м), по ширине около 23 метров. Если сравнивать с обыкновенным жилым домом, то это судно было в 6 -7 этажей или приблизительно 28 метров в высоту, если не брать в расчёт боевую рубку, высота которой была не менее 20 метров.

Передние двигатели были полностью бандажированы и отличались от обычных – я сделал их детальные эскизы. С большим интересом я оглядел скошенные стволы реактивных снарядов, лежащие перед боевой рубкой, насчитал примерно 18-20 пусковых установок для межконтинентальных баллистических ракет с десятью автономными боеголовками, способными к запуску на ходу (новая технология для советского военного флота).

Было много и других вещей, которые я тогда увидел, но по прошествии почти двух десятилетий мне трудно вспомнить все детали. Важно отметить, что большая часть полученных мной на этом сеансе дальновидения фактов была подтверждена в последующих опытах, проводимых другим дальновидящим – Хартлейфом Трентом. Все эти материалы, расшифровки и зарисовки были отправлены в Совет Национальной Безопасности.

Впоследствии нам как-то сказали, что материал был решительно и бесповоротно забракован чиновниками Совета Национальной Безопасности, один из которых, Роберт Гейтс, позже стал Заместителем Директора ЦРУ, а в итоге Министром обороны США при Президенте Буше.

Услышав, что материал отклонен, я повторно «отсмотрел» тот же участок и, основываясь на личной оценке скорости строительства субмарины и сравнивая данные предыдущего и повторного сеанса, определил вероятную дату запуска,

которая, по моим подсчётам, приходилась на середину января. Дата абсолютно невероятная для спуска на воду субмарины, особенно в этом районе мира, если брать в расчёт, что здание не связано с морем, расположено возле замёрзшей гавани, причём толщина льда превышает несколько метров. Аналитики в Совете Национальной Безопасности (СНБ) праздновали победу, не упуская случая поиздеваться над предсказаниями экстрасенса.

Однако спутниковые фотографии, полученные в середине января 1980 года, показали новый канал, ведущий от здания к морю. То, что стояло на территории дока, было невиданной по размерам боевой подлодкой, равной которой на западе тогда ещё не было. Рядом с ней выглядела карликом субмарина класса Оскар, прибывшая в док для ремонта. На снимке ясно обозначились люки подлодки, открытые для загрузки двадцати скошенных снарядов. Принципиально новая субмарина получила очень подходящее для неё название: «субмарина класса Тайфун», главным образом из-за огромного количества воды, которую она вытесняет собой в гавани.

Прочитав отчёт о моих предсказаниях и увидев зарисовки субмарины, полученные в результате сеансов дальновидения, один адмирал Военно-Морского Флота, служащий в СНБ, предложил идею: организовать аэро- и космическое наблюдение за Северодвинской верфью в течение той недели, когда Тайфун, по моим данным, должны были спустить на воду. И Тайфун действительно спустили на воду прямо под объективами американских космических фотокамер в срок, всего на несколько дней отличавшийся от указанного мною. В итоге по субмарине класса Тайфун было собрано за короткое время больше разведанных, чем о любой другой субмарине за всю историю их существования. И она действительно во всех основных деталях соответствовала моему первому описанию, полученному путём дальновидения.

**

О терроризме

Сейчас мы живём теперь в новую эпоху, эпоху терроризма, когда даже самые передовые и изощрённые технологии сбора разведанных не смогут защитить нас

от террористов, использующих методы и тактики средневековья. В рамках исторической структуры американского проекта по дальновидению в противовес угрозе международного терроризма были разработаны трансцендентные и асимметричные приёмы ведения войны с использованием дальновидения.

Понимая, что энтропия, намерение и ожидание играют значительную роль в успешности сеансов дальновидения, мы в полной мере осознаём, какой огромный негативный эффект оно может повлечь за собой, если террористы будут использовать его по всему миру как оружие массового поражения. Не объединить усилия, упустить возможность использовать такие способности в защиту мира было бы трагедией невыносимых пропорций. Если трагедию можно предотвратить, было бы непростительной ошибкой не отвести её совместными усилиями.

Наши российские друзья и коллеги тоже добились потрясающих результатов в своих проектах, которые теперь известны и нам. Пришло время объединить наши усилия и возможности, чтобы использовать их для защиты всех Наций доброй воли, ставя заслон будущим угрозам, с которыми предстоит столкнуться человечеству.

Глава 5

За кулисами программы Звёздные Врата

Эдвин Мэй

По образованию и учёной степени я физик-ядерщик, и начало моей служебной карьеры было связано именно с этой областью знаний. Тем не менее, с 1976 года моя деятельность была целиком посвящена изучению ЭСВ и проблемам применения его в национальных интересах. Большинство моих друзей до сих пор удивляются и не могут понять, как я смог совершить такой, по их мнению, совершенно невероятный кульбит. В этой главе я расскажу о том, как моя жизнь и карьера сделали настолько крутой поворот, что я из академического физика-исследователя превратился в директора секретной правительственной программы экстрасенсорного шпионажа, известной теперь под названием «Звёздные Врата».

**

Детство и юность

Я родился в Бостоне, штат Массачусетс, в январе 1940 года, как раз перед тем, как Соединённые Штаты Америки вступили во Вторую Мировую войну. Мой отец служил в военно-морском флоте, и наше семейство следовало за ним повсюду, где ему приходилось проходить службу, пока отца не послали участвовать в боевых действиях на Тихом океане. К тому времени две мои сестры, мать, и я жили в Калифорнии.

После войны, в 1946 году, по непонятным мне причинам моё семейство обосновалось в Тусоне, штат Аризона, купив там у некоего «джентльмена» ранчо в 40 акров, в котором водились лошади, цыплята, обитало много котов и собак. Но необычнее всего для сороковых годов было то, что в одном доме на ранчо жило два семейства.

В те времена я ездил в школу на лошади. Теперь, по прошествии почти 60 лет, наше «ранчо», находящееся тогда далеко от города, оказалось в самом центре Тусона, а на пустыре, месте моих детских игр, сейчас открыт торговый центр!

Ещё в пятидесятые годы меня стало интересовать всё, что было связано с Россией (Советским Союзом). В детстве я часто болел, и, чтобы мне не было скучно, родители клали рядом с кроватью книгу – Всемирную Энциклопедию. Я самостоятельно освоил кириллицу и приобрёл некоторые знания по географии России. К примеру, мог довольно точно разместить на контурной карте многие большие города России. Кто мог тогда подумать, что мой детский интерес к России был предвестником последующих жизненных событий, которые свяжут меня с этой страной на долгие годы. Когда на орбиту был запущен первый русский спутник, я, едва услышав об этом, выбежал на улицу, чтобы понаблюдать, как эта «новая звезда» тихо скользит по небу – для меня это было очень волнующим событием.

Начиная с 7 класса и до окончания средней школы, я учился в школе-интернате, в Тусоне, приблизительно в 20 милях от дома. Образование, которое я получил там, сыграло огромную роль в определении карьеры всей моей жизни. В выпускном классе (1958) я брал уроки физики у очень умного преподавателя, который ввёл в основной курс азы интегрального исчисления – небывалое в те времена дело. Мне нравилось заниматься этим, и я весьма преуспел в науке.

Моя мать, жившая до моего рождения в Бостоне, хотела, чтобы я поступил в Массачусетский Технологический Институт в этом городе, но я сказал ей, что это «просто техническая школа», а я был нацелен всерьёз заняться физикой. В конечном итоге я остановился на Университете Рочестера в Штате Нью-Йорк, США, где физика была главной дисциплиной. Я приложил все усилия, чтобы поступить на курс углублённого изучения физики, и был принят.

Физика была единственной академической дисциплиной, в которой я преуспел. В других науках я был далеко не первым и даже подвёл свой первый курс на экзамене по истории западной цивилизации. Моя плохо выполненная работа по истории в соединении с таким же плохим знанием немецкого языка привела к тому,

что после второго курса профессор немецкого языка сказал, что выпустит меня только с условием, что я обещаю никогда и нигде больше не пользоваться немецким языком. Так на корню была загублена моя лингвистическая карьера, и я с тех пор не сражался больше ни с каким другим языком, кроме английского. Даже сейчас, когда мне случается пробормотать несколько слов по-русски из разряда «спасибо» или «до свидания», в ответ мне улыбаются по-доброму, но иронично.

В течение четырех лет обучения в университете, я был первым учеником в физической лаборатории, особенно хорошо разбираясь в ядерной аппаратуре, высокоскоростной электронике и измерении корреляции угла гамма-лучей – продвинутая тема для ученика высшего колледжа в то время. К счастью для меня, мои профессора-физики написали самые восторженные рекомендации, чтобы я мог поступить в аспирантуру, которая помогла мне скомпенсировать перекосы в образовании и подтянуть общефизические вопросы.

Здесь необходим краткий экскурс в историю. В США обычной практикой является летняя подработка студентов колледжа, и я не был исключением из правил. Так вот, когда мне было 20 лет, с лета 1960 года, я стал подрабатывать в Рэнд-Корпорэйшн, компании, расположенной прямо на берегу океана в Санта-Монике, штат Калифорния. Рэнд, в то время частная компания, была главным образом «мозговым центром» Военно-воздушных сил США. Как и в детстве, меня манило к себе небо, я был увлечён самолётами и с удовольствием принял участие в патрульной программе курсантов гражданской авиации, с восторгом изучая пилотирование. То, что я, хотя бы косвенно, работал на развитие Воздушных сил США, вызывало во мне особо захватывающие ощущения. Кроме того, эта работа приобщила меня к миру государственных тайн, так как даже те, кто устраивался работать на лето, должны были проходить проверку на благонадёжность и иметь дело с секретными документами. Я проработал в этой компании 5 лет, занимаясь главным образом физикой атмосферы. Моя первая серьёзная публикация появилась в геофизическом журнале в 1964 году, но уже тогда я начал заниматься анализом разведанных, главным образом в области ядерной физики. И хотя это было на заре моей жизненной карьеры, я уже воспринимался разведывательным сообществом как способный аналитик. Но вернёмся к моей истории.

Итак, в 1962 году я перешёл в Технологический Институт Карнеги в Питтсбурге (теперь известный как Университет Карнеги-Меллон), чтобы сдать экзамены на степень доктора физики. В первый же день учёбы я заблудился в коридорах университета, спустился в лабораторию и увидел мужчину азиатско-индийской внешности, склонившегося над аппаратом, знакомым мне ещё по работе в Рочестере. Я подошёл и спросил его: «Это установка угловой корреляции гамма-гамма излучения?» Профессор С. Джха (а это был он) ответил: «Да, а ты кто?»

Учась у индийских профессоров в Рочестере, я почти не интересовался их родной страной и мало что знал об Индии. Поэтому, начав работать вместе с Джхой в его лаборатории, я понятия не имел, что в то время он был одним из самых известных и уважаемых исследователей в области ядерной физики и эффекта Мёсбауэра. В конечном итоге мы стали хорошими друзьями, а Индия – важной страной в моей жизни... но, мне кажется, я опять забежал вперёд в своей истории. К сожалению, профессор Джха и его лаборатория были единственной моей связью с миром научного сообщества. Я был тогда очень молодым (всего 22 года) и ещё совершенно незрелым молодым человеком. Время, которое я проводил не в лаборатории, большей частью терялось попусту на обеды в весёлых компаниях, вечеринки, а также обучение игре на волынке. Академическое изучение физики вообще не значилось в повестке моего дня! Всё это аукнулось мне в начале 1964 года, когда физический факультет попросил меня уйти, несмотря на степень магистра, которая рассматривалась ими как утешительный приз.

Отрезвляющая действительность явилась тут же в виде «дружелюбной» повестки от Армии США, в которой меня приглашали прийти на призывной участок для проверки физического состояния новобранца: я должен был идти на только что начавшуюся вьетнамскую войну! Поверьте мне: нет другого более эффективного ускорителя для превращения незрелого молодого человека в зрелого, как перспектива попасть на войну. Я поделился своей проблемой с профессором Джхой, и он блестяще её разрешил, взяв изгнанного студента техником-лаборантом, работающим по военно-орскому контракту, по которому он как раз проводил исследования. Поскольку, трудясь там, я был занят в оборонной промышленности, меня освободили от призыва. Уф!

Я работал у Джха до конца 1964 года. Потом, в один прекрасный день, Джха, буквально взяв меня за руку, повёл по улице в лабораторию Университета Питтсбурга к профессору Берни Кохену, ещё более известному физику-экспериментатору в области механизмов ядерных реакции и структуры ядра. Очевидно, эти два учёных мужа знали друг друга очень хорошо. Джха сказал: «Берни, у этого парня были кое-какие академические трудности на моём факультете, но он – один из лучших исследователей, которых я когда-либо знал. Думаю, он должен стать твоим студентом и работать с тобой». Берни ответил: «Любой, кого ты порекомендуешь, тут же становится моим студентом».

Таким образом, началась моя повторная аспирантская карьера – на этот раз напряжённая, отмеченная моей прилежностью, зрелостью и отличными успехами. Я поступил в Питтсбургский Университет соискателем докторской степени по ядерной физике и начал работать в лаборатории ускорителей под руководством профессора Бернарда Л. Кохена. Джха был прав. Я преуспел в обучении, узнал огромное количество экспериментальных методологий, изучил всевозможное компьютерное «железо» и написал диссертацию на тему «Изучение ядерных реакций через (p, pn) реакцию на лёгких ядрах и (d, pn) реакцию на ядрах от средних до тяжёлых». В 1968 году я стал доктором физики и получил назначение в отдел физики циклотронной лаборатории в Калифорнийском Университете в Дэвисе.

Во время учёбы в Питтсбургском Университете я познакомился и подружился с ещё одним индусом, Гангадхараном, сокращённо Гангсом. Он получал степень доктора физики в области ядерной химии, но наша экспериментальная работа во многом пересекалась, так что мы помогали друг другу. Это было начало 40-летней дружбы, которая внезапно оборвалась в 2000 году в связи с его неожиданным уходом из жизни.

В 1969 году Гангс возвратился в Индию и начал работать в Бхабха, в Атомном Исследовательском центре близ Бомбея (теперь он называется Мумбай). В 1970 году я предпринял своё первое путешествие в Индию, и мы с Гангсом в течение шести недель свободными туристами прошли из одного конца страны в другой. Получилось так, что я просто влюбился в эти места. Гангс, очевидно, писал домой

о своей дружбе со странным западным жителем, так что когда я, наконец, прибыл в Индию, то был тепло встречен его родней, почти как член большого семейства, отношения с которым продолжаются и по сей день.

Я рассказываю об этом периоде моей жизни, потому что в 1973 году у нас с Гангадхараном возник план. В то время в США был принят закон, называемый Общественным Законом 480, который разрешил Индии оплачивать ее финансовый долг США в местной, неустойчивой индийской валюте, рупиях. В результате у США было около миллиарда американских долларов в индийских рупиях, которые, согласно закону, нельзя было нигде обменять на твердую международную валюту. Таким образом, многие учёные могли воспользоваться этим преимуществом, представляя предложения по исследованиям в любой области и по любой теме вообще, если писали на титульном листе, что фонды для исследования берутся из общественного Закона 480. Такие предложения даже не посылались на экспертную оценку! Соединённые Штаты стремились во что бы то ни стало использовать эти индийские рупии. В то время как исследователи могли тратить неограниченные суммы денег в Индии, они не могли, к примеру, купить билет на международный рейс, потому что за него надо было платить в твердой валюте.

Наш план касался техники нейтронной активации, которая была разработана в Калифорнийском Университете в Беркли и помогала археологам определять, была ли глина древнего черепка глиняной посуды взята из почвы того места, где обнаружена древняя находка, или же посуда была привезена из какого-то другого, возможно, очень отдаленного места. Таким образом, археологи могли наносить на карту маршруты торговли народов древнего мира.

Мы с Гангадхараном хотели воспользоваться общественными фондами Закона 480, чтобы применить эту технику на огромном количестве глиняных горшков, выставленных в музеях по всей Индии. Честно говоря, это было оправдание, чтобы иметь возможность оплачивать через правительственные фонды путешествие по всей Индии с несколькими миллиграммами глины от найденной в раскопках глиняной посуды. Какой замечательный способ стать музейным туристом! О, я не забыл упомянуть, что мы таким способом могли ещё и двигать науку?

Примерно в это же время я попал на странную конференцию в Калифорнийском Университете в Дэвисе, организованную профессором Чарльзом Тартом, известным и уважаемым психологом, главным образом интересовавшимся изменёнными состояниями сознания. Один из выступавших очень деловито рассказывал о том, что он называл опытами нахождения вне тела. Я никогда не слышал об этом прежде, но так или иначе был заморожён тем, что услышал. Роберт Монро, а это был он, только что написал книгу под названием «Путешествия вне тела». Я понял: во что бы то ни стало я должен получить эту книгу, и если этот деловитый парень мог выходить из своего тела, то я, очевидно, мог бы сделать это более легко, поскольку я учёный и всё такое прочее. Моё высокомерие, оказалось, как это часто бывает, совершенно необоснованным. В течение многих месяцев я безуспешно пытался выйти из своего тела. В конце концов, я забросил все эти попытки, квалифицировав их как глупость, и переехал в Сан-Франциско, чтобы исследовать вновь обретенную мной свободу и безработицу.

Почти год я преподавал физику в так называемом Свободном Университете Сан-Франциско и активно участвовал в массовых увлечениях, которыми кипели семидесятые годы, в частности посещал лекции по серьёзным парапсихологическим исследованиям, которые читал Чарльз Хонортон. Я воспринимал парапсихологию как реальную науку с гипотезами, которые можно проверить, и твердыми статистическими исследованиями. Как-то раз во время совместного обеда Чарльз доходчиво и убедительно ответил на все мои вопросы, и всё же в глубине души я думал, что вероятность всех этих экстрасенсорных вещей в лучшем случае минимальна.

После некоторого времени, проведённого в библиотеке, я обнаружил, что многие из этих невероятных, на западный взгляд, концепций были общеприняты в Индии как истинные, и к тому же существовали просто фантастические свидетельства подобных явлений. Кончилось всё тем, что я написал одно из самых трудных в моей жизни писем к Гандахарану, который к тому времени активно строил свою карьеру в Атомном Исследовательском Центре Бхабха в Мумбае.

Поскольку, как я уже сказал, у нас был план использования нейтронных методов активации для нанесения на карту торговых путей народов древней Индии, я

рассказал Гангсу, что меня заинтересовали, так называемые, «психические» вещи. В конце концов, я физик, и если даже маленькая толика того, что я слышал о парапсихологических явлениях, была правдой, тогда это имеет огромное значение и для физики, и для других дисциплин! В конце письма я спросил у Гангса, почему бы вместо работы по нейтронной активации нам в течение года не исследовать, так называемые, психические явления?

Я думал, что после этого никогда больше не получу известий от моего дорогого друга, но, к большому моему удивлению, получил в ответ восторженное письмо, в котором друг сообщал мне, что всегда хотел заниматься чем-то наподобие этого. Так что я приступил к домашней работе: стал читать англоязычных авторов, из тех, кто шёл по этому пути до меня. И опять пришёл к высокомерному и неправильному заключению, что я мог сделать это намного лучше любого из них, да к тому же с Индией меня связывают уж куда более прочные нити. Увы, из всех этих заключений только последний пункт, может быть, имел под собой какое-то основание.

В качестве подготовки к новой работе я построил сложное устройство – генератор случайных чисел (задолго до персональных компьютеров) и собрал ещё один механизм – для измерения находящихся за гранью понимания способностей к психокинезу, (см. рисунок 1 на цветной вкладке).

Вот так в августе 1974 года я поселился с Гангадхараном, его женой Махалакшми и их сыном Рампрасадом в Анушакти Нагар (городе атомной энергии), вполне готовый к тому, чтобы стать лауреатом Нобелевской премии за исследование воздействия сознания на материю.

После года путешествий главным образом по югу Индии и накопления просто фантастических наблюдений за магическими трюками, я не разглядел в них ничего экстрасенсорного, а увидел только самое настоящее, довольно примитивное мошенничество. Оглядываясь назад, я немного стыжусь своего собственного высокомерия, культурного невежества и топорного простодушия. Теперь-то я знаю, что западные люди не должны вмешиваться в эти вещи со своими мерками, независимо от того, насколько хорошо они относятся к культуре чужой страны, как

это было в моем случае. Всё это напоминает принцип физики: не разрушайте то, что вы пытаетесь измерить.

К концу моего пребывания в Индии я написал письмо на 10 страницах, адресованное Чарльзу Хонортону, в котором предлагал ему целый список того, чем мы могли бы заниматься с ним вместе в его лаборатории в Маймонидесе, Медицинском Центре в Бруклэнде, Нью-Йорк Сити. В ответ я получил только одно слово: «Да!»

Так с весны 1975 года и до зимы того же года я получил возможность увидеть, что такое серьезное исследование парапсихологии, и показал мне это настоящий Мастер! Я был заинтригован.

Тогда же я встретил экстрасенса и артиста по имени Инго Сванн. Инго рассказал мне о программе, в которой он участвовал в Стэнфордском Исследовательском Институте близ Сан-Франциско в Калифорнии (SRI), теперь он называется Международный Стэнфордский Исследовательский Институт. Инго проводил там эксперименты по психокинезу, что требовало оборудования и всяческих методик. Поэтому он оказался весьма впечатлён моей технической и экспериментальной подготовкой. За несколько месяцев мы с Инго стали друзьями и провели серию первых экспериментов в Маймонидесе, в которых он участвовал как медиум.

Получилось так, что Инго убедил доктора Джеральда Путоффа, директора парапсихологической программы исследований в Стэнфордском Институте, что меня надо взять на работу, потому что я могу оказать действенную помощь в проводившихся тогда экспериментах по психокинезу. Так Инго Сванн дал старт моей последующей 20-летней карьере в исследовании и использовании психических явлений, за что я ему бесконечно благодарен.

Тогда я ещё не знал, что эта «исследовательская» программа была совершенно секретной и финансировалась ЦРУ.

**

«Звёздные Врата»

За исключением редких случаев, США стали серьезно интересоваться информацией, полученной с помощью экстрасенсорного восприятия для применения её в военных и разведывательных целях, только после 1972 года. С тех пор многие авторы, включая и Джо Мак-Монигла, уже писали об участии Правительства Соединённых Штатов в этой двадцатилетней программе, известной под названием «Звёздные Врата», на которую было потрачено 20 миллионов долларов. Ранняя история этой программы была отражена Путоффом и Таргом в их книге «Зона досягаемости разума», написанной в 1976 году. Однако в период написания книги о многих вещах упоминать было нельзя, так как материалы были строго засекречены. В настоящее время почти все материалы и методы проекта рассекречены и стали достоянием общественности.

В 1975 году я присоединился к команде Стэнфордского Института, сначала как консультант, а в начале 1976 года уже как старший научный сотрудник. Я должен был сначала получить доступ к просто секретным материалам, потом – к совершенно секретным материалам. А когда весь этот путь был пройден, я был потрясён тем, какие интересные данные были получены в результате экспериментов, проведённых в рамках исследовательской программы, и огорчён, что большинство людей «извне» понятия не имеет об этом потрясающем явлении – экстрасенсорном восприятии.

В 1982 году из программы ушёл Расселл Тарг, а в 1985 году уехал и доктор Джеральд Путофф. Так руководство программой перешло ко мне.

Программа под моим надзором.

С самого начала проекта, развернувшегося под эгидой Центрального Разведывательного Управления США (ЦРУ), и до 1979 года Стэнфордский Исследовательский Институт нес основную ответственность за три сферы задач проекта. Сначала нам поручили использовать аномальное познание для получения информации о том, от каких объектов, расположенных на территории Советского Союза, других стран Восточного Блока и других коммунистических стран (например, Китайской Народной Республики) исходит угроза. Второй вид деятельности был направлен на проверку точности и степени доверия, с которым

можно относиться к информации об экстрасенсорных исследованиях, медленно процеживавшейся тогда из Советского Союза. Наконец, нам оказывали некоторую минимальную поддержку в проведении фундаментальных и прикладных исследований. Фундаментальные исследования проводились с целью понять физику, физиологию и психологию способности к аномальному восприятию, в то время как главным направлением прикладных исследований было выработать методику, при помощи которой можно было получить «конечный продукт» – информацию, более точную и достоверную.

Печально, но факт: современные военные, от которых зависят финансовые вопросы, не торопятся вкладывать свои средства в программы, основанные только на экстрасенсорных данных. Во время Холодной войны сенатор Уильям Проксмайер придумал новую награду – орден Золотой Стрижки, как способ публично пристыдить правительственных чиновников, финансирующих глупые проекты. Проект изучения ЭСВ, независимо от качества проводимых исследований, имел все шансы вызвать насмешки и получить позорный орден. Всё это привело к эффекту очень осторожного подхода к финансированию проектов по исследованию ЭСВ. Когда я стал во главе проекта в Стэнфордском Институте, более 40 % моего времени тратилось на попытки найти фонды для дальнейшего развития программы.

В Стэнфордском Исследовательском Институте (SRI) и позже в Международной Корпорации Прикладных Наук (SAIC) в рамках проекта было много успешных примеров разведывательного применения ЭСВ. Но в качестве первого примера я хочу рассказать об успехе, не связанном со шпионской деятельностью и формально не являющийся частью программы «Звёздные Врата». Скорее это был отклик на отчаянный звонок друга с просьбой о помощи.

Во время одного из моих многочисленных посещений Вашингтона и Разведывательного Управления Министерства Обороны США я встретился с Анжелой. Она была одной из дальновидящих Разведывательного Управления и обладала существенными навыками в аномальном восприятии. Анжела рассказала мне о своей подруге, которая интересовалась необычными явлениями и хотела встретиться со мной. Что ж, какие проблемы?

Подруга Анжелы (назовём её Эстер) руководила кампанией первичных выборов Президента Клинтона в Штате Техас. В результате Клинтон назначил её руководителем президентского отдела связей с общественностью. Анжела и я встретились с Эстер в её офисе, и я был впечатлён её очевидными и тесными связями с семейством Клинтонов.

Не только на стене, но и в других местах, где только можно было их поставить, я увидел большое количество фотографий – некоторые из них можно было бы подписать: «Билл и Эстер в различных обстоятельствах». Тут она бегала с президентом трусцой, там играла с Соксом, котом президентского семейства, здесь болтала с женой президента Хиллари на официальном приёме и так далее. Всё это на самом деле выглядело весьма впечатляюще.

Мы обедали и наслаждались глубокими рассуждениями о природе действительности, парапсихологических явлениях всех видов и мастей и современной политике. Это встреча и множество обедов в течение последующих поездок в Вашингтона дали начало славной дружбе, которая длится и по сей день.

Когда Клинтон был переизбран на второй президентский срок, он перевёл Эстер в Западное Крыло Белого Дома, чтобы она осуществляла связь Белого Дома с Сенатом США.

Как-то раз во время второго президентского срока Клинтона Эстер в панике позвонила мне по телефону. Ее двадцатилетняя дочь не появилась на работу, и её нигде не могли найти.

– Эстер, какого черта вы звоните мне? – спросил я. – Учитывая ваше положение в Западном Крыле, у вас есть прямой доступ к Федеральному Бюро Расследований, к Секретной Службе и местным официальным лицам, имеющим отношение к правоохранительным структурам. Так почему вы звоните мне?

В ответ Эстер сказала мне, что обращалась со своим личным вопросом во все инстанции, но никто так и не смог ей хоть сколько-нибудь помочь. Она убеждала меня попросить кого-нибудь из наших дальновидящих помочь ей. Ясно было, что она в паническом состоянии, и я обещал попробовать сделать всё, что сможем.

В своей лаборатории мы называем такой вид работы поисковой задачей. И хотя считается, что поиск потерянных вещей, самолетов, оружия, наркотиков, а также людей – обычная экстрасенсорная практика, эти задания из разряда наиболее трудных. Есть три подхода, которые мы применяем как в полевых условиях, так и в лаборатории. Первый – просим, чтобы экстрасенс «воткнул булавку в карту», указывая на возможное место нахождения потерянного человека. Многочисленные эксперименты показали, что по средним показателям этот подход не слишком хорош, но порою этот метод срабатывает и привлекает к себе особое внимание. Иногда это преувеличенное внимание приводит к тому, что люди ждут от этой техники каких-то нереальных результатов.

Более реалистичный подход, имеющий шансы быть и более успешным, в сущности представляет собой стандартное дальновидение, цель которого – определить местонахождение отсутствующего человека, в данном случае дочери Эстер. Однако даже этот подход имеет свои проблемы; безупречное дальновидение может и не принести значительной пользы в обнаружении потерянного человека. Позвольте мне проиллюстрировать это.

Предположим, мы хотим обнаружить советскую субмарину, которая скрывается под водой где-нибудь вблизи калифорнийского побережья. Предположим далее, что «психический зритель», дальновидящий, почти совершенен в своём восприятии. Он точно живописует интерьер подлодки, подробно описывает членов команды, определяет, как зовут капитана и его детей, и сообщает, что у команды было в тот день на обед! Вот это да! Явно реальный контакт и блестящий пример первоклассной, точной экстрасенсорной информации. Но при этом... она никоим образом не помогает обнаружить подводную лодку, это просто «вода»! Вот вам наглядный пример того случая, когда ценность информации – например, той, что необходима для поисков дочери Эстер – часто не зависит от качества дальновидения. Качество дальновидения отличное, а ценность информации нулевая.

К счастью, реальный мир предусматривает компромисс. В стандартном протоколе дальновидения агент отправляется в некоторое случайно выбранное место, находящееся за пределами зрения экстрасенса, и дальновидящий просто описывает

среду, где человек находится в настоящий момент – в этом нет ничего нового. В конце концов, это прозаический, каждодневный лабораторный эксперимент. Так как же этот подход можно использовать, чтобы определить место нахождения человека?

Ну, это, безусловно, зависит от точности и детализации психического отклика. В конечном итоге, предполагается, что дальновидящий даёт название улицы и адрес скрывающегося или потерянного человека, тогда обнаружение его – просто дело поездки в названное место и стука в соответствующую дверь. Звучит неправдоподобно, но именно этот подход или концептуально схожий с ним использовался в прошлом и производил неизгладимый внешний эффект. В связи с этим вспоминается случай, когда американские спецслужбы пытались найти бригадного генерала Дозиера, который был похищен из своего дома в Вероне (Италия) вечером 17 декабря 1981 года.

Джо Мак-Монигла попросили найти местонахождение генерала, используя дальновидение. Он должен был точно обрисовать место, где прячут Дозиера. Среди ответов Джо был рисунок уникального круглого парка с собором. Как потом выяснилось, поисковая группа, тщательно изучив карты и фотографии, нашла такое сочетание – круглый парк и собор – в городе Падуе, это и было то самое место, где обнаружили генерала Дозиера и освободили его.

После этого, 9 февраля 1982 года, с 9.30 до 10.15 утра, Дозиер дал краткую пресс-конференцию в специальном подразделении средств информации (SCIF, здание 4554) по поводу нашей экстрасенсорной программы, которая тогда называлась «Пламя Гриля». Генерала тогда просили просмотреть протоколы и отчёты сессий Джо Мак-Монигла, чтобы внести поправки, касавшиеся места его нахождения или событий, которые сопровождали его похищение. Дозиер был так впечатлён нашими данными, что предложил, чтобы высших правительственных чиновников, офицеров, крупных бизнесменов и политических лиц специально инструктировали, о чём надо думать при похищении, чтобы экстрасенсы могли легко их обнаружить.

Но вернёмся к истории Эстер и её исчезнувшей дочери. Конечно, я согласился попросить трёх наших лучших ясновидящих попробовать описать физическую среду, где она могла быть в настоящее время, и её эмоциональное состояние.

Один из тех, к кому я обратился, был Невин Ланц, получивший докторскую степень по экспериментальной и клинической психологии. Невин был официально задействован в нашем проекте с восьмидесятых годов и отвечал за идентификацию личностных факторов, которые прогнозируют наличие парапсихологических способностей. Он работал с различными консультантами и проводил соответствующие эксперименты. К тому же я озадачил этой проблемой Джо Мак-Монигла и Анжелу Д. Брод, тогда ещё работавшую на правительство, превосходную дальновидящую. Была поставлена задача: найти исчезнувшую молодую женщину.

Невин откликнулся детальным психологическим профилем отсутствующей женщины и хорошими новостями, что физически ей ничто и никто не угрожает, но она пережила существенную психическую травму. Позже мы выяснили, что эта психологическая оценка на расстоянии оказалось очень точной. Джо дал описание её места нахождения. В конечном итоге комбинация ответов от Джо и Анжелы помогла ФБР найти пропавшую женщину! Так что всё хорошо, что хорошо кончается.

Постскрипtum к этой истории. Самое большое облегчение и счастье результаты наших исследований принесли Эстер. Но и я был убеждён, что теперь мы и наш проект «Звёздные Врата» не будем обойдены вниманием Западного Крыла Белого дома и, возможно, самого Президента Клинтона. Так что я пребывал в эйфории ожидания лавины контрактов, готовясь продолжить и расширить наши исследования.

Но... единственная вещь, которая случилась в итоге – это несколько книг Джо по данной тематике были вручены Президенту. Никаких контрактов вслед за этим не последовало. Однако здесь я должен взять ответственность на себя. Оказывается, это не очень эффективная техника сбора средств – делать что-то значительное и ждать благодарности от людей, надеясь, что они завалят тебя деньгами, на которые

ты сможешь продолжать свою работу. Увы, этого частенько (или почти никогда) не случается. Мне стало ясно, что нужно быть более активным в сборе средств.

**

Работа по контракту с Министерством Обороны

В 1986 году мы заключили с Министерством Обороны довольно большой 5-летний военный контракт на 10 миллионов долларов. В результате наметился существенный прогресс во всех наших первичных задачах. Впервые у нас в наличии были средства, чтобы провести фундаментальные исследования для научной поддержки группы дальновидения и попытаться понять основные механизмы относящихся к парапсихологии явлений. До этого контракта мы главным образом были обязаны проводить оперативно ориентированные исследования, т.е. исследования, нацеленные на улучшение качества результатов, и имевшие гораздо меньшее отношение к пониманию механизмов самого процесса дальновидения. Дополнительно мы продолжали проводить «иностранный анализ» – анализ потенциальных экстрасенсорных угроз от других стран, продолжая при этом изучение иностранных объектов посредством дальновидения.

Одним из пунктов этого большого контракта с Армией США было то, что наша работа должна была соответствовать пожеланиям трёх отдельных групп, учреждённых армией, в отличие от предыдущих групп надзора, которых было много. Теперь это были: Комитет по Научному Надзору, Организационный Наблюдательный Совет (называвшийся Наблюдательный Комитет по Использованию Человеческих Ресурсов) и Наблюдательный Комитет по Внутренним Правилам Пентагона. Все участники комитетов были обязаны иметь действующие допуски секретности. Надо подчеркнуть, что эти комитеты не были организованы просто для галочки – они были долгосрочными, и все относились к своим обязанностям очень серьезно. Как объект их надзора, могу засвидетельствовать, что результаты нашей работы существенно улучшились.

Возможно, наименее активным, но всё же самым важным из них был Наблюдательный Комитет по Внутренним Правилам Пентагона. Он состоял из трёх членов, которые были привлечены из Совета по Внутренним Правилам

Министерства Обороны, а единственная обязанность последнего состояла в том, чтобы определять, отвечает ли наша деятельность целям и задачам Министерства Обороны. В течение четырех лет меня попросили встретиться с этой группой в Пентагоне, кажется, три раза. Их рапорты были благосклонны к нашей деятельности и, в целом, ко всей нашей миссии.

Наш второй наблюдательный комитет многих из вас может удивить. Американское Министерство Обороны очень серьёзно относилось к этическим аспектам использования людей в научных экспериментах. Возможно, это является следствием скандалов с проектом МК-Ультра. В то время как мы могли легко попросить находящийся у нас же Организационный Наблюдательный Совет Стэнфордского Университета проконтролировать нашу работу, мы этого не делали; мы организовывали исследования заново, поскольку требования Министерства Обороны фактически были более строгими, чем обычные, которые устанавливает Министерство Здравоохранения и Социального Обеспечения.

В состав такого Организационного Наблюдательного Совета должен был входить священник, юрист и врачи разных специальностей. Хотите верьте – хотите нет, но наш духовник, был буддистский священник, который имел *допуск секретности!* Наш Наблюдательный Совет состоял из нескольких светил медицинского мира, включая одного Нобелевского лауреата. Как и другие члены Совета, они требовали, чтобы мы составляли детальный протокол по использованию людей для каждого индивидуального эксперимента и обязательно приводили его в нашем отчёте по работе. Эта писанина должна была объяснять, почему мы проводили эксперимент, каковы были медицинские эмоциональные и физические риски для здоровья испытуемого, каковы финансовые затраты, а также указать ожидаемые результаты и наши соответствующие заключения. И, наконец, соответствовал ли каждый из этих ожидаемых результатов главной цели эксперимента? Другими словами, могли ли все возможные результаты оправдывать использование в эксперименте человеческих субъектов? Все участники наших сессий дополнительно были обязаны проходить всесторонние физические, психологические и нейропсихологические проверки. Если эти проверки вскрывали отклонения какого-нибудь пункта из перечисленного списка, а нам все равно

хотелось, чтобы в эксперименте участвовал человек, мы должны были получить письменное заявление самого человека и его врача, что они не будут иметь к нам никаких претензий. Это отнимало очень много времени, но было критически важно для работы.

Третий и, пожалуй, самый активный из комитетов назывался Комитетом по Научному Надзору. В течение первых двух лет в нём было 12 участников, взятых из списков людей, предоставленных нами и Армией. У Армии было право окончательного решения, кто будет работать в комитете. Им всем платили из нашего контракта за затраченное время и командировки. Одним из ключевых пунктов для пребывания в этом Комитете было требование, чтобы *человек скептически относился к парапсихологическим явлениям*, но в то же время был достаточно открытым, чтобы захотеть отнестись к работе серьезно. Кроме того, их обязательства были быть продолжительными по времени: работа по контракту предполагалась не менее пяти лет.

У Комитета по Научному Надзору было три основных задачи: рассматривать и одобрять детальный протокол для каждого эксперимента, проводимого согласно армейскому контракту; осуществлять необъявленный контроль, непосредственно наблюдая за происходящим и критически его оценивая; а также представлять в письменной форме заключительный отчёт по каждому из заданий, указанных в контракте. И таких отчётов только в течение одного первого года проекта было написано 38.

Поскольку наша группа была в высшей степени профессиональной, первая из трех задач Комитета была приоритетной. Время от времени они раскритиковывали наши протоколы. Но большинство из представленных нами протоколов были одобрены Комитетом полностью, лишь с небольшим поправками или даже вовсе без таковых.

Второй задачей этого Комитета был негласный контроль за полномочиями – он хорошо выглядел на бумаге, но едва ли когда-то осуществлялся. Полагаю, этого и следовало ожидать, поскольку члены Комитета сами были профессионалами

высокого уровня с активными личными карьерами, им некогда было заниматься подобной чепухой.

Главная деятельность Комитета по Научному Надзору была связана с его третьей задачей: критическим рассмотрением наших заключительных докладов. Как только наши конечные отчёты, отредактированные специалистами Стэнфордского Исследовательского Института, поступали в Комитет, их распечатывали и отсылали всем участникам Комитета. В некотором смысле, они должны были рассмотреть их, как будто бы отчёты были представлены научному журналу, главным редактором которого был член комитета. Они делали свои пометки и, в конечном счете, сопровождали их комментариями в письменной форме непосредственно для технического представителя армейского Отдела по Контрактам. В нашем случае это был офицер в звании полковника, который специально был переведён в Президио – армейский военный городок в Сан-Франциско, – но чья обязанность состояла в том, чтобы весь рабочий день находиться в своём офисе в нашей группе в Стэнфордском Институте. Мнения членов Комитета добавлялись к нашим заключительным докладам в качестве приложения.

В дополнение к их письменным мнениям у нас каждый год проходила двухдневная встреча, где мы представляли свои результаты и обсуждали их с членами Комитета, всей группой – как хорошие новости, так и плохие, которые на самом деле оказывались тоже хорошими. Будучи боевыми ребятами, мы выигрывали 85% энергичных и иногда очень громких споров, но ещё лучшие новости состояли в тех 15%, которые мы проигрывали. Наш научный «продукт», если можно так выразиться, резко улучшался. Мое взаимодействие с Комитетом по Научному Надзору и по сей день остаётся среди наиболее значимых моментов моей профессиональной и академической карьеры.

Чтобы проиллюстрировать одну из редких неприятностей, которые случались с нами, могу привести такой пример. Как-то раз мы пригласили профессора статистики Джессику Ютс поработать с нами в качестве прикомандированного специалиста. За год её работы мы заметно улучшили наш метод анализа результатов путём использования более сложных статистических и

математических методов, которые она нам рекомендовала. В это время одним из членов Комитета по Научному Надзору был глава отдела статистики одного из главных отделений Калифорнийского Университета. Этот человек отклонил наш новый подход, не приводя никаких научных аргументов. Он просто заявил, что всё это слишком сложно и очень велика вероятность тонких ошибок, которые мы не в состоянии определить.³⁰

Дело обернулось так, что у меня оказалась возможность показать один опыт (тогда совершенно секретный) по оперативному дальновидческому просмотру, проведённый как тест для наших клиентов из Военно-Воздушных Сил. Целью был специальный ускоритель электронов высоких энергий, расположенный в Лоуренсовской Лаборатории в Ливерморе в 75 километрах от Сан-Франциско. Естественно, у экспериментальной группы не было никакой информации о цели и её местоположении – на нашем научном языке это звучало как проведение «слепого» эксперимента. Визуальное соответствие было ошеломляющим! Но в дополнение к этому в этом примере Военно-Воздушные Силы обеспечивали 100%-ю «базовую правду», то есть они могли провести анализ, используя методы, которые мы развили и которые сходу были отброшены этим членом Комитета по Научному Надзору.

После презентации этот член Научного Комитета подошел ко мне и взволнованно объявил, что он «понял!» Конечно, я подумал, что он подразумевает статистический подход, но я оказался неправ. Этот один-единственный визуально ошеломляющий пример убедил его, что дальновидение реально существует. Позже я отвёл его в сторону на парковке и начал читать ему нотацию:

– Как вы могли! Джессика и наша команда работали год, расставляя все точки над *i*, чтобы подобрать самый лучший статистический анализ, а вы прямо с порога отбрасываете этот подход! С другой стороны, вы убеждаетесь в реальности дальновидения из-за единственного зрительного примера, который я даже не могу защитить ни статистически, ни научно.

³⁰ У нас бытовало юмористическое выражение, что аббревиатура ESP – Extra Sensory Perception одновременно означает Error Some Place – «ошибка в каком-либо месте», но услышать нечто подобное от нашего статистика было весьма неожиданно.

Он притих. Этот пример показывает, что большинство из нас полагает, будто наука движется вперёд, основываясь на серьёзных научных аргументах и свидетельствах, и недооценивает эмоциональную компоненту научных экспериментов. Роберт Бартон в недавней своей книге «Будучи убеждённым»³¹ написал, что современная нейробиология предполагает наличие в мозгу эмоциональных центров, которые активизируются, когда мы в чём-то убеждаемся. Мне показалось это удивительным, поскольку я предполагал, что научный способ мышления задействует исключительно участки мозга, отвечающие за логику и аналитику, и именно они приводят нас к убеждению в чём-либо. Может быть, этот вывод Бартона я и проверил на нашем члене Научного Комитета.

**

Проект размещения ракет MX

Насколько эффективна была работа по экстрасенсорному сбору информации в Международном Стэнфордском Институте? Пример с проектом размещения ракет MX иллюстрирует это.

Обычно, когда продумывается новая военная политика, система вооружения или ход сражения, предложенная новая система критически оценивается. Часто собираются две команды, называемые «красными» и «синими», чтобы одна команда критиковала, а вторая соответственно поддерживала предлагаемый план. Нашу группу подрядили участвовать в красной команде, чтобы оценить предложение администрации Картера, а позже администрации Рейгана, по развёртыванию новой системы ракет MX.

Эти предложения по-существу были вариациями на тему: нужно строить намного больше установок для запуска ракет, чем самих ракет, и непрерывно тайно перемещать ракеты из одного укрытия к другому – такая вот игра ядерными снарядами. Бюджет Конгресса первоначально оценил, что обеспечение двухсот MX ракет, постройка 5,800 укрытий для них и ввод в действие такой системы будет стоить 28.3 миллиардов долларов ежегодно вплоть до 2000 года. Триста ракет MX, мечущихся среди 8,500 укрытий, стоили бы уже 37.6 миллиардов долларов.

³¹ Robert Burton. On Being Certain. St. Martin's Press, 2008.

Первый вариант предусматривал одну МХ ракету на 29 укрытий, в то время как второй вариант планировал одну ракету для 28 укрытий.

В конечном счете, одобрена была идея «трека»: каждая ракета должна была перемещаться среди укрытий, расположенных на ответвлениях дорог от главной круговой дороги, по образцу «трека». Должны были установить пять таких образцов, или групп, в каждой из 40 долин, расположенных в пустынях штатов Юта и Невада. Такая система позволила бы транспортерам перемещать ракеты между установками в пределах 30 минут, чтобы вовремя избежать Советских ракет уже после того, как они запущены. Треки предполагались около 56 километров в диаметре.

Дороговизна и сложность предложенной системы – показатели того, как серьезно рассматривала эту идею администрация Картера. Планировалось продвигать проект вперед как можно быстрее. Предполагалось, что Воздушные Силы США к 1980 году выберут участок для проверки оперативной базы ракет МХ, включая их действие и испытание установок. Работа на треке и сооружение укрытий должны были начаться к 1983, а первый десяток МХ с 230 укрытиями намечалось ввести в строй к 1986 году. При непрерывном перемещении ракет среди нескольких укрытий Советские не знали бы, куда нацелить свои ракеты, чтобы причинить наибольший ущерб способности США принять ответные меры.

Вопрос состоял в том, сможем мы поставить эту идею под угрозу или нет, то есть, получится ли у нас просчитать, куда будет перемещаться ракета, используя аномальное восприятие. Если сможем, значит, следует допустить, что и Советские тоже смогут, и тогда нам не выгодно вводить эту систему первыми.

Наше предложение, которое было в конечном итоге одобрено, включало следующие пункты утвержденных работ, на которые мы собирались тратить деньги в случае, если контракт будет предоставлен SRI:

- Принять в работу схему: одна ракета на 20 укрытий, определить статистику угроз МХ системе как результат неслучайного выбора аномально-когнитивных исследователей.

- Провести программу экранирования с участием более ста человек служащих SRI и других опытных операторов-дальновидающих, поставив одного исследователя на 20 экранирующих устройств и дав каждому участнику эксперимента по 100 попыток.
- Отобрать пять лучших дальновидающих, показавших себя в опытах по экранированию и дать каждому дополнительно по 200 попыток.
- По этим данным оценивать потенциальные слабые места в защите трека и возможные обманки.

Кроме того, мы готовы были наряду с методами аномально-когнитивного исследования использовать сложную статистическую технику, называемую лозоходство, чтобы посмотреть, сможем ли мы просчитать систему. Рисунок 2 на вкладке иллюстрирует, как это выглядело в нашей лаборатории.

Исследователь Стэнфордского Института демонстрирует систему. На мониторе показано 10 беспорядочно размещённых кругов. Каждый круг в компьютере постоянно связывался с одним из 10 гипотетических укрытий для ракет, одно из которых символически содержало MX ракету. Задача исследователя состояла в том, чтобы при помощи мышки выбрать круг, связанный с укрытием, в котором содержалась ракета. Как только круг выбирался, начиналось новое испытание с другого случайного размещения непомеченных кругов. Используя этот метод в купе с умной статистикой, мы могли определять степень, с которой аномальное восприятие в форме лозоходства могло превышать случайный 10% барьер получения таких данных (без применения аномального познания). Методика сработала хорошо, мы показали процент, значительно превышающий процент случайного выбора. В своём заключительном отчёте мы констатировали, что аномально-когнитивные практики были способны правильно определить расположение гипотетической ракеты 12 раз из 12 попыток, в общей сложности из 452 выборов кругов. Правильный выбор удара более чем в два с половиной раза превышал ожидаемые 1 к 10.

На рисунке 3, приведённом на вкладке, представлена копия письма на бланке Сената, написанного сенатором Джоном В. Уорнером тогдашнему Министру

Обороны, Каспару В. Веинбергеру, в котором оценивается наш вклад в программу MX ракет.

Конечно, не только наши данные воспрепятствовали построению этой ракетной системы, но именно дальновидение сделало главный доленой вклад, приведшим к такому результату и сэкономило государству многие миллиарды долларов.

**

Физики шутят вместе с экстрасенсами

Чтобы сохранять высокий моральный дух нашего коллектива и здоровье каждого его члена, мы старались отдыхать так же хорошо, как и работали, сражаясь с обычной глупостью корпоративных правил. И эта борьба помогала нам в нашей серьёзной работе и оптимистичном взгляде на будущее.

Вот один из примеров. Как и все работающие по военным контрактам, мы страдали от жуткой бюрократии. На первый год контракта нам было выделено 1,875,000 долларов, распределённых на 38 отдельных задач, оговоренных в заявке на работы – так на жаргоне Пентагона назывался список работ, которые мы должны были сделать по контракту. По каждой из этих 38 задач я был обязан делать ежеквартальные доклады и предоставлять независимый финансовый отчёт. К концу первого года у меня оказался перерасход в 500 долларов. Я считал просто бухгалтерским чудом – ошибка меньше чем на 0.03% ! Это, как я думал, очень хороший показатель работы на правительство.

Но нет! Наш куратор-полковник потребовал, чтобы Стэнфордский Исследовательский Институт нашёл ошибку, и все мои стенания о том, насколько расточительным это будет в отношении времени и денег, упали на глухие уши полковника. Я даже предложил оплатить разницу из моего собственного кармана, но мне сказали, что у Армии США нет и не было никакого известного механизма принятия денег от частного лица! После огромного количества жалоб и нескольких недель напряжённой работы бухгалтерский офис Стенфордского Института нашел, наконец, несоответствие. Я более чем уверен, что Институт потратил во много раз больше пятисот долларов на накладные расходы, и всё для того, чтобы армейская бюрократия почувствовала себя счастливой!

Теперь немного пояснений. Так как наш проект был очень строго засекречен и в то же время размещался в более-менее открытом Стэнфордском Исследовательском Институте, он существовал за рядом запертых шифрами дверей. Поскольку только у нескольких человек был доступ, соответствующий секретности нашего проекта, мы могли избежать разных неприятностей за запертыми дверями своих кабинетов, чего другие работающие в здании сделать не могли. Одной из такого рода спрятанных от чужих глаз вещей были чудесные, стильно организованные празднования дней рождения занятых в проекте людей. Обычно это мероприятие включало бутылку шампанского, замечательно украшенный торт из местной кондитерской, подписанную открытку, разные маленькие забавные подарки, и, возможно, лучшее из всех благ – развлечения на всю оставшуюся часть рабочего дня. На всё это мы собирали деньги, пуская шляпу по кругу.

И вот, в отношении куратора-полковника-бюрократа, о котором шла речь выше, у нас получилась неплохая забава. У Джима Сальера, который был прикомандированным к нам представителем военной разведки, было по-армейски жёсткое, но превосходное чувство юмора. Когда подошёл день рожденья полковника, Джим вызвал его из офиса и сообщил о нашем обычном порядке проведения таких праздников. Затем Джим сказал:

– Для начала я положил в шляпу 5 долларов и передал её по кругу для сбора средств. Когда шляпа возвратилась, в ней было 3 доллара 14 центов. Исходя из этого бюджета мы и подготовили ваш день рожденья.

Ещё перед вечеринкой Джим заменил обычную хорошую скатерть разворотами старых газет, склеенных вместе, хороший торт был заменен чёрствыми надкушенными кексами. Вместо шампанского на середине стола красовался маленький бумажный пакет очень дешевого вина. Джим взял старую рождественскую открытку, присланную ему тётёй, зачеркнул «С Рождеством Христовым» и цветным мелком написал «С Днем Рождения». На этой карточке были все наши подписи. Я подключился к розыгрышу, подарив полковнику большую флягу очень мелких бобов, и после «торта» мы начали соревнование по счёту бобов. У меня было чувство, что ирония подарка так и не дошла до этого полковника. Тем не менее, он старался изо всех сил быть в форме, но можно было

легко заметить, что его плечи начали опускаться всё ниже и ниже. Насмеявшись про себя вдоволь, мы, в конечном счете, принесли настоящий торт и шампанское; и все, включая полковника, замечательно провели время.

Эта история имела некое продолжение. Почти каждую пятницу во второй половине дня наша группа уходила в лабораторию, которая находилась в том же офисе, но этажом выше. Мы называли её пси-видео-салонем. Это означало, что мы брали пиво (это было нарушение правил SRI), попкорн и заказывали фильм. Однажды в одну из таких пятниц к нашей группе присоединился армейский полковник, который сел сзади и наивно полагал, что он хороший конспиратор, и никто не догадывается, что он присутствует.

Мы с моим коллегой выуживали у него на глазах из пакетов попкорн и громко, но с невинным видом объявляли: «Эй, смотрите, какое маленькое сморщившееся ядрышко!» [юмор ситуации в том, что по-английски слово *ядрышко* – *kernel* в произношении звучит точно так же как слово *полковник* – *colonel* – прим. редактора]. Многие из присутствующих сталкивались с этим полковником по техническим и административным вопросам и хорошо знали его. В результате мы все чуть ли не по полу катались от смеха.

По теме дня рождения есть и другой забавный пример. Когда моей сестре исполнилось 50 лет, мне было поручено купить торт для праздника. Я забавно разыграл её, отрезав кусок пенорезины по размеру торта и хорошо заплатив профессиональной кондитерской, чтобы покрыть эту пенорезину сверху кремом с надписями-приветствиями, соответствующими дню рождения. Когда гости начали резать торт, эффект был потрясающий!

Как-то между делом я рассказал Джиму Сальеру эту историю. Потом, когда пришло время Джиму справлять своё 50-летие, он был особенно начеку, боясь, что я его разыграю таким же образом. На сей раз я точно так же сделал торт из пенорезины, но вырезал в ней угол и поместил туда настоящий кусок торта. Затем попросил кондитера залить все кремом, как целый торт, и разукрасить его.

Вечеринка за закрытыми дверями шла своим чередом. Согласно нашему обычаю, я попросил Джима разрезать торт, но он наотрез отказался:

– Но-но, знаю я твои шутки, Эд! Ни за что!

Я обвинил его в том, что он – ослиная задница, тупой правительственный служака и вечный скептик. Затем я отрезал реальный кусок торта и начал есть у него на глазах. Тогда Джим взял нож с намерением закончить работу и... ВОТ ТУТ-ТО ОН И ПОПАЛСЯ!

**

Конец работы в SRI

Я бы мог целую книгу написать о недостатках руководства Стэнфордского Исследовательского Института. Первый и главный из них – довольно тривиальный, но очевидный. Поскольку все наши офисы были расположены вдоль одной внешней стены здания, у всех сотрудников программы, включая административного помощника, по определению окна выходили на внушающее дрожь мрачное серое здание времён Второй Мировой войны и площадку стоянки автомобилей. Вид не очень-то приятный, но многие SRI вообще окон не имели, особенно персонал рангом пониже. Надо сказать, что административный помощник – это принятое в SRI формальное название должности того, кто немного более квалифицирован, чем просто регистратор или секретарь. Так вот, большая проблема возникла, когда другой административный помощник обнаружил, что у нашего есть ОКНО! Как можно административному помощнику иметь такую роскошь, как окно!

Вот так, в типично административной манере я был поставлен перед проблемой, не имеющей очевидного решения. Однако, у меня родилось решение, нелепость которого оказались способны понять даже наши руководители. Я предложил заложить это единственное окно. Глупость решения оценили, и я выиграл. Но с меня взяли обещание никому не говорить, что наш административный помощник остался в привилегированном положении.

Второй пример ещё более впечатляющий. Где-то в конце последнего года нашей работы по контракту с Армией мне позвонил штатный сотрудник Специального Комитета Сената по Разведке и сообщил, что очень известный сенатор хочет

встретиться со мной и обсудить наш проект. Надо было как можно лучше принять такое важное лицо!

Как преданный служащий, я помчался в офис к своему боссу, чтобы сообщить ему о нашей удаче. Мой босс поддержал мои верноподданнические настроения, раскатал губу и начал планировать торжественную церемонию встречи и долгие рыночные переговоры, чтобы убедить этого сенатора вбросить пачки денег в программы Стэнфордского Института, не имеющих никакого отношения к дальновидению.

Но я решил: нет уж! Я сказал ему, что это неофициальный визит и что сенатор хочет ознакомиться только с моей программой. Мой босс тогда прочитал мне длинную лекцию о том, что моя программа – это ничего не стоящая мелочь по сравнению с другими программами SRI, и что он намеревается действовать по-своему.

После возвращения в свой офис я позвонил сотруднику Сената. Надо сказать, что я был единственным человеком в Стэнфордском Исследовательском Институте, который был «введён» в некий один всё ещё очень засекреченный аспект нашей программы. Пользуясь своим особым статусом, я сообщил сотруднику Сената, что брифинг будет засекреченный, причём уровень секретности должен быть самым высоким. В связи с этим, не возражает ли он против того, чтобы персонал института, который будет в комнате во время церемонии встречи, покинул помещения до начала конфиденциального разговора – весьма обычная практика во время информационных совещаний в разведывательных учреждениях.

И вот долгожданное событие. Обмен любезностями, приветственные речи, и затем как удар под дых моему руководству: они все были вежливо выдворены из комнаты. Ха! Обойдётся без их рыночных переговоров! Как бы то ни было, но я праздновал, пусть маленькую, но победу! Мое начальство, конечно, было вне себя от ярости, но я решил, что смогу разыграть из себя самую невинность и оправдаться тем, что не я составлял то, что называют, «списком посвящённых» для нашей программы. Чуть позже я поведаю о негативных последствиях моего поступка.

А пока скажу, что брифинг прошел исключительно успешно и послужил основой хороших рабочих отношений, а в дальнейшем и дружбы. Сенатор сказал, что он дополнительно ассигнует 6 миллионов долларов для нашей программы, но при условии, если выделенная сумма не будет тратиться в течение 9 месяцев. А в это время наши текущие реально доступные контрактные фонды исчерпывались гораздо раньше.

Я пошел к своему начальству с просьбой, чтобы Институт платил нашим людям зарплату в тот девятимесячный промежуток времени, пока мы не сможем пустить в оборот обещанные 6 миллионов долларов. Мораль сей басни такова: никогда не зли своего босса. Несмотря на то, что перспектива получения 6 миллионов долларов была очень заманчива для Института, мой запрос остался без ответа. Так что в сентябре 1989 года экстрасенсорная программа «Звёздные Врата» в Международном Стэнфордском Исследовательском Институте была вынуждена закрыться из-за отсутствия финансирования.³²

**

Как всё это повлияло на меня? Некоторые моменты очевидны. Я научился быть системным руководителем, у которого в наличии не только существенные бюджетные ассигнования, но и группа ярких личностей, имеющих своё оригинальное мнение обо всём. Но, вероятно, нечто более важное произошло со мной и моим мировоззрением. Я понял, что нельзя автоматически ставить знак равенства между материей и сознанием. Благодаря проведённым исследованиям и, возможно, моей эмоциональной связи с Индией, мой взгляд на природу сознания стал таков: разум и тело – разные вещи.

Если говорить более технически, моя точка зрения заключается в том, что наш богатый внутренний субъективный мир представляет собой так называемое вторичное *возникающее свойство*³³ огромного количества нейронов в нашем мозгу и ещё большего количества их взаимосвязей. К этому взгляду я пришёл, базируясь

³² Правда, после девятимесячного перерыва она снова возродилась, как Феникс из пепла, и процветала в течение последующих четырёх лет в Международной Корпорации Прикладных Наук, о чём рассказывается в последней главе.

³³ Emergent Property.

на фактах, собственном опыте и многочисленных данных, накопленных в результате проведённых исследований. Хотя надо сказать, что этот редуccionистский материалистический взгляд в настоящее время поддерживается совсем небольшой группой исследователей, изучающих ЭСВ.

В связи с этим мне вспоминается смешной случай. В один из моих многочисленных приездов в Москву я сидел с тремя своими русскими соавторами по этой книге и другими людьми, которые принимали нас в своём офисе. Там находился и генерал Николай Шам, бывший заместитель председателя КГБ, который написал предисловие к этой книге. В комнате было 7 человек, и все, кроме меня, были в своё время членами коммунистической партии, что официально предполагало твёрдый атеизм и материализм. Мы говорили о природе сознания, и вдруг в процессе беседы выяснилось, что среди присутствующих есть только один-единственный материалист-атеист. И этим человеком был... я, американец! Все остальные оказались твёрдыми идеалистами и теистами. Мы долго смеялись по поводу очевидной иронии ситуации.

В данной главе я коснулся только одной из сторон проекта Звёздные Врата. Однако есть и другая часть – история о том, что происходило внутри экстрасенсорной разведывательной группы в форте Мид в штате Мэриленд. Её успехи, провалы и мои мысли по поводу неудач этой программы – в следующей главе.

Глава 6

За и против

американской военной экстрасенсорной программы

Эдвин Мэй

В предыдущей главе я в основном сосредоточился на том, что происходило в программе «Звёздные Врата» в Международном Стэнфордском Исследовательском Институте – организации гражданской, «внешней», хотя и работающей по военным контрактам. Здесь же мы обсудим за и против «внутреннего» использования ЭСВ в среде военного и разведывательного сообщества.

Сразу же перейдём к сути вопроса. Была ли необходима программа «внутреннего» использования ЭСВ, и действительно ли эта программа была эффективна? Вопрос кажется простым, но ответ на него довольно-таки сложен. Думаю, если пришлось бы делать это заново в том же ключе, я бы не учреждал такого подразделения. С другой стороны, там было достигнуто несколько исключительных успехов, несмотря на многочисленные мелкие административные, научные и личные проблемы. Ещё одним бесспорным показателем успеха служит долгосрочность работы этого внутреннего разведывательного подразделения: оно существовало с 1978 года вплоть до полной ликвидации программы в 1995 году. Можно легко критиковать некомпетентность правительства и высказывать разные предположения, почему программа продержалась так долго, но на нашей стороне есть множество влиятельных голосов, подтверждающих большое значение этого подразделения.

Как я уже упоминал выше, до 1978 года ответственность за осуществление экстрасенсорной разведывательной программы была полностью возложена на SRI. И хотя в те ранние годы на эту исследовательскую деятельность было ассигновано очень мало средств, мы провели важную оценку поступающей из-за рубежа информации.

К примеру, профессор И. М. Коган, серьёзный, признанный в Советском Союзе теоретик в области информации, в 1971 году написал статью под названием «Возможна ли телепатия?» Эту статью передало нам Подразделение по Иностранным Технологиям авиабазы Райт-Паттерсон в штате Огайо. В статье Коган предположил, что ЭСВ работает подобно тому, как в радио взаимодействует пара передатчик/приёмник. «Передатчик» – человек, обладающий экстрасенсорными способностями – во время телепатического эксперимента думает о цели, и его мозг излучает радиоволны, которые принимаются мозгом другого экстрасенса – телепатического «приемника». Мы решили проверить идею Когана, для чего начали работать под пятисотфутовой толщей морских глубин, используя её как щит от излучаемых мозгом радиоволн. Эти эксперименты по дальновидению проводились нами в рамках проекта Стефана Шварца «Глубокий Поиск» (группа Мёбиус, Лос-Анджелес) и показали, что идея Когана была ошибочной.³⁴

Хотя программа в Стэнфордском Институте была в высшей степени секретной, тем не менее, информация о ней медленно, но верно начала распространяться внутри разведывательного сообщества. У многих стала возникать идея, показавшаяся интересной: если вдруг перед разведкой встанут серьёзные проблемы, которые невозможно будет разрешить с помощью традиционных методов сбора данных, почему бы в знак отчаяния не попытаться привлечь этих «психов» – экстрасенсов из Калифорнии? К счастью для нас и для ЭСВ как академической дисциплины, доля удачных попыток в экстрасенсорных исследованиях, хотя и не слишком большая, но была вполне достаточной, чтобы помочь разрешить несколько этих, объявленных неразрешимыми проблем.

Однако, вскоре и спонсорам, и нам в SRI стало ясно, что здесь надвигается долгосрочная проблема. Продолжать сбор разведывательных данных экстрасенсорными средствами, полагаясь на маленькую группку экстрасенсов, мы просто не могли.

³⁴ В 1992 году я имел честь встретиться с профессором Коганом лично и после обмена любезностями вынужден был сказать ему плохую новость по поводу его статьи о телепатии, а именно о том, что его радиотеория ЭСВ ошибочна. Он улыбнулся и сказал, что знает об этом и очень рад, что мы опытным путём доказали это.

Есть два очевидных решения этой проблемы. Один – найти людей с некоторыми врождёнными способностями к ЭСВ, обучить их, натренировать и сделать профессионалами. Такое сплошь и рядом случается в спорте: вербовщик видит молодого человека, который, к примеру, хорошо играет в гольф, и приглашает его в лагерь гольфа. Если этот молодой человек показывает заметные успехи в игре, ему могут предоставить профессионального тренера, который будет работать с ним индивидуально. В конечном итоге мы получаем Профессионала. Так почему бы не последовать этим же самым путем в подготовке экспертов по дальновидению?

Можно выделить два основных вопроса на пути к этому: как найти людей с врожденными способностями, и как потом тренировать их, чтобы эти экстрасенсорные навыки развить и усовершенствовать? Не ошибусь, если скажу, что эти две проблемы мучили команду наших исследователей больше, чем какие-либо другие вопросы на протяжении всей истории работы американского правительства с экстрасенсорикой.

Как описали в своей книге «Досыгаемость Ума» Путофф и Тарг, в начале действия ЭСВ-программы в Стэнфордском Институте были потрачены существенные ресурсы для всестороннего исследования группы людей-экстрасенсов, чтобы определить, что же делает их особенными? Хотите, я сведу все их длительные исследования в короткий ответ? – НИЧЕГО!

Ну, была у них отмечена тенденция к незначительному повышению уровня интеллекта по сравнению со среднестатистическим человеком, но это можно было списать на процесс отбора, а не считать показателем врожденных способностей к ЭСВ. Фактически, за всё время осуществления программы (а длилась она 20 лет), мы так толком и не ответили на этот вопрос. Наши отчеты о научно-исследовательской работе сначала в Стэнфордском Институте и позже в Международной Корпорации Прикладных Наук были полны попыток выделить какой-нибудь внешний фактор, который можно было бы соотнести со способностью человека к ЭСВ. В течение длительного времени мы отслеживали поведенческие особенности людей, имеющих выраженные экстрасенсорные способности, фиксируя, что физически делает этот человек во время сеансов по ЭСВ и какое поведение способствует успешному восприятию, а какое нет. Мы

также исследовали нейропсихологические и психологические особенности их индивидуальности и даже восприимчивость к гипнозу, но в конечном итоге нам так и не удалось определить тип человека-экстрасенса.

Потерпев в этом фиаско, мы не смогли найти лучшей формулы, чем следующая: если вы хотите найти экстрасенсов, вам следует попросить большую группу людей попробовать быть ими, и уже из неё отобрать тех, кто на самом деле является таковым. Как раз одной из задач, поставленных перед нами правительством, было просеивание большого количества людей через сито экспериментов по обнаружению способностей к экстрасенсорному восприятию. Таким образом, Армия хотела, чтобы мы изучили, как обучить «среднего» ЭСВ солдата.

В число этих претендентов входили работники SRI всех ранжиров и мастей, группа из Геологической службы США, две группы выпускников Стэнфордского Университета и эрудиты из общества МЕНСА³⁵ в Сан-Франциско – это организация из людей с исключительно высоким показателем интеллекта. Из почти 600 проверенных нами человек только маленькая группка соответствовала определенным критериям, предъявляемым к экстрасенсам.

Параллельно со всей этой работой артист-экстрасенс из Нью-Йорка Инго Сванн пытался создать систему тренировочных занятий по обучению дальновидению. Инго не был ученым, но обладал исключительным умом, и у меня есть только слова благодарности ему за все его усилия и прекрасную работу. Он трудился по 12-14 часов в день, проводя большую часть рабочего времени в библиотеке Стэнфордского Университета.

В течение первых лет, когда мы стали именоваться Международным Стэнфордским Исследовательским Институтом, проект финансировался ЦРУ, а затем ВВС США через Подразделение по Иностранным Технологиям авиабазы Райт-Паттерсон в штате Огайо. Чуть позже нашим проектом заинтересовались ещё два звена американской армии. Первым из них была Организация по Анализу Материальных Систем Армии США³⁶, которая под руководством Джона Крамара предприняла попытку учредить небольшую группу по дальновидению в армейском

³⁵ Англ. аббр. – MENSA.

³⁶ Англ. аббр. – AMSAA.

Арсенале Эджвуд в Мэриленде. Эта группа никогда не была официально узаконенной. Они провели несколько традиционных сессий по дальновидению в пределах нескольких километров от места проведения экспериментов. Поскольку я как аналитик участвовал в нескольких их сессиях, могу засвидетельствовать, что там было очень немного очевидных проявлений ЭСВ.

Тем временем Служба Разведки и Безопасности США стала также живо интересоваться нашей работой. Итогом стало то, что приблизительно 3000 американских разведчиков по всему миру были тщательно проверены на наличие у них ЭСВ способностей для отбора в потенциальные участники нашего проекта, который тогда назывался «Пламя Гриля»³⁷. Эта проверка включала в себя основные психологические аспекты кандидата, общий интерес к теме и личную психическую уравновешенность. В конце концов, были отобраны 6 человек, им предстояло прибыть в Стэнфордский Институт для участия в процессе, который мы назвали *передачей технологии*. Таким образом, мы решили провести шесть сессий дальновидения с каждым из шести отобранных армейских разведчиков-кандидатов.³⁸

Новый проект Стэнфордского Института был очень необычным, если не назвать его параноидальным. Каждый из шести кандидатов, приехавший в SRI для проведения сессий по дальновидению, регистрировался под именем Скотти Уайт – так звали недавно назначенного командира группы. Это обстоятельство ещё долго было предметом для шуток в SRI, особенно когда одна из дальновидящих, женщина, была зарегистрирована под этим же мужским именем! Мы с усмешкой отметили про себя, что эксперты по военной разведке были отнюдь не профессионалами, а самыми настоящими любителями. Джо Мак-Монигл рассказывал мне, что люди разведки на рабочем уровне в были такими же дилетантами, как и те, кто занимался в нашем проекте псевдобезопасностью.

³⁷ «Пламя Гриля» – это одно из ранних названий нашей программы и второе название-прикрытие для группы, работающей в форте Мид, первым было – «Корзина Желаний». Эти названия были придуманы специально для употребления вне секретной обстановки, такой как телефонный разговор, без опасения выдать секретную природу нашей работы.

³⁸ Об этой истории можно прочитать в книге Мак-Монигла «Мемуары Шпиона-Экстрасенса».

Сущим бедствием было, когда эти «разведчики»-дилетанты приезжали в SRI, потому что тогда из-за возможной утечки информации люди вне программы могли узнать имена наших экстрасенсов. Большинство тайных разведывательных единиц идут на всяческие ухищрения, чтобы защитить настоящие имена агентов, вовлеченных в разведывательную деятельность. Ко всем военным единицам это должно было относиться одинаково, однако в разведывательном сообществе многие изначально воспринимали нашу программу не очень серьезно, поскольку у нас были задействованы не «настоящие действующие агенты», а экстрасенсы. Такое отношение особенно раздражало шестёрку отобранных участников программы, особенно учитывая тот факт, что они прошли самый строгий отбор с лабораторными испытаниями и оказались весьма экстрасенсорно одаренными личностями, что является большой редкостью.

**

Приблизительно в то же самое время я заключил контракт на 495 000 долларов с подразделением, занимающимся разработкой ракетной военной техники Армии США и находящимся в Арсенале Редстоун (Хантсвилл, штат Алабама). Мы работали с Рэнди Клинтоном, высшим должностным лицом Арсенала, который, между прочим, занимал прежний офис Вернера фон Брауна, бывшего нациста, но великолепного ученого, занимавшегося ракетной техникой и стоявшего у истоков космической программы США.

В Редстоуне мне также посчастливилось изо дня в день общаться с одним из самых блестящих ученых, которых я когда-либо встречал на правительственной службе, доктором Билли Дженкинсоном. Совместными усилиями мы должны были построить двойной набор безупречно с технической точки зрения спроектированных генераторов случайных чисел, чтобы посмотреть, могли ли опубликованные ранее результаты дальновидения быть продублированы при исключительно точной их проверке в условиях строжайшего лабораторного контроля. SRI внёс успешный вклад свой со своей стороны, но армейская группа так никогда и не построила свою систему. Согласно условиям этого контракта, доктор Дженкинс должен был провести брифинг по вопросу развития проекта и дать его оценку. Так как это было ещё в те времена, когда о персональных

компьютерах лишь мечтали, доктор Дженкинс пошел в свой армейский отдел графических работ и сказал, что ему нужен титульный слайд для предстоящей презентации по проекту «Пламя Гриля». Он объяснил художникам, что проект предусматривает использование дальновидения, и в общих чертах рассказал о самом проекте. На рисунке 4 цветной вкладки вы можете увидеть то, что армейские художники удосужились предложить в качестве титульного слайда проекта! К счастью для всех заинтересованных, доктор Дженкинс показал мне этот слайд до своей презентации, и я смог убедить его не использовать этот рисунок.

**

Было ли создание своей собственной оперативной экстрасенсорной разведывательной единицы неплохой идеей для армии? И тогда, и теперь мой ответ – нет, если организовывать дело так, как это было сделано в 1978 году. Всё складывалось так, что эта затея не могла не закончиться тем, чем она закончилась – полным провалом. Ретроспективно оценивая ситуацию того времени, можно сказать, что относительно сеансов дальновидения отсутствовали чёткие научные критерии и к ним не было серьёзного отношения. Ни политические, ни социальные, ни военной структуры, внутри которых должна была действовать эта единица, не были готовы взаимодействовать с ней.

Но прежде чем мы поговорим об успехах и провалах этой программы, необходимо определить, что обозначают эти понятия в разведывательном окружении. Не будет преувеличением сказать, что мы разрабатывали новый инструмент для разведывательного сообщества. Но, в отличие от академических тестов, где сравнительно легко оценить показатели и характеристики исследования, оценка разведывательных данных весьма проблематична. Покажу это на примере.

Сбор разведанных в общем и целом страдает от одной главной проблемы, и проблема эта в том, что качество данных часто не связано с их разведывательной ценностью. Давайте исследуем гипотетическую ситуацию. Предположим, что со спутника-шпиона получена чёткая, высокого разрешения фотография нового советского танка. Представьте, что мы получили возможность изучить мельчайшие детали танка, даже смогли сосчитать заклепки в его броне. Что тут скажешь –

достоверные данные. Но тут некая специальная оперативная группа, захватывает один из этих танков и доставляет его на свою базу. Таким образом, всё, что можно было узнать об этом танке, уже известно. Так что эти очень высококачественные спутниковые данные, с точки зрения разведывательной ценности, ничего не стоят.

Или обратный пример. Предположим, фотография с высоким разрешением, полученная со спутника, сделана во время смерча и показывает очень туманный контур, который с трудом можно идентифицировать. Но аналитик, который обрабатывает полученную информацию, до этого системно и кропотливо работал над этой проблемой, изучая её со всех сторон. Вид этого расплывчатого изображения наталкивает его на перепроверку некоторых других данных, в результате чего давнишняя проблема получает своё разрешение при помощи нечёткой фотографии. Данный гипотетический пример наглядно показывает, как порой низкокачественные данные могут иметь очень большую ценность в сборе информации.

Определение качества информации по качеству полученных данных – общая проблема, которая в равной степени относится и к экстрасенсорным источникам получения данных. Это хорошо иллюстрируется собственным анализом ЦРУ.

По поручению Конгресса США в 1995 году ЦРУ должно было провести 20-летний ретроспективный обзор программы Звёздные Врата и сообщать о результатах Конгрессу. В 2000 году, когда были рассекречены многие документы проекта «Звёздные Врата», ЦРУ издало отчёт под названием «Итоговый доклад: Звёздные Врата. Оперативные задачи и оценка», в котором провело детальный анализ 40 операций, связанных с аномальным восприятием. Позволю себе цитату из этого документа:

«С начала 1986 года до первого квартала финансового 1995 года перед экстрасенсорной программой Министерства Обороны США оперативными военными организациями было поставлено более 200 задач, требующих применения дальновидения (RV), с целью получения информации, недоступной для других источников. Оперативные задания включали в себя "цели", идентифицированные как можно более неопределённо, чтобы невозможно было просчитать желаемый ответ.

В 1994 году отдел Разведывательного Управления Министерства Обороны США, отвечающий за программу "Звёздные Врата", разработал методологию для числовых оценок ценности и точности разведанных, получаемых в ходе осуществления программы "Звёздные Врата". К 1 мая 1995 года перед тремя участвующими в программе людьми, обладающими даром дальновидения, было поставлено сорок задач от пяти оперативных структур. Обычно, если ставились задачи по дальновидению, то каждой задачей занимались, по крайней мере, два экстрасенса, обладающих даром дальновидения».

Данные, полученные в результате решения этих 40 задач, были оценены не членами нашей команды аномального познания, а организацией, поставившей эти задачи, по двум отдельным критериям измерения, как показано в таблице 1.

Таблица 1. Матрица Оценки ЦРУ

<u>Категория</u>	<u>Оценка</u>
Правильность: Правильна ли информация?	
Да (правильно)	1
Вероятно правильно	2
Возможно правильно	3
Нет (неправильно)	4
Возможно неправильно*	5
Неуверен*	6
Ценность: Какова ценность информации этого источника?	
Очень высокая ценность	1
Высокая ценность	2
Ценная	3
Низкоценная	4
Нет никакой ценности	5

* Заметьте, что оценка правильности в 5 и 6 баллов фактически "выше", чем оценка её в 4 балла, так как в обоих случаях подразумевается, что в информации может быть кое-что точное. Изменение порядка начисления баллов в этих наблюдениях вызывает незначительные изменения в средних и стандартных отклонениях.

Рисунок 5, приведённый ниже, иллюстрирует разделение качества информации и ценности сведений, полученных путём аномального восприятия. Он взят

непосредственно из упомянутого ранее итогового отчёта по программе «Звёздные Врата».

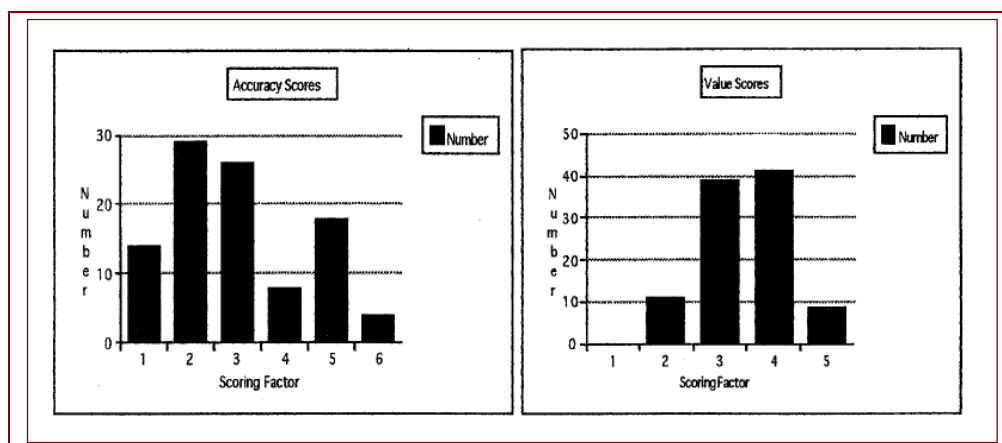

Рисунок 5. Оценка ЦРУ оперативных данных, полученных аномально-когнитивным путём в сорока случаях.

Приблизительно 70 % из 100 отдельных оценок этих данных были признаны в той или иной мере точными, достоверными; однако только 50 %, из них определены как имеющие некую ценность, да и то минимальную.

Прежде чем сделать скоропалительный вывод о бесполезности этой экстрасенсорной разведывательной единицы, обсудим некоторые существенные проблемы, которые не упомянуты в отчёте ЦРУ. Во-первых, оценки, приведённые выше, выставлялись постфактум, то есть после того, как в той или иной форме окончательно подтверждалась достоверность полученных данных. За все годы упорной исследовательской работы по программе «Звёздные Врата» мы так и не изобрели надёжный индикатор ценности данных ни для отдельных фактов, ни для частичной информации, ни для полных сведений.

Вывод, следующий из вышеупомянутых данных и анализа, был таков: аномально-когнитивные источники не принесли особой пользы, и ЦРУ в конечном итоге решило в 1995 году прикрыть программу «Звёздные Врата», хотя академическому сообществу и было предложено продолжить изучение аномального познания.

Но остановка деятельности программы на основании поверхностного анализа была большой ошибкой. По собственному признанию ЦРУ, они оценили только сорок из

многих сотен проведённых сессий и просмотрели данные, начиная лишь с 1994 года. Они должны были поговорить, но не поговорили ни с Джозефом Мак-Мониглом, ни с людьми из его команды, с кем-нибудь из тех, кто представлял Джозефа к награде «За выдающиеся заслуги», которой был отмечен его огромный вклад в сбор экстрасенсорной разведывательной информации.

Мы уже цитировали выдержку из этого престижного вознаграждения в Предисловии к данной книге, где, в частности сказано: «Мак-Монигл получал критическую, жизненно важную разведывательную информацию, недоступную никаким другим источникам». Эта неудобная для ЦРУ цитата никогда не рассматривалась и не была включена в текст полного анализа по оценке программы, действовавшей на протяжении двадцати лет. Таким образом, вопрос о том, справлялась ли наше подразделение со своими задачами, поставленными перед нами в разведывательном сообществе, остаётся спорным.

Согласно оценке Джозефа Мак-Монигла, начиная с 1978 года и до его отставки в 1984 году, приблизительно 15-20 % случаев ЭСВ шпионажа были успешными. Это звучит не очень внушительно, но ...

Как я уже сказал выше, сначала в SRI, а позже в Форте Мид наш проект всегда был судом последней инстанции. Нам доставались только «неразрешимые» проблемы, то есть такие, какие нельзя было решить традиционными методами сбора разведанных. С этой точки зрения, 15-20 % успех можно считать почти чудом, ведь обычная разведка в этих случаях потерпела полное фиаско. Многие из тех наших успешных сессий до сих пор остались засекреченными, так же как и некоторые из тех, что проводились потом.

**

С разрешения Управления Военной Разведки для этой книги мы смогли взять интервью у служащей, которая участвовала в работе проекта «Звездные Врата» в форте Мид после отставки Мак-Монигла. Её зовут Анжела Форд. Я опишу один из многочисленных случаев её успешной работы по сбору разведанных, о котором уже говорилось на американском телевидении. Конечно, мы могли бы, как романисты, пишущие о шпионах, употребить их любимое выражение и написать

нечто вроде: «Анжела появилась ниоткуда...» Но мы просто скажем, что часть её тридцатилетней работы на правительство была посвящена очень успешной экстрасенсорной работе на Управление Военной Разведки. Она «тренировалась» в координационном дальновидении – где экстрасенсу дают работу только с географическими координатами намеченного участка, и используется предписанный и очень структурированный метод реакций. Кроме того, она показывала несомненные успехи в методе, который называется расширенным дальновидением: когда экстрасенс расслабляется и выдаёт поток своих свободных ассоциаций, как это делалось в ранние годы работы по ЭСВ в Стэнфордском Исследовательском Институте. Руководители Анжелы говорили, что она одинаково замечательно использовала в работе оба этих метода. Её же исключительные ЭСВ способности привели к неожиданной развязке в одном деле о судебном разбирательстве в американском таможенном департаменте.

Случилось так, что агент Департамента по контролю за соблюдением законов о наркотиках Чарльз Джордан стал сотрудничать с наркодилерами. Когда таможенная служба безопасности пришла его арестовывать, он сбежал. Это привело к общенациональному розыску этого человека, который не увенчалась успехом. Большая часть агентов ФБР и таможенников, вовлеченных в поиски, предполагали, что Джордан должен быть на побережье, так как он любил море и неоднократно об этом говорил. Но преступника найти не могли, и тогда спецслужбы обратились к Анжеле. Вот вам ещё один пример того, как привлекают к работе экстрасенса, когда все остальные средства терпят неудачу.

В интервью для этой книги Анжела нам рассказала следующее:

«Дэвид, контролёр сессии, коллега Кэролин и я вошли в комнату и начали работать. Я даже не успела сесть, как Дэвид спросил: “Где Чарльз Джордан?” Я села, несколько секунд смотрела на Дэвида – точно помню, что не прошло и минуты – и ответила: “Лоуэлл, Вайоминг”.

Дэвид сказал, что никогда не слышал о Лоуэлле в штате Вайоминг, но слышал о Лоуэлле в штате Массачусетс, потому что именно там он родился. Я ответила: “НЕТ, это именно Вайоминг!” И твердила это снова и снова, хотя Дэвид собирался записать в качестве ответа свой вариант.

Кэролин тоже не усидела на месте, стала подпрыгивать, даже стукнула об пол ногой, говоря: “Она сказала Вайоминг – она не говорила Массачусетс!” Дэвид схватил атлас и стал искать на нём Вайоминг. “Там есть Лоуэлл,” – сказала я уверенно. Все думали, что я просто не в себе, раз так упорно настаиваю на своей ошибке. Даже люди из Таможенного Отдела, уполномоченные работать с нами, уверяли, что такого быть не может: Лоуэлл – это штат Массачусетс!

Дэвид снова ввёл меня в сеанс, и я сказала, что не совсем уверена, но лучше действовать немедленно, потому что Джордан собирается уезжать отсюда: “Я вижу могилу, какое-то индейское кладбище... Поезжайте туда, его надо брать сейчас же!» Снова описываю индейское место погребения... «Он сейчас уедет... Вы должны арестовать его немедленно!»

Дэвид несколько раз доложил начальникам Разведывательного Управления, что очаг определён, очерчены границы местности, где мог находиться Джордан. Не могли бы офицеры таможенной службы или агенты ФБР поехать туда и провести там розыскные мероприятия? Но конечно же, ОНИ НЕ МОГЛИ...

Несколько лет спустя я узнала, что Чарли Джордан послал своей матери фотографию, чтобы она не беспокоилась и знала, что у него всё в порядке. Получив фото, она, как ей было предписано, позвонила в ФБР, и когда там взглянули на фото, то увидели автомобиль с номерами Вайоминга.

Как я и говорила, в тот момент Чарльз Джордан находился в 100 милях к западу от города Лоуэлл, в штате Вайоминг, где его и арестовали агенты фБР с опозданием... НА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ. Начальство Таможенного отдела сообщило об этом, как о своей победе, но лучше всего этот случай прокомментировал чиновник Таможенного Отдела Уильям Грин, выступая по телевидению в 1995 году:

«Коллективный итог всех расследований сводился к тому, что Джордан был, вероятно, на Карибах. Но он был, наконец, пойман в Вайоминге, в районе Национального парка Гранд Титон, около реки Йеллоустон, рядом с резервацией индейцев, местом захоронения индейского племени. То, что его обнаружила экстрасенс, было почти сверхъестественно ... хотя я очень не люблю использовать слово».

Вскоре после ареста Джордана Уильям Грин позвонил мне в SRI и рассказал об этом случае, заодно попросив меня устроить его к себе на работу. Грин сказал, что наша деятельность была поистине феноменальной и произвела на него неизгладимое впечатление.

**

Несмотря на такой успех, я должен ещё раз повторить, что совместное вторжение американского Правительство и Вооруженных Сил в область ЭСВ оказалось провальным из-за слабости руководства форта Мид, а главным образом из-за неадекватных протоколов. И сам процесс дальновидения не имеет к этому провалу никакого отношения.

Одна из проблем была инфраструктурной. Быть назначенным командующим специального подразделения в Форте Мид – означало поставить крест на дальнейшей карьере. За редким исключением список командующих форта выглядит более чем непрезентабельно. Эти назначения приводили к плохим протоколам, но что еще более прискорбно, сводили на нет моральный дух подразделения. Перед закрытием форта дела обстояли настолько плохо, что каждый раз, когда я приезжал в подразделение, военные и гражданские служащие, пригласив меня на ланч, жаловались на своего босса и просили меня вмешаться и доложить о бедственном положении дел в штабе Разведывательного Управления. Я докладывал, и каждый раз слышал слова глубокой благодарности за бесценную информацию от чиновника Разведывательного Управления, под чьим началом числилось подразделение форта Мид, и клятвенные заверения в том, что он наведёт там порядок... Но этого так и не случилось.

У меня есть предположение, почему так происходило, основанное на реальном знании дел. В течение переходного времени, когда наш проект в SRI закрылся, а в Международной Корпорации Прикладных Наук им ещё не начали заниматься, случилась очень странная вещь. И связана она была с проблемой дополнительного ассигнования из фондов американского правительства. Обычно бюджетный запрос предоставляется в правительственные учреждения заранее, примерно за два года до того, как нужно будет эти средства осваивать. Конечно, ответственные за

составление бюджета не могут предусмотреть всё заранее и составить безупречный бюджет. В таких случаях посылается дополнительный запрос, чтобы покрыть непредвиденные расходы. Бюджетное финансирование – это всегда двух-трёхступенчатый процесс. Во-первых, фонды должны быть разрешены; потом выделены, а затем на объединенной конференции Палаты Общин и Сената определяется заключительный уровень финансирования. Так годами финансировалась наша программа.

Но как только деньги выделены, они не могут быть переданы ни в какое другое место, только определённому Агентству в Правительстве. Оно в свою очередь может принять решение заключить контракт на работу с частным сектором. Так, в 1990 году через Конгресс было ассигнованы средства в размере двух миллионов долларов, предназначенные для ЭСВ исследований в подразделении форта Мид. Однако возникли две основные проблемы. Для получения фонда не было определено Агентство, и никакого подрядчика для этого в природе тоже не существовало. В то время я метался между SRI и Международной Корпорацией Прикладных Наук. Лишь только получив свою должность в Корпорации, я смог сосредоточиться на выборе Агентства.

Очевидно, что Конгресс должен был направить это финансирование в Разведывательное Управление, но его командующий в то время, генерал-лейтенант Гарри Соустер, отказался принять деньги на программу, которая ему изначально не понравилась. В этом-то и заключался корень проблемы. Я видел письмо из Специального Комитета Сената по Разведке и Комиссии Конгресса, в котором было санкционировано финансирование, и генералу Соустеру давалось 24 часа, чтобы он объяснил, почему он не выполняет решение Конгресса и не принимает уже ассигнованные 2 миллиона долларов.

Этот вид поведения-вызова: «я крутой парень, я сильнее вас», это может вызвать дух борца во многих из нас, но как принцип управления это настоящее бедствие. Спорная программа была навязана не желающему сотрудничать с нами Агентству Министерства Обороны. Можете вообразить, как это возмутило военное руководство Разведывательного Управления. Да, мы получили финансирование, но на каждом шагу нам ставили подножки, создавая такие условия, чтобы наше

подразделение работало неэффективно, в том числе и назначая некомпетентного, бесперспективного командира подразделения. Но это была только одна из обозначенных проблем.

**

Ещё сложнее оказалась проблема, связанная с идеей учебных тренировок по методике Инго Сванна. Я обвиняю команду руководства SRI в том, что она не провела необходимой научной проверки, чтобы определить степень эффективности идеи Инго. Как я покажу ниже, такое положение дел привело к введению в форте Мид двух, не уживающихся друг с другом позиций, пагубные плоды чего мы пожинаем до сих пор.

Кроме того, я хочу подробно рассказать об этой методике Инго, поскольку позже она стала широко рекламироваться в Интернете, и множество людей попались на эту удочку, заплатив деньги и не получив никаких результатов от предлагаемых тренировок по дальновидению.

В основе идеи Инго по тренировке дальновидения лежал один очень нашумевший научный принцип и известная несистемная концепция. Большинство людей знает о Б.Ф. Скиннере и его поведенческой идее в психологии. К примеру, можно обучить голубя нажимать рычаг, чтобы получать пищу, каждый раз давая ему поесть, когда он случайно нажмёт на рычаг, налетев на него. Через некоторое время птица поймёт, что необходимо делать, чтобы получить пищу. Если брать шире, то эту базовую идею называют *оперантным обучением*, которое в Википедии определяется как:

«Оперантное обучение – это использование последствий поведения для образования условных связей и обусловленных форм поведения. Оперантное обучение отличается от классического обучения (которое также называется условным рефлексом, или рефлексом Павлова) тем, что оперантное обусловливание связано с модификацией "добровольного поведения" или оперантного поведения».

Один необходимый аспект оперантного обусловливания в биологической обратной связи состоит в том, что награда следует сразу же после желательного поведения.

Инго ухватился за эту, как ему показалось, замечательную идею, хотя она и ломала известное и священное требование к экспериментам: они должны проводиться при двойных слепых условиях, т.е. никто из тех, кто что-нибудь знает о цели ЭСВ эксперимента, не должен взаимодействовать с экстрасенсом. Разумеется, Инго знал об этом так же хорошо, как и руководители проекта.

Однако они приняли решение нарушить требование двойного слепого эксперимента, приводя в своё оправдание избитый и ложный аргумент, что цель и результат оправдывают средства. Так в подавляющем большинстве «учебных» сессий, где Инго брал на себя роль тренера, он смотрел на фотографию цели, а стажер сидел через стол, напротив него. И это при том, что известный исследователь психологии из Гарвардского Университета, профессор Роберт Розенталь, и другие учёные доказали мощь и эффективность невербальной коммуникации. В самом деле, если некто, кто хорош и эффективен в невербальном выражении идей, работает в паре с тем, кто равно хорош в приёме этих невербально выраженных идей, тогда эта форма коммуникации может быть даже эффективнее всех вербальных коммуникаций.

Чтобы наглядно показать, как это происходило в реальной тренировочной сессии, вообразите Инго, тренера, сидящего напротив вас – экстрасенса в этом примере. Инго смотрит на картину, где изображён водопад. Чтобы сделать пример нагляднее, давайте предположим, что вы не обладаете абсолютно никакими экстрасенсорными способностями вообще, и таким образом, только сообщаете вслух свои случайные мысли, какие взбрели вам в этот момент в голову. Инго не дурак и молчит на протяжении всей вашей двухминутной тирады о том, что может быть изображено на фотографии. Однако подсознательно Инго наклоняется немного вперед, когда вы упоминаете воду, и чуть откидывается назад, когда вы упоминаете пустыню. Утёсы и деревья в вашем рассказе приводят к другим формам неосознанной поведенческой обратной связи. Как ясно демонстрирует исследование Розенталя, вы начнёте говорить главным образом об утёсе, деревьях и воде и быстро выходите на идею водопада. Это было бы похоже на то, что вы продемонстрировали дальновидение, но в данном примере мы заранее условились, что у вас не было такой способности. Однако на этих учебных сессиях Инго

вознаграждал реальных стажеров как превосходно справившихся с определением цели в ЭСВ эксперименте.

В этом случае я не был прямым начальником и мои резкие высказывания против такого метода были проигнорированы. К сожалению, нарушение двойного слепого протокола было только первой из двух фатальных ошибок, которую допустил Инго. Недопонимая правил оперантного обучения, он думал, что сможет помочь достигнуть успехов в дальновидении, давая быструю и непосредственную обратную связь во время сессии. Когда Инго реагировал, стажер отмечал соответствующий элемент символом обратной связи. Чтобы быть точным, я приведу цитату из формально закрытого письма, отправленного чиновником специальной программы доступа тогдашнему представителю Директора по Науке в Разведывательном Управлении США. Приведённые ниже строки письма – дословная цитата из отчёта SRI.

«S/SK/WNINTEL³⁹ КЛАСС С: большинство учебных сессий для стажеров-новичков – это Класс С. Во время этого этапа начинающий стажер должен научиться различать релевантное восприятие проявляющейся цели и её образное наложение. Чтобы помочь стажеру в этом изучении, во время сессии осуществляется непосредственная обратная связь. Интервьюеру предоставляют пакет обратной связи, который может содержать карту, фотографии, и/или устное описание цели. Во время сессии Класса С интервьюер предоставляет стажеру непосредственную обратную связь для каждого элемента данных, которые ему предоставили, но исключается отрицательная обратная связь. Если стажер излагает часть информации, которая не соответствует истине, интервьюер молчит. Чтобы предотвратить случайные реплики, интервьюер лежит, в этом случае обратная связь осуществляется в форме очень определенных формулировок интервьюера. Эти формулировки и их определения следующие:

³⁹ Классификационная отметка, означающая: Внимание: указаны важные разведывательные источники и методы (Warning: Sensitive Intelligence Sources and Methods Involved).

Правильно *Correct (C)*: Эта формулировка указывает на то, что даётся правильная информация относительно места расположения цели, но недостаточная для того, чтобы закончить сессию.

Вероятно Правильно *Probably Correct (PC)*: Это утверждение означает, что интервьюер обладает недостаточной информацией о цели и поэтому не может быть абсолютно уверен, а только предполагает, что предоставленная информация правильна.

Рядом *Near (N)*: Это слово указывает, что предоставленная информация не является элементом определенного участка, но правильна для характеристики непосредственно окружающей его области.

Нет Обратной Связи *Can't Feedback (CFB)*: Это утверждение указывает, что интервьюер не может сделать суждение относительно правильности данных из-за ограниченной информации о цели. Это не означает ни правильно, ни неправильно.

Место *Site (S)*: Это указывает, что участок был правильно назван для определенной стадии обучения (искусственная конструкция для Стадии I, мост для Стадии III, и т.д.). Формулировка "Место" показывает, что сессия закончена».

На первый взгляд, всё вполне разумно, как это казалось тогда Инго, а затем и множеству желающих стать инструкторами по дальновидению, которые позже по Интернету переняли методы Инго.

Однако этот взятый на вооружение многими учебный подход очевидно и однозначно ошибочный. Не будем принимать во внимание проблемы случайных реплик при невербальной коммуникации, что само по себе, разумеется, плохо. Однако есть тьма других фатальных недостатков в этом подходе. Я приведу сначала тривиальный пример. Инго никогда не хотел применять отрицательную обратную связь, такую как: «вы не увидели цель», «вы ошиблись» или «неверно». Но если стажер не слышит положительной обратной связи после того, как выдал элемент своего экстрасенсорного восприятия, то это уже, по определению, неправильно и, конечно же, составляет форму отрицательной обратной связи. Таким образом, отрицательная обратная связь всё равно присутствует.

Главный фатальный недостаток похож на то, что происходило на популярной в США радиопередаче 40-ых годов под названием «20 вопросов». На этом шоу одному из игроков, к примеру, говорили, что загаданный предмет «животное, овощ, или минерал». Сопернику разрешали задавать до 20 вопросов, на которые можно было ответить только «да или нет». Игра должна была показать, сможет ли соперник в пределах этих 20 вопросов дать правильный ответ и соответственно получить приз. Конечно, множество поклонников передачи были в игре успешны, и это приводило к популярности шоу.

Обучающая схема обратной связи, предложенная Инго, является вариацией этих 20 вопросов в игре. Не обладая вообще никакими ЭСВ способностями, человек мог «прийти» к правильному ответу с помощью сознательно или бессознательно данных ответных реакций. Эта проблема была сразу понятна мне, да и многим другим из команды SRI. Но, несмотря на всё это, методика была утверждена.

Так что же было фатально «не так» с этим подходом? Отвечаю: вы никогда не сможете определить, обладаете ли вы способностью к дальновидению или нет, просто играя в игру «20 вопросов» или участвуя в тренингах Инго. И все же разведывательное сообщество готово было потратить впустую ресурсы и даже рисковать жизнью агентов, обрабатывая неоднозначную информацию, полученную некорректным путём. И если американское правительство дает SRI сотни тысяч долларов, чтобы развивать учебную методологию для армии, такой подход граничит с несоблюдением контракта в лучшем случае или прямым мошенничеством в худшем.

Я, как ученый, и не мог не высказать свои резкие возражения по поводу такого подхода не только тогдашнему руководству проекта, но также и местному представителю Разведывательного Управления господину Джиму Сэйлору, и, разумеется, самому Инго. Я был разочарован, потому что полагал, что разумное зерно, лежащее в основе идеи Инго, заслуживало более качественной разработки, чем та, которую предложили в институте.

Ошибка была допущена и в том, что обучающую методику Инго ввели в ранг идей, «психологически подходящих всем обучающимся». Позже я услышал от очень

высокопоставленных армейских чиновников, что не признавать общеизвестный факт существования индивидуальных различий в психологии – часть армейской психологии и армейской культуры. Похоже, армия считает, что любой солдат, которому дают какой-то определённый стимул, будет каждый раз реагировать точно таким же образом, как уже отреагировали другие солдаты, и никак иначе. Конечно, всё это ничего общего с реальным положением дел не имеет.

Когда Инго разрабатывал свой учебный метод в SRI и испытывал его на местных жителях с врождёнными ЭСВ способностями, у нас были почти что мятежи. Инго установил жёсткие правила, и они относились ко всем. Судите сами, одним из таких правил было следующее «К чёрту содержание – значение имеет только система!» Инго вводил это правило железной рукой и заставлял людей вносить деньги в банк всякий раз, когда оно нарушалось. Некоторые из этих талантливых подопытных морских свинок оставляли обучение в страхе, что это навредит их природным экстрасенсорным способностям.

Несмотря на то, что мы с Инго были хорошими друзьями, моя критика так или иначе его обижала. Он очень расстроился, когда я высказал своё твёрдое мнение о том, что, хотя армейский контингент в Нью-Йорке будет очень удобен для Инго в качестве учебного материала (он жил в Нью-Йорке), но было бы совершенно неуместно использовать его бесконтрольно, учитывая то, что учебная методология была в корне неверной.

Мои слова снова были проигнорированы, и Инго работал в Нью-Йорке со многими людьми недавно учреждённого подразделения в форте Мид без всякого контроля. И поскольку он был очень сердит на ученых умников вообще и на меня в частности, то прививал ложное понимание сути дела своим стажерам, что мы и пожинаем до сих пор! Это «отравление источника» выразилось в форме утверждения, что протоколы и наука, возможно, хороши для лабораторного мира, но мы, люди реального мира, которые спасают мир от коммунизма, не должны обращать внимания на ученых вообще. А этот парень Эд Мэй самый злобный среди них. Когда осенью 1985 года я стал директором проекта, именно такое неприязненное отношение мне пришлось ощутить на себе во время многочисленных визитов в форт Мид.

Но чтобы судить о пудинге, надо сначала его отведать – всё проверяется на практике. Независимо от очевидных недостатков, если люди, которые обучались с использованием этих методик, могли бы успешно осуществлять разведывательные мероприятия, тогда моя гипотеза неверна.

Однако, пока в 1984 году Джо Мак-Монигл не ушёл в отставку, почти весь успех разведки зависел или от него лично, или был связан с именами шести первоначально отобранных для проведения сеансов дальновидения людей, и очень мало успешных сеансов показывали люди, обученные Инго. После отставки Мак-Монигла показатели успеха резко упали, да и эти немногочисленные успешные сессии были связаны с такими людьми, как Анжела Форд, которая никогда не обучалась у Инго.

Было много неприятных последствий, спровоцированных антинаучным направлением, которое культивировалось в форте Мид. После того, как подразделение было учреждено, армия, а потом и Разведывательное Управление заплатили Стэнфордскому Институту и Международной Корпорации Прикладных Наук миллионы долларов США, чтобы провести исследования, направленные на улучшение качества ЭСВ подготовки в форте Мид. Мы это сделали, и с академической точки зрения достигли существенного продвижения в понимании особенностей работы с ЭСВ. Вот один из многочисленных примеров.

**

Начиная с 1986 года, Воздушные Силы США были исключительно заинтересованы в том, чтобы изучить возможности дальновидения в предоставлении полезной информации о системах оружия направленной энергии. Чтобы проверить эту идею, они заключили с нами контракт для исследования этого вопроса в трёх экспериментах, которые надо было провести в течение трёх лет, по одному в год.

Как всегда наша сторона использовала двойной слепой протокол, то есть никто из тех, кто знал что-либо о потенциальной цели или даже был знаком с клиентом, не имел права взаимодействовать с экстрасенсами. Сессии проводились следующим образом. Нам обычно давали номер карточки социального страхования человека, которого никто из нас никогда не видел. Кроме того, нам говорили, что в

определенный день этот человек будет где-нибудь в континентальных Соединенных Штатах. Я, как директор проекта, знал, что цель будет представлять собой систему направленной энергии некоторого вида, но и я не был в курсе каких-либо специфических особенностей этой цели.

Так, в указанное время доктор Невин Ланц, психолог нашего проекта и активный исследователь, в 12 часов ночи давал задание экстрасенсу и повторял его каждые восемь часов, вплоть до полуночи следующего дня. Задача была проста: описать среду, где находился человек, которому принадлежал номер социального страхования. Ничего из ряда вон выходящего, нового или особо изобретательного.

Однако анализ результата был прорывом не только для лабораторных исследований. Если использовать этот опыт должным образом, то его легко можно было приспособить к реальному миру экстрасенсорной разведки. Я не буду приводить здесь математически сложные расчеты, скажу только, что концептуально идея весьма проста.

Прежде чем начать сессию с любым клиентом, я работал с ним, чтобы определить три категории вещей, которые они хотели знать о цели. Первая и основная категория – это функция цели: для чего она была предназначена. В одной только этой категории Воздушные силы США обозначили пять-шесть различных пунктов, в которых они были заинтересованы. Вторая категория касалась физических отношений – к примеру, орудие находится под зданием, возле которого стоит грузовик. Было около 10 таких пунктов. Наконец, определился довольно длинный список вещей, которые они хотели бы получить от традиционного дальновидения.

Так, во время сессии представители Воздушных Сил США заполняли таблицу для каждого пункта по всем трем категориям, характеризующим цель, и оценивали, насколько точно соответствовал описанию намеченной цели каждый элемент, «увиденный» экстрасенсом. После ЭСВ сессии аналитик, который был «слепым» по отношению к цели и списку пунктов, заполнял ту же самую таблицу, но уже относительно того, присутствовал ли каждый из этих пунктов в его ЭСВ ответе.

Вооруженный обеими таблицами – одной с характеристиками намеченной цели, а другой с ответами экстрасенса, компьютер приступал к обработке информации.

Хотя это был математический анализ, известный как анализ размытого множества, компьютерные вычисления выявляли три простые идеи. Во-первых, в процентах определялась *точность* эксперимента – насколько правильно экстрасенс смог определить атрибуты цели, заранее указанные представителями ВВС. Во-вторых, просчитывалась *надежность* эксперимента, которую вычисляли по проценту, определяющему, насколько правильно была указана цель; и, наконец, третий показатель – *коэффициент качества*, который определялся как суммарный результат точности и надежности.

Таким образом, получить высокий коэффициент качества значило для экстрасенса как можно точнее описать предполагаемую цель и её местонахождение, но самым лаконичным образом. Получив намёк, пусть даже в случайной реакции, можно и в отсутствие каких бы то ни было экстрасенсорных способностей дать правильный ответ. Мы в лаборатории использовали грубое эмпирическое правило, утверждающее, что 1/3 любого участка может быть описана примерно 1/3 любого вида ответов.

Я опишу только один из трех успешных примеров: был такой «Проект Роза» – очень высокочастотное, микроволновое устройство большой мощности в пустыне Нью-Мексико в Национальной Лаборатории Сандия. Джо Мак-Монигл был на этом испытании в качестве экстрасенса. В этой сессии ВВС поставили тогда собственные оценки точности, надежности и коэффициента качества соответственно 80%, 69%, и 55%. Имейте в виду, что перед сессией предполагали, что эти параметры не должны превысить 33%, 33%, и 11%, соответственно, т.е. процент оказался намного выше предполагаемого. Думаю, рисунок 6 на вкладке и чертёж впечатлят вас ещё больше.

Исходя из моего тридцатилетнего опыта изучения ЭСВ, этот случай был одним из самых успешных. Если бы это была разведывательная операция, у независимого аналитика не было бы вообще никакой проблемы в идентификации некоего микроволнового устройства как цели. Рисунки фигуры справа ясно показывают легко опознаваемые элементы, такие как волновод и микроволновый рожок. Джо пошёл дальше, он предположил, что это устройство было куда-то вставлено и использовалось как некий испытательный вычислительный блок. И на самом деле,

оно излучало микроволны на электронное оборудование, чтобы проверить их чувствительность к высокой радиации.

Для меня, однако, высшим пилотажем является рисунок в верхнем левом углу фигуры. Джо не только точно описал всё, что там находилось, но ещё и указал распространение радиации, которая соответствовала известному углу луча устройства.

Мои акценты во всех этих деталях важны. Мы разработали систему анализа с потенциалом, позволяющим операционному аналитику, рассматривающему разведданные, полученные ЭСВ путём, оценить результаты в количественных показателях. Вместе с более традиционными методами сбора разведданных, Вооруженные Силы могли теперь весьма точно оценить, стоит ли инвестировать денежные средства в эту проблему.

**

У нашей группы есть многочисленные примеры лабораторно проверенных исследований, которые при использовании армией могли бы увеличить эффективность деятельности разведчиков-экстрасенсов в форте Мид, но, к сожалению, на нас смотрели просто как на научных умников из Калифорнии, которые понятия не имеют о реальном мире сбора разведданных!

Вскоре после того, как правительство закрыло подразделение в форте Мид, Конгресс потребовал, чтобы они прислали в ЦРУ все свои отчеты. Человек, который потом занимался этими пакетами, впоследствии сообщил мне, что многие из наших отчетов о научно-исследовательской работе не были даже распечатаны! Вот ещё одно губительное последствие отравленного источника, своеобразного заговора против научных исследований!

К сожалению, есть еще один пример нераскрытых пакетов. В последние дни существования подразделения форта Мид в ЦРУ было отправлено около 35 запечатанных коробок, чтобы Агентство могло провести предписанную Конгрессом проверку программы «Звёздные Врата». И в засекреченной, и в несекретной версии сообщения, которое ЦРУ послало Конгрессу, было написано,

что *результат тщательного изучения отчетов программы «Звёздные Врата»* таков: дальнейшая поддержка проекта вооруженными силами и сообществом разведки нецелесообразна.

Два года спустя после появления этого отчёта ЦРУ, двое моих коллег, один из которых служил в Разведывательном Управлении, а другой в Пентагоне, получили официальный доступ к кабинету в ЦРУ, в котором хранились коробки с нашими отчётами. И что же вы думаете? НИ ОДНА из них никогда не открывалась – все так и простояли запечатанными! Вот вам тщательный и всесторонний обзор материала по запросу американского Конгресса! Так как мой знакомый из Разведывательного Управления помогал паковать коробки, то смог сразу определить, какие надо вскрыть, чтобы найти неопровержимые доказательства примеров сбора экстрасенсорных разведанных, которые были не просто успешными, но и внесли ценный вклад в решение насущных армейских проблем. Таким образом, прежний Директор ЦРУ и нынешний Министр Обороны США Роберт Гэйтс *преднамеренно лгал* в телевизионной программе новостей *Ночная Линия* в 1995 году, говоря:

«Могу сказать, что за эти 20 или 25 лет, когда я, в силу своего положения, должен был знать всё о проекте ЭСВ, я не могу назвать ни единого зарегистрированного случая, где этот вид деятельности сколько-нибудь существенно повлиял на политическое решение или хотя бы способствовал получению политическими деятелями важной информации».

Это утверждение абсолютно ложно, и директор Гэйтс знал это, как знал и то, что известно сейчас и мне: его информировали о положительных примерах использования ЭСВ. Фактически, моя роль в этом эпизоде *Ночной Линии* заключалась в том, что я должен был выступать оппонентом директору ЦРУ Гэйтсу. Но многие из моих комментариев, опровергающих его слова, были попросту вырезаны в заключительном монтаже программы. Я пошёл на эту программу, несмотря на то, что моё руководство в Международной Корпорации Прикладных Наук приказало мне не ходить на это шоу. Как я уже говорил, мне даже угрожали, что ЦРУ и адвокаты Международной Корпорации Прикладных

Наук будут смотреть программу и брать на заметку все возможные нарушения, которые я допущу в своей речи.

Сожалею, что моё повествование принимает такой уклон, и я вынужден говорить о невежестве и неумелом руководстве проектом, неприятии того, что, несомненно, могло стать ценным ресурсом в арсенале инструментов сбора разведанных. Но главное моё разочарование вызвано последствиями такого отношения.

Одно из упоминавшихся отрицательных последствий – в Интернете на каждом шагу рекламируются этически спорные курсы обучения дальновидению, которые организуют бывшие сотрудники форта Мид, военные и гражданские, совершенно с научной точки зрения не подготовленные к этой деятельности, обладающие низким уровнем знаний и тренинга. Эти курсы обещают, что сессии, проводимые по методике Инго Сванна, превратят обучающихся в опытных дальновидящих. Но это обучение страдает всеми теми фатальными недостатками, которые я описал выше. Кроме того, Джо и мне, пришлось отвечать на весьма неприятные телефонные звонки от клиентов этих, по сути мошеннических предложений. Эти люди жаловались, что заплатив деньги и пройдя полный курс обучения, они не могли показать никакого дальновидения, когда пытались провести сессии самостоятельно дома перед своими близкими.

Намного более важным последствием, однако, является тот факт, что американское правительство не использует экстрасенсорную разведку как дополнительную помощь в необходимом сборе разведанных в наше время разгула терроризма. Относительно того, почему так произошло, на ум приходят три причины. Первая и, вероятно, самая важная – то, что ярые «приверженцы» ЭСВ в подразделении форта Мид насаждали настроения ожидания стопроцентной истинности получаемой экстрасенсом-разведчиком информации, что не соответствовало реальности. Такое отношение снова отсылает нас к господину Сванну и его неконтролируемому обучению военного персонала и служащих Разведуправления. Несбывшиеся ожидания – верный способ убить проект. Что и произошло с нашим.

Другая причина того, что сегодня так мало используются экстрасенсы – тот факт, что сейчас ушли в отставку те немногие храбрые и преданные правительству люди,

включая сенаторов, конгрессменов, директоров спецслужб и депутатов парламента, которым иногда приходилось ставить под угрозу свои репутации и должности, чтобы защитить нашу деятельность.

**

И наконец, об антитеррористической контрразведке, которая является сейчас самой главной тактической необходимостью. Этот род деятельности никогда не был нашей сильной стороной, в отличие от сбора стратегических разведанных. Например, мы ясно показали, что использовать ЭСВ для поисков наркотиков не так эффективно и успешно, как использование ЭСВ для определения местонахождения оружия, содержащего плутоний. Но в этом отношении у нас были очень обнадеживающие успехи. Однако, в разведывательном сообществе США наше предложение по антитеррористической контрразведке не получило никакого отклика. Ни я, ни Мак-Монигл, даже при полной поддержке руководителя развернувшейся позже в России программы по дальновидению генерала Савина, не смогли убедить высшие звенья в нашем разведывательном сообществе сделать хотя бы маленький шаг в этом направлении.

Имея одобрение генерала Савина и его согласие на международное сотрудничество в области ЭСВ, я написал детальный отчет о нашем визите в Москву в 2000 году. Позже я смог лично вручить этот ошеломляющий отчет Командующему Разведывательным Управлением адмиралу Томасу Вилсону. В отчете подробно рассказывалось о главных игроках российской экстрасенсорной программы, об их позициях в цепочке русской военной разведсистемы, а также давалась информация о способностях русских экстрасенсов и их успехах. Позже я получил возможность донести до адмирала Вилсона предложение генерала Савина о создании совместной американско-русской программы по использованию экстрасенсов в решении нашей общей проблемы – борьбе с терроризмом. Но из этого так ничего и не вышло. Печально...

У меня есть опыт двадцатилетнего взаимодействия с различными структурами Конгресса, американского правительства, исполнительной власти, разведывательного сообщества и других военных структур США. Кроме того я

имел честь встречаться и работать со многими чрезвычайно способными и умными людьми, которые понимали нас, помогали нам и спорили с нами, что тоже приносило пользу, показывая нам достоинства и недостатки нашей программы. В результате я абсолютно убеждён, что при правильных обстоятельствах правительственная программа эффективного использования ЭСВ, может быть осуществлена.

В каком-то смысле вина в развале 20 летнего проекта «Звёздные Врата» лежит на всех нас: и на правительственных чиновниках, и на гражданских служащих, и на подрядчиках. Мы оказались не в состоянии наделить законным статусом деятельность, связанную с ЭСВ. Проблемой оказалась и система работы по контракту. Личностно независимая деятельность – это не всегда хорошо. А что если в силу форс-мажорных обстоятельств и непредвиденного хода событий горстка талантливых экстрасенсов, исследователей, и менеджеров прекратят работу и уволится? Работы по ЭСВ сразу же прекратятся.

Не нужно учреждать специальное подразделение, как это было сделано в форте Мид. Гораздо важнее просто определить, как можно наиболее эффективно использовать ЭСВ в разведывательном сообществе. В отличие от того, что случилось в форте Мид, нужно устанавливать цели так, чтобы было заранее определено, что каждый конечный пользователь будет считать успехом эксперимента. Мы знаем много слабых и грязных программ, они есть у любого правительства любой страны. Но я действительно уверен, что всегда можно выстроить гарантии против загнивания и некомпетентности таких программ.

Мы должны собрать в специальный проект группу скептически настроенных, но непредубежденных ученых для исследования и использования ЭСВ и установить яркое и плодотворное сотрудничество с правительством, чтобы не зависеть от типично академического окружения, где всё изучается в косном университетском стиле. Ещё лучше создать совместную международную программу или международный центр, где могли бы быть задействованы талантливые учёные и организаторы из разных стран, для того чтобы общими усилиями выработать единую программу привлечения экстрасенсов к решению антитеррористической и других важнейших задач, с которыми нам приходится сталкиваться сегодня.

ЧАСТЬ 3

Военная экстрасенсорика: Восток

Глава 7

КГБ и экстрасенсорика

Что же происходило в 70-80-е годы на другом «экстрасенсорном полюсе» – в Советском Союзе?

КГБ периодически сотрудничал с экстрасенсами, но в самом КГБ группы экстрасенсов не создавались. Даже если такая мысль и появлялась у кого-нибудь из руководства КГБ, никто так и не решился поставить под удар свою карьеру, официально предложив подобную программу из-за её явного «идеалистического уклона». Поэтому сотрудничество КГБ с экстрасенсами всегда, вплоть до конца 80-х годов, носило более-менее эпизодический характер. Это бывала инициатива отдельных начальников по какой-нибудь конкретной оперативной необходимости, чаще всего для раскрытия преступлений.

К разработкам психотронного оружия и проводившимся военным экстрасенсорным исследованиям КГБ имел лишь косвенное отношение в плане обеспечения их секретности. Сами же разработки делались в закрытых исследовательских учреждениях, принадлежавших разным ведомствам, чаще всего Министерству оборонной промышленности или Министерству среднего машиностроения. Решения о проведении таких исследований и разработок делались директорами этих предприятий или генеральными конструкторами, иногда с поддержкой руководителей подразделений соответствующих министерств. Но единой программы экстрасенсорных исследований, как и единой программы создания психотронного оружия, в СССР не было и не могло быть. Такая единая программа потребовала бы утверждения высшими идеологами из ЦК КПСС, что для «идеалистической» парапсихологии было совершенно невозможно. Ярким примером, показывающим эту ситуацию, может быть рассказ полковника Вячеслава Звоникова, доктора медицинских наук, в те годы работавшего в Институте Авиационной и Космической Медицины:⁴⁰

⁴⁰ Специальное интервью профессора Вячеслава Звоникова для этой книги.

«Помню, в начале 80-х годов мы проверяли психотронный генератор. Один учёный, назовём его Юрий Николаевич, собрал людей, и его команда сделала очередной прибор такого типа. Они очень хотели проверить свой психотронный генератор в работе в рамках строго научного испытания. Для таких целей найти экспериментальную базу было очень трудно, и Юрий Николаевич пришёл к нам в институт с просьбой, потому что у нас были хорошие тренажёрные стенды. Мы посмотрели на прибор и решили, что надо помочь, но, конечно, втихую. Договорились частным образом с одним из наших испытателей. Ему дали стандартное тренажёрное полётное задание. А чем хорош тренажёр: с него можно снимать все физиологические показатели и объективизировать все движения органов управления на «взлёте», при «исполнении фигур» и при «посадке». Всё это записывалось, снимались параметры, и, кроме того, делался анализ крови до и после «полёта».

После эксперимента мы проанализировали все его результаты. Никаких отклонений в поведении пилота-испытателя не было, хотя психотронный генератор был включен. Вроде бы напрашивался вывод: если навыки и функциональное состояние пилота устойчивые, подобные генераторы не будут влиять на исход эксперимента.

Однако это было не всё. Поведенческих изменений у испытателя не было, но были внутренние изменения: на воздействие психотронного генератора среагировала аппаратура электро-akupunkturной диагностики по Фолю. Но самое интересное, что среагировала кровь, причём произошли резкие изменения: в три раза изменился уровень лейкоцитов. Думаю, если бы мы ещё подождали, сделали «полёт» более длинным и подержали пилота под воздействием генератора подольше, то уверен: отклонения в его управлении были бы.

К сожалению, эксперимент не удалось удержать в тайне от институтского начальства. Нам приказали написать заключение по поводу проведённых испытаний. Мы просили оставить эти сведения в стенах института, что нам и пообещали. Но не тут-то было. Дело дошло до ЦК КПСС, оттуда затребовали все бумаги о проведённых испытаниях. Мы вынуждены были эти документы передать, хотя понимали, что

испытания психотронного генератора явно шли в разрез с утверждённой тематикой нашего института. В результате всех подняли на уши: кто-то потерял должность, кто-то – премию, кто-то – очередь на квартиру. Ну а если наше начальство получило по полной программе, то и нам досталось не меньше».

И, тем не менее, количество разработок психотронного оружия было очень значительным. Многие секретные предприятия и лаборатории вытворяли кто во что горазд.

Чтобы яснее была ситуация в отношении военной экстрасенсорики, мы немного расскажем об общей атмосфере, в которой находилась парапсихология в СССР в 70-80-е годы. Конечно, КГБ следил за экстрасенсами. Их выявляли, им ставили условие, чтобы они не оказывали негативного воздействия на людей. Им «разрешали» проводить исследования и лечить, но предупреждали, что если они выйдут за рамки дозволенного, то к ним будут применяться соответствующие санкции. Увы, времена были советские, и за рамками дозволенного оказывались: индивидуальное предпринимательство (как получение денег за свою работу, сделанную в частном порядке), народные целительские практики (как незаконная медицинская деятельность), распространение нелегальной литературы (любой литературы, не изданной официально, т.е. практически всей литературы на тему парапсихологии), частные публичные лекции и многое другое. Жизнь экстрасенсов и исследователей-парапсихологов в эти времена была трудной. Слишком много было запретов, слишком легко было оступиться и нарваться на неприятности со стороны КГБ и властей. Что и случалось с большинством из них.

Характерным примером может служить дело Эдуарда Наумова. Он был одним из первых активистов возрождения парапсихологии в СССР в 60-е годы – одним из тех, кто огромным трудом проводил первые парапсихологические исследования на общественных началах, добивался у чиновников права читать лекции на эту тему и снимать фильмы, фиксирующие подлинность парапсихологических «чудес», он устанавливал контакты с зарубежными учёными.

Эта деятельность не нравилась властям, особенно раздражение у КГБ вызывали его несанкционированные контакты с заграницей. В 1974 году Наумов был арестован и осуждён на два года лагерей. Дело получило широкий общественный резонанс, в том числе и на Западе, хотя Наумов не был диссидентом в политических или социальных вопросах, он не критиковал систему и не подписывал писем протеста. Многие советские учёные и деятели культуры отмечали, что его фактически репрессировали за чтение лекций по парапсихологии и встречи с зарубежными учёными. Лондонская «Таймс» 18 ноября 1974 года поместила письмо, подписанное всемирно известными писателями и учеными Джоном Б. Пристли, Френсисом Хаксли, Робертом Харви и другими. Авторы прямо заявляли, что Наумова осудили за то, что он призывал к свободному и открытому изучению феноменов парапсихологии в единстве с иностранными учеными. Английские учёные и писатели призывали Москву пересмотреть обвинения, выдвинутые против Наумова, и выпустить его из лагеря.

Трудно сказать, сыграли ли какую-то роль протесты иностранных учёных или в СССР сработал какой-то внутренний политический механизм, но 9 апреля 1975 года Верховный суд РСФСР принял решение отменить приговор Наумова «за отсутствием в его действиях состава преступления». Однако преследование парапсихологов-энтузиастов этим не ограничилось. В те же годы была уволена с работы «за шарлатанство и чтение лекций несовместимых со званием преподавателя» экстрасенс Варвара Иванова. Она преподавала в Московском институте международных отношений (что было очень престижно), а в свободное время занималась исследованиями в общественной Лаборатории Биоинформации. Этот список можно продолжать и продолжать.

Одновременно по странному совпадению была закрыта и сама лаборатория. В 1975 году была также закрыта секция экстрасенсорных исследований при НТОРЭС им. Попова. В последующие годы эта секция то закрывалась, то возобновляла свою работу под разными именами и с разными руководителями. Среди других общественно-научных организаций работы по экстрасенсорике также проводились в Комиссии по биоэнергетике при ВСНТО СССР, в НТО Приборпром, в Московском обществе испытателей природы. Учёные всесторонне изучали

известных российских экстрасенсов Розу Кулешову, Нинель Кулагину и многих других. Всё это были чисто гражданские исследования, и мы не будем на них останавливаться. Однако об одной такой программе всё же нужно сказать, потому что в ней оказалось задействовано высшее руководство СССР.

**

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев к концу 70-х годов был очень плох. Возраст давал себя знать, да вдобавок ко всему Брежнев пристрастился к лекарствам, содержащим наркотики. Началось всё с вроде бы безобидного снотворного и закончилось тем, что Брежнев терроризировал своих врачей, заставляя выдавать ему «дозу». Старческая наркомания быстро превратилась в старческий маразм: Брежнев уже не мог не то что нормально работать, а даже нормально соображать и говорить. Но «верные товарищи» никак не хотели отпустить старика на пенсию. Его уход нарушил бы сложившуюся структуру власти, высшие партийные и государственные бонзы боялись за свои места. Врачи уже помочь не могли, нужен был чудотворец.

И он, то есть она появилась. Ею оказалась Джуна Давиташвилли, медсестра из Грузии. Она проводила экстрасенсорное лечение, быстро стала известна у себя в Тбилиси, и оттуда её направили в Москву. Джуна занялась лечением Брежнева, и тому вроде бы помогло. Леонид Ильич почувствовал себя лучше, несмотря на всю «идеалистичность» лечения. Тут даже марксизм-ленинизм вынужден был отступить. Последовали распоряжения ЦК, были выделены большие деньги, и одному из ведущих институтов Академии Наук – Институту Радиотехники и Электроники (ИРЭ) – было поручено определить механизм целительного воздействия Джуны, а заодно и изучить всю экстрасенсорику в придачу.

Крупных учёных, которые работали в ИРЭ, это задание не очень-то обрадовало. Но деваться было некуда, приказ партии надо было выполнять. Среди этой ложки дёгтя была и бочка мёда – великолепное финансирование, выделенное ИРЭ на эти исследования. Для изучения экстрасенсов была создана специальная лаборатория, и её руководителем назначен доктор физико-математических наук Эдуард Эммануилович Годик. В целом программу возглавил академик Юрий Васильевич

Гуляев (в те годы член-корреспондент, заместитель директора ИРЭ). Заинтересовался экстрасенсорикой и знаменитый академик Юрий Борисович Кобзарев.

Вряд ли когда-либо в СССР исследование экстрасенсов проводилось на более высоком научном уровне. Так, академик Гуляев основал в науке целое новое направление – акустоэлектроннику и впоследствии более десяти раз номинировался на Нобелевскую премию. На сегодняшний день в каждом телевизоре и каждом мобильном телефоне в мире работают устройства, основанные на его открытиях и патентах. Академик Кобзарев был основоположником советской радиолокации. В лаборатории работали студенты и выпускники Московского физико-технического института (Физтеха).

В процессе исследований физики обнаружили несколько вполне обычных механизмов явлений, которые казались экстрасенсорными. В отношении Нинель Кулагиной выяснилось, что у неё из ладоней выпрыскивался мелкими капельками гистамин, который образовывал в воздухе электрически заряженный аэрозоль. Затем эти микрокапли оседали на находящиеся вблизи объектах, что и объясняло способность Кулагиной двигать небольшие предметы, не прикасаясь к ним. Телекинеза здесь не было. Этот же гистамин вызывал лёгкий ожог у другого человека, рассеивал луч лазера и так далее. Все расчеты по величине заряда и концентрации сходились с наблюдаемыми эффектами. У Джуны Давиташвилли тоже никакой экстрасенсорики не нашли, её лечение достаточно убедительно объяснили воздействием тепла рук. Однако, были и другие экстрасенсы, такие как Юрий Харитонов, воздействие которых физики объяснить так и не смогли. Более подробно об этом можно прочитать в нескольких интервью академика Гуляева⁴¹ и в статье Александра Тараторина «Невыдуманная история экстрасенсов в России»⁴². В целом вопрос о механизмах экстрасенсорики так и остался открытым.

Казалось бы, ничего особенного. Причём здесь военная экстрасенсорика? Но дело в том, что работа лаборатории была полусекретной. С одной стороны, о ней хорошо знали: разговоры о «Джуне и Гуляеве» постоянно шли не только в студенческих

⁴¹ Например, в журнале «За науку», сентябрь 2007, стр. 56.

⁴² http://torin.vasaros.com/extrasens_nevidumannaja_istorija/nevidumannaja_istorija.htm

физтеховских общежитиях, но и среди всей московской интеллигенции. С другой стороны, отчёты о работе засекречивались. В результате на Западе знали о лаборатории Гуляева-Годика, но подозревали, что там ведутся военные экстрасенсорные исследования. Подозрения усиливались тем, что в ИРЭ действительно шло много секретных работ, у него даже было закрытое отделение в подмосковном режимном городе Фрязино. На самом же деле никакой военной экстрасенсорикой в ИРЭ не занимались, просто сказывалась советская привычка секретить всё подряд – и что нужно, и что не нужно.

В результате – очередной виток гонки «экстрасенсорных вооружений»: лаборатория Гуляева-Годика явилась одной из главных причин нового раунда финансирования экстрасенсорной программы США «Звёздные Врата». КГБ, по сути, к этому отношения не имел.

**

А теперь мы можем перейти к примерам реального сотрудничества КГБ с экстрасенсами. В 1974 году умер Вольф Мессинг. Но его артистический жанр – экстрасенс на сцене – не умер в СССР вместе с ним. В 1967 году начал выступления молодой талантливый экстрасенс Тофик Дадашев. Он оказался способен повторить все «психологические опыты» Мессинга и добавил к ним свои собственные оригинальные номера. В 1973 году в составе делегации Академии Наук СССР Дадашев участвовал в первом Международном конгрессе по исследованию проблем психотроники в Праге, где многие учёные признали его сильнейшим медиумом мира. Естественно, КГБ сразу обратил на него внимание и попытался привлечь к сотрудничеству. Дадашев согласился, но поставил условие, чтобы его помощь не была направлена против сограждан, не замешанных в уголовных преступлениях.

Мы начнём о нём рассказ с описания уникальной антитеррористической операции по освобождению заложников. Этот рассказ заслуживает быть приведённым в подробностях, поскольку это фактически первый случай в истории, когда способности экстрасенса были использованы спецслужбами для обезвреживания террориста, захватившего самолёт, да ещё с таким блестящим успехом!

30 марта 1989 года в Баку приземлился самолёт ТУ-134А, летевший рейсом из Воронежа и захваченный в пути террористом. На его борту находилось около 50 пассажиров и члены экипажа, все они оказались заложниками. Преступник (позднее было установлено его имя – Станислав Скок) утверждал, что в самолёте находятся два его сообщника и взрывное устройство. Под угрозой взрыва он требовал дозаправить самолёт, передать ему полмиллиона долларов (значительную по тем временам сумму) и возможность вылета в Пакистан.

В аэропорт срочно прибыл заместитель министра внутренних дел Азербайджана Виктор Баранников (впоследствии руководитель ФСБ России) вместе с председателем КГБ Азербайджана Иваном Гореловским и группой спецназа «Альфа». Далее мы хотим привести рассказы двух высокопоставленных офицеров КГБ, бывших участниками этой операции:

«Я – в то время подполковник КГБ Гусейнов Эльшад Вахаб оглы – работал начальником авиационного подразделения КГБ Азербайджанской ССР и самым непосредственным образом занимался вопросами антитеррористической защиты гражданской авиации на территории республики. Я в те годы возглавлял и готовил группу захвата КГБ Азербайджанской республики для борьбы с террористическими проявлениями на воздушном транспорте. Акцентирую ваше внимание на этом лишь для того, чтобы показать, что я пишу всё это не понаслышке, а как непосредственный участник тех событий.

...Преступник утверждал, что он не один, а имеет сообщников, и в багажном отделении самолета находится взрывное устройство, которое сработает автоматически, если он своевременно не заблокирует сигнал, подаваемый наручными часами. Он говорил, что у него в сумке на груди имеется пульт управления взрывным устройством. При этом он руки постоянно держал в сумке, якобы управляя этим пультом. От одного из членов штаба операции, а именно от Измоденова Александра Валентиновича, ныне генерал-полковника ФСБ России, который тогда работал начальником транспортного отдела КГБ Азербайджанской ССР, поступило предложение использовать возможности известного экстрасенса Тофика Гасановича Дадашева, находившегося в то время в

Баку. Тофик Дадашев приехал в аэропорт с сотрудником КГБ Азербайджанской ССР майором А. Курьяновым...»

Теперь мы передадим слово именно этому офицеру КГБ:

«Я, Курьянов Александр Алексеевич, ныне подполковник КГБ в отставке, был непосредственным свидетелем участия Тофика Дадашева в этой операции. В тот период я возглавлял группу по вопросам собственной безопасности КГБ Азербайджана. Около 10 часов вечера 30 марта 1989 года мне позвонил дежурный КГБ Азербайджана и сообщил, что в аэропорту находится самолет, который захватил неизвестный, и руководство КГБ Азербайджана решило привлечь Т. Дадашева к участию в операции по освобождению заложников. Рано утром за нами подъехала машина. В аэропорту нас встречал заместитель председателя КГБ Азербайджана ССР Садыхов Рафик Алиевич, который сообщил, что времени очень мало, буквально несколько минут. В здании аэропорта руководство штаба и командир группы «Альфа», герой Советского Союза, генерал-майор Карпухин Виктор Федорович попросили Т. Дадашева убедить террориста подождать до 11 часов утра, так как он сильно нервничал, и был на пределе, и угрожал взорвать самолет, при этом демонстрировал сумку, которая висела у него через плечо, и держал правую руку на часах, в которых, по его словам, был вмонтирован пульт взрывателя. Он выдвинул требование: заправить самолет и доставить крупную сумму валюты в долларах США и марках Германии. Такой суммы в местном госбанке в то время не было, и деньги должны были привезти из Москвы к 11 утра. Тофик Дадашев предложил вступить в контакт с террористом под видом сотрудника МИДа Азербайджана. Так как самолет был отогнан далеко от здания аэропорта, я подвез на служебной машине Т. Дадашева к хвосту угнанного самолета. Затем я вышел из машины, расстегнул плащ, поднял руки вверх, показывая террористу, что у меня нет оружия, и остался стоять рядом с машиной. Террорист поставил условие, чтобы «представитель МИДа» стоял в стороне в нескольких метрах от трапа самолета, чтобы сам Скок оставаться недосягаемым. Он выглянул на секунду в дверь самолета. Т. Дадашев приблизился к трапу самолета и что-то стал говорить террористу. Поскольку ветер дул мне в спину, я не слышал их разговора.

Через минуту, чуть больше, вдруг Тофик погрозил ему пальцем, я напрягся, так как любые неосторожные действия могли привести к ухудшению ситуации, но всё обошлось. После чего Тофик сел в машину и воскликнул:

– Саш! Ваши мне говорили, что у него бомба и сообщники, а я вижу, что это блеф. У него нет ни бомбы, ни сообщников!

Я, несмотря на нашу десятилетнюю дружбу и близкие отношения, ответил в тот момент, может быть, слишком официально, что всё то, что он уловил, мы доложим руководству штаба, и только они вправе принимать решения о проведении операции. В здании аэропорта при докладе нас обступило руководство штаба. Т.Дадашев коротко сообщил, что террорист блефует, у него нет ни взрывчатки, ни оружия. Виктор Карпухин высказал опасения, что Скок постоянно держит руку на часах. Как быть? Подумав несколько секунд, Дадашев посоветовал начать разговор со Скоком. По предвидению Дадашева, Скок задумается, попросит закурить, отнимет руку от часов, и тогда его нужно будет брать (хотя Т.Дадашев не знал, что Скок курит).

Всё произошло именно так, как предсказал Т.Дадашев. По окончании операции руководство и сотрудники группы «Альфа» разгорячённые, возбуждённые подходили к Тофику Дадашеву и искренне его благодарили.

Руководство КГБ Азербайджана написало представление на него в Президиум Верховного Совета Республики Азербайджана. Указом от 13 декабря 1989 года Тофик Дадашев был награжден высшей наградой – Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР «за успешное завершение операции по пресечению угона самолета, обеспечению безопасности пассажиров и обезвреживанию преступника».

Эти воспоминания мы приводим с разрешения их авторов. А сам Тофик Дадашев с улыбкой добавляет:⁴³

«Разговаривая со Скоком, я стоял от него на значительном расстоянии, более 25 метров. Мы говорили буквально пару минут, видел я только

⁴³ Специальное интервью Тофика Дадашева для этой книги.

силуэт преступника и его бороду, но дело было сделано – я увидел террориста и сумел "настроиться" на него. И главное, я высоко ценю мужество сотрудников КГБ, которые мне поверили и приняли моё предложение, хотя с их точки зрения это могло стоить некоторым из них карьеры или жизни. Дальше всё произошло молниеносно. В 11:00 террорист ещё угрожал взорвать самолет, а в 11:10 его уже ввели под руки в аэропорт, и командир группы "Альфа" Герой Советского Союза генерал Карпухин, обратился к мне:

– Докладываю: я сделал всё, что вы мне сказали. Он подпустил меня к себе, сам попросил сигарету, и в тот момент, когда он прикуривал, мы его взяли».

Участвовал Тофик Дадашев и в контрразведывательных операциях КГБ. Он продолжает:

«КГБ не раз привлекал меня к работе по выявлению иностранных разведчиков. Как-то в 1978 году меня попросили определить, не является ли английским шпионом один из туристов, прибывших в Москву. Сотрудники КГБ привезли меня в гостиницу "Россия". В холле уже находилась большая группа иностранных туристов, человек 150. Мои сопровождающие не знали подозреваемого, и мы просто прошли в бар, где нужно было дожидаться другого офицера КГБ, который должен был мне его указать. Пока мы шли через холл, несмотря на большое количество туристов и сутолоку, я сразу обратил внимание на человека с рыжими усами, сидевшего поодаль. Когда ожидаемый нами офицер КГБ подошёл, я, не дав ему начать, тут же сказал:

– Да, вы правы, это шпион. Там, в холле, сидит на диване, с рыжими усами и в светлом плаще.

Сотрудники КГБ рассмеялись:

– Мы планировали длительную операцию, готовились. А вы, Тофик, так нас всех без работы оставите! Да и Джеймсам Бондам тоже придется менять профессию!

Другая любопытная история вспоминается из середины 80-х годов. Как-то я работал в Баку и остановился там в гостинице вместе с моим

помощником, Валентином Саблиным. Пока днём в офисе я принимал людей, Валентин познакомился с двумя приезжими газовщиками из Сибири. Они быстро сообразили "на троих" и провели вместе весёлое время, опорожнив не одну бутылку. Когда я вернулся в гостиницу, Валентин познакомил меня с ними, заверив, что они – "отличные ребята и свои в доску". Пожимая им руки, я сказал:

– Я вижу, что один из вас – юрист глубинного бурения, другой – простой газовщик со знанием нескольких иностранных языков.

Наши новые приятели сначала глубоко поразились, затем рассмеялись:

– Да, Тофик, действительно, мы сотрудники КГБ. И действительно, один из нас юрист, а другой специалист по иностранным языкам.

Валентин сразу же отрезвел и побледнел:

– Боже мой, а я вам несколько часов травил политические анекдоты!

С юристом (его звали Саша) мы в дальнейшем подружились. Как-то мы сидели с ним в ресторане гостиницы, мне потребовалось выйти, и в коридоре я увидел двух людей, которые поразили меня. Они шли в один из номеров, и я проследил, в который. Затем я быстро вернулся к столику и сказал Саше:

– Я только что видел двух людей, один из которых – сотрудник КГБ, а другой – немецкий шпион!

Саша тут же позвонил куратору КГБ по этой гостинице, и тот сказал:

– Да-да, мы знаем. У нас стоит задача перевербовки этого шпиона, и наш сотрудник её выполняет. Так что всё в порядке, но спасибо за сигнал! И... всё ещё в голове не укладывается, что Тофик Дадашев определил это, просто взглянув на них!

Надо сказать, что приходилось мне не только ловить шпионов, но и спасать людей от ложных обвинений в шпионаже. В начале 80-х годов один физик из Дубны обратился в КГБ с заявлением, что его пытается вербовать журналист из Южной Кореи. Меня попросили проверить его. Около гостиницы «Москва» была назначена встреча этого физика и журналиста – предполагаемого шпиона. В момент их встречи меня

провезли мимо на машине. Я тут же сказал сопровождавшим меня сотрудникам КГБ:

– Корейский журналист не шпион! Этот физик просто морочит вам голову, надеюсь, что вы обратите на него внимание и дадите ему работу в КГБ, или ради каких-то ещё жизненных благ.

Мои слова затем подтвердились параллельной оперативной проверкой. Думаю, что КГБ предпринял соответствующие меры, и у этого физика в дальнейшем отпала охота возводить напрасные обвинения на людей ради собственной выгоды».

* *

В этот период 70-80-х годов спецслужбы старались привлечь к сотрудничеству почти всех известных экстрасенсов в советском блоке, по крайней мере, время от времени. Например, обращались они и к самой знаменитой предсказательнице 20 века – ясновидящей из Болгарии Ванге Димитровой. В основном это были болгарские спецслужбы, и лишь изредка некоторыми вопросами интересовался КГБ. Ванга, как правило, точно предсказывала развитие политических ситуаций, например, называла результаты будущих президентских выборов в США. В тех случаях, когда задаваемые вопросы были несовместимы с её моральными ценностями, она просто уходила от ответа, используя эзоповый язык.

В это же время сотрудничали с КГБ известные экстрасенсы Сергей Вронский и Владимир Сафонов. Об этом лучше расскажет генерал-майор Георгий Георгиевич Рогозин, бывший в 70-е годы офицером КГБ, а в 90-е ставший первым заместителем начальника Службы Охраны Президента. Генерал Рогозин прославился как «астролог и экстрасенс № 1» российских секретных служб. Пресса его также любит называть «серым кардиналом» и «правительственным магом», что, впрочем, остаётся на совести журналистов. Итак, генерал Рогозин вспоминает:⁴⁴

«С Сергеем Алексеевичем Вронским я познакомился в начале 70-х годов. Был я тогда молодым офицером КГБ, и мы вместе с несколькими

⁴⁴ Специальное интервью генерал-майора Георгия Рогозина для этой книги.

другими офицерами приезжали к известному экстрасенсу Владимиру Ивановичу Сафонову, чтобы решать специальные задачи, связанные с нашей профессиональной деятельностью. Там мы впервые и встретились. Сафонов представил Вронского довольно таинственно, и я ещё у дверей по его намёкам понял, что нам предстоит увидеть учителя самого Сафонова.

От Вронского, от его слов, от взгляда исходила доброта. Мы представились и попросили помочь нам. Он рассмеялся, сказав: «Я думал, мы будем с вами говорить о загадках Вселенной, а вы ко мне всё с какими-то спецзаданиями лезете». Вообще, он с юмором относился ко всему. После первой встречи с Вронским, дружеского общения с ним мы стали часто обращаться к нему по оперативным вопросам, касающихся спецслужб. Он помогал нам очень просто, быстро и спокойно.

Мне вспоминается одна поразительная ситуация, когда в нашем присутствии к Вронскому пришёл человек, искавший пропавшего племянника. Мы уже уходили, но Вронский, внезапно заволновавшись, попросил нас остаться. У посетителя был взгляд не столько пытливый, сколько бегающий. Вронский внимательно выслушал его рассказ о том, как пропал мальчик, и как они, родственники, все волнуются и ищут его. Посетитель ушёл минут через 15-20, а Вронский, повернувшись к нам, печально произнёс: «Это и был убийца». Он объяснил нам, что посетитель приходил с одной целью: узнать, есть ли для него опасность быть разоблачённым. Заканчивали эту историю уже мы, сотрудники КГБ. Этот человек был арестован, и проведено следствие. Вронский оказался прав: это и был убийца.

Мой интерес к экстрасенсорике, знакомство с Вронским – всё это первоначально возникло из практических оперативных соображений, потом уже пришли бытовые моменты. Нередко мы обращались к нему с вопросами медицинской диагностики, если возникали проблемы со здоровьем у нас или членов наших семей. Давали ему номер домашнего телефона, чтобы он поговорил с тем родственником, чьё состояние здоровья вызывало беспокойство. После краткого разговора Вронский мог не только поставить диагноз жене или ребёнку нашего сотрудника,

но и давал конкретные рекомендации, а также с помощью экстрасенсорных методов гармонизировал ситуацию вокруг человека, гармонизировал работу внутренних органов и систем на клеточном уровне, настраивал работу всей его энергетики.

Через некоторое время я узнал поразительную биографию Вронского. Не всё можно рассказать и сейчас, но несомненна роль Вронского во многих коллизиях советско-германских отношений до войны и во время её, в историях с Гессом и Роммелем. Он работал для немецкой верхушки, был напрямую связан с «Аненербе», оценивал возможности тибетских монахов, принимаемых на службу в СС. К его мнению в штабе Гитлера прислушивались, а он при этом работал на Советский Союз!

Сведения о том, что Сергей Вронский был генералом ГРУ, я не берусь комментировать. Для этого есть официальные представители ГРУ. Но то, что это была очень сильная личность, обладающая феноменальными способностями, отрицать нельзя.

Как же получилось так, что Вронскому при всех его уникальных способностях и заслугах разведчика, не удалось избежать сталинской лагерной мясорубки? Ведь его дар был нужен советской верхушке! Ответ очевиден: они испугались способностей Вронского, того, что он может использовать эти способности против них. Поэтому и засадили в сталинские лагеря, слава Богу, что не убили. Как следствие, у Вронского была некоторая замкнутость, нежелание близко подпускать к себе окружающий мир. Естественно, многие вещи, происходящие в стране, Вронский воспринимал с болью, но в то же время всё, что было вокруг него, не уничтожало его собственного «я».

Вронский принципиально старался заниматься больше астрологией, а не экстрасенсорикой, потому что уже по тем временам в экстрасенсорике мог вмешаться криминал, и Вронский отдавал себе отчёт, насколько это могло быть опасным. Современных приборов тогда не было, не было ни астрологических программ, ни автоматики – он всё делал вручную. Брал плацидус, эфемериды, градусы, минуты, секунды, сам расписывал каждый гороскоп, который ему заказывали. Дело было не в деньгах, это была внутренняя самореализация. Он утверждался, доказывал, что он на

правильном пути, хотя все вокруг называли это мракобесием и лженаукой.

Вронский находился под достаточно мощным давлением государственных структур. Это и понятно, учитывая его биографию и необыкновенные способности. Мы это понимали и старались не очень заглядывать в его личную лабораторию. Он вёл кружок, и в нём было много интересных людей, много молодёжи. Вронский не замыкался кругом старых знакомых, не чурался молодёжи, и это общение придавало ему силы. Он был специалист высокого класса, мог давать интересные оценки, принимать нестандартные решения, строить самостоятельные прогнозы, носящие достаточно искренний и независимый характер.

Такие люди, как Вронский, достигнув определённых рубежей, передавали свои знания, но только тем, кого хорошо знали и кому полностью доверяли. Со временем я тоже начал учиться у него. Как учитель, Вронский всегда всё детально объяснял, не скользил по поверхности знаний, а шёл вглубь проблемы. Он учил нас в основном астрологии. Но как-то мы сидели с ним, и я попросил поучить меня экстрасенсорике. Он дал мне задачу специфического экстрасенсорного характера. Я никак не мог её решить и отключился, созерцательно глядя перед собой. Наш последующий диалог запомнился мне на всю жизнь:

— Что так отвлечённо смотришь? — спросил Вронский.

— Нет у меня таких способностей, как у вас, — ответил я.

Он положил руку мне на голову, словно погладил, и сказал:

— Теперь есть.

И тут случилось нечто необъяснимое: я действительно увидел ситуацию, стали возникать образы, пошли картины. Так я сам стал экстрасенсом».

**

Как мы видим, сотрудничество КГБ с экстрасенсами в те годы действительно было эпизодическим. Однако на вопрос, была ли в СССР программа, подобная «Звёздным Вратам» в США, нельзя однозначно дать отрицательного ответа.

Например, похожая программа проводилась на острове Диксон под руководством Бориса Тимофеевича Литуненко, где операторы-экстрасенсы с помощью дальновидения изучали американские военные спутники, вплоть до деталей их конструкций.

Очень любопытным может быть факт, что при этом они использовали дополнительные технические средства, а именно радиолокаторы, для наведения ментального образа на конкретный спутник! Такой подход был бы совершенно необычен и необъясним для американских дальновидящих из «Звёздных Врат». Однако, результаты экстрасенсорной программы Литуненко были очень интересными, что подтверждалось независимыми данными традиционной разведки. Возможно, здесь также сказывался советский менталитет, требовавший присутствия каких-то «материальных» носителей информации. Хотя и не исключено, что руководитель проекта Литуненко просто использовал локаторы для отвода глаз – чтобы не иметь идеологических претензий к своей программе.

Обо всём этом поведаёт генерал-майор КГБ Николай Алексеевич Шам, занимавшийся в те годы в промышленной и научной контрразведкой, а позже возглавивший в КГБ всё направление по экстрасенсорике и новым технологиям:⁴⁵

«Работая в КГБ, я практически всё время находился на острие всего нового и передового. Но самая интересная тема, которой мне пришлось заниматься, оказалась связана с особыми свойствами людей, со свойствами, не вписывающимися в общее понимание человеческих возможностей. Мой интерес к этим вопросам сформировался во второй половине 1970-х годов. Как ни странно это может показаться, но столкнулся я с этой сферой вне своей основной работы.

Как-то, на вечеринке у друзей я познакомился с Юрием Владимировичем Носковым, инженером в области вычислительной техники, работавшем в Новосибирске. В процессе беседы он рассказал о своих экстрасенсорных способностях в медицинской диагностике и продемонстрировал это, точно определив медицинские проблемы присутствующих при нашей

⁴⁵

Специальное интервью генерал-майора Николая Шама для этой книги.

беседе людей. У него были также мощные целительные способности: он пасами снимал боль и сердечные приступы, лечил многие болезни, занимался также целебными травами и настоями. Я решил его ввести в ракетно-космическую сферу и познакомил с Валентином Петровичем Глушко, руководителем НПО «Энергия», генеральным конструктором космических кораблей.

Глушко принял его на работу, и Носков начал заниматься у него диагностикой, следил за здоровьем сотрудников. Результаты были столь впечатляющими, что Глушко начал думать об использовании подобных экстрасенсорных энергий в оборонных целях и решил создать специальную лабораторию для разработки качественного нового космического оружия. Идея заключалась в выводе в космос специальных генераторов для усиления экстрасенсорных энергий и воздействия ими на определённые ареалы на Земле. Но в результате внутренних интриг НПО «Энергия» этот проект возглавил другой экстрасенс, а Носков оказался не у дел. Он ушёл из программы и занялся проектом «Триада» – связью с использованием космических ретрансляторов, дававшим до 12 миллионов пар разговоров в минуту. Глушко потерял человека, столь тщательно контролировавшего его здоровье, и вскоре умер от неожиданного сердечного приступа.

В середине 80-х годов я перешёл в 6 Управление, где начал заниматься промышленной контрразведкой, борьбой со шпионажем в технической и научной сферах. Здесь работа всё больше начала сталкивать меня с людьми, занимающимися нетрадиционными вещами. Прежде всего, хочется остановиться на фигуре Александра Деева, с которым связан термин деполе (поле Деева). К нам в КГБ поступила информация, что какой-то изобретатель в Москве сконструировал стеклянный шар, в котором сконцентрирована гигантская энергия, настолько гигантская, что если герметичность этого шара нарушится, от Москвы ничего не останется. Отнесли мы к этому, как к фантастическим слухам. Но проверять всё равно надо. Нашли изобретателя – Деева. Когда побывали в его частной лаборатории, то шара не нашли, но ужаснулись от количества и вида аппаратуры, которая там была. Все конструкции временно конфисковали, и в оперативно-техническом подразделении

мужики месяц пытались разобраться, что же это такое. Пришли к выводу, что там просто какая-то чепуха, глупость, энергетическая составляющая приборов как у батареек. Аппаратура тоже ничего не фиксировала, короче – халтура.

Я же решил сам исследовать все материалы, связанные с Деевым. Обнаружили кассету, на которой Деев проводит эксперимент с очищением воды в Днепропетровской области. А под Днепропетровском находится мощнейшая нефтебаза. Рядом с этой нефтебазой идут гигантские каналы с толстым слоем нефтепродуктов, типа мазута. Деев говорит, что он за 30 минут всё очистит. Основной генератор находится в Москве, у него с собой на месте эксперимента только маленький портативный прибор. Чистку он намеривался делать по фотографиям, панорамным съёмкам. Начинается эксперимент. Деев показывает штамп, который разлагает мазут. Рядом стоит пластмассовая бутылка с загрязнённой водой из каналов. Включаются оба генератора: на месте загрязнения портативный, в Москве мощный. Деев насыпает порошок в бутылку, вода там становится чистой, без примесей мазута. Через полчаса вода в каналах становится такой же чистой в Днепропетровске. Только на одном снимке плавает резиновая шина, на которой остался слой мазута.

Дальше я нашёл материалы, связанные с особым воздействием, связанным с переносом геометрического образа на материальный носитель. На одной фотографии показан большой куст с широкими листьями. На другой фотографии фигурки: звёздочки, окружности, треугольники. И тут же результаты эксперимента – при воздействии генератора на листьях живых кустов образовывались дырки в виде фигурок, находящихся рядом с генератором. Масса материалов была также связана с изменением радиационной активности с помощью этих средств. В графиках было показано, как после непродолжительной работы генераторов падают показатели уровня радиации. Деев еще работал с энергиями, вызывающими явление полтергейста, с барабашками, как тогда у нас говорили. Он старался их использовать и достиг определённых результатов.

Чем больше я изучал материалы Деева, тем больше убеждался, что это не жульничество, как решили в Главном Управлении КГБ. Я начал тщательную проверку средствами своего отдела и убедился, что у Деева всё было реально. Правда, он сам полностью не понимал природы этих явлений. Проблема же специалистов КГБ состояла в том, что Деев работал со слабыми полями, которые ничем не мерялись, и традиционная измерительная аппаратура их просто не могла фиксировать. Позже я познакомился с самим Деевым и представил его руководству КГБ и Министерства обороны. Было решено провести серию экспериментов.

Начали с масштабного эксперимента по воздействию генератора Деева на бронетанковую технику. Собрался генералитет, был выставлен полностью оснащённый танковый батальон. Суть эксперимента состояла в том, можно ли одновременно вывести из строя все двигатели. Всё сработало на сто процентов, успех был настолько оглушительный, что я ожидал создания целого нового направления в оборонной промышленности. Но к моему глубокому изумлению никакого развития эта тема не получила, реакции генералитета не было. То есть реакция была, но она оказалась негативной. Выяснилось, что у генеральской верхушки был свой интерес: «чем дороже, тем лучше». У военно-промышленного комплекса есть своя политика, им нужно было высасывать деньги из бюджета, а Деев предлагал слишком дешёвые технологии, не позволявшие пользоваться бесконтрольно государственной кормушкой. В результате все контакты с Деевым были прерваны.

Справедливости ради надо сказать, что у Деева далеко не всё получалось. Как-то я пытался помочь двум нашим сотрудникам, у которых начался скоротечный рак после участия в ликвидации аварии на Чернобыльской АС. Врачи были уверены в полной безнадёжности дела, но Деев утверждал, что его генераторы дают положительный эффект при раке. Я его спросил:

– Можешь вылечить ребят?

Он уверенно ответил:

– Конечно, смогу!

И не вылечил, ребята умерли. Нельзя делать такие безапелляционные заявления. Даже если Деев и мог разрушить опухоль своими генераторами, то ещё большой вопрос, как организму справиться с этой интоксикацией, хватит ли сил вывести все эти яды. Я был свидетелем многих случаев, когда экстрасенсы лечивали рак, но всегда это тяжелейшее дело, требующее колоссального труда и времени. Излишнее самомнение Деева и не всегда обоснованная уверенность в универсальности его методик тоже сыграли свою роль в подрыве доверия к разработкам этого изобретателя.

Все эти эксперименты, многим из которых я сам был свидетелем, убедили меня в существовании физических полей и принципов, ещё не изученных современной наукой, но вполне реальных и пригодных для практического использования. Эти поля и принципы связаны как с физическим миром, так и с психикой, то есть могут взаимодействовать и с тем, и с другим.

В это время я познакомился с ещё одним экстрасенсом – Валерием Валентиновичем Кустовым. На этот раз встреча была вызвана чисто оперативной необходимостью. Дело было так. В 1985-86 годах произошло два чрезвычайных происшествия, очень необычных для оборонной промышленности тех времён. В течение небольшого промежутка времени были убиты два высокопоставленных чиновника из этой отрасли. Первый – генеральный конструктор КБ среднего машиностроения в Самаре Игорь Бережной, занимавшийся лазерным оружием. Ему под видом коробки с лекарствами передали взрывное устройство. Он погиб в машине по дороге в аэропорт, когда вскрыл эту коробку. Ему разворотило все внутренности, и он умер на месте. Нам было поручено вести оперативное расследование по поиску злоумышленников. Убийство столь высокопоставленного, столь засекреченного и охраняемого лица было совершенной неожиданностью в нашей работе, раньше КГБ с таким не сталкивался.

Мы начали расследование, но не успели ещё выделить главную версию, как неожиданно убивают главного инженера НПО «Астрофизика»,

сверхсекретного КБ в Подмоскowie, тоже связанного с лазерной тематикой. Его вместе с любовницей зарезали в собственном доме. Кошмар! Естественная мысль: какая-то из иностранных разведок начала серию диверсий против создателей советского лазерного оружия. И это – в центре СССР! А генеральным директором НПО «Астрофизика» был сын маршала Устинова, тогдашнего Министра Обороны. Сверху пришли самые жёсткие команды, были брошены колоссальные силы, отрабатывались все версии, привлекались все самые сложные технические средства. Вскрыли разные правонарушения, алмазные дела, цеховые разборки, но никак не могли найти реальных зацепок. Одним словом, мы не пришли ни к каким результатам – тупик.

Неожиданно на одном из совещаний ребята из Ростовского управления КГБ сказали, что у них есть человек, который может видеть прошлое и предсказывать будущее – Валерий Кустов. Соблюдая конспирацию, мы встретились с ним в специально снятом номере гостиницы Россия. И надо сказать, при встрече с ним я был потрясён. До той поры я не видел демонстрации экстрасенсорных возможностей такого уровня. Кустов сел в дальний угол комнаты, мне предложил сесть в противоположный угол. Поднял руку и сказал: «Сейчас я начинаю на вас воздействовать». На расстоянии 5 метров я почувствовал мощный поток энергии, идущий в лицо, было такое впечатление, что в меня бьёт струя воздуха. Он сделал лёгкое движение рукой, и поток немного сдвинулся, переместился в другую точку. Я ощущал излучение, идущее из его руки. Потом он развёл руки, и я при дневном свете явственно увидел, как из его кончиков пальцев идёт излучение, видны яркие энергетические полосы. В другой раз я пролил на ногу кипяток, всё вздулось – ожог 1-й степени. Нога вспухла, страшные пузыри, жуткая боль. За два сеанса по три минуты он снял мне все признаки сильнейшего ожога, не осталось и следа. После его посещения я поехал на работу, а после работы разбинтовал ногу и ахнул: ожога не было! Кстати, несколько позже, уже в 90-е годы на телеэкраны вышел документальный фильм «Феномен инженера Кустова» – как раз про этого удивительного человека, обладающего феноменальными способностями. Сейчас он живёт в Ростове, работает в клинике, занимается лечением.

Так вот, Кустов начал работать по раскрытию этих преступлений. Мы были готовы ко всему: от действий иностранных разведок до внутренних террористических заговоров в духе сталинской паранойи. Однако Кустов сказал, что ничего такого не видит. По его мнению, оба преступления были бытовыми. Мы не поверили, и преступления так и не были раскрыты. Но через несколько лет я встретился с одним из друзей Бережного, припомнил эту историю и рассказал ему о нашем фиаско. Тот поразился: «Вы не узнали, кто убийца? Да у нас в конструкторском бюро это вообще секретом не было! Всё предельно просто: ревность».

Он рассказал, что Бережной завёл интимные отношения со своей секретаршей, воспользовался, так сказать, служебным положением. А у неё был патологически влюблённый в неё кавалер. Он и стал в едином лице и заказчиком, и исполнителем преступления. Такого элементарного объяснения КГБ допустить просто не мог, мы даже не отработывали такие простые бытовые версии. Уж слишком сильно жертва была связана с высшими государственными секретами. Мы сами отворачивались от подобных объяснений, искали действия иностранных разведок или террористов. Но оказался прав Кустов. Для второго преступления тоже открылось простое объяснение. В НПО «Астрофизика» была завершена тема по созданию белого лазера. Работа была проведена колоссальная, получены замечательные результаты, а главный инженер, который даже не участвовал в этом, оформил патент на себя. Один из настоящих создателей белого лазера сказал: «Я ему этого не прощу». И не простил, произошло убийство. Вот так, в расследовании этих преступлений экстрасенсорика дала лучшие результаты, чем весь следственный аппарат КГБ.

В результате у нас начала вырисовываться схема оперативной экстрасенсорной работы. Должно быть несколько человек-экстрасенсов, работающих независимо друг от друга над одной поставленной задачей, и единый аналитический центр по обработке идущей от них информации. Операторы входят в информационное поле, добывают информацию, она тут же фиксируется. Потом всё идёт к аналитику, который сравнивает куски информации, ищет совпадения. Затем нужно срочно проводить мероприятия по проверке полученных данных и

выявленных совпадений: проверять новые адреса, телефоны, лица, фигурантов по делу. Раунд за раундом, шаг за шагом получается полностью законченный цикл, когда становится понятно, решена ли задача, раскрыто ли преступление.

Мы также пытались исследовать методику ухода в прошлое, но всё это было фрагментарно, серьёзного планомерного исследования организовать не удалось. Были энтузиасты, но много было и скептиков, которые делали невозможным системную работу в этом направлении. Создавалась атмосфера отчуждения, чувствовалось, что в воздухе витали мысли, что у тех, кто предлагает этим заняться, поехала крыша.

Среди направлений, аналогичных экспериментам по дальновидению в американской программе «Звёздные Врата», мы разрабатывали комбинированную психо-физическую методику снятия информации с удалённых объектов с помощью управляющих команд по радиоканалам. В частности, проводились эксперименты по перемещению фантома человека в космос. Занимался этим Борис Тимофеевич Литуненко, он был очень этим увлечён. Эксперименты ставились на острове Диксон. Мы брали оператора, помещали его на радиолокатор, после чего он мысленно перемещался к космическому объекту, чаще всего к одному из американских военных спутников, и давал его описание. Информация снималась разными операторами по разным лабораториям и затем сравнивалась. Результаты были весьма интересными, что подтверждалось данными разведки. Однако, специального подразделения, которое постоянно занималось бы парапсихологическими исследованиями и экстрасенсорной оперативной работой, в КГБ не было.

В направлении психотронного оружия, на базе многочисленных исследований, которые велись в наших НИИ, разрабатывались комплексные программы по скрытому манипулятивному управлению живой силой противника с использованием технологий психического и психофизического воздействия. Создавались новые технологии по манипулятивному управлению лидерами стран для разрешения скрытыми средствами политических задач в отношении стран,

являющихся политическим и или экономическими оппонентами или вероятными противниками. Правда, эффективность этих технологий управления не была бесспорной.

В российской и западной прессе не раз писали об установке “Электросон”, вызывавшей состояние забытья у людей на расстоянии в несколько километров. В реальности же работы велись по созданию установок гораздо более мощных и эффективных: в частности, работали над созданием космических платформ, которые на определённых частотах должны были воздействовать управляющим образом на целые города и ареалы: вызывать смех, слёзы, сон, понос и т.д. Однако, здесь мы, пожалуй, прервемся, поскольку уже переходим в сферу радиобиологического оружия, которое фактически является промежуточным звеном между психотронным и чисто физическим». ⁴⁶

**

Мы продолжим рассказ генерала Шама в последней главе, так как дальше он относится к периоду глобальных геополитических изменений: распаду СССР, концу стратегического противостояния, концу КГБ и формированию новых структур.

8 декабря 1991 президенты России, Украины и Белоруссии подписали Беловежское Соглашение о выходе своих республик из состава СССР, что означало конец Советского Союза как единой страны. В результате распада СССР образовалось 15 независимых государств. Горбачёву ничего не оставалось делать, как самому подписать 25 декабря 1991 года Указ о своей отставке с поста Президента СССР в связи с прекращением существования этой страны.

Слово «КГБ» за советские годы стало слишком одиозным. Политические преследования инакомыслящих в СССР накопили массу негативных чувств против этой организации, что вылилось в массовые демонстрации протестов, сносу памятника Дзержинскому на площади перед штаб-квартирой КГБ и возвращению этой площади её исторического названия – Лубянка. Но главное – исчезновение

⁴⁶

Окончание рассказа генерала Николая Шама представлено в 10 главе.

СССР в корне изменило расстановку политических сил в мире. Частично изменились и задачи спецслужб, что неизбежно должно было отразиться на их структурах.

В результате КГБ был полностью реорганизован. 28 ноября 1991 года Горбачев подписал Указ о создании на основе КГБ Межреспубликанской Службы Безопасности. Её руководителем автоматически стал последний председатель КГБ Вадим Бакатин. Параллельно Ельцин, как руководитель республики, начал создавать своё российское Агентство Федеральной Безопасности. Но это двоевластие продолжалось всего несколько недель.

24 января 1992 года на базе вышеупомянутых спецслужб было создано Министерство Безопасности РФ, правопреемником которого с 3 апреля 1995 года стала Федеральная Служба Безопасности Российской Федерации (ФСБ). Кстати, директором ФСБ с июля 1998 по август 1999 был Владимир Путин, ставший затем Президентом России.

9 Управление КГБ, которое обеспечивало безопасность главных политических фигур в стране, стало Главным Управлением Охраны. Позже оно было разделено на Службу Безопасности Президента, возглавляемую Коржаковым, и Федеральную Службу Охраны, возглавляемую Барсуковым.

Генерал-майор Борис Константинович Ратников, один из авторов этой книги, в прошлом офицер КГБ, стал заместителем начальника Федеральной Службы Охраны. Под его командованием оказались аналитическая, оперативная и техническая службы, кадры и другие подразделения. Именно здесь он впервые организовал целый отдел по использованию экстрасенсорных методов для целей безопасности и разведки.

В следующей главе он сам расскажет свою историю и как она оказалась связана с парапсихологией. Но начнёт он эту главу с описания событий августа 1991 года – путча, приведшего к развалу СССР, поскольку он был одним из непосредственных участников этих исторических событий.

Глава 8

Парапсихологический щит российского президента

Генерал-майор Борис Ратников

Возможно, как участник, я смогу добавить несколько штрихов к историческим событиям, приведшим к развалу СССР. В ночь перед путчем, 21 августа 1991 года, я находился дома. Меня поднял по тревоге дежурный с приказом срочно прибыть в Белый дом для охраны Ельцина. К Белому дому стягивались танки и БТР. Люди, собравшиеся около Парламента, воспринимали это с возмущением как акцию устрашения. Чувства страха не было, потому что люди не ощущали себя виноватыми, поэтому и ложились под танки: были уверены, что армия не посмеет воевать против своего народа. Полки в магазинах были пусты, всё продавалось по карточкам, назревал социальный взрыв.

Из посёлка Архангельское, где он жил на даче, Ельцин с минимальной охраной прибыл в Белый дом. Начал проводить с активом совещание, писать указы – всё шло в рабочем порядке. После его приезда стала стихийно концентрироваться и подтягиваться толпа. Охрану Белого Дома тогда осуществляло подразделение милиции. Оцепления не было, все проходили по пропускам, никакой паники тоже не было. Командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачёв привёл своего заместителя Александра Лебеда, тот выделил несколько танков якобы для охраны Белого Дома. На самом деле танки были пустые, там не было боезапаса. Подойдя к Белому Дому, рядовые танкисты бросили боевые машины и бежали.

Подвалы Белого дома – это запасной пункт боевого управления страной. Они уходят на 11 этажей вниз. Но этот объект был на консервации, и, чтобы его расконсервировать, нужно было решение Политбюро. Там было всё подготовлено для экстренных случаев: водонепроницаемые встроенные в стену телефоны, оцинкованные бачки с прикованными кружками, стеллажи для отдыха и для

раненых. За укрепленной полутораметровой толщины дверью были две комнаты в 50 и 30 метров, два туалета, но всё это не работало.

Когда мы ждали штурма, по словам Коржакова, к нему пришли жёны сотрудников спецназа «Альфы» и сказали, что бойцы «Альфы» не хотят братоубийственной бойни и на штурм Белого Дома не пойдут. Было ещё одно тревожащее обстоятельство: нас могли взять снизу – к бункеру подходила ветка секретного метро.

К 2 часам ночи мы приняли решение спуститься вниз, чтобы Ельцин находился в бункере. Пока мы спускались, снаружи было выключено электричество, осталось только аварийное освещение. Во избежание снайперского выстрела мы уговорили Ельцина надеть бронежилет, который ему привёз в подарок шахматист Гарри Каспаров. Ельцин был очень недоволен, что нет воды, не работает телефон, туалет забит дощечками, нет вытяжки, воздух тяжёлый. Пришёл Хасбулатов, бывший тогда Председателем Верховного Совета, надымил своей трубкой – дышать стало ещё труднее. Внизу был широкий проход без ступенек, спускающийся к посадочной площадке секретной ветки метро. Поскольку мы были «открытыми» для штурма со стороны метро, из подземелья, то поставили там две растяжки с гранатами, чтобы в темноте нас не застали врасплох.

В это время я по договорённости с Коржаковым поднялся наверх посмотреть, что творится там. Поднимаюсь, подхожу к двери приёмной Президента России – ни одного человека из милицейской охраны. Телефоны звонят, разрываются: ситуация критическая, никто ничего понять не может, всем нужна ясность. Я сел в президентское кресло и стал отвечать на звонки со всех краёв России: с Дальнего Востока, с Урала, из Сибири, Санкт-Петербурга. Как мог, успокаивал: всё под контролем, управление страной идёт, паники нет. Вдруг звонок по чёрному телефону, связывающему приёмную с бункером. Беру трубку – в ней резкий басовитый голос:

– Вы кто?

– А вы кто?

– Я – Ельцин!

- А я – Ратников.
- Что вы там делаете?
- Дежурю, Борис Николаевич, страной руковожу.
- Что-что??!

Чувствую, на другом конце провода – живописная сцена. Потом позвонили из посольства Соединённых Штатов. Предлагали открыть для нас ворота, если мы прорвёмся с заднего хода, чтобы скрыться в американском посольстве. Ельцин наотрез отказался от этой идеи. Заходит Коржаков. Докладываю, что, по моему мнению, штурма не будет. При таком скоплении народа начинать штурм – безумие. В начале четвёртого утра все поднялись наверх – эпопея закончилась. Тут подъехал музыкант Мстислав Ростропович и походил по Белому Дому с автоматом. Естественно, никто бы ему не позволил рисковать собой, а народ в тот момент был доволен: с нами интеллигенция!

Наша аналитическая служба сделала выводы, что всё это было сделано по указанию Горбачёва.⁴⁷ Никто без ведома руководителя не пошёл бы на такие меры, каждый боялся за свою задницу. Горбачёв специально отстранился, не зная, чем закончится эта комедия, чтобы выиграть в любой ситуации. Но все участники ГКЧП были без харизмы. Вся страна видела их по телевидению: трясущиеся руки, затравленный взгляд – они не хотели в этом участвовать, они просто выполняли команду. Поэтому всё так и закончилось: кто повесился, кто застрелился – слабые личности, не посмевшие ослушаться приказа начальства и не посмевшие взять на себя инициативу. Вскоре вернулся Горбачёв в Москву, сидел в Кремле, как

⁴⁷ Эта версия вызывает удивление у жителей Запада, но в ее истинности убеждены многие жители России, которые лучше знают Горбачёва и его политику. Характерным показателем могут служить результаты социологического опроса Фонда Общественное Мнение, по которому 44% населения России считает Михаила Горбачёва главным виновником распада СССР: http://bd.fom.ru/report/cat/societas/image/collapse_FSU/of19953203. Среди работников российских спецслужб и политиков, обладающих достоверной информацией, эта версия практически сомнений не вызывает. Об этом, например, неоднократно заявлял руководитель КИРФ Геннадий Зюганов: <http://www.newsru.com/russia/17Aug2001/zuganov.html>. Неоднократно на разных уровнях обсуждался вопрос о привлечении Михаила Горбачёва к уголовной ответственности за действия в период путча 1991 г. Так, бывший заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда РФ генерал-лейтенант юстиции Анатолий Уколов прямо заявил в интервью по поводу вины Горбачёва: «Как гражданин, я убежден и считаю, что уголовное дело должно быть возбуждено»: <http://www.kp.ru/daily/23758/56414/>.

побитый пёс, ничего у него не вышло. Всем было ясно, что это его рук дело. Сидел, видите ли, Президент СССР в блокаде, бедный. Какая там блокада! Рядом с ним, в его личном распоряжении была вооружённая охрана, военные корабли стояли на рейде, только его команды ждали, все телефоны работали, не говоря уж про спецсвязь. В общем, дешёвый спектакль.⁴⁸

Скорее всего, идея ГКЧП принадлежала жене Горбачёва, Раисе Максимовне. Она могла анализировать, что-то просчитывать, советовать. Она, а не он, делала расстановку кадров и интриг. Но время было уже другое. Поскольку любое насилие неизбежно порождает противоположную силу, росло общее недовольство системой. А теперь уже ветер свободы кружил голову, на страхе ничего нельзя было удержать. Тогдашнему генеральному секретарю Горбачёву, который был весьма слабозвольным человеком, уже невозможно было навязывать, приказывать, давить, как это было при Сталине.

После напряжённых дней августовского путча Ельцин решил немного отдохнуть в Паланге, подлечиться, снять стресс. Коржаков поехал с ним, я остался за Коржакова. Тут и попал на встречу с генсеком по его инициативе. Вызвал он меня на совещание о реорганизации КГБ. Как сейчас помню: Горбачёв в рубашке, в подтяжках, пиджак на стуле, выходит к столу совещаний, за которым уже сидим мы, человек 12 – руководство спецслужб. Поздоровался и сразу к делу. А дело заключалось в том, что он предлагал создать новую структуру безопасности, отделив её от КГБ, поскольку этим органам он больше не доверял.

Так возникло Главное Управление Охраны, которое потом разделилось на Службу Безопасности Президента во главе с Александром Коржаковым и Федеральную Службу Охраны во главе с Михаилом Барсуковым. Первым замом Барсукова стал я, отвечая за оперативную и аналитическую работу. Под моим кураторством были ещё кадры, оперативно-техническая служба и другие подразделения...

**

⁴⁸ Ряд материалов по этой теме можно найти в книге бывшего генерального прокурора России Валентина Степанкова и его заместителя Евгения Лисова «Кремлевский заговор», в материалах слушаний 1992 г. в Верховном Совете России, проведенных государственной комиссией под руководством депутата и заместителя министра безопасности Сергея Степашина, которая занималась изучением роли КГБ в событиях путча августа 1991 г., и в других документах.

Ну а теперь о себе. Я пришёл к работе с парапсихологией довольно сложным и неожиданным путём. Будучи кадровым офицером КГБ, и уже дослужившись до звания полковника, я всё ещё не имел никакого отношения к этой области. Я, конечно, знал, что КГБ ведёт учёт экстрасенсов, присматривает за их деятельностью. Но о каких-либо специализированных парапсихологических программах я не слышал, возможно потому, что это не входило в круг моих обязанностей. Вплотную с этой сферой я столкнулся, оказавшись в службе безопасности Бориса Ельцина, тогда ещё председателя Верховного Совета РСФСР.

Как офицера-аналитика меня всегда интересовали обстоятельства, при которых человек приходит к той или иной ситуации. Поэтому начну по порядку. Я родился 11 июня 1944 года в селе Курово в Подмосковье. Отец, пройдя всю войну, затем 25 лет был председателем колхоза. Время было сталинское, и на отца периодически писали доносы, сообщая, что он позволяет растаскивать колхозное добро. Был голод, разруха, и отец действительно закрывал глаза на то, что вдовы, которым трудно было одним прокормить детей, выносили с фермы молоко, пряча его в грелках под одеждой. Отца могли посадить в ГУЛАГ, но как-то обошлось.

В 1964 году я окончил школу и приехал в Москву поступать в Московский Авиационный Институт. Был я настоящим деревенским простачком. Помнится, после первого сданного экзамена ребята москвичи предложили отметить это в кафе. Ребята заказали сухое вино, а я не знал, что это такое, у нас в деревне была только самогонка. На уроках химии я видел сухой спирт и подумал, что нам принесут таблетки, и мы их будем растворять в бокалах. Принесли бутылку сухого вина, и я помню своё удивление: какое ж оно сухое, оно ж мокрое!

В 1969 году я закончил институт и пошёл в конструкторское бюро авиационного НИИ в г. Жуковском. Там я проработал 3 года и понял, что это не моё, меня больше интересовала работа с людьми. Сдал документы на работу в КГБ, прошёл медкомиссию. Год меня проверяли, изучали и анкетные данные, и направленность моей личности. После выдачи положительного заключения отправили на курсы офицеров КГБ в Минск. Из нас готовили государственников, учили на все процессы смотреть с позиции государства, а не с точки зрения отдельного человека. Нас специально заставляли читать всю запрещённую для народа

литературу, и мы гордились пониманием, что защищаем Отечество. Нас учили, что работа с людьми требует от нас самих лучших человеческих качеств. Например, важно было быть предельно осторожным в работе с людьми. КГБ приходится проверять многих людей, но надо проверять так, чтобы они и не догадывались, чтобы не наносить моральную травму невинному человеку. Всё это не очень вяжется с образом КГБ, оставшимся от сталинских времён и укрепившимся на Западе. Но именно так готовили офицеров в КГБ в 70-х годах прошлого столетия.

Когда я с отличием закончил эти курсы, меня направили в Раменский городской отдел КГБ на должность оперативного уполномоченного. Затем несколько лет я проработал на различных режимных авиационных предприятиях, осуществляя их оперативное сопровождение. Из этих времён мне вспоминается 1980 год, моё первое столкновение с «парапсихологией». Мы дежурили сутками на обеспечении безопасности Московской Олимпиады. В качестве поощрения меня направили в месячный круиз на теплоходе по юго-восточной Азии. Но это, конечно, был не просто круиз, а ещё и служебная командировка. Круиз был дорогой, простой человек на него попасть не мог. На теплоходе, в основном, были работники торговли и высокопоставленные юристы. Нас, из КГБ, трое. Наша задача состояла в том, чтобы никто не убежал за границу и вёл себя, не позоря страну.

В программе тура был конкурс, выборы «Мисс Круиз». Собралась наша группа, и как назло, все наши женщины далеко не первой молодости. Что делать? Решил я выручить группу, «загипнотизировать» всех наших туристов. Выглядел я довольно молодо, фигура была стройная. Подумал и заявил:

– Бороться за звание «Мисс Круиз» буду я.

Наши дамы захихикали, но идею подхватили с энтузиазмом. Накрасили мне губы, укрепили жёсткий лифчик, на бёдра намотали полотенца, надели парик, шляпу, духами для амбре побрызгали – неплохая баба из офицера КГБ получилась. Но для пущей убедительности я стал настраивать себя на «женский астрал», мысленно создавать соответствующий образ и внушать окружающим, что я – женщина.

И всё это подействовало. Выхожу я на подиум. Все диву даются, откуда такая красавица взялась и где она пряталась до этого. Начался конкурс. Задают вопрос:

как изменился вес теплохода после остановки в Токио? Я отвечаю изменённым женским голосом, что вес нашего теплохода уменьшился, потому что во время стресса человек теряет вес. Когда все побежали по магазинам и увидели цены, то расстроились и похудели, а в общем в весе потерял весь теплоход. Народ в восторге. Затем – оценка фигуры, походки и манер... и здесь я становлюсь лучшим! Короче, во всех конкурсах я победил, и меня объявили «Мисс Круиз». Получил я корону и ленту, выхожу на середину, снимаю парик, разоблачаюсь... – немая сцена.

То ли моё мысленное внушение подействовало, то ли дамы из нашей группы так хорошо постарались, но дебют в роли женщины-гипнотизёра мне запомнился надолго. Правда, не только успехом, были и другие последствия. Ради шутки отняв у наших круизных дам звание первой красавицы, я даже не предполагал, что теперь неизбежно столкнусь с врагом гораздо более страшным, чем террористы и диверсанты: с женской ревностью. И никакой гипноз меня не защитит.

Две рослые мощные дамы из ростовской группы решили мне отомстить. Я спокойно плескался в бассейне, наслаждаясь жизнью, когда эти две огромные бабищи набросились на меня. Одна зажала в своих ляжках, а вторая всей силой опустила мою голову под воду и держит. Я начал задыхаться, что есть силы пробовал освободиться, но не тут-то было! Видя, что дело дрянь и надо спасать свою жизнь, кусанул я эту бабу в то самое мягкое место. Аж взвилась она, и когтями своими острыми мне всю спину исполосовала. С залитой кровью спиной я выскочил из бассейна и пустился наутёк. Эти раны так долго не заживали, что весь остаток круиза я не мог загорать, и потом перед женой пришлось отшучиваться, что моя спина пострадала в любовном экстазе. Гипнотизёрам тоже приходится платить по счетам.

**

В 1981 году меня отправили служить в Афганистан. За несколько лет службы там я изучил язык фарси, участвовал во множестве боевых и оперативных действий, встречался и вел переговоры с множеством афганских лидеров, в том числе и с главарями бандформирований, как у нас их называли. И почти со всеми находил

общий язык, так, что в обширном районе, который я курировал, практически не было боевых действий, хотя он находился под «горячим» Кандагаром. Как старший офицер КГБ и разведчик, видя афганскую кампанию изнутри во всех деталях, я глубоко понял, насколько страшное преступление совершило высшее руководство СССР, начав её. Афганистан сильно изменил моё отношение к советской системе, и не только моё, но и других офицеров КГБ.

Вернувшись из Афганистана, я около трёх лет прослужил в московском аппарате КГБ, занимаясь безопасностью в авиации. Начался 1991 год, страна уже разваливалась. Видя, что наша работа становится никому не нужна, я ушёл из КГБ и принял приглашение моего сослуживца по Афганистану Александра Коржакова стать его заместителем в отделе безопасности Верховного Совета РСФСР, председателем которого недавно стал Борис Ельцин. Нас в отделе было тогда всего 12 человек: часть ребят из МВД, часть из КГБ.

Вскоре грянул путч, предопределивший развал СССР, о котором я уже рассказывал. Изменилась структура спецслужб, появилось новое звучание их задач. Реформировав 9-е Управление КГБ СССР, мы провели большую аналитическую работу по реальным и потенциальным угрозам по отношению к Президенту и его окружению, а также по отношению к государству и населению. Вот тут-то мне и пришлось столкнуться с психотехнологиями. Для разработки механизмов нейтрализации этих угроз мне порекомендовали специалиста в сфере психотехнологий, подполковника КГБ Георгия Рогозина. Я добился его перевода из КГБ в свою службу консультантом.

В 1991 году, начав работать с Рогозиным, я получил от него основательные представления о психотехнологиях. Лично обладая хорошими экстрасенсорными способностями, Рогозин показал мне на примере, как можно путём изменения состояния сознания черпать информацию вроде бы ниоткуда. Поскольку я был человеком с техническим образованием, мне, естественно, хотелось понять физическую составляющую этого процесса, но в науке на этот счёт были разные мнения. Я прочитал Вернадского, его теорию ноосферы, Циолковского, теории наших космистов, психологов и физиков. Изучил и западную литературу. На основе прочитанного у меня возникло своё понимание явления. Академическая

наука очень ортодоксальна. Она пытается всё это объяснить с позиций материалистического мира, постоянно исключая идею высшего начала. Всё, что не вписывается в устоявшуюся систему, объявляется вне закона. Поэтому и у меня отношение к психотехнологиям поначалу было довольно ироничным, я считал их чем-то вроде спиритизма, шарлатанства. Но постепенно мой кругозор расширялся. Я понял, что это очень древние техники, древние науки. Но, владея такими техниками или инициациями, наши предки подрывали авторитет церкви, в первую очередь христианской, по мнению которой, владеть этими тайнами должны были только представители религиозного культа, ни в коем случае не простые люди. Поэтому Вселенский Христианский Собор 533 года признал инициации с изменёнными состояниями сознания наущениями дьявола, которые следует пресекать вплоть до сжигания на костре. Церковь так и делала, с энтузиазмом жгла владеющих этими психотехнологиями людей и почти всех уничтожила в те времена.

Новая волна, связанная с психотехниками, возникла в сталинских лагерях. Стрессовое состояние, в котором находились люди, привело к тому, что они в массовом порядке входили в изменённые состояния сознания и разговаривали со своими родственниками, мёртвыми или живыми. Это помогало им выживать в невыносимых условиях физического и морального унижения. Охранники не знали, заключённые не афишировали своей медитации, не разговаривали вслух, а стремление к уединению и отрешённый взгляд был у многих сидящих в лагерях. Но таким образом к людям приходила истина, они получали пищу для ума, они развивались.

Когда я понял суть вопроса, Рогозин познакомил меня с самим процессом транса: как в него входить, как удерживать. Человек получает информацию извне с помощью пяти органов чувств, и ввести его в транс можно используя разные способы: тактильные ощущения, массаж, пассы, запахи, дым, напитки с определёнными вкусовыми качествами. Изменённому сознанию способствует также музыка, определённые ритмы. Всё перечисленное может привести к тому, что у человека как бы «поплывёт» сознание. В этих состояниях становится возможным «подключение» к информационному полю Земли.

Есть разные пути получения информации в изменённом сознании сознания. Один называется в литературе синдромом Кандинского-Плерамбо – это автоматическое письмо. Кандинский входил в изменённое состояние сознания и писал свои абстракционистские картины. Точно также в транс человек может писать как будто под диктовку ответ на тот вопрос, который он сформулировал до вхождения в транс. Но этот путь чреват многими погрешностями: человек не может сам уйти в состояние глубокого гипноза, вокруг него существует много раздражающих внешних факторов. Другой путь – путь изоляционного самогипноза, когда человек ничего вокруг не видит и не слышит. Информация получается чище и достовернее, чем в первом случае. В идеальном виде этот путь использует изоляционную ванну с тёплым насыщенным соляным раствором, что хорошо описано Джоном Лилли в его книге «Центр циклона».

Я очень заинтересовался возможностью практического применения этих психотехник для решения оперативных задач. Конечно, возможны искажения в информации, в зависимости от того, в какое время суток происходил эксперимент, как чувствовал себя оператор накануне, был ли у него стресс, выпивал ли он, в какое время года проводились исследования. Поскольку идёт ответное полевое возмущение от планет, всё это оказывает определённое влияние на получаемую информацию. Однако мы старались компенсировать эти искажения сравнительным анализом данных. Мы формулировали вопросы о реальных и потенциальных угрозах, снимали ответы операторов-экстрасенсов и записывали их на магнитофон, после расшифровки проводили анализ. Если логически выходило, что угроза реальная, то для дальнейшей проработки мы писали запрос в разведку и другие структуры спецслужб, чтобы там эти вопросы «подсветили». В результате мы выходили на реальные оперативные данные, которые можно было приложить к документу, уходящему наверх, и предпринять соответствующие меры. Вот несколько ранних ярких примеров.

**

Для начала случай, относящийся к одной из наших основных задач – охране высших должностных лиц государства. В 1992 году Борис Ельцин впервые в качестве Президента России полетел в Америку с официальным визитом. Его

сопровождал секретарь Совета Безопасности Юрий Скоков. Наша служба подготовила оператора-экстрасенса, контролировавшего безопасность визита дистанционно, из Москвы.

В середине визита оператор вдруг сообщил нам, что в отношении Скокова применена какая-то техника психического воздействия. Оказывается, он был на встрече, проходившей на вилле у одного крупного американского бизнесмена Гринберга, связанного с ЦРУ. Естественно, руководство США очень интересовал внутренний механизм принятия политических решений в России. В связи с быстрыми переменами в бывшем СССР и непредсказуемостью Ельцина этот механизм постоянно менялся, и ЦРУ было трудно уследить за ним. В результате ЦРУ не смогло устоять от соблазна использовать личное присутствие Скокова и попытаться выяснить у него этот механизм путём психического воздействия.

Мы, естественно, постарались оградить Скокова от этого воздействия и заблокировать экстрасенсорными методами утечку информации. Думаю, что это нам удалось. Правда, Скоков при этом почувствовал себя физически плохо и быстро покинул виллу Гринберга. По окончании визита я сверил все наши психотехнологические данные лично с ним, и они полностью подтвердились.

А вот другой пример, относящийся уже в целом к стране. В конце 1992 года по дипломатическим каналам начал прорабатываться вопрос визита Ельцина в Японию. По данным Совета Безопасности во время визита Ельцин готовился передать Японии 2-3 острова Курильской гряды для демонстрации своего нового политического курса. К такому шагу его также склонял ряд фигур из его ближайшего окружения. Но Курильские острова – очень щекотливый вопрос. Надо было протестировать ситуацию и посмотреть возможные варианты развития событий.

Был подготовлен сильный оператор-экстрасенс. Проведя сеанс, мы получили следующую информацию: как только Ельцин передаст Японии острова, Китай сразу предъявит России претензии на свои спорные территории. Эта ситуация окажется выгодна многим политическим силам в мире: они начнут подталкивать руководство Китая начать вооружённый конфликт с Россией, чтобы затем

международное сообщество объявило Китай агрессором. Тогда ООН и ряд стран могли бы применить против Китая экономические и политические санкции, как против агрессора, посягнувшего на суверенную территорию другого государства. Это было бы очень выгодно политическим и экономическим конкурентам Китая. Но это ещё не всё, ситуация должна была пойти гораздо дальше. В той обстановке Китай мог поддаться давлению и действительно начать локальные военные действия против России, как это случилось в конце 60-х. Но в 1993 году это привело бы к масштабной войне в Юго-Восточной Азии.

Получив такой катастрофический прогноз, мы просто не могли в него поверить. Было принято решение через органы разведки и контрразведки проверить, имеет ли эта информация под собой основу, может ли развитие событий пойти по предсказанному сценарию. Тщательная проверка показала, что предполагаемая ситуация и её последствия вполне реальны. Острова отдавать было нельзя.

После совещания с Барсуковым и Коржаковым я доложил о ситуации Юрию Скокову, кстати сказать, очень дальновидному и компетентному человеку. Он нас полностью поддержал и немедленно отправился к Президенту, настаивая на отмене визита. Но в ответ, помимо нелицеприятных слов, он услышал от Ельцина:

– Царь я или не царь?! Захочу – отдам, не захочу – не отдам!

Мы поняли, что ожидать осмысленных поступков от Ельцина бесполезно, и решили действовать сами. Предварительная программа визита уже была отправлена в Японию и вернулась оттуда с корректировкой: 1) Ельцин не должен выходить «в народ», поскольку на улицах Токио много мотоциклистов, которые могут метнуть бутылку с зажигательной смесью; 2) Ельцин не должен посещать соревнования по борьбе Сумо, там нет возможности проверить всех болельщиков, а посадить Ельцина в ложу императора по этикету не положено; 3) Ельцин не должен ездить в Киото для возложения венка к памятнику русских матросам, которые погибли, спасая японцев во время землетрясения, поскольку кладбище очень заросло, и под каждым кустом может сидеть террорист. В противном случае его безопасность японская сторона не гарантирует.

Мы решили базироваться на этих трёх запретах, чтобы отменить визит и не пустить Ельцина в Японию. На следующий день была встреча министра иностранных дел Андрея Козырева с министром иностранных дел Японии. Мне было поручено переговорить с Козыревым. Я перехватил его до переговоров и сказал, что у меня к нему разговор по поручению Президента (хотя Президент мне ничего не поручал). Затем объяснил, что я прошу ещё раз потребовать от японского министра гарантий на случай, если Ельцин нарушит 3 запрета, оговоренных в протоколе. Естественно, японский министр на себя дополнительную ответственность не взял. Мы тут же оформили этот ответ Козырева докладной запиской в Совет Безопасности.

Теперь мне надо лететь в Токио. Коржаков подписывает мне бумагу, удостоверяющие мои особые полномочия. В Токио встречаюсь с послом России в Японии и объясняю, что надо предотвратить визит. Думаю, что он здорово перепугался, не знал, как ему реагировать. Далее я встречаюсь с представителями спецслужб Японии, обсуждаем с ними порядок обеспечения охраны, построение и проезд кортежа, способы связи и, уже уходя, как бы невзначай, спрашиваю, смогут ли они обеспечить в полной мере безопасность Президента по трём обозначенным пунктам, мол, наш Президент не согласен соблюдать ограничения. Получаю отрицательный ответ и закипаю вроде бы праведным гневом:

– Как так, вы, служба безопасности, профессионалы, не можете гарантировать 100% безопасность нашего Президента?! Зачем же вы его к себе зовёте? Я буду докладывать о том, что визит плохо подготовлен вашей стороной.

Японцы в недоумении. Вечером я даю интервью представителю программы «Время»: он спрашивает, как проходит подготовка визита Президента. А я отвечаю, что плохо, японская сторона не готова, безопасность Президента не обеспечивается как надо. И тут же шлю шифровку в Москву. Скоков срочно собирает Совет Безопасности с одним вопросом на повестке: ехать Ельцину в Японию или нет. Все члены Совета уже настроены программой «Время» по телевидению, а тут ещё шифровка из посольства и докладная записка о беседе Козырева с японским министром. Ну кто после такой обработки отважится голосовать за визит? Все и проголосовали против. Скоков ставит Ельцина перед фактом: Совет Безопасности постановил отложить визит Президента в Японию по

соображениям безопасности. Миссия выполнена, острова остались за нами. После этого ряд высокопоставленных чинов спецслужб Японии ушли в отставку. Но это совсем небольшая плата. Ведь сами японцы вряд ли обрадовались бы этим островам, получив в результате войну в регионе.

А вот ещё один пример. 29 декабря 1993 года. Через три дня в Сочи должна состояться встреча Президентов Ельцина и Буша. Но оператор-экстрасенс из моей группы получает информацию, что если встреча Президентов состоится в Сочи, то во время переговоров возникнут серьёзные проблемы. Ни России, ни Америке этого не нужно. Значит, необходимо перенести встречу в другое место, то есть в Москву. Но как? Ельцин здравых аргументов не понимает, да и в преддверии Нового Года он уже навеселе. Бушу я по своему положению позвонить не могу. Разворачивать сложную интригу, как это было с визитом в Японию, уже нет времени.

По распоряжению руководства я срочно вылетаю в Сочи, где осуществляется подготовка к визиту, и принимаю решение действовать самостоятельно. Наступает 31 декабря, идёт мелкий снег, к вечеру стало подмораживать. В аэропорту Сочи скоро должен приземлиться самолёт Буша. Но сначала садится самолёт, в котором находятся люди, обеспечивающие визит американского Президента. Полоса немного скользкая, она короче стандартной, и тяжёлый Боинг прокатывается почти в конец аэропорта, где стоят старые, разбитые самолёты. Я встречаю делегацию у трапа и на вопрос, как будет обеспечена безопасность американского Президента, показываю на металлолом вокруг:

– Видите, вас занесло почти на свалку. Полоса уже обледенела, а дальше будет ещё хуже. В Сочи такая погода бывает редко, и специальной техники для очистки полосы у нас нет. Самолёт Буша может пойти юзом. Лучше летите в Москву.

Секретарь Госдепа связывается с самолётом Буша, который уже в полёте. Буш согласен поменять курс, но секретарь требует, чтобы я позвонил Ельцину. Мне же надо сделать так, будто инициатива о смене места встречи идёт не от меня, а от самого Буша, – иначе до Ельцина не дойдёт. Я делаю вид, что упорно звоню по

спутниковой связи, но пока соединиться не могу. Предлагаю американцам самим связаться с Ельциным.

Так они и сделали. Получилось так, будто Президент Америки сам захотел лететь в Москву, где и состоялась затем встреча. И России хорошо, и Америке. Я с чувством выполненного долга беззаботно встретил Новый Год в Сочи. В Москве же все на ушах стояли, готовя в новогоднюю ночь новое место встречи Президентов. Но, думаю, дело того стоило. Своим экстрасенсам я уже привык доверять.

**

Это примеры удачного использования парапсихологии. Но были и неудачные результаты. 1992 год. Ельцин решает выступить миротворцем между Азербайджаном и Арменией, по старой привычке стать всесоюзным арбитром, хотя Союз уже развалился. Конфликт назревал: войны ещё не было, но стычки случались. Ельцин полагал, что нарастающий конфликт можно погасить, если он лично съездит в Нагорный Карабах, бывший яблоком раздора. Мои же операторы-экстрасенсы однозначно заявили: такой сложный территориальный конфликт правители не смогут решить за спиной народов. Поездка Ельцина в Нагорный Карабах только усугубит противостояние – на Кавказе начнётся настоящая война.

Официально я поехал в Азербайджан с задачей подготовить визит Ельцина: развернуть структуру службы безопасности, отработать взаимодействие с КГБ Азербайджана. Приехав, я решил поговорить о сложившейся ситуации с Президентом Азербайджана Аязом Муталибовым, который сразу дал мне аудиенцию. Мы проговорили минут 40. Было принято решение уговорить Ельцина не лететь в Карабах. Муталибов обещал сделать всё, что может.

Самолёт с Ельциным приземляется, я забегаю на борт и докладываю ему, что анализ развития ситуации предсказывает самые негативные последствия его визита в Нагорный Карабах. Ельцин слушает меня, набычившись, он уже нетрезв – рукой отталкивает меня и молча идёт к выходу. Только в этот момент я понимаю, что для него роскошное пиршество с попойкой, которое по случаю его визита приготовил Муталибов, гораздо важнее, чем вся политика и весь Кавказ.

Пиршество начинается. Муталибов не пьёт, а Ельцин глушит стакан за стаканом, его всего развезло. В это время идёт процесс: Муталибов убеждает отказаться от поездки в Нагорный Карабах, а Ельцин упирается:

– Полечу и всё! И тебя с собой не возьму!

И это он говорит президенту независимой страны, которой Нагорный Карабах принадлежит! Потом Ельцин звонит Нурсултану Назарбаеву, Президенту Казахстана, приглашает его поехать с ним в Карабах. Через несколько часов прилетает Назарбаев, и они на вертолёт летят в Карабах. На второй вертолёт я сажаю Муталибова и на свой страх и риск везу его туда же. Приземляются два вертолёта: из одного выходит Ельцин с Назарбаевым, из другого мы с Муталибовым. Ельцин увидел Муталибова и демонстративно говорит Коржакову:

– Чтобы я его там не видел!

Я в растерянности – не знаю, что делать. А что сделаешь, если культурный уровень нашего Президента ниже минимально необходимого? В конце концов, размещаю Муталибова с охраной в соседнем здании и прошу его не показываться на глаза Ельцину. Тем временем готовится импровизированная сцена, на которой должен выступать Ельцин: подогнали грузовик, опустили борта, поставили охрану. В 30 метрах от грузовика стоит цепь из местных милиционеров, а за ними уже толпа из местных жителей, в основном армян.

Ельцин начинает полупьяную пламенную речь о том, что всем надо жить в мире. Я стою и наблюдаю за толпой. Вдруг замечаю движение, схему которого уже изучил по Афганистану. Мужчины отдвигаются на задний план, а впереди перед цепью выстраиваются женщины и дети. Мы с Коржаковым сразу подошли к ребятам из группы спецназа «Альфа» и дали указание сомкнуть ряды, потому что явно готовится прорыв. Я такое уже видел в Афганистане: сейчас дети поднырнут под цепь, за ними ринутся женщины, образуется брешь, сквозь которую прорвутся и мужики.

Так и случилось. Толпа попыталась прорваться, но «Альфа» стояла жёстко, и все поняли: эти в случае чего будут стрелять. Люди стали кричать, чтобы земля была отдана армянам. Начали кое-где бросать тухлыми овощами. Ельцин быстро

ретировался, мы были вынуждены эвакуировать его с Назарбаевым в соседний городок Гянджу. В последний момент я еле успел насильно втолкнуть Муталибова в машину Ельцина. Тот был страшно раздосадован. Для поправки настроения Ельцин по приезду в Гянджу снова напился. Потом заснул. Великая примиренческая миссия закончилась.

Как мы и предполагали, визит Ельцина только усугубил остроту конфликта. Вскоре после его приезда в Нагорный Карабах развязалась настоящая война. Операторы-экстрасенсы оказались совершенно правы в своих прогнозах.

К ещё более катастрофическим последствиям привели действия Ельцина по отношению к Чечне, которые нам не удалось предотвратить. Операторы-экстрасенсы неоднократно предупреждали нас, что в Чечне назревают грозные события и нужно проявить максимум взаимопонимания, выдержки и доброй воли, чтобы сбалансировать ситуацию. Это же самое понимали и все политически трезво мыслящие люди. Президент Чечни Джохар Дудаев многократно пытался добиться встречи или хотя бы телефонного разговора с Ельциным, но все его попытки оказались тщетными. Особенный энтузиазм в разжигании конфликта проявляли тогдашние премьер-министр Виктор Черномырдин, министр обороны Павел Грачёв и помощник Президента Виктор Илюшин. Вокруг Чечни смыкалось кольцо заговора, военный конфликт в Чечне многие хотели использовать для приватизации её нефтяных ресурсов, подпольной торговли оружием и разворовывания бюджетных денег, идущих в этот регион.

Понимая это, спецслужбы старались во что бы то ни стало не допустить военного конфликта. На основе оперативной информации и прогнозов, полученных от экстрасенсов, мы с Коржаковым составили докладную записку Службы Безопасности о недопустимости ввода войск в Чечню и боевых действий там. Как пример приводили Афганистан. Вечером Коржаков доложил записку Президенту, и тот, к нашему облегчению, в целом с ней согласился. Однако утром следующего дня он принял решение о вводе войск в Чечню. Мы стали выяснять, почему Ельцин поменял своё решение, и обнаружили, что поздно вечером, уже после визита Коржакова к нему заезжал Черномырдин, и они проговорили до полуночи, похоже,

что «не в сухую». Сразу стало понятно, кто является главным виновником начала войны в Чечне.

**

Анализируя эти примеры, мы видим две фактически симметричные ситуации: в Японии и на Кавказе. На Кавказе началась война, сначала одна, потом другая. Могли ли мы их предотвратить? Видимо, да. Смогли же в Японии! Операторы-экстрасенсы утверждают, что все предсказания носят вероятностный характер. Есть не одно строго определённое будущее, а спектр возможностей. От нас зависит, какую из них мы выберем. Но выбор будущего – это не просто желание, это наши усилия, наше понимание, наша мораль, наша собственная работа. Даже самые талантливые экстрасенсы, даже святые за нас этого не сделают, не говоря уж про гадалок и всяких там шарлатанов.

А шарлатанов в этой области хоть отбавляй. Мне вспоминается встреча с одним из них, Григорием Грабовым. В 1994 году меня и одного психолога пригласил для консультации Дмитрий Румянцев, начальник Управления кадров Администрации Президента РФ. Грабовой напросился к нему на приём и начал всячески расхваливать себя, превознося свои экстрасенсорные способности. Он жил тогда в Ташкенте и хотел, чтобы его взяли на работу в Администрацию Президента, дали зарплату не меньше двух тысяч долларов в месяц и трёхкомнатную квартиру в Москве.

Мы с психологом с удивлением смотрели на его апломб и явную неадекватность поведения и требований. Было ясно, что перед нами жулик с патологической манией величия. Но мы хотели быть до конца пунктуальными и попросили Грабового продемонстрировать свои экстрасенсорные способности, например, остановить лифт между этажами. Грабовой отказался, сославшись на свою способность только диагностировать механизмы, но не воздействовать на них. Он видимо забыл, что несколькими минутами раньше утверждал совершенно иное. Показать нам свою диагностику он тоже не смог, поэтому совершенно не заинтересовал нашу структуру. Я доложил о нашей беседе Коржакову, который заметил, что в Москве своих мошенников хватает, и добавлять к ним ташкентских

нет никакой необходимости. Через десять лет, узнав, что Грабовой обманывает бесланских матерей, обещая оживить их погибших детей, я искренне пожалел, что наши спецслужбы не занялись этим мошенником серьезно, когда только столкнулись с ним в 1994 году. Ведь мы могли ещё тогда очистить общество от этих помоев, и уберечь бесланских матерей и многих других людей от обмана.

Работа с психотехнологиями таит в себе ряд ограничений и опасностей. Как-то мы проводили обычный текущий сеанс. Когда оператор погрузился в изменённое состояние сознания, мы установили с ним психологический рапорт и стали задавать вопросы. При этом мы сразу столкнулись с какими-то помехами: сломался диктофон, лента не прокручивалась. В диктофоне оказался посторонний предмет. Магнитофон починили – тут сели батарейки. Основные моменты я решил записать вручную, но в шариковой ручке закончились чернила. Всё выглядело так, что нам словно говорят: сеанс проводить не надо. Но мы всё-таки начали и продолжали его минут 30-40. Затем даём команду оператору на выход из особого состояния. А он не выходит, дыхание слабое, пульс еле прощупывается, лицо бледное. Мы пытаемся что-то сделать – ничего не получается. Только в результате экстренных мер и специальной техники «обратного хода команд» удалось его привести в себя.

Отпоили мы его, откормили, дали передохнуть и потом задали вопрос: что же там происходило? Оказывается, он прошёл через классическое околосмертное переживание. Вот что он рассказал: «Я задал вопросы и вдруг увидел языческий храм. Внутри храма было возвышение, а на нём в длинных белых одеждах сидел старец с длинной седой бородой и с посохом в руках. Я понял, что это – Хранитель Вечности, та сущность, которая ведаёт вселенским банком информации. Мне очень захотелось остаться с ним. В следующий миг я увидел, что стою у его ног и мне лет пять. Старец гладит меня по голове и ласково говорит, что мне сюда ещё рано, надо идти туда, откуда пришёл. Затем старец разворачивает меня от себя и подталкивает вперёд, к выходу из храма. Всё начинает растворяться, а когда мир снова обрёл краски, я увидел себя в комнате среди вас».

Воспринимая подобные переживания с полной серьёзностью, мы поняли, что оператор мог действительно уйти, т.е. умереть прямо на кушетке. Трудно сказать, смог ли бы помочь в этом случае врач-реаниматор, даже если бы он дежурил во

время сеанса (а его не было!). Во всяком случае, к таким ситуациям надо быть психологически и юридически готовым. И врача всё же лучше иметь рядом.

Теперь по поводу «закрытой» информации. Нас всё время интересовал вопрос, как будет проходить развитие ситуации в России в ближайшее время, чтобы ухватить начальные моменты социальных возмущений, не дать развязаться гражданской войне. Шёл 1993 год. Мы просчитывали ситуацию конфликта между Президентом Ельциным и Вице-президентом Руцким. Роль оператора, или слиппера, играл наш кадровый сотрудник. Смотрим мы на полгода вперёд, и у нас рисуется картина: Руцкой находится в тюрьме. Мы пытаемся уточнить ситуацию, убедиться в её достоверности, но к нам приходит ответ: эта информация не является полностью достоверной, более точную информацию вы не получите, поскольку мир наполнен вероятным развитием событий, могут быть разные варианты будущего. Кроме того, по вашему духовному уровню ключевую информацию о будущем вам просто нельзя давать, иначе весь мир улетит в тартарары.

Помимо чисто «закрытой» информации есть и проблема интерпретации. Для более точной оценки надо выработать критерии: что есть что. Это нарабатывается индивидуально в процессе исследований и жизненного опыта оператора. Сколько раз мы получали информацию о покушении на президента: характер покушения, время, личность, которая должна его совершить. Мы тщательно фиксировали, проверяли – не совпадало, не было покушения. Я вновь приходил к операторам с вопросом: почему информация оказалась ошибочной? Мне отвечали, что нам была нарисована символическая картина, а мы её восприняли, как реальность. Помимо символизма на достоверность результатов влияют и психическое состояние оператора, и его личная заинтересованность, и конкретная техника, и время проведения сеанса, и место проведения, и многое другое. Нужно уметь отделить или интерпретировать символику и учесть массу факторов. А это очень трудно, под силу только опытным экстрасенсам и ведущим. Желательно использовать групповые методы, групповое сознание. Также нужен тщательный анализ фактов, сравнение их с информацией, полученной из других источников, например от разведки.

В результате этих проб и ошибок мы нашли более эффективным спрашивать о тенденциях развития какой-либо угрозы, чтобы не доводить её до такого состояния, когда она может реализоваться. Затем, по каждой из тенденций мы выясняли знаковые признаки, которые мы должны отследить в реальности, и реперные точки события. Просим совета, на что нам обратить внимание. Дают признаки. Я сразу же начинаю создавать по каждой тенденции карту признаков. А потом уже с помощью своих сотрудников начинаю анализировать, какая из предложенных тенденций начинает стремительно развиваться, отслеживаю систему признаков и, анализируя на уровне сознания, просчитываю, каким путём пойдёт развитие тенденции, прослеживаю её устойчивость и понимаю, к чему это может привести в реальности. Таким образом достоверность информации может повышаться до 95 %.

**

Когда под Ельциным в 1993 году зашатался трон, ко мне прибегали чиновники из администрации, всё выпрашивали, к кому прислониться, на кого ставить, чтобы не проиграть в политической возне. Я всем отвечал: ребята, ставьте на своё Отечество: и свои будут уважать, и чужие тоже, потому что здесь вы не прогадаете. Я им открыто указывал на один из главных знаковых признаков, а они думали, что я скрываю экстрасенсорную информацию о будущем, веду политическую игру. А достоверной экстрасенсорной информации о расстреле Парламента и других надвигающихся событиях действительно не было.

Росло моё собственное разочарование в политическом и социальном курсе, на который всё больше сворачивала правящая верхушка. Ельцин, который в конце 80-х годов ещё как-то думал о народе и что-то старался сделать для народа, теперь превратился в царствующего самодура. Власть полностью испортила его. Кроме собственного величия и водки он больше ни о чём не думал. Его окружение, в основном, занималось разворовыванием страны. Мне было противно в этом участвовать, я отказался от элитной квартиры в центре Москвы, от дачи в Заречье, категорически не брал никаких взяток и не участвовал в тёмных коммерческих операциях. В результате стал в Кремле, как бельмо на глазу.

Я пытался делать аналитическую работу, прорабатывал тенденции угроз, просчитывал социальные тенденции, подавал доклады наверх. На мои докладные записки начальство реагировало раздражённо, потому что по ним нужно было действовать, думая о стране, а наверху были другие задачи. Замечательные, честные люди наверху тоже были, но они совсем не делали погоду. Погоду делал Ельцин, его личные качества и характер.

Мой личный кризис совпал с кризисом власти, расстрелом Парламента в октябре 1993 года. Здесь мне вспоминается один характерный момент. Страсти были накалены до предела, на улицах собирались волнующиеся толпы. За сутки до начала штурма Белого Дома Барсуков приказал мне разобраться с новым оружием для успокоения толпы, которое ему порекомендовал кто-то из правительства. Я думал, что это какое-то психотронное оружие из секретных НИИ, к разработкам которого я не имел отношения. Когда же приехал изобретатель со своим аппаратом, выяснилось, что это мощный лазер, предназначенный для разрезания предметов. Я тут же отослал прибор и изобретателя обратно, высказав руководству всё, что я об этом думаю.

Больше я терпеть этого не мог. Я не был на стороне Парламента, но после надругательства над человеческой совестью и Конституцией, после пролитой крови не мог оставаться дальше на службе и написал рапорт об увольнении. Не стал докладывать Барсукову, передал через секретаря. Через час-полтора секретарь принёс мне подписанный Ельциным указ о моём увольнении, без указания причин. Но по каким-то хитрым соображениям меня не уволили, а отстранили от должности, оставив временно в резерве. На словах мне передали, что я должен сдать сейф и сам находиться под домашним арестом. Мой телефон поставили на прослушивание и за мной установили наружное наблюдение. Понимая, что КГБ-ФСБ меня уважает, и я всегда смогу с ними договориться, поставили наблюдение от МВД. Верховная власть боялась за свои тёмные секреты. Знал я много, поэтому и боялись того, что я перейду на сторону оппозиции и передам им секретную информацию. Что касается меня, то я этого делать не собирался, понимая, что оппозиция немногим лучше центральной власти. Я делал то, что советовал другим:

ставил на своё Отечество. И в тот момент это выглядело единственно правильным и честным решением.

Пару недель круглосуточно работала наружка. Заканчивался декабрь, шёл снег. Как-то я сидел дома и смотрел через окно на машину наружного наблюдения. В ней двое молодых ребят совсем оконечели от холода. Я налил в термос горячего чая, наделал бутербродов и отнёс им, подневольным людям, которые мёрзли, карауля меня. На следующий день я поехал в Кремль и пристыдил своих бывших соратников, что для наблюдения за мной держат две бригады милиции, когда вокруг столько преступных группировок.

В таком состоянии я пробыл с ноября 1993 по май 1994. Время сгладило остроту конфликта, оппозиция была разгромлена. Несколько изменилась и моя собственная позиция. Нет, не в моральном смысле, мораль и оценка ситуации остались прежними. Но свои собственные действия я больше не считал такими уж верными. Если все, кому нынешняя политика не нравится, фыркнут и уйдут, то кто же останется? Поразмыслив, я пришёл к выводу, что более правильным было бы остаться на своём месте и делать хотя бы то, что в моих силах. Пусть немного, но всё-таки делать.

В мае я поехал в Кремль. Меня уволили из Службы Охраны по сокращению штатов, убрав для этого мою должность 1-го зама задним числом, за сутки до моего реального ухода. Встретившийся мне в Кремле Коржаков предложил хлопнуть по рюмашке и стать после увольнения консультантом в его президентской Службе. Подумав, я принял предложение. Мне дали кабинет, вертушку, машину, и я снова начал заниматься анализом. Но для систематической работы с операторами-экстрасенсами теперь всё время возникали препятствия. В значительной степени этому способствовал страх правящей верхушки, что мы сможем читать у них в головах, так как рыльца там почти у всех были в пуху.

**

Но любопытные данные от экстрасенсов мы всё же время от времени получали. Когда мы, например, спросили, почему наше руководство не поддерживает новых технологий, нам ответили, что, к сожалению, у нашего руководства очень низкое

духовно-нравственное начало, их интересы настолько меркантильны, а внутренний мир настолько беден, что они не в состоянии воспринять высокие глобальные задачи по сохранению цивилизации. Вопросы духовности и нравственности слишком далеки от них, а для Космоса именно этические вопросы главные.

В отношении Ельцина нам пояснили, что его приход к власти не случаен. Сейчас его поддерживают массы, но придёт время, когда люди будут плевать, говоря о его делах. В настоящий момент он должен быть подвержен тем же порокам, какие преобладают в обществе, не должен отличаться от большинства людей, так как люди на самом деле не хотят светлого чуда и забросали бы его камнями, если бы оно вдруг появилось. Ельцин точно соответствовал исторической ситуации, интеллектуальному и культурному уровню страны в целом. Страна практически всегда имеет такого правителя, которого заслуживает. Так и мы, что заслужили – то и получили.

Занимались мы и экстренными ситуациями, авариями. Через несколько дней после гибели подлодки «Курск», 15 августа 2000 года удалось с помощью психотехнологий получить информацию о причинах катастрофы. Авария произошла потому, что экипаж не был достаточно подготовлен к испытаниям новой торпеды. Техническая неподготовленность привела к тому, что снаряд взорвался внутри лодки. Пресса много писала о столкновении «Курска» с НЛО или другой подводной лодкой. Ничего этого не было: обыкновенная безалаберность, лень и показуха. Если бы точнее просчитали все возможные варианты, катастрофы бы не произошло. Но это технические детали, хотя и завязанные на организационные вопросы. Что наиболее сильно прозвучало из информации, полученной от нашего оператора-экстрасенса, так это сигнал: авария на «Курске» – не случайность, это критическое предупреждение всем нам, всем людям: «Остановитесь! Если вы не прекратите действовать, как действуете, техногенные катастрофы будут всё чаще и чаще, и масштаб их будет всё больше и больше, вплоть до глобального!»

Чтобы предотвращать подобные катастрофы, недостаточно только улучшить «где-то там» технический контроль. Нам всем необходимо постоянно работать, повышая уровень группового сознания. Мысли как вирус, они невидимо проникают в

сознание окружающих людей. Есть такое понятие, как полевой информационный перенос. Даже если человек ничего не делает для распространения информации, а просто пытается осмыслить, осознать её, он является участником процесса, поскольку рождённые в его голове мысли будут находить отклик в других людях.

Ещё несколько важных моментов. В отчётах операторов-экстрасенсов указывалось, что человеческое сознание зреет трёхлетиями. Если человек сегодня рождает мысль, то её реализация произойдёт через три года. Отсюда и русская пословица: обещанного три года ждут. Кроме того, как мы уже говорили, не надо стараться заглянуть в будущее – можно нарушить цепь событий и навлечь на себя несчастье. Заглядывающий в будущее сокращает свою жизнь, притягивает к себе болезни. Вспомните: много будешь знать – скоро состаришься. Это не просто фраза, это – космическая реальность. Надо быть умнее, не гоняться за готовыми ответами, а логическим путём давать эти ответы самим. И наконец, самое главное – закон равновесия. Любая система, любой объект должен стремиться к равновесию, как нормальному, исходному для себя положению. Равновесие распределяется по синусоиде, человеческая жизнь и судьба как система – тоже синусоида: чем меньше амплитуда колебания в этой синусоиде, тем лучше мы пройдем по жизни. Меньше будет несчастий, срывов. Для этого жизненная цель человека должна быть долговременной и в её основе должно лежать добро. Тогда интуиция, как компас, укажет наилучший путь для реализации цели.

Человеческая цель должна быть долговременной и иметь благородное начало. Это первоначальное условие для того, чтобы человека поддерживали «оттуда», если оно есть, идёт энергетическое закрепление такой цели, человека энергетически подпитывают, дают ему силы для осуществления благородной цели. Если же цель кратковременная, человек стремится к ней, бросает на её достижение все свои ресурсы, но как только цель достигается и происходит осмысление, что он дошёл до конечной цели, знак меняется с плюса на минус, и синусоида начинает идти в обратную, отрицательную сторону. Компенсация энергии, взлёт синусоиды наступит, когда человек снова выстроит благородную цель. Этому, по моему убеждению, мы и должны следовать.

**

Параллельно парапсихологической программе в Федеральной Службе Охраны в России разворачивалась и действовала новая экстрасенсорная военная программа, крупнейшая из существовавших в мире до сих пор. Её появление не было вызвано стратегическим противостоянием, а явилось естественной реализацией новых волнующих возможностей, открывшихся в результате падения гнёта марксистско-ленинской идеологии.

Эта программа началась в 1989-90 годах в Генеральном Штабе Вооружённых Сил СССР и не была посвящена исключительно экстрасенсорике. Её задачи были гораздо шире – исследование необычных возможностей человека, развитие его способностей, раскрытие его глубинных резервов. Для создателей программы экстрасенсорика была всего лишь частью этого потенциала, всего лишь выражением необычных возможностей человека.

Этой программе оказали поддержку многие крупные государственные деятели, включая последнего премьер-министра СССР Валентина Павлова, нескольких секретарей Совета Безопасности, многих начальников Генерального Штаба, и ряд крупнейших учёных – академиков АН России.

Создатель этой программы, доктор технических и философских наук, генерал-лейтенант Алексей Юрьевич Савин расскажет о ней в следующей главе.

Глава 9

Военная магия и Генеральный Штаб: сверхсекретная воинская часть 10003

Генерал-лейтенант Алексей Савин

Я родился в музыкальной семье. Мама была драматической актрисой, но, обладая великолепным голосом, занималась более вокалом, чем работой в театре. У отца был абсолютный музыкальный слух, он неплохо играл на нескольких инструментах. Вместе с тем у него явно проявлялся талант к математике и физике. Поэтому после окончания средней школы он успешно сдал экзамены сразу в три ВУЗа: Московский авиационный институт, Военно-Воздушную академию имени Н.Е.Жуковского и Московскую консерваторию. Во все эти учебные заведения он был принят. Поскольку отец жил в небогатой семье, то он предпочёл академию, где слушатель находился на полном государственном обеспечении. Тем не менее, занятия музыкой мой батюшка не оставил и организовал в академии джаз-банд, который пользовался в Москве большим успехом. На одном из концертов он познакомился с моей матерью, и они вскоре поженились.

После окончания академии отца направили служить на Дальний Восток в морскую авиацию. Во время второй мировой войны он участвовал в боевых действиях в различных горячих точках. Мать постоянно выезжала с концертными бригадами на фронт и выступала перед бойцами. В начале 1946 года отца как опытного и отличившегося во время войны специалиста перевели в вышестоящий штаб в Москву, где я вскоре и появился на свет.

Имея таких родителей, я с детства был близок к армии и мечтал о военной службе, особенно вдохновлённый послевоенной героикой советских Вооружённых Сил, но при этом я оставался погружённым в романтическую атмосферу мира музыки, литературы, фантастики и театра. Психологически это подготовило меня к тому, чтобы глубоко проникнуть в мир человеческих мыслей, фантазий, чувств и

переживаний. Потом пошла необычная череда болезней: в 6 лет я пережил первую клиническую смерть от неправильно прооперированного аппендицита, в 7 лет снова последовала клиническая смерть от воспаления лёгких, в 8 я ещё раз прошёл через этот опыт. Бабушка, которой я пожаловался на своё плохое самочувствие, сказала:

– А ты Бога проси.

Я стал мысленно обращаться к Богу и сразу почувствовал отклик. Ещё не осознавая, что входит в мою жизнь, я уверовал в эту всемогущую силу. С детства мне хотелось заглянуть за грань жизни и смерти, понять, что там происходит. Тогда и пошли первые опыты: после третьей клинической смерти я почувствовал, что он могу проникать в мысли других людей, буквально «считывать их», чётко улавливая направление мышления человека. Я начал ощущать в себе новые качества. Ко мне стала приходиться информация о судьбе людей: когда и по какой причине они умрут. Так однажды я предсказал смерть тогдашнего президента федерации СССР по тяжёлой атлетике, нашего хорошего знакомого. Однажды он был у нас в гостях, и как только ушел, я привёл в шок родителей фразой, сказанной вслед за закрывающейся за ним дверью:

– Жалко, дядя Дима умрёт сегодня, чуть-чуть не дойдя до дому.

И тот действительно умер от сердечного приступа совсем недалеко от подъезда собственного дома. Родители всячески внушали мне, что читать чужие мысли ничуть не лучше, чем подглядывать в замочную скважину, что человеку не надо предсказывать дату его смерти, это может лишить его полноценной жизни, которая может превратиться в мучительное ожидание смерти.

Я всё чаще стал обращать внимание на то, что говорила мне интуиция, и старался следовать этим подсказкам, осознавая существование некой силы, которая ведёт меня по жизни. Лет с пятнадцати я стал искать смысл жизни: и своей, и всего человечества. Начал читать Платона, изучил «Космогонию» Плотина. Меня волновали вопросы: Во имя чего стоит жить? По чьему повелению эта жизнь дарована мне? И, вообще, что такое жизнь? Я искал ответы на эти вопросы. Искал в

философских трудах, искал в разговорах с моим дедом – умнейшим и близким мне по натуре человеком. Он объяснял мне:

– Первоисточником всего сущего, в том числе и нашего мироздания является мысль, ибо всякое творчество зарождается и начинается в мысли. Здесь ищи ответы.

Первым итогом большой внутренней работы стало то, что изменилось моё отношение к людям. Меня перестали раздражать, люди, которые вели себя, по моему мнению, неправильно, осознав, что коль мы созданы Богом, то каждый имеет своё предназначение и свой путь. Лет в 17 я понял, что людей нельзя делить по принадлежности к расе или национальности. Да и категории «хороший-плохой» стали для меня условными и размытыми: ведь один и тот же человек в различных ситуациях может повести себя по-разному, и как злодей, и как герой. Конечно, я мог подурачиться в кругу друзей-ровесников, но глубоко внутри меня уже жила усмешка: я как бы со стороны смотрел и на их борьбу за лидерство, и на их первые юношеские романы.

**

В 1964 году я поступил в Черноморское Высшее Военно-Морское училище имени П.С.Нахимова на отделение, готовящее специалистов в области ракетного вооружения морской авиации. Во время учебы я начал искать глубокий смысл в физике электромагнитных волн, которая сразу заинтересовала меня. В моей голове не укладывались принятые наукой условности в области распространения и передачи информации. Ответа на поставленные мной самому себе вопросы я не нашел и спустя 30 с лишним лет, когда я пришел к выводу, что без развития теории эфиродинамики искать истоки электромагнетизма бесполезно. Физик Тесла – единственный, кто подошёл к этой идее вплотную, но и в его трудах, которые я смог изучить, исчерпывающего ответа на интересующий меня вопрос я так и не нашёл.

После окончания училища в звании инженера-лейтенанта меня направили в один из лучших научно-исследовательский институтов нашей страны – тогда он назывался Институтом Теоретической Кибернетики, ныне НИИ Авиационных

Систем. Институт был сверхсекретным и относился к системе организаций оборонной промышленности. Здесь я работал в военном представительстве, осуществлявшем контроль работ института. Наш НИИ впитывал в себя интеллектуальный ресурс многих талантливых и неординарно мыслящих людей. Так, например, крылатые ракеты, столь модные сейчас, были придуманы и спроектированы в нашем НИИ ещё в середине 60-х годов, задолго до начала аналогичных работ в США. Но эти перспективные разработки были заморожены по недомыслию наших высоких военных тузов. В результате нам пришлось догонять американцев.

В стенах института трудилась целая плеяда настоящих фанатов науки, работающих практически без выходных, сутки напролёт. Они воспринимали науку через призму системного анализа, взаимосвязанности вещей, их взаимодействия, и такой взгляд на мир стал для меня единственно возможным.

Здесь я проработал 16 лет, закончил аспирантуру по кафедре системного анализа (теория вероятностей, теория игр, исследование операций, анализ больших систем и др.), написал ряд научных работ по развитию боевой авиации, занимался вопросами от проектирования боевого самолёта до разработки мельчайших деталей его эксплуатации. Написал диссертацию, но защитить её не успел, так как в 1986 году мне предложили должность старшего офицера в Управлении вооружения Министерства обороны СССР. Было жалко уходить, но отказаться от такого заманчивого предложения я не смог. За время работы в Управлении Вооружения мне довелось познакомиться с массой интересных, в том числе и необычных, разработок. Так, в 80 годы я работал с группой, изучавшей торсионные поля. Смысл идеи торсионных полей заключается в следующем: особенно быстро вращающийся объект создаёт новый вид поля, не электромагнитного и не какого-либо другого из известных полей, а совершенно особого, не изученного наукой. На основе этих идей многие пытались строить летающие тарелки, генераторы, но особого эффекта не достигли.

Позже, когда при Управлении вооружения была создана особая группа аналитиков, отвечающая за идеологию разработки программ вооружения и разработку прорывных военных проектов, в неё вошёл и я. Этому подразделению поручали

выполнение самых интересных, в том числе и необычных заданий. И одно из них было связано с военной экстрасенсорикой.

**

Здесь и начинается история возникновения в Генштабе нашего Управления, ставшего известным как таинственная войсковая часть 10003. Всё происходило так. В конце 80-х годов гражданская группа экстрасенсов с подачи КГБ вышла на начальника Генерального штаба с предложением сотрудничества. Они указали, что могут искать пропавшие корабли, устанавливать местонахождение людей, диагностировать, лечить. Начальнику Управления Вооружения было поручено разобраться с данным вопросом и подготовить соответствующие предложения. Меня назначили ответственным исполнителем указания начальства, и я приступил к его выполнению. Я создал комиссию, состоящую из врачей, физиков, военных и гражданских учёных с целью проведения тщательной экспертизы предложений и возможности использования одаренных в области экстрасенсорики людей в интересах Вооруженных Сил.. Мы разработали систему тестов и на базе ведущих военных научных центров стали проводить свои исследования. Результаты показали, что в 80 % случаях заявленные авторами обращения в Минобороны возможности не подтверждаются. Но в 20% случаях экстрасенсы оказались на высоте. Такой результат убедил нас в том, что феномен существует, и необходимо продолжить его изучение. О нашем выводе было доложено руководству и мне было приказано подготовить развернутый доклад начальнику Генерального штаба, которым руководил генерал армии Михаил Моисеев.

Вскоре я был вызван к Моисееву. Он внимательно рассмотрел докладную, выслушал меня, а затем неожиданно предложил мне возглавить подразделение по развитию неординарных способностей человека, в том числе и экстрасенсорных. Дал штат в 10 человек, генеральскую должность и выделил помещение с правительственной связью. Юридически это было оформлено как войсковая часть 10003, и эту часть почти сразу местные остряки назвали в/ч «тысяча и три ночи». В районе метро Кропоткинская мне выделили служебную квартиру, которую мы в дальнейшем использовали для «внешних» встреч, переговоров и экспериментов.

Был у нас и ряд других «опорных» точек в различных штабах, НИИ, военных и гражданских учреждениях, которые мы создавали по мере необходимости.

Это направление мы назвали «Программой развития скрытых сверхвозможностей и способностей человека» и поставили задачу наделить наших обучаемых необыкновенными возможностями ума, когда человек способен запоминать большой объём информации, оперировать в уме большими числами и информационными потоками, раскрыть в человеке незаурядный творческий потенциал и экстрасенсорные способности. Мы также рассчитывали наделить человека высочайшей работоспособностью и уникальными возможностями тела, позволяющими выдерживать экстремальные условия и механические воздействия без ущерба для здоровья. Нашим стремлением было развить возможности и способности человека, заложенные в него природой, до феноменального уровня, а не просто искать экстрасенсов и выводить их на получение определённой информации, как это делали американцы. К тому же я понимал, что, идя по следам американских методик, нам никогда не удастся достойно противостоять им в разворачивающейся «Мозговой войне».

Параллельно мы искали прорывные направления в области создания новых видов вооружения. Мы наладили патентный поиск, через Министерство Образования получили доступ ко всем научным работам, отчётам, диссертациям, материалам конференций и т. д. Через руководство Министерства Иностранных Дел мы получили возможность приоритетного посещения всех международных выставок, проводимых в нашей стране, а также право детального ознакомления с материалами их участников.

С самого начала для моего отдела был установлен очень высокий уровень секретности. Вся информация докладывалась только начальнику Генерального Штаба. Такой стиль работы вполне оправдывался, так как только в режиме секретности был возможен прорыв в той области, где мы чрезвычайно отстали от наших основных оппонентов и где нам могли бы помешать невежественные руководители или представители воинствующего лобби борцов со «лженаукой». Переход на непосредственное управление со стороны начальника Генерального штаба позволял к тому же оперативно решать многие принципиальные вопросы и

получать оперативную административную поддержку. Генерал армии М.Моисеев прекрасно ориентировался и в общеполитических вопросах, и, тем более, в вопросах перспективных видов вооружений и развития военной мысли. Он не только нам помогал, но и генерировал многие интересные идеи. Работая с ним, я был счастлив, но груз ответственности перед ним и Вооруженными Силами от этого становился еще тяжелее. Ему удалось убедить нас в большой роли человеческого фактора в любой войне, тем более в наше время высокоразвитых технологий, в том числе человеческих.

Прошло почти десять лет, прежде чем первые туманные слухи о наших работах просочились в прессу. Люди и организации, с которыми мы работали, знали о нас только то, что касалось нашего взаимодействия. Конечно, в общих чертах о наших работах были осведомлены командующие родов войск и их начальники штабов, но в деталях не знали даже они.

По неписанным чиновным правилам любой человек, вновь появившийся в начальственной среде, воспринимается настороженно. Удивительно, но меня приняли сразу, за глаза называя «морячок» и помогая во всём. В Генштабе я хорошо узнал своего непосредственного начальника – генерала армии Михаила Алексеевича Моисеева. Умный, мощный, талантливый человек, Моисеев умел собрать вокруг себя незаурядных людей, тоже сильных личностей. Он вообще мгновенно разбирался в ситуациях, был силён также в оценке нового и непознанного.

Именно под его руководством в 1989 году я начал глубоко изучать неординарные способности человека и искать механизмы, познав которые, из обычного человека можно было бы сделать гения, развивая его интеллектуальные, физические и психические ресурсы. Мы рассуждали так: «Если есть весь спектр феноменов неординарных способностей, значит, есть и механизмы их последовательного формирования». История полна примеров, когда полководцы выигрывали войны с гораздо меньшими, чем у противника, силами. Значит, создав команду гроссмейстеров, можно выиграть любую кампанию: такие люди, с незаурядными мозгами, при любых, даже неблагоприятных условиях, переиграют всех.

Эта идея поддерживалась Моисеевым, и он дал «зелёный свет» нашей программе. Его директивой нам был подчинён ряд военных представительств, а также одно из управлений ведущего института Военно-Воздушных Сил. Но сразу же возникла проблема финансирования. Мы начали решать её по обычной военно-бюрократической схеме, встречая трудности на каждом шагу. Принятая у нас в стране бюрократическая схема финансирования работ была так громоздка и неповоротлива, что вопросы решались многими месяцами и годами, что остужало пыл любого энтузиаста. Чтобы поднять дух моих подчинённых, я постоянно делился с ними самыми оптимистическими планами на будущее, однако у меня самого на душе всё равно скребли кошки.

**

И тут, к моей невероятной удаче, я познакомился с тогдашним министром финансов СССР Валентином Павловым. У нас сразу сложились дружеские отношения. Это был один из самых грамотных министров в правительстве Советского Союза. Именно он помог нам правильно оформить первичное финансирование наших работ. Мы были очень ему благодарны и никак не ожидали большего.

И вдруг Валентин Павлов становится Премьер-министром, вторым человеком в стране после Горбачёва. Вечером мы об этом узнаём по телевидению, а утром, в 8 часов, он уже у нас – привёз несколько бутылок коньяку. Надо сказать, что в Советском Союзе тогда шла кампания борьбы против пьянства, был издан указ о запрете распития спиртных напитков на рабочих местах. Павлов достаёт из ящика бутылку, ставит на стол и говорит мне:

– Горбачёв не узнает, а Бог простит. Давай нарушим, отметим моё назначение.

В устах премьера это звучало забавно. Мы выпили по капельке, и Павлов говорит:

– Дай мне пару месяцев, и у тебя все документы будут подписаны.

При этом он попросил организовать выставку наших работ, наглядно показать направления, методы и средства работы с людьми. Его очень интересовал вопрос:

как можно открыть в человеке дополнительные ресурсы, особенно в области интеллекта.

Небольшую выставку я сделал. И в самом деле, не прошло и двух месяцев (рекордно короткий для таких дел срок), как выходит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о том, что моему направлению определяют особое место в программе вооружений с великолепным финансированием. Более того, Павлов создал такую систему, которая работала и дальше при любом политическом раскладе, поскольку вписывалась в особую строку бюджета, финансирование которой велось при любой власти и любой экономической ситуации.

Наш годовой бюджет в пересчёте на валюту оказался примерно равен 4 миллионам долларов, и оставался таким в течение всех 90-х и начала 2000-х, несмотря на всю инфляцию и колебания курса. Причём зарплаты моим сотрудникам шли не из этих денег, а, по-прежнему, из штатных средств Генштаба. То есть деньги выделялись исключительно на исследования и оргработы. Чтобы подобное организовать, например, в армии США, понадобилось бы несколько десятков миллионов долларов.

– Теперь давай делать суперэлиту, которая вытащит страну из дерьма, – сказал мне однажды премьер.

Мы вместе с ним сформулировали задачу – создать новую элиту страны, супераналитиков и суперсоветников для правительства, ЦК КПСС, Министерства Обороны. Решили разбить работу на этапы. Вначале предполагалось создать элитную группу из 100-120 человек и на базе Московского физико-технического института организовать их подготовку. Надо сказать, что выбор МФТИ в качестве базовой организации был не случаен. В его стенах родилось несколько удачных и неординарных программ, а ряд его сотрудников и наиболее отличившихся студентов уже прошли у нас предварительную школу суперподготовки. Научными руководителями были ректор Николай Карлов – редчайший эрудит и интеллектуал высочайшего уровня, и профессор Игорь Петров – человек с огромным кругозором и ярким талантом системного аналитика. Мы с большим энтузиазмом взялись за разработку и апробацию новых учебных программ, отобрали наиболее успевающих

студентов и начали в союзе с этими славными талантливыми ребятами отшлифовывать концептуальную часть нашей программы, доводя её до совершенства. Данная работа и составляла главное содержание первого этапа нашей деятельности.

Павлов и сам рекомендовал мне многих талантливых людей. В свою очередь помогал и Моисеев. Я тоже искал их по всей стране: в ВУЗах, в промышленности, в армии. Мы встречались с премьером регулярно, обсуждали дела, много говорили о жизни и о политике. Павлов слушал всегда внимательно, многое брал на заметку. Работал он на износ, себя не жалел, старался всё делать лучше всех. Поэтому главный надрыв у него произошёл, когда он стал премьером. Как-то раз зашёл он ко мне в кабинет, имея всего полчаса свободного времени, потом у него были важные дела. Вид измученный. Я предложил ему у меня на топчанчике полежать. Прилёг Павлов и сразу в сон как провалился, даже захрапел, настолько был уставший. Но прошло ровно полчаса – я думал уже будить его – вдруг он сам подскакивает и кричит: «Лена, Лена, скорей кофе горячего» (Леной звали мою сотрудницу, которая подлечивала премьера). Такое у него было чувство ответственности и времени – внутренний будильник сработал ровно через полчаса. Дай ему судьба возможность поработать дольше, многое он сделал бы. Но наша затея после крушения Советского Союза и ареста Павлова так и осталась на бумаге. Потом он оказался в числе ГКЧП-истов, после ГКЧП отсидел в тюрьме. Вышел из тюрьмы Павлов психологически надорванным, резко сократил свой круг общения и практически исчез из виду. Умер этот замечательный человек в 2003 году.

**

Наряду с главной целью подготовки гроссмейстеров военного дела Генштаб поставил мне и ряд военно-оперативных задач, одной из которых было разобраться, что может экстрасенсорика непосредственно сделать в интересах вооружённых сил. Первоочередными факторами здесь являются экстрасенсорная разведка и защита от экстрасенсорной разведки. Для решения задачи оперативного экстрасенсорного слежения за военными силами других государств мы подготовили группы в Военно-Морском Флоте и Военно-Воздушных Силах. Изучался нами и вопрос защиты от экстрасенсорного воздействия.

Анализировали мы и возможности оказания непосредственного манипулятивного воздействия на первых лиц различных государств. Проведя ряд исследований, мы пришли к выводу, что вбить в голову, например, президента программу, которую бы он беспрекословно выполнял – практически невозможно. Для этого требуется масса трудновыполнимых условий: особый расслабленный психологический настрой, специальное окружение, время. А президент – чаще всего сильный, волевой человек, за которым неотступно следует охрана. Он сам кого хочешь зазомбирует, недаром ведь стал президентом.

В дальнейшем мы этим вопросом не занимались, передав его в ведение Службы Безопасности Президента и Федеральной Службы Охраны. Вопросы, связанные с так называемым «психотронным оружием», я обсуждать здесь не буду. Этой обширной тематике будет посвящён специальный раздел в следующей книге.

**

Не все, конечно, верили нам и поддерживали нас. Приехали мы в 1990 году, в марте месяце в Звёздный Городок. Тогда командой космонавтов руководил лётчик-космонавт Владимир Шаталов. С ним стали обсуждать вопросы развития неординарных качеств у космонавтов, которые быгодились им в их деятельности как на земле, так и в космосе.. Но Шаталов все время переводил разговор к экстрасенсорике, чем вызвал у меня некоторую досаду и я тихо попросил одного из своих сотрудников показать ему одну из наших методик. Тогда тот неожиданно для Шаталова вступает в разговор и говорит:

– Пожалуйста, положите карандаш на раскрытую ладонь и наклоните руку.

Шаталов это сделал, и карандаш скатился с руки в точном соответствии с законами физики. Тут мой офицер пристально посмотрел на Шаталова и снова говорит:

– Быстро кладите карандаш, но пока не наклоняйте... А теперь наклоняйте!

И карандаш прилип, не скатывается с руки! Шаталов испуганно встряхивает карандаш, как осу, и кричит:

– Верю! Верю!

Но работать с космонавтами так и не допустил, психологически оказался не готов к этому. Хотя в это же самое время в НПО «Энергия», делавшем космические корабли, экстрасенсорика была в большом почёте. Да и ряд врачей, работавших в Центре подготовки космонавтов, отнеслись к нашим предложениям с большим интересом и энтузиазмом. Одного из этих врачей я взял на работу к себе в отдел для изучения системы диагностики экстрасенсорных способностей с использованием метода Фоля.

Дело в том, что в середине 1990 года нам с помощью Моисеева и руководства Военно-Воздушных Сил удалось решить почти не решаемую задачу. В Федеративную Республику Германию (и это в советское-то время!) были направлены на полтора месяца два моих офицера-медика с заданием обучиться методам диагностики и лечения, разработанными доктором Фолем. Ребята эти были не из простых: один пришёл ко мне из научно-исследовательского Института авиационной и космической медицины, а другой, как я уже сказал, – из Центра подготовки космонавтов. Оба были кандидатами медицинских наук и хорошо владели немецким и английским языками. По возвращении в Москву они составили подробный отчёт, в котором выдвинули предложение создать на базе моего подразделения лабораторию по доскональному изучению методик Фоля не только в лечебных целях, но и в интересах фундаментальной науки, и для диагностики экстрасенсорных способностей. Моисеев был не тем человеком, которого надо долго уговаривать. Его фантастическая направленность на новое и здесь нас не подвела. Оборудование было закуплено, и лаборатория начала свою работу.

**

В то время я был уже знаком с экспериментами выдающегося физика Л.Н. Лупичёва в области «полевого переноса» и даже читал протоколы лабораторных исследований, подписанные Президентом Академии наук СССР академиком Анатолием Петровичем Александровым. Материалы были рассекречены и опубликованы в научной литературе, но почему-то эти исследования остановились. Мы их продолжили.

Особый интерес у нас вызывали работы с водой. Известно, что вода составляет основу всего живого. Она выступает главным носителем информации в природе. У воды есть память. Благодаря своей структуре вода способна запоминать информацию, связанную со светом, звуком, любым физическим полем, мыслью и обычным словом человека, а также хранить ее или обмениваться ею с окружающей средой. Вода подвергалась нами различным видам воздействия, таким как музыка, изображения, электромагнитное излучение от телевизора, мысли одного человека и групп людей, молитвы, напечатанные и произнесенные слова.

Исследования наглядно продемонстрировали различия в молекулярной и кристаллической структуре воды при разном информационном воздействии, а также то, что вода реагирует на эмоции человека, то есть действительно является живой системой. Кристаллическая структура воды состоит из кластеров (больших групп молекул). Выяснилось, что негативные фразы и слова формируют крупные кластеры или вообще их не создают, а положительные, красивые слова и фразы создают мелкие, напряженные кластеры. Более мелкие кластеры дольше хранят память воды. Если есть слишком большие промежутки между кластерами, другая информация может легко проникнуть в эти участки и разрушить их целостность, таким образом стереть информацию. Туда также могут проникнуть микроорганизмы. Напряженная плотная структура кластеров оптимальна для длительного сохранения информации. Оказалось, что и каждая молекула воды способна хранить в себе гигантское количество информации.

Результаты наших научных исследований превосходили все ожидания. Мы научились наделять заданными свойствами дистиллированную воду, нам удавалось составлять такие смеси жидких и пластичных образований, которые не могли быть получены общепринятым путём. У нас вода, которая приобрела у нас статус живого и информационно насыщенного организма, выступала в качестве детектора лжи и банка данных. Помимо военных применений этих исследований, наши врачи начали работать над программой увеличения продолжительности жизни людей до 150 лет! Мощными союзниками в поддержке и развитии наших изысканий были военные госпитали, Институт авиационной и космической медицины, институты Российской Академии медицинских наук и, прежде всего Институт нормальной

физиологии, а также Институт высшей нервной деятельности, Институт мозга и другие. Нам пришлось расширить штат своих медиков, развить собственную лабораторную базу, сформировать рабочие места в некоторых клиниках и научных центрах. Неплохую научно-методическую и лабораторную базу нам удалось создать в Институте нормальной физиологии, где под руководством выдающегося учёного академика Судакова проходили детальные исследования свойств воды в различных условиях и при различных на неё воздействиях. Результаты работ иначе как прорывными в научном и мировоззренческом планах не назовёшь.

**

При Моисееве я начал работать с военными юристами, следователями Министерства Внутренних Дел, сотрудниками Комитета Государственной Безопасности. Работа с этими людьми внесла дополнительный колорит в нашу деятельность, и вопросы раскрытия преступлений и обеспечения безопасности нашей страны заняли достойное место в нашей работе, способствуя одновременно росту нашего авторитета. Мы часто использовали экстрасенсорику в раскрытии преступлений. Здесь отточились и мои собственные экстрасенсорные способности. Помимо аналитической и исследовательской работы, я стал лечить людей, ставить диагнозы на расстоянии. Спал по 2-3 часа в сутки, всё время работал, понимая: чтобы стать лидером по проблеме раскрытия ресурсов, ты сам должен вывести себя на определённый уровень. Можно даже привести отчасти юмористический факт, что в результате этой работы впервые в истории Вооружённых Сил нашей страны я удостоился оригинальной записи в аттестации: «обладает феноменальными способностями». Это было подписано пятью заместителями министра обороны и начальником Генштаба.

Справедливости ради следует сказать, что путь к достижению успеха не был спокойным, и порой судьба ставила перед нами такие проблемы, что только умение моего коллектива делать невозможное позволяла нам достойно выходить из самых тяжёлых ситуаций. В основном это было связано с раскрытием преступлений, разработкой прогнозов политической и экономической обстановки, определением нетрадиционными способами личных качеств людей, попавших в сферу внимания спецслужб и правоохранительных органов. Эти и многие аналогичные задачи не

входили в наши прямые обязанности, но с нас был самый строгий спрос, так как начальство справедливо считало, что я собрал под свои знамёна людей, наделённых чудодейственными способностями. Поскольку цена ошибки была очень высока, то подобная работа отнимала очень много психических сил и энергии.

Так, осенью 1990 года мне позвонил мой хороший товарищ Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР Валерий Очиров и предложил съездить в его родную Калмыкию. Там резко ухудшилась обстановка: вышли из подполья криминальные авторитеты, воры и бандиты. Республику стали делить на сферы влияния бандитских группировок. Требовалась серьёзная помощь правоохранительным и законодательным органам.

Получив «добро» на такую работу от начальника Генштаба, я отправил самолётом в столицу Калмыкии город Элисту группу анализа, включавшую нескольких экстрасенсов. А мы с Очировым решили прокатиться на его новенькой «Волге» и уже на следующий день мчались на юг, предвкушая не только интересную работу, но и встречу с гостеприимными родственниками Валерия. До самого Волгограда погода нас не баловала: косой дождь упорно стремился проникнуть в наш салон через слегка опущенные стёкла, грязь делала дорогу скользкой и маркой. Вдобавок обгоняющие и идущие впереди нас автомобили умудрялись так нас испачкать, что приходилось несколько раз останавливаться, чтобы протереть номера и стёкла. Вдруг Валерий напрягся.

– В чём дело? – спросил я.

– Видишь идущую за нами «Волгу» серого цвета? – пояснил Валерий. – Она не отстаёт от нас от самой Москвы и делает остановки одновременно с нами.

– Давай попробуем оторваться, – предложил я.

– Нет, это рискованно, Дорога очень скользкая, притом нет никаких гарантий, что тот водитель хуже меня водит машину, – ответил Очиров.

Но буквально через пару минут во время очередного усиления дождя Валерий умудрился втиснуться между двумя грузовиками, идущими колонной, передний из

которых так нас уделал грязью, что наша машина мгновенно потеряла свой истинный цвет и стала похожа на всех остальных, уныло ползущих по покрытой толстым слоем мокрой глины дороге. О номере и говорить не приходилось – он даже не угадывался. В таких условиях наши преследователи нас скоро потеряли, и мы через грязные стёкла несколько раз наблюдали их растерянные и злые от досады лица. Стало понятно, что информация о нашем визите как-то просочилась, и криминальный мир Калмыкии готовится к нашему приезду.

По пути был город Волгоград, где мы обратились в городское отделение милиции с просьбой установить с нами постоянный контакт и при необходимости выслать в пределах опекаемой территории помощь. Но слежки больше не было, и мы быстро прибыли в Элисту. Родные Валерия нам очень обрадовались. Это были открытые и добрые люди, которые не могли насмотреться на своего родственника-героя. После большого семейного обеда мы двинулись к местному управлению КГБ, где нас радушно и с большим интересом встретили. Быстро перешли к делу. Меня порадовал их обстоятельный и чёткий доклад. После уточнения кое-каких моментов наша команда приступила к работе. Правильность и чёткость оценок офицеров моей группы произвела впечатление на сотрудников КГБ, и они с большой охотой нам помогали.

Мы работали два дня. За это время моими экстрасенсами и аналитиками была вскрыта основная преступная сеть в столице Калмыкии. Используя наши экстрасенсорные методики, мои операторы выделяли особо опасных преступников из списков подозреваемых и даже просто из списков жителей, а также находили на карте места тайного проживания преступников, места их сборищ и хранилища оружия. Тут же местные чекисты и милиция произвели аресты некоторых лидеров преступного мира.

Вечером, накануне отъезда, когда мы степенно беседовали в кругу очировских родственников, вдруг позвонили из управления КГБ и предупредили, что по оперативным данным местные бандиты намерены рассчитаться с нами за причинённый урон. Нам предложили сопровождение милиции. Оценив риск, мы всё же отказались от постоянного сопровождения, но при этом продумали план

дезинформации и стали собираться в дорогу. В целях обеспечения безопасности я также постарался использовать некоторые экстрасенсорные методики.

День прошёл в беседах с руководством города и представителями местной интеллигенции, в посещениях нескольких предприятий. Отъезд наметили на вечер. Родители Валерия были расстроены скоропостижным расставанием и, покоряясь обстоятельствам, как-то горестно собирали гостинцы нам в дорогу. Едва начало смеркаться, как мы, тихо попрощавшись с родным для Очирова домом, отправились в рискованное путешествие.

В пяти километрах от города нас остановил пост ГАИ. Люди, одетые в милицейскую форму, были настроены очень недружелюбно. Они медленно изучали наши документы, их глаза шарили по салону «Волги», а руки нервно поглаживали стволы автоматов. Всё делалось молча, напряжение нарастало. Тогда мы, обменявшись между собой парой слов, применили психологический или скорее парапсихологический приём. Валерий, делая вид, что не понимает ситуации, с высокомерным видом прикрикнул на странных проверяющих:

– Вы что, не знаете своего депутата и героя республики? Я опаздываю на банкет с руководством города. Если хотите с нами пообщаться, подождите пару часов, мы скоро вернёмся.

При этом я сосредоточился и телепатическим путём постарался внушить лже-сотрудникам ГАИ, что с нами безопаснее будет расправиться на обратном пути, когда нас уже никто ждать не будет. Контролёры ослабились и вернули наши удостоверения. Однако ситуация оказалась гораздо серьёзнее: нас просто так не отпустили. Километров через десять мы увидели далеко позади нас огни фар нескольких машин. Нам удалось съехать на обочину и спрятать машину за полуразрушенным неприметным сарайчиком. Спустя несколько минут эскортом пронеслись три «Волги». Через какое-то время они вернулись назад, но уже не гнали, а неторопливо ползли по шоссе, чуть-чуть растянувшись по дистанции. Проехав с километр-полтора, машины остановились. По-видимому, находившиеся в них люди стали совещаться.

– Если они вернуться, то непременно нас обнаружат, – сказал я, – нужно скорее отсюда убираться.

– Раз игра началась, будем играть, – спокойно ответил Валерий.

Мы, не включая двигатель автомобиля, вытолкали нашу машину на дорогу и покатали её по ровному шоссе в противоположную сторону. Метров через триста дорога пошла под уклон, и машина покатила веселее. Потеряв из вида наших преследователей, Валерий включил мотор и, не зажигая фар, на огромной скорости повёл машину по шоссе, освещаемому яркой луной и звёздным небом. Мы опасались других подвохов на пути, но противник таких вариантов не предусмотрел. Когда показался настоящий милицейский пост при въезде в Волгоградскую область, мы были готовы их просто по-братски обнять.

И мои ребята-экстрасенсы, и элистинские чекисты сработали на славу. Преступный мир Калмыкии потерял своих руководителей и рассыпался на осколки, тщательно собираемые милицией и службами безопасности. Руководство республики восстановило законность и порядок.

**

В начале 90-х годов произошёл другой интересный случай. После Чернобыльской катастрофы было весьма актуально разработать экстрасенсорную методику дистанционного контроля состояния ядерных объектов, и я этим занимался. И вот, работаю у себя в кабинете, проверяю эту новую методику, и вдруг ко мне проходит по экстрасенсорному каналу информация, что в Великобритании, в Глазго должен произойти ядерный взрыв, аналогичный чернобыльскому. Я отмахнулся от этой информации, списав её на свою усталость. Но такие же ощущения грядущей беды в Глазго возникли на следующий день. Я применил другую, на этот раз традиционную экстрасенсорную технику: стал водить рукой по карте, – и руку просто выламывало в той области карты, где был обозначен Глазго.

Передавать англичанам эту информацию по официальным каналам Министерства Обороны и Министерства Иностранных Дел уже не было времени. Это не быстрый путь, а бюрократические проволочки могли стоить жизни тысячам людей. Я сам тоже не имел права контактировать напрямую с английским посольством в связи с

моим особым допуском к государственным секретам и разными подписками. К счастью, у меня был приятель, связанный по делам с англичанами. Я позвонил ему, попросил срочно связаться с ними и сказать, что в Глазго должна произойти ядерная катастрофа. Либо на подводной лодке что-то рванёт, либо электростанция взлетит на воздух. Надо всё проверить, попытаться предотвратить. На следующий день он позвонил мне и сообщил, что зашёл в английское посольство и довёл до их сведения мою информацию. Конечно, он не стал объяснять, что информация получена экстрасенсорным путём, а просто сослался на источники в российском Генштабе. В результате для англичан эта информация выглядела как жест доброй воли, как подарок российской разведки. Думаю, это заставило официальных лиц посольства отнестись к ней серьёзно и немедленно передать в Великобританию.

Прошло некоторое время, и я стал уже забывать об этом инциденте, когда снова позвонил мой приятель и сообщил удивительную новость. Оказывается, его пару дней назад пригласили на приём в британское посольство, обласкали и вручили ценный подарок, ничего не говоря прямо, но явно подчёркивая свою благодарность. Никаких причин тому, за исключением переданной нами информации, не было. Поэтому мы пришли к выводу, что информация о грядущем взрыве оказалась верной и беду удалось своевременно предотвратить. У меня возникло чувство огромного морального облегчения и радости, по сравнению с которым естественная гордость экстрасенса за правильно считанную информацию не имела никакого значения. Ведь столько горя, сколько бед принесла нашему народу Чернобыльская катастрофа, не дай бог никому испытать такое! Конечно, мою радость омрачала неотвязная мысль: почему же наше государство не могло подобную работу провести раньше и избежать Чернобыльской катастрофы? Пока гром не грянет, мужик не перекрестится? А жаль...

**

Порой в череде обыденных плановых дел возникали, вроде бы из ничего, крайне тревожные и тяжёлые для нас ситуации. Вызывает меня как-то Моисеев и просит проработать сейсмическую обстановку на Камчатке, используя экстрасенсов, входящих в мою команду. Ему понадобился этот прогноз в связи с предстоящими учениями. Через некоторое время я принёс ему отчёт с указаниями, где, когда и

какой силы произойдут на Камчатке землетрясения. Моисеев вызвал генерала, отвечающего за этот регион, и передал ему информацию. Тот, вместо осторожного разговора по телефону, послал на Камчатку шифровку, требующую провести активные предупредительные мероприятия. Шифровка разошлась по частям, но вместо превентивных мер люди стали в массовом порядке выезжать из мест, упомянутых в докладе. Началась самая настоящая паника. А это было начало 1991 года, и такие действия считались преступлением перед партией и народом. Мне позвонили из аппарата министра обороны и сказали, что если не будет землетрясений, то я не только распрощаюсь с Генеральным штабом, но и пойду под суд как паникёр и безответственный подстрекатель. Обстановку ещё более нагнетали звонки с вопросами и угрозами из ЦК КПСС, правительства, Академии наук и других авторитетных в то время органов. Позвонил и генерал, отправивший шифровку, и «успокоил»:

– Крепись, Алексей, плохи твои дела, хуже не придумаешь.

Я понял, что пророком быть небезопасно. Не будет землетрясения – поступят со мной жёстко, в назидание другим. И вот, в указанный день сижу на работе, домой не поехал. Уже полночь, час ночи, к двум часам задремал в кресле, и тут звонит «кремлёвка». Поднимаю трубку, а оттуда надрывной голос генерала:

– Всё точно, Алексей, там грохнуло!

С одной стороны – людей жалко, а с другой – облегчение. Произошло всё так, как я и предсказал: в тех районах (ошибки были всего в несколько километров), с предсказанной бальностью и в названное время. А потом снова сверху терзать начали, чуть ли не во вредительстве обвинили: ты не патриот, ты саботажник, скрываешь метод определения землетрясений... В общем, дурдом. Если бы Советский Союз не развалился, были бы у меня серьёзные проблемы.

**

Всех людей интересует их будущее, не только обозримое, но и отдалённое. Чем дальше пытается заглянуть человек, тем он испытывает большее беспокойство. Это беспокойство усиливается мыслью о смерти. Чем старше человек, тем вопрос смерти для него актуальнее. Ведь с самых древних времен каждого человека

волнует вопрос: «Что же будет со мной после смерти?» Эта мысль одновременно притягивает и внушает мистический страх, потому что нет, на первый взгляд, никаких доказательств того, что существует жизнь после смерти.

Отношение человека к смерти исключительно важно не только с общепhilosophической, но и с сугубо практической военной точки зрения. Одну из своих основных задач мы видели в том, чтобы устранить из сознания людей страх перед смертью и рассказать им, что лежит за чертой земной жизни. Для этого мы провели один любопытный эксперимент.

В июне 1990 года мы с помощью КГБ протестировали около 100 добровольцев, из которых отобрали 30 человек, хорошо поддающихся гипнозу. Ввели их в глубокий транс и попросили рассказать о прошлых жизнях. Эти люди начали описывать, кем они были раньше в прошлых жизнях, где тогда жили, в каких странах, иногда с большими подробностями, вплоть до названий посёлков, улиц и номеров домов. Полученные материалы мы проанализировали, после чего направили их соответствующие отделы КГБ, в Министерство внутренних дел, в Министерство иностранных дел и в органы разведки с просьбой проверить достоверность представленной информации. Оказалось, что более 10 человек из 30 указали правильные данные, точно совпавшие со старинными записями и метриками, точно указали свои прошлые имена и фамилии, точно описали дома и местность, в которых они жили в предыдущих веках. Подвох мы практически исключили, так как вопросники были тщательно продуманы, эксперимент тщательно контролировался учёными, врачами, военными и сотрудниками спецслужб, а все данные об испытуемых были подробно изучены во всесильном КГБ.

Как уже отмечалось, для нас эта работа имела, как мировоззренческое, так и военно-практическое значение, она сделала рабочей гипотезу о переселении душ. Этот строго проведённый научный эксперимент стал для меня последней точкой в рассуждениях, есть ли душа, существует ли реинкарнация. Конечно, да, существует, причём душа развивается, переходя от тела к телу. Это позволяет понять, что смерти в действительности нет, и что в смерти нет трагедии. Есть только изменения в форме сознания.

**

Не заставили себя ждать и другие необычные события. Июнь 1991 года. От начальства приходит распоряжение лететь в Узбекистан принимать инопланетян. Дело в том, что один из экстрасенсов, Марк Мельхикер занимался исследованиями НЛО. Экстрасенсы из его группы, работающие в разных городах, одновременно пришли к выводу, что в местечке Заравшан в определённое время должны приземлиться инопланетяне, ищущие контакта с земной цивилизацией. Поскольку к тому времени многие военные лётчики и моряки уже сталкивались с НЛО, кто-то из ближайшего окружения Горбачёва подсунул ему это сообщение экстрасенсов. Горбачёв без каких-либо комментариев отправил письмо Мельхикера Министру Обороны Язову. Язов направляет бумагу Моисееву. А Моисеев написал на ней: «Принять», адресуя этот приказ Главнокомандующему войсками ПВО и мне. Мне позвонили из ПВО: что делать? Отключить боевые комплексы, чтобы кто-то из наших случайно не запустил во внеземных гостей ракетой? Но при этом оголить юг нашей страны? Такое решение мог принять только Горбачёв, и решение было очень ответственное: оставить «горячий» юг страны без системы ПВО. Я пришёл с докладом к Моисееву, и он сказал буквально следующее:

– Это не твои проблемы. Твоя задача – правильно подготовить приём инопланетян. Через какое-то короткое время звонок от него: «Вопрос с Горбачёвым проработан – комплексы будут отключены».

Садимся в самолёт, летим в Ташкент, потом в местечко Заравшан, которое указал Мельхикер. Прилетели в пустыню, сели – никого нет. Развели костёр, стали подтрунивать над Мельхикером. Вот тут-то он и говорит одному особо зубоскалившему командиру вертолёта:

– Давай я введу тебя в гипноз, и ты будешь разговаривать с инопланетянами, а мы все слушаем вашу беседу.

Всем стало интересно, шутки стихли. Мельхикер ввёл командира вертолёта в гипнотическое состояние, и тот начал с кем-то разговаривать. И вдруг неожиданно для нас этот лётчик, человек со средним образованием, начал выдавать такие глубокие научные мысли, причём на таком сложном научном языке, что мы

вынуждены были признать, что он действительно беседует с представителем иной цивилизации, с кем-то, обладающим огромными научными познаниями неземного характера. Эта беседа была записана на магнитофон, и всё наше начальство убедилось, что, хотя мы и не увидели инопланетян, но однозначно столкнулись с необыкновенным явлением, выходили на телепатический контакт. В этом разговоре лётчику было сказано, что инопланетяне не сели в указанном месте, поскольку не были выполнены все условия, которые они пытались оговорить, вступая в мысленный контакт с экстрасенсами. Что-то экстрасенсы недопоняли, а что-то так и осталось загадкой.

Прилетев в Москву, мы доложили правительству о нашей оценке ситуации. По нашему мнению, цивилизация, входившая в контакт с нами, намного обогнала нас в развитии, и мы производим на них такое же впечатление, какое на нас производят отсталые племена каннибалов. Нам стало понятно, что вообще не следует заниматься физическими поисками НЛО. Наши варварские попытки подкараулить представителей более развитых цивилизаций без их на то согласия (а такое бывало!) всегда обречены на провал. Когда они захотят контакта, то сами выберут место и время встречи.

В результате этой истории у меня сложилась методика, как выходить на телепатический контакт с НЛО. Я собрал особую «девчачью» группу, и мы начали мы с того, что учились ходить по церкви и слушать свои ощущения. Вслед за этим я стал учить их телепатическому общению: у каждой девушки был свой «ключ», подходящий только ей метод, выводящий её на определённый объект общения, своего «абонента». Затем девушки вызывали невидимый летательный аппарат, мысленно ходили по нему и рассказывали о своих зрительных, слуховых и других ощущениях. Одна из девушек поднималась по трапу, побывала в каком-то зале, получила информацию о том, из чего сделаны корабли. Ей сказали, что главное – это духовное развитие, поэтому России не надо гнаться за деньгами, технологиями и военными проектами. Надо больше заниматься духовным ростом, и не надо смотреть на Россию как на пуп земли. Все народы равны и все люди сёстры и братья. Человек с детства должен знать, что мы все в одном космическом корабле. Каждая наша мысль читается, а в конце жизни каждая мысль будет нам показана, и

мы сами будем себя судить. Вот такие мысли пытаются донести до нас инопланетяне. Очень похоже на наших собственных духовных учителей. У меня есть приятельница, которая работала тогда на центральном телевидении. Она сняла об этих девушках-контактёрах небольшой 10-минутный документальный фильм, который потом не раз показывали по Первому каналу.

Активность НЛО часто связана с аномальными зонами, например под Чеховом, маленьким городком в Московской области. В таких зонах я бывал не раз, ощущал на себе необычные явления: останавливались часы, приёмники переставали вещать, появлялись звёздочки и тарелки на небе, причём там, где мы точно знали, что нет никаких ракет и спутников. На Северном Кавказе, в Домбайском ущелье, и даже в самой Москве мы тоже сталкивались со следами НЛО, но это меня уже не впечатляло, потому что я чётко понимал приоритет телепатического контакта с инопланетянами над физическим и визуальным.

**

В начале 90-х в Министерстве внутренних дел тоже был центр, его возглавлял полковник, доктор медицинских наук, профессор Вячеслав Звоников. Конечно, в МВД использовали экстрасенсов для раскрытия преступлений. Но методики отбора людей у нас были разные. Я считал, что чем меньше человек излучают энергию, тем лучше он считывает информацию, поэтому мои ученики не выдавали себя исходящей от них энергией. Звоников думал по-другому: чем выше личная энергетика экстрасенса – тем лучше результат. Он экспериментально проверял это, вёл записи и протоколы, ездил в Тибет и в Южную Америку, оттуда дистанционно работал с людьми.

В бывшем КГБ, ныне ФСБ тоже велась параллельная работа, которую возглавлял генерал-майор Николай Шам. Они изучали вопросы экстрасенсорики и искали возможность использовать людей с феноменальными способностями в разведке и контрразведке. Кроме того, генерал Шам координировал совместную работу наших трёх силовых ведомств.

Понемногу о нашей работе становилось известно. Последовало сразу несколько серьёзных предложений из разных мест. На базе авиационной Академии в Монино

предложили создать полигон для того, чтобы развить в лётчиках новые качества, открыть дополнительные ресурсы, апробировать методы работы с людьми. Заинтересовались моими работами и Академия Ракетных Войск, и Военно-Политическая Академия, и МВД страны, и контрразведка. Именно на этих экспериментальных площадках я начал оттачивать свои методики.

**

Осенью 1991 года Моисеева на посту начальника Генштаба сменил Владимир Лобов. Его незаурядный ум, компетентность и проницательность были хорошо известны в военных кругах. С таким человеком работать было и очень интересно, и очень ответственно. Явившись к нему на доклад, я оказался в казусной ситуации. Прослушав меня минуты три, Лобов как-то незаметно вмешался в разговор, и дальше уже я слушал его лекцию по проблеме, которой сам занимался. Я был шокирован его эрудицией и не мог скрыть своего восхищения. Лобов сэкономил несколько месяцев моей работы, структурировав её и чётко обозначив основные направления поисков в условиях новой обстановки после распада СССР.

При Лобове в 1991 году я получил звание генерала и... зелёную форму взамен своей чёрной, морской. Узнав о присвоении звания, я пошел форму черного цвета генерала морской авиации. Но вдруг мне сообщили, что представляться надо идти в зелёной генеральской форме. Времени шить новую форму уже не было, и, чтобы прийти к Министру Обороны на представление к званию, мне пришлось раздевать своих друзей-генералов, снимая с кого китель, с кого сорочку, с кого брюки. Китель по размеру найти не удалось, и я заявился к министру в кителе на два размера больше, со свисающими рукавами. Новоиспечённый генерал выглядел как новобранец, впервые надевший военную форму. Лобов, присутствовавший на представлении, не смог скрыть улыбку и подмигнул нашим ребятам: «Мол, наш ясновидящий не смог предугадать цвет своего же собственного мундира. Ну прямо в лужу сел!» Начальники штабов дружно прыснули.

**

В 1992 г. на место Лобова, по требованию Министра Обороны маршала Шапошникова, назначили генерала Виктора Самсонова, очень сухого, жёсткого

человека, любителя порядка. Многие генералы говорили, что когда они подходят к его кабинету, то у них от страха кровь стынет в жилах. Когда я пришёл к нему с докладом, то он, выслушав меня, не выказал никаких эмоций и почти ничего не сказал, но в глазах было: «Молодец, парень, работаешь, делаешь своё дело, ни о чём не просишь. Так действуй и дальше». И работать мне, по-прежнему, не мешал никто.

Одним из основных направлений нашей военной программы была организация широкомасштабной подготовки военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и контрразведки по разработанной нами методике раскрытия экстрасенсорных способностей. В частности, мы сформировали несколько групп из офицеров Военно-Морского Флота и Военно-Воздушных Сил страны. Военно-морской разведке очень важно оперативно отслеживать районы патрулирования подводных лодок-ракетоносцев потенциального противника. Мы провели эксперименты, и оказалось, что наши экстрасенсы после специальной тренировки могут находить эти лодки по карте в реальном времени с очень высокой точностью. Мы подготовили для флота несколько групп, которые и сегодня там работают. В авиации подготовленные нами ребята с 80-85% точностью находили замаскированные наземные цели, как по карте, так и на местности во время полёта. В оперативных группах слежения наши офицеры-экстрасенсы знали до деталей состояние здоровья, личные качества и отношение к службе практически каждого члена экипажа американских стратегических самолётов. Они могли по фотографиям определять техническое состояние многих видов боевой техники США и степень готовности основных образцов их вооружения. Интересно, что подготовленные нами ребята, даже уходя в отставку, всё равно ярко проявлялись «на гражданке», начинали, к примеру, диагностировать болезни и лечить людей. Об этих работах киностудия Министерства Обороны сняла пару документальных фильмов для внутреннего пользования. Впоследствии эти фильмы были рассекречены, и некоторые фрагменты из них показаны по центральному телевидению.

В 1992 году мы набрали группу из старослужащих солдат, которые через полгода должны были демобилизоваться. Пришли к нам «дедки», развязные, циничные.

Начали мы с ними заниматься, и через полгода их было не узнать: стихи стали писать, цветы руководительнице проекта дарить, многие из них бросили курить. Стали проявляться элементы этикета, реакции на возмущающие моменты стали мягче. После 6 занятий по саморегуляции ребята ходили по битому стеклу, по раскалённым углям, им втыкали иголки – боли они не чувствовали совсем. Проводили занятия по рукопашному бою, в экспериментальном порядке развивали память, скорочтение, погружение в языки. Всё это прошло на «ура», так что методики мы отработали. К этому времени я уже научился делать настройку на информационное поле, стал отрабатывать и эту методику с учениками. Здоровый человек – духовно и интеллектуально развитый человек – разве обидит кого, он сам выйдет из сложной ситуации и другим поможет. К концу службы этих ребята изменились необыкновенно. Их духовный и культурный уровень создал мощный иммунитет к грубости, неуставным взаимоотношениям, «дедовщине». Каждый из них, приобретая новые для себя способности и почувствовав мощную внутреннюю духовную силу, становился тем человеком, о котором говорил выдающийся русский философ П.Успенский, - человеком с космическим сознанием. Прекрасный пример того, как можно решать в армии многие нравственные проблемы.

В некоторых моих группах были введены вегетарианство и сухой закон. Алкоголь и мясная пища забивает мозги и зашлаковывает сосуды, разбалансируя контуры настройки подсознания на частоты информационного поля. Я сам лет 30 не ем мяса. Выпивать иногда приходилось, тут никуда не денешься. Деловые переговоры, присвоения званий, награды и многое другое традиционно требует выпивки. Идиотская традиция, но ей приходится следовать ради интересов дела. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять: чем скорее мы от этой традиции избавимся, тем лучше у нас в стране пойдут дела. И начинать надо хотя бы с того, чтобы для себя лично вводить разумные ограничения.

**

Здесь также надо выразить моё отношение к психически активным химическим веществам, таким как ЛСД и другие психоделики. Начиная с 60-х годов, огромную работу в этом отношении провёл Станислав Гроф. В этой области он продвинулся

дальше других. У Грофа не было шор и тормозов, он имел смелость экспериментировать в широком плане. Труды Грофа показали мне направление исследований, избавили от мучительных поисков, не дали зайти в те тупики, в которых оказался он сам. В значительной степени я считаю его своим учителем. Очень интересным был его метод холотропного дыхания, когда человек, дыша особым образом, входит в изменённое состояние сознания. Хотя людям при работе с психоделиками и интенсивным дыханием открывались очень любопытные вещи, я не считал себя вправе использовать такие методы. Если хоть у одного из тех, с кем я экспериментировал, нашли бы патологические изменения в психике – не сносить бы мне головы. Всё было бы списано на химические вещества и интенсивные методики. При нарастающей эпидемии наркомании и вакханалии псевдо-борьбы с наркоманией бюрократическая машина просто уничтожила бы наш проект. Поэтому, с уважением относясь к личности и методикам Станислава Грофа, я никогда бы не пошёл по его пути. И правильно сделал, потому что с течением времени мне стало понятно, что именно является первопричиной уникальных способностей, как эти способности появляются, и как их можно развить в любом человеке. Наши методики развития этих способностей никак не связаны с использованием психоактивных химических веществ и не требуют интенсивных способов входа в особые состояния сознания.

**

Но вернёмся к истории. Вскоре в Генштаб на место Самсонова пришёл генерал Виктор Дубынин, очень интеллигентный, глубоко мыслящий человек. Дубынин умел в каждом человеке найти сильное звено и построить дело так, чтобы каждый из офицеров вёл свою сильную игру. У него, к сожалению, был запущенный рак печени, и спасти его не удалось. Мы были потрясены – что за наваждение преследовало обитателей кабинета начальника Генерального штаба! Если накануне людей просто отправляли в отставку, то сейчас дело дошло до смерти. Так можно и при всём нежелании поверить в мистику.

Рак – это вообще мистическая болезнь. Её часто называют неизлечимой, в то время как в мире существуют тысячи людей, полностью излечившихся от рака, в том числе, и совершенно без помощи врачей. Очень часто от рака излечиваются именно

нетрадиционными методами. В любом случае рак – это духовное испытание и средство для пересмотра своих взглядов на мир.

В связи этой болезнью мне вспоминается один мой хороший знакомый, Николай Егоров, бывший в середине 90 годов главой Администрации президента. Он явно обладал экстрасенсорными способностями. Видно было, что он наделен особой интуицией – думаю, у него была интуитивная неосознанная канальная связь с высшими измерениями. Интересный был человек, любил искусство, был хорошим ритором. У меня с ним сложился отличный контакт, и по моему предложению при Егорове в правительстве был создан Научно-Технический Комитет. Мы его называли «Совет Мудрейших», и задачей этого Комитета было внедрение самых прогрессивных идей в производство, науку, социальную сферу. В частности, ряд этих идей и решений был предложен моей командой. Но у Егорова был рак, он испытывал жесточайшие боли. Может, мы и смогли бы его вылечить, но он не верил в своё излечение, а это является главным условием успеха. Жалко терять таких хороших людей, но, наверное, он отработал своё в этой жизни, поэтому его и забрали с земного плана. Да и много ли он мог сделать в общении с вечно пьяным президентом и в вечном болоте грязных интриг? Вот и получилось внешне так, что рак стал на пути позитивных перемен в нашей стране. А на самом деле – просто было не время.

**

На место Дубынина в декабре 1992 года назначили генерала Михаила Колесникова. Интересный момент, что Колесников, хотя и курил, но обладал собачьим нюхом. Он по запаху мог определить качества человека, у него были какие-то одному ему понятные ассоциации между запахом и качествами людей. Видимо, запахи у него были привязаны к образам. Если он чуял «не тот» запах у человека, то даже не вставал при приветствии таких людей. Колесников был почти детектором лжи: по запаху мог определить даже настроение человека.

Он был осведомлен о моих работах в самых общих чертах и относился к ним довольно скептически. На первом же докладе, с которым я пришёл к нему, Колесников сказал, что решение принято: в Генштабе мне не место. Он предложил

мне идти к генерал-полковнику Станиславу Петрову, возглавлявшему войска химической защиты:

– Петров – доктор наук, вы с ним найдёте общий язык. Ты уже генеральское звание получил, так что ничего не потеряешь, уйдя из Генштаба, – отрезал он.

Я уже повернулся, чтобы уйти, но тут Колесников заметил в моих руках кассеты.

– А это что? – спросил он.

– Фильмы о расширении возможностей человека и об экстрасенсорной работе в войсках.

– Длинные?

– Да нет, один – минут на 7, другой – минут на 12.

Я немного схитрил. Первый фильм был на 15 минут, а второй – на 35.

– Ну ладно, поставь короткий, – нехотя бросил Колесников.

Он уселся в кресло и во время демонстрации не произнёс ни звука. По окончании фильма Колесников встал, вытащил из серванта бутылку коньяка с рюмками и предложил:

– Ну что, выпьем?

– Не откажусь.

– А ты ж не пьёшь, – поддел меня Колесников.

– По такому случаю не грех и нарушить традицию, – парировал я.

– А по какому-такому случаю? – хитро прищурился Колесников.

– По случаю принятия Вами решения о том, что я остаюсь в Генеральном Штабе.

– Ох уж мне эти экстрасенсы-пророки! А что ещё можешь сказать?

– То, что Вы будете нам покровительствовать.

– Видимо, придётся, – заулыбался Колесников, – раз уж звёзды так говорят...

Мы выпили по рюмке, и я показал второй фильм. Колесников внимательнейшим образом досмотрел фильм до конца и заключил:

– Я принял решение: оставайся у меня, подготовь мне хотя бы пяток таких необыкновенных людей.

А своему порученцу сказал, чтобы меня принимали без записи в любое время дня и ночи. Было всего человек десять, при входе которых он вставал и подавал им руку, теперь в их числе оказался и я. Позже мы настолько стали понимать друг друга, что говорили не прямым текстом, а на эзоповом языке. Так что мои доклады Колесникову часто вызывали недоумение у окружающих.

По распоряжению Колесникова я вдвое увеличил свой штат и начал интенсивную отработку своих методик подготовки военнослужащих. Теперь только у меня в отделе работало 25 человек, и кроме них было множество людей и организаций, связанных с нами работой по договорам. Это были и академии, и учебные центры, и научно исследовательские институты, и войсковые части, и многие гражданские учебные и научные заведения. А от всё новых и новых желающих принять участие в этой интересной работе просто не было отбоя.

Одними из первых начали подготовку лётчики и ракетчики. Так, например, начальник академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого выделил нам, освободив от других занятий, более семидесяти человек. Работать с ними вначале было непросто. Передо мной сидели «дети окраин», до этого жившие бедной и скучной жизнью в маленьких провинциальных городках без особых надежд на продвижение по службе. Наверное, поэтому кто-то из них был переполнен цинизмом, кто-то нигилизмом, а кто-то вообще передавал себя на волю случая в надежде на русское «авось». Поэтому к первому общению с ними я готовился особенно тщательно. Тем более, что понимал первопричины их отличия от москвичей, щедро наделенных благами культуры и цивилизации. Привёз я на встречу наиболее колоритных своих колоритных учеников, продемонстрировал их парапсихологические способности, рассказал о необычных исследованиях. Не скажу, что сразу, но настроить настроенных слушателей на нужную волну мне всё-таки удалось.

Уже на следующий день курсанты были разбиты на группы, и мои ученики стали с ними работать. Первые результаты поразили даже меня, а начальник Академии, не

сдержавшись, в порыве изумления написал благодарственное письмо начальнику Генштаба. Ребята отбросили свой цинизм, стали думать о хорошем и светлом, проявлять гуманное отношение к окружающим, начали ходить в церковь, писать неплохие стихи и прозу, в них пробудилось творческое начало. Потеплели отношения в их семьях. Стал лучше работать интеллект, усилились мыслительные способности, они и физически стали здоровее. Многие курсанты неожиданно для себя стали диагностировать болезни и начали лечить людей. Что-то произошло с их мозгами, то есть «подключка» на эти флюиды информационного поля придаёт новые качества системе мышления человека. Многие бросили пить и курить. Практически все стали философами, думающими о судьбе России и о месте в ней Вооружённых Сил и каждого отдельно взятого человека. Это было очень похоже на реальное формирование нового человека, которого так добивалась, а точнее, декларировала, что добивалась, марксистско-ленинская идеология. Эти курсанты фактически стали миссионерами светлых идей, которые в дальнейшем понесли в массы – солдатам и офицерам, с которыми они служили.

Это была моя сверхзадача, и я её выполнил. Помню, как-то в этот период Колесников, видя результаты нашей работы, сказал, что мир завоеует не оружие, а человек нового качества, который должен быть близок к Богу, человек с космическим сознанием. Одно дело – услышать такую формулировку от философа или священника, другое – от начальника Генерального Штаба Вооружённых Сил России.

**

В это время я вместе со своей командой собрал в Московском Государственном Университете им. Ломоносова конференцию по вопросам современной космологии, в которой участвовало около 600 философов. Интерес эта конференция вызвала, но чувствовалось, что наши философы пока не подготовлены к восприятию этих вопросов, всё ещё зашорены марксистско-ленинской философией. Видя необходимость ломки таких устоявшихся взглядов, я обобщил большой материал от буддистской философии и Платона до Толстого и русских космистов и написал книгу «Основы новой космологии». Эта книга стала

пособием к нашим занятиям и частично легла в основу моей докторской диссертации по философии.

**

Перевалил за экватор 1993 год. Наш проект набирал силу, и всё выглядело оптимистично. Но реалии жизни заставили меня существенно изменить свои планы. В стране назревали грозные события. Уже горел Парламент, правоохранительные органы «зашивались», разыскивая бандитов различных мастей, склады с оружием, наркотиков, вскрывая явки, тайники и перевалочные базы иностранных агентов, наводнивших нашу страну. Надо было подчистить Москву.

Колесников приказал мне отложить основную работу и все силы бросить на помощь сотрудникам государственной безопасности и милиции. Пока мои ребята искали преступников, склады оружия, террористические явки, мы обучали контрразведчиков, сотрудников уголовного розыска, создавали для каждого вида силовых структур свою «продвинутую» команду. Координация взаимодействия была возложена на генерала Квашнина, занимавшего один из ведущих постов в Генеральном штабе. Тогда-то мы и сдружились. Он отдавал дань нашим способностям и высокой эффективности работы, мне импонировали его трудоспособность, умение собраться в экстремальной обстановке, а также неординарность мышления. Контрразведка и милиция по-достоинству оценили наше участие и прислали Колесникову хвалебные отзывы. Чуть позже в очень удачной обработке эти документы попали на страницы газеты «Московский Комсомолец», и неожиданно для нас множество людей увидели истинный масштаб проделанной нами работы.

В это время мне часто приходилось взаимодействовать с генералом Андреем Николаевым, занимавшим в ту пору пост первого заместителя начальника Генштаба. Эта короткая совместная работа отложилась в моей памяти до сего дня. Всё, что мы стремились вложить в облик представителя будущей элиты Вооружённых Сил и страны, наличествовало в нём с лихвой. Но как-то время одного из разговоров он с грустной улыбкой произнёс:

– Вот увидите: дни мои в Генштабе сочтены.

– А куда Вас посылают? – поразился я.

– Куда пошлют – лучше Вы мне скажите. Вы ведь обладаете экстрасенсорными способностями.

Через день я зашёл к нему в кабинет и сказал, что его дальнейшая служба будет связана с зарубежьем. Он почему-то подумал о представительстве в НАТО, однако вскоре вышел указ Президента о назначении генерала Николаева руководителем Федеральной Пограничной Службы. Выходит, мой прогноз так или иначе сбывается.

**

Вскоре Колесников дал мне и моей команде разрешение на встречу с нашим коллегой-американцем, Эдвином Мэйем, моим нынешним другом и соавтором по этой книге. Эдвин с Джо Мак-Мониглом и другими исследователями и военными занимались вопросами экстрасенсорики по программе американской военной разведки и ЦРУ, и совсем недавно ещё считались нашими противниками, фактически врагами. Однако Колесников оказался способен переступить сложившиеся тяжёлые стереотипы и выйти на новый уровень понимания глобальных проблем. Нам всем постепенно становилось понятно, что если мы разработаем идеологию, которая соответствует высшим идеалам, то с одной стороны мы предотвращаем все войны, поскольку люди станут жить по другой морали, а с другой – мы сами осознаём те ценностные приоритеты, которые объединяют, «завоевывают» мир. И очень хорошо, что эти веяния есть в России и идут от России, поскольку они – философия будущего.

**

В конце 1994 года началась Чечня. Я понимал истинные причины этой войны. В основном, это был манёвр олигархической элиты, стремящейся такой ценой отвлечь общественность от начавшейся грабительской приватизации, открыть себе неконтролируемые каналы денежных и торговых махинаций. Немалую играла и борьба за чеченскую нефть. Помню, именно премьер-министр Черномырдин убедил Ельцина в необходимости войны. Мои друзья из ФСБ рассказывали, что

накануне вторжения войск в Чеченскую Республику руководитель службы охраны Президента генерал Александр Коржаков написал Ельцину записку, в которой предостерегал от развязывания военных действий. Руководитель Чечни Дудаев также просил о переговорах. Ельцин колебался, однако вечером накануне рокового решения к нему приезжает Черномырдин и убеждает ввести в Чечню войска, чтобы другим неповадно было. Могло ли такое случиться без прямых интересов олигархической элиты?

В Чечне начался ужас, закончившийся в позе предательским Хасавюртовским соглашением и, после небольшой паузы, возобновившийся во «Второй Чеченской войне». В начале 1995 года я был вызван к руководству и получил указание лететь в район боевых действий. В мою задачу входил анализ особенностей этой войны, отработка новых оперативных и тактических средств, в том числе и военных экстрасенсорных методик, участие в работе командующих, оценка взаимодействия войск и штабов, работа на передовой с моими сотрудниками-экстрасенсами. Помимо выполнения непосредственных боевых задач, это было необходимо для дальнейшей разработки методик подготовки гроссмейстеров военного дела.

Вылетел я из Москвы утром и вечером был уже на месте, в Ханкале. На улице было прохладно, моросил назойливый дождик, трепал голые ветки деревьев порывистый ветер. Нужно было идти в штаб группировки, чтобы представиться командующему. По дороге в штаб меня нагнал маленький джипик и очень точно окатил липкой грязью с головы до ног. Это оказался генерал Владимир Шаманов, он решил провести «крещение» «московского пижона». Я сразу понял, что к чему, и тут же обратил этот эпизод в шутку. Слегка очистившись от грязи, я вошёл в кабинет командующего объединёнными войсками в Чечне... и мы обрадовано обнялись. Это был генерал Вячеслав Тихомиров, мой хороший знакомый и в чём-то близкий мне по своей натуре человек.

После обмена приветствиями и информацией мы погрузились в программу моей работы, продумывая и обсуждая необходимые мероприятия. Было уже далеко полночь, когда решили прерваться и идти спать. В гостинице не успел я умыться, как раздался стук в дверь. На пороге стояла жена Шаманова и приглашала в гости на котлеты. Я понял, что Владимир хочет сгладить неловкость от своего озорства, и

согласился зайти на их огонёк. Мы проговорили до утра. Шаманов очень хорошо владел ситуацией и был неплохим рассказчиком. Это помогло мне быстро сориентироваться в обстановке.

Я начал выполнять свою программу, находился то в штабах, то на передовой, часто летал на вертолётах и боевых самолётах, стремился увидеть всё, чтобы это максимально учесть в подготовке асов войны. После месяца напряжённой работы я вызвал из Москвы часть своих сотрудников, обладающих экстрасенсорными способностями, для внедрения их в войска и отработки ряда программ в боевых условиях.

Конечно, на первый взгляд кажется, что экстрасенсы могут спокойно сидеть дома и выполнять оперативные задачи на расстоянии с помощью своих дальновидческих и телепатических способностей. Но в реальности это применимо, в основном, к задачам более общего, стратегического плана. В активных боевых действиях, где обстановка меняется каждую секунду, часто становится невозможным выходить на связь с экстрасенсом, сидящим в штабе или даже в Москве, ставить ему задачу и ждать его рекомендаций, которые, в свою очередь, нередко требуют уточнений. Могут играть роль и горные условия, и электромагнитные помехи, затрудняющие устойчивую радиосвязь. Наш опыт показал, что для быстрого решения боевых тактических задач оператор-экстрасенс должен находиться в зоне боевых действий или в непосредственной близости от неё. Здесь также играют роль и энергетические составляющие, связанные с эмоциональной напряжённостью в зоне конфликта. Это может отвлекать оператора-экстрасенса, но при соответствующей тренировке эта эмоциональная напряжённость помогает ему сосредоточиться на задаче.

Мои офицеры и служащие прибыли, и каково же было моё удивление, когда среди них я увидел своего сына Антона. Правда, он в то время был уже сложившимся мастером рукопашного боя и неплохим стрелком, обладал хорошими экстрасенсорными способностями, развитыми по моим методикам. Но Антон был гражданским человеком и никакого отношения к войне в Чечне не имел. К тому же он только что окончил институт и готовился к защите диссертации. Так что его приезд никак не вписывался в мои планы. Однако под давлением обстоятельств я

вынужден был согласиться на его пребывание в Чечне, и впоследствии Антон воевал в отряде спецназа ГРУ, проводил оперативную экстрасенсорную разведку, неоднократно участвовал в боях и был награждён несколькими медалями.

В Чечне я смог проверить в реальных условиях работу своих наиболее талантливых инструкторов-экстрасенсов, в число которых входили и женщины. Девчата проводили оперативную экстрасенсорную разведку, помогали в допросах пленных боевиков, давали характеристику человеку, различали, кто лжёт, а кто говорит правду, решали многие другие задачи. Об их работе ежедневно докладывалось Колесникову, и он потом представил их к государственным наградам. Получили девчонки и знаки отличия МВД, представили их к орденам Мужества, вручили медали «За заслуги перед Отечеством». Конечно, женщинам приходилось тяжелее, чем мужчинам. Все это понимали и старались хоть в чём-то облегчить их участь. К примеру, девчата прибыли в Ханкалу в подогнанной камуфляжной форме, но на ногах – босоножечки. Увидев это, один из милицейских командиров, жёсткий и суровый на вид парень с риском для жизни под обстрелом съездил в Грозный и привёз им мягкие полукеды, чтобы девочки не мучились и не сбивали свои, привыкшие к изящной обуви, ноги. А когда уезжали, им надарили подарков. Они тоже помогали всем: кому-то диагноз экстрасенсорно поставили, кому-то рассказали о том, что происходит у них дома, как мама, жена, дети.

Посещая районы боевых действий, я встретился с известным тренером рукопашного боя Сергеем Вишневецким, с которым я познакомился несколько лет назад, изучая искусство энергетических единоборств. Про него очевидцы рассказывали, что во время рукопашной схватки ужас овладевал не только противником, но и своими. От его энергетических манипуляций боевики поражались на дистанции 3-4 метра: у них разрывались внутренние органы, лопались барабанные перепонки, вылезали из орбит глаза. Мистический страх овладевал врагами до такой степени, что они, забывая стрелять из своего оружия в этого, зачастую безоружного человека, обращались в бегство. Я иногда приглашал генералов Николаева и Квашнина на тренировки и показательные выступления Вишневецкого. Его искусство производило впечатление на всех. К сожалению,

этот богатырь не вытаскивал сигарету изо рта и недавно умер от рака лёгких, пополнив число жертв никотина и других ядов, таящихся в табаке.

Чечня стала для меня хорошей школой, в которой я решал специальные вопросы: разведка, оценка действий наших сил, предвосхищение событий – и парапсихологическими, и логическими прогнозами. Я изучал работу штабов разных уровней в экстремальной обстановке, ведение боевых действий, подготовку и анализ боёв и операций. Искали мы и замаскированные цели, боевые группы и склады в горах. А также наблюдали за людьми в периоды психологического напряжения, при обстрелах. Какого человека я должен готовить, что он должен уметь? Например, мои ребята занимались вопросом, как сделать, чтобы человек меньше чувствовал боль, чтобы не умирало столько наших раненых ребят от болевого шока. Я работал и над физическими, и над интеллектуальными, и над психологическими ресурсами людей.

Нужно особо отметить яркий успех применения экстрасенсорных методов в Чеченской войне. Результаты, которых добились там мои сотрудники-экстрасенсы, были просто блестящие. Я уже говорил о медалях и других правительственных наградах, которые они получили за экстрасенсорную разведку и выполнение других боевых задач с применением экстрасенсорных методов. В целом, теперь, после Чеченской войны, можно смело утверждать, что экстрасенсорика является эффективным и проверенным инструментом из арсенала не только стратегических, но и тактических, оперативных военных средств.

К сожалению, вся Чеченская война – сплошная интрига, передел нефтяных и денежных ресурсов, борьба за потоки торговли наркотиками и оружием. Вспоминаются мне августовские дни 1996 года, когда в Ханкале, в нашей гостинице в номере Квашнина собирались Доку Завгаев – Президент Чеченской республики, Сергей Степашин – тогдашний руководитель аппарата правительства РФ, Квашнин и я. Мы обсуждали возможные последствия захвата боевиками ряда районов в Грозном. Настораживали звонки из Москвы и неопределённость в позиции московского руководства по отношению к происходящему. Мы начали понимать, что там идёт какая-то работа, в результате которой, судя по полному отсутствию конкретной информации, у нас многое изменится и наверняка не в

лучшую сторону. Было ясно, что первый удар будут нанесен по Завгаеву. Я очень сочувствовал ему – мудрому и порядочному человеку, которого на наших глазах предавали самым циничным образом. Я слушал его разговоры с Черномырдиным и дивился чудовищной несправедливости по отношению к Завгаеву и выдержке этого незаурядного человека, который до последних дней своего руководства Чеченской республикой буквально бился за подлинные интересы своего народа. Хотя я и не выражал эмоций, однако по моему лицу было видно, что я переживаю и стыжусь, наблюдая за творящимися событиями. Степашин понимал всё. Ему, как честному человеку, тоже было противно происходящее. Однако внешне он сохранял хладнокровие, и его доклады в Правительство были взвешены и обстоятельны.

Сверху всё время поступали нелепейшие указания. Постоянно вмешивался вхожий в ельцинскую «семью» Березовский. Он появлялся везде, где пахло деньгами. С молчаливого согласия правительства шла продажа всего и всех оптом и в розницу. В 1996 году назначенный секретарём Совета Безопасности генерал Лебедь начал изображать из себя миротворца. Для своего имиджа ему надо было установить мир любой ценой, даже ценой политической и военной катастрофы России. Недальновидный был человек. По его указанию летом 1996 года в Чечню на джипах приехали крутые ребята из правительства, и мы сразу поняли: нас уже продали и теперь приехали предавать. Вот вам и Хасавюртовское соглашение – бессмысленные жертвы, бесславная кампания... Мы, генералы, всё это прекрасно понимали, поэтому нам важно было не просто «замочить врагов», а спасти запутавшихся, обманутых, донести до них правду. Я как-то увидел пленного чеченца, лет 20, почти ребёнка, в глаза бросилась его сгорбленная спина. И ком подступил к горлу, хотя мне довелось повидать немало боёв и смертей. Его образ ясно говорил: вот это цена грязных политических и финансовых интриг.

В Чечне я был 2 года. Когда в августе 1996 года, получив тяжёлую контузию, я собрался лететь в Москву на лечение, мой самолёт задержал командующий авиацией округа Володя Михайлов и сообщил, что Колесникова снимают, и на его место ставят известного мне Самсонова. Так вскоре и случилось, а Министром Обороны стал Игорь Родионов. Некоторое время я провёл в госпитале. После

выписки Самсонов принял меня как родного. Но по второму кругу мы с ним проработали недолго.

**

В мае 1997 года Ельцин опять убрал Самсонова, теперь уже напару с министром обороны Игорем Родионовым, да ещё устроил разнос. Вечером того же дня мне звонит президент Альфа-банка Пётр Авен и говорит, что начальником Генерального Штаба будет назначен генерал Анатолий Квашнин.

Надо сказать, что прогнозы банкира Авена были намного точнее, чем предсказания любого астролога. А после того, как он мне как-то по секрету шепнул, что, по его мнению, «Володя Путин» будет назначен премьером страны, а позже и президентом, я далее воспринимал перемещения Путина по властной лестнице как должное. Путина тогда ещё мало кто знал, а сверху уже всё было решено. Возникает вопрос: кто выбирал Президента России – народ или... тот, кто его уже выбрал? Можно ли после этого говорить о каких-то всенародных выборах и какой-то демократии в стране? Впрочем, можно просто считать президента Альфа-банка Пётра Авена сверхталантливым экстрасенсом-предсказателем. Дело вкуса.

С Квашниным мы были дружны до этого. Я тут же позвонил ему, а также первому заместителю начальника Генерального штаба Валерию Манилову, Главнокомандующему Военно-Воздушными Силами Петру Дейнекину и Генеральному директору Первого телеканала ОРТ Сергею Благоволину, моему верному другу, умнейшему человеку и тонкому политику, и пригласил их всех в свой офис для анализа обстановки. Мы собрались и устроили мозговой штурм по проработке ситуации и открывающимся возможностям. Через час после нашего сбора позвонил заместитель министра обороны Андрей Кокошин и сообщил нам по секрету, что Указ Президента РФ о назначении Квашнина завтра будет подписан.

Квашнин всячески поддерживал мои исследования и принял решение преобразовать мою в/ч 10003, которая всё ещё работала на правах отдела Генштаба, в целое Управление. Ещё более расширился круг наших задач стратегического направления, штат увеличился до 50 человек, да и моя должность

как начальника Управления Генштаба уже соответствовала званию генерал-лейтенанта.

Тут мне пришлось столкнуться с чиновничьим цветом ельцинской администрации. Мой отдел преобразован в Управление, я должен автоматически стать его начальником, но формально это новая, более высокая должность – значит, надо ехать представляться в Администрацию Президента. Приезжаю. Сидит там какой-то не очень опрятный малограмотный молодой человек, нос передо мной задирает. Мне с ним и разговаривать неприятно, но это полбеды. Главное, что рассказать ему о своей работе я не имею права по режиму секретности: он-то допуска не имеет. В таких условиях он оценивает меня и мою работу – просто перл бюрократии! Приезжаю домой – звонит начальство: не хотят тебя в должности утверждать, говорят, ты не тем занимаешься. Но потом Квашнин кому-то позвонил, и меня тут же в должности утвердили. Зачем, спрашивается, был этот спектакль?

Через некоторое время меня представляют к званию генерал-лейтенанта. Документы снова приходят к этому мужику. Я представляться просто не пошёл. Реакция не заставила себя долго ждать. Вскоре мне звонят из Администрации Президента (а был вечер пятницы) и говорят, чтобы я в понедельник явился к Севастьянову, специалисту по кадровой политике управления, на беседу, т.е. на разнос. Я решил действовать своими методами. Все выходные я работал по своим экстрасенсорным методикам, старался оптимизировать ситуацию, хотя и чувствовал себя физически неважно. Утром в понедельник проснулся в прекрасном настроении, с ощущением, что день чудесный, и моя работа даст хороший результат. Включаю телевизор – сообщение: Севастьянова сняли с работы. Через 2 недели после этого выходит Указ Президента, которым мне присваивают звание генерал-лейтенанта. Такими вот неординарными способами приходилось иногда нейтрализовывать бюрократию. Конечно, я совсем не собираюсь утверждать, что тут была прямая причинно-следственная связь. Мы можем просто рассматривать этот случай как пример юнговской синхронности.

**

В 1998 году Квашнин одобрил моё предложение создать в нашем Управлении Аналитический Центр и в первое время во многом опирался на его проработки. В создании центра, да и в других организационных делах мне очень помогал замечательный единомышленник генерал Валерий Манилов. Его помощь в налаживании аналитической работы центра была исключительной. Он, как и все нетривиально мыслящие люди, приветствовал нашу тематику и помогал в её развитии. К сожалению, у талантливых людей всегда много недоброжелателей, и едва ему исполнилось 60 лет, его тут же отправили в отставку. С его уходом мы лишились мощнейшей поддержки сверху, что не замедлило сказаться.

Одной из задач Аналитического Центра была разработка вопросов, связанных с системой военного образования. В это время готовилась реформа военного образования. Стояла задача внедрить в неё систему качества. Квашнин дал мне задание разработать критерии качества образования и специальные методики его улучшения. Одной из первейших целей было устранение дедовщины. Дедовщина – это результат низкого интеллектуального и культурного уровня развития военнослужащих. Повысьте этот уровень – и дедовщины не будет. Мы доказали это на практике. Но это вопрос не только армии, а общего культурного уровня в стране, вопрос всеобщей системы образования и социальной атмосферы. Нам же надо работать не только с солдатами, но и с офицерами, которым порой выгодно закрывать глаза на нарушения в армии, им легче руководить солдатами, если есть институт дедовщины. Важнейшими критериями отбора и подготовки в военных училищах должны стать интеллигентность и культурность, и только тогда наша армия качественно изменится. Но это возможно только при неразрывной связи общего образования с военным. Я начал внедрять методы раскрытия психических, интеллектуальных, физических ресурсов человека, разрабатывал методы дистанционного образования, так, чтобы вся система образования становилась непрерывной. К сожалению, это так и осталось в проектах, с моим уходом все эти разработки сошли на нет.

Другой задачей Аналитического Центра было сотрудничество с внешними министерствами, ведомствами и организациями. Например, с Министерством Чрезвычайных Ситуаций. Его глава, Сергей Шойгу и по сей день использует в

своей работе экстрасенсов, в том числе, и подготовленных по моей программе. Немало жизней спасли эти экстрасенсы. Непосредственно для связи с МЧС у меня работал один из филиалов – небольшая лаборатория в Военной Гуманитарной Академии, ранее называвшейся Военно-Политической Академией.

Одним из наших серьёзных достижений этого времени было создание комплекса компьютерного психотестирования, который позволял по фотографиям, почерку, росписи и голосу людей оценивать их профессиональные и личностные качества. Набранная нами статистика и дальнейшая практическая работа показали высокую достоверность получаемых оценок. Но следует сразу оговориться, что для работы с этим комплексом обязательно нужен хорошо подготовленный психолог или социолог, как правило, кандидат или доктор наук. Компьютер может быть серьёзным помощником психоаналитика, но не самим психоаналитиком. Необходимо, чтобы человек-оператор комплекса компенсировал неточности компьютерной системы.

Мы могли определять:

- скрытые черты характера;
- уровень развития интеллекта;
- качество мышления (оперативность мышления, рассудительность и т.д.);
- коммуникативные и нравственные качества;
- связь с коррумпированными и криминальными структурами;
- отношение к коллегам и руководству;
- мотивации;
- темперамент;
- эмоциональные факторы;
- волевые качества и так далее.

Сейчас эти комплексы находятся в эксплуатации как в силовых, так и в коммерческих структурах (естественно, в последнем случае используется их усечённый вариант, с отфильтрованным ФСБ программным обеспечением). Нельзя сказать, что это наше начинание нашло повсюду положительные отклики. Конечно же, ввод в эксплуатацию нашего комплекса компьютерного психотестирования оказался серьёзным ударом по непорядочным, равнодушным и некомпетентным руководителям и сотрудникам.

**

К 2000 году моё Управление в Генштабе насчитывало более полусотни людей, половина из которых были гражданские. Мы специализировали людей: кого-то на военных делах, кого-то на общих. Среди моих талантливых учеников-экстрасенсов можно назвать кандидата военных наук В. Ситникова, кандидата социологических наук Е. Климову, полковника медицинской службы Л. Осипову, которая, например, по имени пациента может детально расписать его формулу крови, М. Мишкину, способную читать чужие мысли, давать характеристики людям, не видя их, описывать их биографии и жизненные ситуации. Более половины сотрудников управления составляли люди с дипломами кандидатов и докторов наук. Из среды наших ученых особо выделялся своей методичностью и способностью решать любые служебные задачи Вячеслав Прокофьев. Кстати, ему принадлежит приоритет научной разработки принципов и методов использования феномена сверхчувственного восприятия, отраженной в его докторской диссертации и более поздних публикациях.

В 2000 году я провёл анализ нашей деятельности с целью поиска дополнительных ресурсов эффективности работы. Вначале эта задача казалась невыполнимой: люди были так нагружены работой, что никакие дополнительные усилия не привели бы к требуемому результату. Но однажды, я вдруг неожиданно увидел и осознал ошеломляющий факт: самые яркие, инициативные и талантливые сотрудники были мной же отстранены от творческого процесса! По моей воле и по моим заданиям они занимались рутинной, поглощавшей большую часть их психических, интеллектуальных и, в какой-то степени, физических сил!

И в самом деле: как мы поступаем с наиболее отличившимися в службе сотрудниками? Повышаем, нагружая административными заботами. А если этот сотрудник ярко проявил себя и на новой должности? То мы опять его повышаем, нагружая ещё более административной работой. И так далее, исключая его всё более и более из творчества и научного поиска, в чём он был наиболее силён и незауряден. В итоге получается, что, продвигая по начальственной линии с добрыми намерениями наиболее талантливых людей, мы, в конечном счёте, настолько обедняем коллектив в его интеллектуально-творческом потенциале, что вынуждены просить у начальства дополнительные штатные единицы и набирать новых людей, которые, в свою очередь, ещё больше отвлекают нас от дел, так как их надо обучать, контролировать, опекать и т. д.

После небольших размышлений я предложил создать бесструктурное управление, в котором ликвидируются все промежуточные должности и отделы. Остаются лишь три направления: штабное, научное и экономическое со мной и моим заместителем во главе. Начальник Генерального штаба – генерал армии Анатолий Квашнин эту идею поддержал, и в скором времени вышла соответствующая директива.

Теперь в моей команде не только заметно возрос интеллектуальный ресурс, но неожиданно для меня открылся и новый. Появилась ещё одна мощная мотивация. Если до этих преобразований людьми двигали преимущественно профессиональный интерес и энтузиазм, то теперь открылась реальная перспектива большого по своей социальной значимости продвижения по службе. И при этом не надо пересиживать начальников промежуточных рангов. Правда ожесточается конкуренция. Но у сильного сотрудника, как правило, наличествует и большая уверенность в своих силах и успехах в своей деятельности. Так что «Полный вперёд!».

Результат не замедлил сказаться. Возросли не только объём и качество работы. Люди стали более активно искать пути повышения эффективности своей деятельности. Дисциплина была железная, возникла идея внедрения системы качества, были разработаны её принципы. Творческие, талантливые люди, которых я растил, получили возможность без всяких лишних бюрократических заморочек заниматься настоящим делом. Любой, даже гражданский человек мог занять моё

место, то есть стать начальником Управления Генштаба. Таким образом, создалось общество равных возможностей.

**

Это было очень хорошо для работы, но очень опасно для массы чиновников в мундирах, засевших в Генштабе: их ненужность становилась совершенно очевидной. И этот результат тоже не замедлил сказаться. Начались интриги. Серые чиновничьи мыши поставили себе задачу загрызть наше Управление и обеспечить себе спокойную жизнь на будущее.

Стала расти команда чёрных завистников (а как без них!), которых порой слушал Квашнин. Обо мне и раньше ходили слухи, что я маг и прорицатель начальников штабов, астролог при Генштабе. Знаю всё, но ни с кем не хочу делиться, читаю мысли, могу убить, могу болезни наводить. Иной раз генералы вели себя как бабки на завалинке. Как-то у меня подряд умерли три личных водителя. Один с собакой гулял, поскользнулся и неудачно упал. Второй был алкоголиком с зашитой ампулой, но не удержался, выпил с ребятами и умер от сердечного приступа. Третий скончался от прободения язвы. Тут же пошли слухи, что это моих рук дело: или порчу наслал, или телепатически замочил.

Это пахивало средневековым суеверием, но иногда вокруг таких ситуаций разворачивались целые интриги. Как-то на одном из ежегодных сборах высшего командного состава Вооруженных Сил начальник Генерального штаба для обсуждения ряда вопросов публично пригласил меня на обед.

Заканчивая свое выступление, он, обратившись к залу, неожиданно для всех сказал: – Так, на обед со мной пойдут главнокомандующие, начальники министра и Алексей Юрьевич Савин.

Генералы переглянулись: никак Савин совсем заморочил голову Квашнину, наверх метит. Тот даже своих замов не позвал, а Савина – пожалуйста, да ещё называет по имени-отчеству. И я чувствую на себе нехорошие, завистливые взгляды. Думаю: «Надо бы от обеда с начальством увильнуть, а то дорого он мне достанется». К тому же я договорился с товарищами, которых давно не видел, что в перерыве мы с

ними соберёмся в отдалённой комнатке, хлопнем по рюмашке и поговорим по душам. Так и сделал. Вот приходим мы все после перерыва. Квашнин поднимает меня и говорит:

– Почему вас не было на обеде? Если начальник Генштаба приглашает, вы обязаны прийти.

А народ вокруг доволен, что меня при всех отчитали. Во время одного из докладов Квашнин подошел ко мне и пригласил с собой за кулисы. Тут наши генералы вслед мне уже сочувственно смотрят, думают, что головомойка продолжится. Но Квашнин стал меня расспрашивать о том, как идёт работа над новой книгой по военному образованию. Сам Квашнин пил ароматный зелёный чай и угостил меня. В кабинете жарко было, он-то в одной сорочке, а на мне китель. Выхожу из кабинета красный, распаренный после горячего чая, – а завистники довольны: Савина в клочья драли. Чуть аплодисменты не сорвал. Я иду, а на меня сочувственно смотрят, подмигивают: «Держись, парень, мы с тобой!» Так что слава неординарного человека не всегда полезна.

Однако это были ещё цветочки, ягодки оказались впереди. В Военно-Воздушной Академии, например, у одного курсанта произошло сильное нервное расстройство. Наши завистники воспользовались случаем и обвинили в этом нас, сказав, что это наши эксперименты привели к такому результату. Начались разбирательства: медики, ФСБ... Хорошо, что сотрудники ФСБ выяснили, что в детстве с ним уже случались психические сбои, и он состоял на учёте в психиатрическом диспансере. Мы тогда в ответ официально поставили вопрос: как могли допустить к боевому самолёту человека с неуравновешенной психикой? А вдруг у него во время боевого вылета с ракетами на борту случился бы срыв? Таким образом, благодаря кропотливой и профессиональной работе сотрудников ФСБ, в тот раз «наезд» завистников провалился.

Но вскоре последовала очередная напасть. Наши противники, в число которых входили влиятельные генералы Министерства обороны, решили устроить полнейшую обструкцию наших работ и Управления в целом. Организовали целый заговор, начали давить на начальника Генштаба. И вот Квашнин звонит мне и

говорит, что подписал приказ о проверке деятельности моего Управления и что комиссию возглавляет один из его заместителей. Кого только не включили в эту комиссию! И инженеров, и кадровиков, и офицеров из оперативного управления, и тех, кто формирует штатное расписание. Только служители церкви туда не попали. Таков был набор спецов - членов комиссии. Какая уж тут секретность! Но надо сказать, что все без исключения члены комиссии оказались честными людьми и негласное указание заговорщиков они выполнять не захотели. Акт получился объективным, деловитым и оптимистичным по отношению к нам.

Заместитель начальника Генерального штаба ознакомил меня с актом, дал расписаться, расписался сам, а затем, пряча глаза, показал свою записку, в которой было написано, что мы занимаемся не известно чем и наш коллектив нужно более чем в два раза сократить, наделив его непонятными, на мой взгляд, функциями. Злополучная записка легла на стол Квашнину вместе с актом комиссии. Мы с его заместителем присутствовали при прочтении двух противоречащих друг другу документов, в которых была «забита» утверждающая подпись начальника Генерального штаба. В начале это меня даже позабавило. Как, думаю, он вывернется из дурацкого положения, в которое сам себя и загнал, так как, безусловно, был в курсе всех дел. Однако Квашнин, ничуть не смущаясь, утверждает... оба документа. Думаю, он видел, что затея заговорщиков не удалась, и ожидал их очередной атаки. А чтобы они отстали от него хотя бы на время, подписал эту, уже никому не нужную, бумажку. Ведь основной документ – акт проверяющей комиссии – был им утверждён.

Выйдя из кабинета шефа, я сделал для себя вывод, что с нынешней командой начальников большого дела не сделаешь. Для нас наступила другая эпоха: пора великих руководителей подошла к концу. Предчувствуя угрозу начальственного недопонимания, я начал сворачивать свою программу. Кое-какие разработки я отдал в другие подразделения Минобороны, где они, кстати, получили неплохое развитие, кое-что «заморозил» до лучших времён, а часть работ стал вести самостоятельно или совместно с моими, наиболее преданными делу, соратниками.

Среди этих соратников я хотел бы особо отметить полковника Виктора Мелентьева. Он работал в Оперативном Управлении Генштаба и в середине 90-х

вышел в отставку. У Виктора давно сформировался интерес к парапсихологии. Он самостоятельно старался развивать свои экстрасенсорные способности, но в свою бытность в Генштабе ввиду чрезвычайной засекреченности моего Управления о моих работах он не знал. В течение нескольких лет мы ходили по одним и тем же коридорам Генштаба, думали об одном и том же, а познакомились только незадолго до моего выхода в отставку, когда я уже сворачивал работы, а Виктор в отставке уже находился. На меня произвели впечатление энергия, энтузиазм и способности Виктора. Я с большим сожалением понял, как много он мог бы сделать для нашей программы и какого замечательного сотрудника я потерял. Типичный пример глупости и бессмысленности чрезмерного режима секретности!

**

Приход на должность начальника Генерального Штаба генерала Юрия Балувеского усилил негативные тенденции и вскоре формально затвердил сложившуюся ситуацию: в конце 2003 года вышел указ Президента о ликвидации моего Управления. Со мной даже не разговаривали по этому поводу. Думается, что беседа с начальством ничего бы не изменила. На следующий день после опубликования указа я просто не вышел на работу. Меня задействовать для сдачи дел начальство не посмело, а в начале 2004 года адъютант оформил мои документы, и я ушёл в отставку.

Первое время я, было, пожалел, что настаивал перед Квашниным на продвижении по службе как Балувеского, так и того начальника Главного управления, с которым мы особенно тесно работали и который «сдал» нас, не моргнув глазом. Но потом я утратил другую мысль – наше Управление было как «могила Тамерлана», о которой ходит множество всяких легенд. Но остается константой одно – всяк, кто ее осквернит, тот жестоко поплатится. Так в последствии произошло с теми, кто пытался нанести нам вред. Об этом я вспомнил не так давно, когда узнал о скоростной кончине одного из этой «команды» и бесславному окончанию военной службы других, уличенных в злоупотреблениях и взятках. Как говорится: «Бог все видит»...

Дальше работать в какой-нибудь из государственных или частных структур мне не хотелось. Для меня наконец-то наступила счастливая пора научного и литературного творчества, хотя старые друзья по службе не дают окончательно оторваться от оборонных вопросов, и эти вопросы, к моему удивлению, занимают у меня более трети рабочего времени. Тем не менее, мои творческие планы обширны и рассчитаны на большую перспективу.

Я часто задавал себе вопрос: почему были свёрнуты наши работы? Скорее всего, наверху испугались наших знаний и того, чем мы владеем. Не каждый отважится иметь рядом с собой команду гроссмейстеров, и, я считаю, что надо быть великим человеком, чтобы позволить появиться вокруг тебя людям с выдающимися качествами. Мне, конечно, хотелось оставить в Генштабе методистов для подготовки гроссмейстеров. Хотя этого не случилось, но, с моей точки зрения, наша миссия была выполнена: саму-то методику мы отработали. Мы не просто нашли методику, а стали входить в базу данных Универсума, получили систему миропонимания. Если кто-то способен идти дальше, путь ему открыт. Ведь власть меняется, а общечеловеческие задачи остаются.

Со своей стороны я стараюсь передать имеющиеся у меня знания и методики ученикам, готовым их принять. Так, я передал Виктору Мелентьеву часть своих разработок и неоднократно консультировал его. Надо сказать, что Виктор организовал частный центр «Мевил» для оказания помощи людям в диагностике, лечении, оптимизации ситуаций и решении других проблем. Мы вместе с ним определили направление некоторых дальнейших работ, в частности, создание российско-американского консультационного центра «RAMEX», который мог бы выполнять те же функции, но уже на международном уровне. Сейчас я также продумываю возможность организации Международной академии по развитию неординарных способностей выпускников престижнейших ВУЗ-ов мира – будущих правителей нашей цивилизации.

Мы смогли выйти на методику, позволяющую готовить людей с необычными способностями, что относится и к учёным, и к профессионалам-военным, и к общественным и государственным деятелям, и к философам. Наша методика является достоянием современных десятилетий, но это не только наши

достижения. Ведь на первом этапе мы создавали систему подготовки людей из того набора методик, которые существовали в стране и в мире. Мы подпитывались научным багажом многих зарубежных учёных, в первую очередь, американских. Мы не считали их оппонентами или конкурентами, а скорее научными партнёрами, потому что решали проблему, общую для нашей цивилизации. Чтобы уточнить и доработать эти методики, мы провели через них определённую группу людей, и, благодаря этому обучению, люди получили возможность управлять процессом подключения к космическому информационному полю, входить в него в нужный момент. Но в построении системы мы пошли своим путём, отличным от существовавших до нас. Толстой, Соловьев, Циолковский – это столпы философии, которые дали нам основы для работы.

Мы понимали, что новая космология нужна для будущего человечества, это будущая мораль, будущие отношения, и, может быть, даже будущие промышленные технологии. За счёт простых приёмов мы можем обычным детям открыть новые необычные способности и новый взгляд на мир, что неизбежно формирует у них более высокий уровень культуры. А если человек обладает высоким уровнем культуры, то у него огромный иммунитет к пошлости, моральной грязи, хамству, грубости, из него не выйдет бандита, вора, подлеца. Мы часто кичимся тем, какую престижную школу закончили, какой элитный университет у нас за плечами. А это всё не то. Мы должны искать, где научат тому, как быть хорошим, порядочным человеком. Миру мы нужны как морально совершенные личности, которые могут подняться на новый уровень понимания космических процессов, своего места в них и своих важнейших человеческих задач. Мы убеждены, что наши отработанные методики, основанные на гуманитарной философии космического сознания, способны решить проблему создания таких личностей.

ЧАСТЬ 4

Будущее экстрасенсорики

Глава 10

Новые горизонты экстрасенсорики

На рубеже 90-х годов мир перевернулся. Рассыпался коммунистический блок, а вслед за ним рассыпался и Советский Союз. Исчезло политическое и идеологическое противостояние двух разных социальных систем. Почему? О причинах этого геополитического катаклизма писалось и говорилось очень много, но вопросы по-прежнему остаются. Сейчас мы не будем углубляться в эту тему, но отметим главное: изменилась отношение людей друг к другу, исчезли «враги».

А ведь это действительно оказалась магия, да ещё фантастичнее, чем у каких-нибудь египетских жрецов! Ещё вчера кругом было полно «диких русских» и «агрессивных империалистов-американцев», готовых сожрать друг друга. И вдруг никого не стало. Все люди оказались одинаковыми, с одинаковыми стремлениями, желаниями, радостями, бедами и заботами. Выяснилось, что никто ни на кого не хочет нападать. И никогда не хотел. Ну какая экстрасенсорика, какие чудеса могут сравниться с этим?

Кстати любопытно, что никто из экстрасенсов, в том числе и знаменитых, не смог достаточно точно предсказать эти глобальные события. Предсказания великих перемен были (они всегда в изобилии!), но без точных дат и подробностей, что, собственно, делало и делает сами предсказания бесполезными. Этот факт заставляет лишний раз задуматься: а нужны ли вообще предсказания?

Исчезла непосредственная угроза глобальной войны. Это привело к закрытию многих стратегических военных направлений. В Советском Союзе было прекращено большинство разработок новейших видов вооружения; среди них исчезли разработки психотронного оружия. Люди, старавшиеся создать психотронные генераторы или аппаратуру информационного переноса, стали думать о гражданском применении этих изобретений, прежде всего, медицинском и экологическом. При этом сотрудничество спецслужб с экстрасенсами

продолжалось, оно даже стало более тесным, но в нем, как мы видим, появились новые черты.

В Соединённых Штатах также прекратил существование ряд стратегических военных программ, среди которых оказалась и программа «Звёздные Врата». О последних годах её работы и истории закрытия расскажет один из нас, Эдвин Мэй, остававшийся директором этой программы до её последнего момента.

**

Рассказ Эдвина Мэя

В 1989-90 годах, после прекращения работы нашей программы в Стэнфордском Исследовательском Институте в течение следующих девяти месяцев я был в основном безработным. Всё это время мне приходилось действовать по полной маркетинговой модели. Я звонил сотруднику Сената и лгал ему, что собираюсь в Вашингтон по своим делам, спрашивал, не найдётся ли у него и его босса-сенатора полчаса, чтобы встретиться со мной. В тех случаях, когда он говорил "да", я тут же резервировал гостиницу, стремглав бросаюсь к машине, мчался в аэропорт, штурмовал самолёт, так, чтобы встретиться с ними обоими в Вашингтоне. Не могу точно сказать, сколько раз за это время я слетал туда, но то, что потратил на дорогу около 20 тысяч долларов своих кровных денег, подсчитать могу.

И это сработало... почти что.

Вместо полновесных 6 миллионов долларов, через соответственные комитеты по ассигнованию и комитеты по согласованию Сената было выделено только 2 миллиона долларов. Но это оказалось только началом наших проблем.

У американского Конгресса большая трудность в том, чтобы давать деньги людям или корпорациям, возможно, это даже незаконно, не берусь судить. Вместо того, чтобы дать деньги непосредственно тем, кому они нужны, Конгресс скорее увеличит бюджет некоего органа исполнительной власти, который, в свою очередь, может быть предоставит контракт людям или корпорациям. Таким образом, перед нами стояло две главные проблемы: во-первых, не было никакой «крыши» – компании для получения будущего контракта; и, во-вторых, на то время не было

никакого агентства, через которое можно было бы заключить контракт с ассигнованием средств.

Я снова отправился в путь, пытаюсь решить проблему подрядчика. В моих скитаниях мне удалось выйти на нескольких главных подрядчиков Министерства Обороны, и многие из их Генеральных Директоров восторженно поддерживали нашу концепцию, но в конце дня... отказывались! Постепенно я начал впадать в отчаяние и позвонил своему бывшему клиенту, другу, офицеру Военно-воздушных сил, полковнику Джозефу Анжело. Я решил попросить его совета: в конце концов, у меня был виртуальный чемодан, набитый виртуальными двумя миллионами долларов наличных денег! “Это что-то да значит!” – думал я.

К счастью для меня, Джо нравилось работать в одной связке со мной, и он сразу же спросил, хочу ли я организовать свой офис в компании, в которой он теперь работает. А трудился он, между прочим, в Международной Корпорации Прикладных Наук (SAIC). Уф, кажется, дело сделано! Хотя ещё не совсем. Джо сказал мне, что я должен буду убедить его босса в потенциальной прибыльности новой программы.

Встреча была назначена несколько недель спустя в штаб-квартире Международной Корпорации Прикладных Наук в Сан-Диего, на ней должны были присутствовать двое: я и босс Джо, Том.

Мы встретились и после обмена любезностями перешли в зал заседаний. Я спросил Тома о том, что Джо рассказал ему о целях нашей встречи.

– Джо сказал, что он с большим уважением относится к вашей работе, и что вы были физиком, – ответил Том.

– И это – все? – удивился я.

– Да... – был ответ.

В тот момент я был готов отменить встречу, полететь во Флориду и задушить Джо голыми руками! Как он мог НЕ сказать своему боссу, что я собирался говорить об экстрасенсорике? Всё, что Том ожидал в тот момент, – это то, что, я, возможно,

собираюсь говорить о чём-то вроде новой стильной системе радиолокации или каком-нибудь другом разведывательном прибомбасе.

Ну что ж... Я набрал в лёгкие побольше воздуха и нырнул в бездонные глубины повествования. Часов через пять Том уже просил меня о сотрудничестве – идея просто захватила его. Таким образом, у спонсируемой правительством программы ЭСВ теперь, по крайней мере, был промышленный дом, и довольно неплохой.

Но всё же оставалась другая, не менее сложная проблема: какое агентство возьмёт ответственность за контракт? Учитывая историю взаимоотношений программы Стэнфордского Института с Разведывательным Управлением Министерства Обороны США (DIA), можно было ожидать, что соответствующий ответственный генерал категорически откажется от нашей программы. Так и случилось, после чего началась война с Сенатом, которую, по определению, всегда выигрывает Сенат. Мне показали официальное письмо к тому упорному командующему (трёхзвездному генералу) от старшего члена Специального Комитета Сената по Разведке, который посетил меня ранее в Стэнфордском Исследовательском Институте. Письмо требовало от генерала объяснить в 24 часа, почему он проявляет такое непочтение к Конгрессу, отказываясь от нашей программы. Поверьте мне, такое письмо от Конгресса – не самое благоприятное условие для продолжения карьеры. Но таким образом новый раунд нашей программы начался в Разведывательном Управлении Министерства обороны США, физически расположившись в Международной Корпорации Прикладных Наук.

Но какое отношение всё это имеет к возможному закрытию «Звёздных Врат»? Самое непосредственное. Большинство наивно полагает, что цепочка военных инстанций решает всё. Генералы говорят полковникам, что делать, те передают приказ майором, а они в свою очередь приказывают лейтенантам. Это не совсем так. Да, чаще всего высокопоставленные офицеры уважают мнение своих коллег и редко отвергают его. Однако время от времени, это правило нарушается, и тогда в свои права, зачастую непреднамеренно, вступает, так называемая, «буква закона». Известен такой показательный в этом смысле случай во времена правления администрации Картера. У Президента был научный интерес к НЛО, и он как-то,

заглянув в НАСА, попросил директора изучить это явление. Директор взял под козырёк:

– Есть, сэр!

Президент уехал... и далее наступила тишина: *ничего вообще не случилось.*

Трёхзвездный генерал – глава Разведывательного Управления – последовал пожеланиям Конгресса, но только формально, соблюдая букву закона. В течение последующих четырёх лет Разведывательное Управление Министерства Обороны сделало всё, что было в его силах, чтобы создать препоны и сделать работу программы настолько трудной, насколько это возможно, чтобы программа не смогла не то чтобы развиваться, а просто выжить.

Так, руководство Разведывательного Управления параллельно запустило программу по дальновидению в форте МИД, состоящую из совершенно некомпетентных людей. Моральный дух этой боевой единицы резко упал. Да так упал, что во время моих частых посещений Форта Мид различные сотрудники подразделения приглашали меня пообедать и за трапезой просили меня вмешаться и замолвить за них словечко. Я так и делал, но абсолютно никакого эффекта за этим не следовало. Было очевидно, что сверху поступил начальственный приказ: программа должна провалиться.

И всё же, несмотря на все препоны, наша часть программы в Международной Корпорации Прикладных Наук процветала более четырёх лет. За этот период был опубликован ряд научных работ, прошедших тщательную экспертную оценку. Как и во время предыдущего воплощения программы в Стэнфордском Институте, у нас был Комитет по Научному Надзору, чтобы уверить наших спонсоров, что мы делаем самую лучшую науку и наилучшим способом. Кроме того, была организована Наблюдательная Комиссия, следящая за этикой использования человека в наших экспериментах. Наряду с этим был сформирован Комитет по Политическому Надзору, чтобы удостовериться, что наша работа ведётся в полном соответствии с поручением Министерства Обороны.

Поскольку геополитическая обстановка начала меняться – напомним, что Холодная война подходила к концу – наше финансирование стало уменьшаться, а требования

разведки медленно смещались от стратегических к более тактическим. Стратегическая разведка переключалась на долгосрочную перспективу.

К примеру, раньше мы в течение некоторого времени наблюдали определённый участок в Советском Союзе и хотели знать, что там происходит. Теперь же тактическую разведку больше интересовали непосредственные обстоятельства. Например, где будет через час снижающийся самолет или нечто в этом роде. Поэтому и политическая поддержка, и покровительство нашей программе также сходили на нет. Наконец Международная Корпорация Прикладных Наук медленно, но верно начала перекрывать нам кислород. Из Управления прозвучало предложение уменьшить штат и, оставив наши функциональные и удобные офисы, переместить костяк нашей команды в Сан-Франциско, подальше от офиса корпорации. Для меня это означало, что 20-минутная прогулка до места работы должна превратиться в утомительную часовую поездку. Однако, еще более важно было то, что изменились приоритеты: исследовательская деятельность сворачивалась, оставалось только подчищать всякую договорную мелочёвку, засекречивать материалы и начинать создавать архивы. К счастью, большинство сотрудников нашли другие рабочие места, но узы товарищества, которые завязались на общей работе, сохранились и по сей день, несмотря на то, что все мы разъехались в разные стороны.

В конце концов, корпорация снова попросила меня на короткий период времени переехать в свой офис в Пало-Алто. Хорошей новостью было то, что я теперь мог поехать на работу на своем велосипеде, плохой новостью можно считать то, что это было концом всей нашей деятельности. Моей главной задачей стало опечатать одни отчёты и рассекретить другие.

Однако вместе с этими перемещениями мне дали маленькое поручение – оказать помощь в проверке нашей программы Центральным Разведывательным Управлением. То, как это происходило – отдельная история.

Неприятная ситуация в Специальном Комитете Сената по Разведке, в результате которой нашу программу поглотило Разведывательное Управление – победа, которой не было – вызвала интерес одного из чиновников Комитета по

Ассигнованиям Сената. Он решил убрать программу из DIA. Действовал он от имени Комитета по Направленной Деятельности Конгресса (CDA), что было в тот год частью законопроекта об ассигнованиях для Министерства Обороны. Комитет CDA потребовал, чтобы Центральное Разведывательное Управление провело ретроспективный обзор 20-летней программы ЭСВ, чтобы определить её эффективность как инструмента сбора разведанных. Кроме того, если ЦРУ придёт к выводу, что программа стоит того, CDA приказал ему взять на себя ответственность за программу, включая передачу всего связанного с ней персонала из Разведывательного Управления в ЦРУ.

В соответствии с инструкцией CDA ЦРУ заключило со мной небольшой контракт через Международную Корпорацию Прикладных Наук, чтобы я помог им в оценке материалов. Я с большим волнением воспринял тот факт, что мне предстоит работать с доктором Эндрю Кирби, специалистом в физической химии, работающим на управление Науки и Техники ЦРУ. Первоначально Энди был не совсем в теме, но его энтузиазм освещал насаждённую за последние годы людьми из Разведывательного Управления тьму. И всё же...

Медленно до меня стало доходить, что что-то здесь не так. Во-первых, у более ранних воплощений программы «Звёздные Врата» было больше контроля со стороны Министерства Обороны, чем у любой другой действующей программы. Эти проверки проводились с 1985 года, но были даже такие ревизии, которые датированы самыми ранними днями существования программы. Практический результат? Программа проверялась по запросу Министерства Обороны относительно техники и методологий подрядчиков (SRI и SAIC), и в результате ревизии были даны многочисленные положительные отзывы и основополагающие рекомендации по этике использования людей в экспериментах.

Учитывая всё вышеперечисленное, я понимал, что для проверки ЦРУ будет существенная подпорка в виде несметного количества изданных правительственных отчётов, поэтому ЦРУ могло начинать свою ревизию с того момента, на котором закончилась последняя проверка. Вот Энди и предположил, что ЦРУ будет смотреть только на результаты прошлых нескольких лет. А помните, что я говорил выше о разложении боевого духа?

Мало того, для этой проверки ЦРУ заключило дополнительный контракт с Американским Институтом Исследований (AIR). На первый взгляд подход AIR выглядел разумным. Они собрали команду экспертов, у которых было объективное отношение к теме. Но печальный итог был предрешён...

Здесь нет никакого смысла приводить обширнейший и доступный теперь каждому в Интернете материал, но практический результат был почти шизофреническим. С одной стороны, в отчёте ЦРУ указывалось, что статистически чётко подтверждено существования ЭСВ. Но, с точки зрения проверяющих, ЭСВ не могло быть полезным для разведывательного сообщества – такое заключение напрямую опровергало те многочисленные запротоколированные расследования и проверки Министерства Обороны, ранее утверждавшие обратное.

Засекреченные и несекретные версии отчётов были написаны и представлены Конгрессу и соответственно в CDA. Странно, но я был лишен доступа к этому отчёту, даже к его несекретной версии, тогда как некоторым из авторов отчёта разрешили изучить материал и добавить к нему свои комментарии или даже в некоторых случаях составить полноценную бумагу, отражающую особое мнение в форме опровержения каких-нибудь частей отчёта. Так сказать, учли мнение меньшинства.

Один из моих знакомых, чиновник Сената написал жалобу в CDA, что мне не разрешили ознакомиться с отчётом по программе, хотя я был её директором. Когда я приехал в Вашингтон и зашёл к нему, он предложил: “Бери мою копию!”. Я и взял.

Так или иначе, копия отчёта просочилась в американскую прессу и в СМИ. В это время я был всё ещё оплачиваемым сотрудником SAIC, поэтому пошел к своему начальству, чтобы по форме доложить ему, что выйдет паблик-релиз, свидетельствующий о том, что военное и разведывательное сообщества США поддержали экстрасенсорные исследования, и что SAIC была одним из его подрядчиков. Мой босс попросил, чтобы я держал его в курсе событий, большей частью из-за того, что корпоративная культура SAIC в то время предполагала полное отсутствие общения с прессой и СМИ. Я ответил своему боссу, который,

между прочим, всегда благосклонно относился к нашей программе, что в настоящее время сотрудничаю с одной из редакций новостей американского телевидения, и вполне вероятно, что меня попросят появиться в популярной ночной программе новостей под названием *Ночная Линия* с Тэдом Коппелом. Босс молча кивнул головой, но было ясно, что это ставило его и компанию под удар.

К этому времени мы физически закрыли двери программы в SAIC в офисе Пало Альто, и я был отправлен в административный отпуск без содержания, но моя медицинская страховка оставалась за мной, и допуск к секретным документам оставался в силе.

Всё случилось так, как я и предполагал. Меня пригласили на *Ночную Линию* оппонентом бывшему директору ЦРУ (а в 2008 году действующему Министру обороны) Роберту Гейтсу и аналитику ЦРУ, который был назван только по имени – Норм. Я снова предупредил босса, что интервью состоится, и сообщил ему запланированную дату и время программы.

Выпуски *Ночной Линии* обычно выходят в прямом эфире. В отличие от любого другого, этот записывался на пленку за несколько часов до эфира. А за несколько часов до того как отправиться в студию ABC в Сан-Франциско для записи беседы на плёнку, у меня состоялся самый трудный в моей жизни разговор с боссом. Мне позвонили домой из SAIC.

– Эд, ты на прямой линии с моим руководством и корпоративным юристом, – раздался в трубке голос Тома. – Мы приказываем, чтобы ты НЕ ходил на шоу *Ночная Линия*.

Я сначала подумал, что он шутит, ведь нас связывали очень дружественные отношения и взаимное уважение. И я тут же совершил первую из многочисленных ошибок, приведших к кризису от одного-единственного телефонного разговора.

– Почему ты так говоришь? – не понял я.

– Мы обеспокоены тем, что ты откроешь секретную информацию.

– Послушайте, я с двадцатилетнего возраста, с 1960 года, работаю в обстановке секретности, и если бы я собирался выдавать секретную информацию, то я не

сделал бы этого на дурацком телешоу; скорее я продал бы её русским за увесистую пачку денег, – поддел их я.

Мне казалось, что я забавно пошутил. ОШИБКА. Мертвая тишина повисла после моей глупой шутки. Меня, словно молнией пронзило: вляпался! Я понимал, что нужно как можно скорее положить конец всяким шуткам. Наконец после гробового молчания, которое показалось мне вечностью, босс мрачно произнёс, что они опасаются того, что я обнародую специфическую информацию компании SAIC.

– Поймите, – уже серьёзно сказал я, целенаправленно переводя разговор в другое русло, – я приглашен на шоу для того, чтобы просто своим присутствием заставить директора ЦРУ Гейтса честно сказать другим: наша программа уже принесла и ещё может принести огромную пользу разведывательному сообществу. Об этом мы оба с ним хорошо знаем, но он вряд ли так просто это скажет. Кроме того, я собирался поговорить о темах исследований, которые уже обсуждались в журналах и их можно найти в библиотеках. И частью моего соглашения на телешоу ABC была договорённость, что ни я, ни они не будем упоминать ни о чём, что связано с SAIC.

Мы зашли в тупик. Руководство SAIC не собиралось отступать, и я стоял перед ужасным выбором, не решаясь его сделать. С одной стороны, это шоу было одним из наиболее популярных в СМИ, и оно могло стать первым широким обнародованием нашей прежде секретной программы. Как же я мог отказаться от такого шанса? Кроме того, я был в неоплачиваемом административном отпуске и формально не очень зависел от SAIC, но мне не хотелось сжигать все мосты и ссориться с компанией, которой я восхищался, и с боссом, которого я любил и уважал.

Оглядываясь назад, даже сейчас, больше десяти лет спустя, я затрудняюсь сказать, правильное ли решение я тогда принял. Вместо того, чтобы вступить в переговоры и выяснить, что я буду иметь взамен моего отказа пойти на шоу, я сказал, что моё прошение об отставке будет лежать на столе босса в течение этого часа.

Они поняли, что я пойду на передачу, и они не могут остановить меня. Что случилось потом, одновременно и испугало меня, и ужасно разочаровало. Они

фактически стали мне угрожать, что и ЦРУ, и адвокаты SAIC будут с пристрастием смотреть это шоу и следить за всем, что я там говорю.

Голос мой дрожал, но я всё же вернулся к своему обычному «юмористическому» тону: пожелал им всего хорошего и выразил надежду, что просмотр шоу доставит им удовольствие, и им, возможно, для более приятного просмотра стоит купить немного кукурузных хлопьев.

К несчастью, после этого мои отношения с боссом, очень компетентным ученым, благосклонным руководителем и во всех отношениях восхитительным человеком, были разорваны.

Повесив трубку, я рассказал всё своей жене, Дайене, и она была столь же потрясена, как и я. Что делать? Я был настроен идти на передачу, но жена не хотела меня отпускать. Мы связались с её бывшим мужем, опытным адвокатом, и спросили его совета.

– Не делайте этого, – сказал он. – Это слишком рискованно и в юридическом, и в личном плане.

Тем не менее, несмотря на все этих личные и юридические советы, я всё же дал интервью. К счастью, ряд опасений оказался необоснованным. И хотя никаких юридических последствий не было, моя личная исследовательская жизнь по правительственному контракту подошла к прямому и, по-видимому, неизбежному концу.

Многолетние и главным образом неприятные публикации в СМИ, которые словно с ума посходили, соревнуясь, кто кого переплюнет в разнузданности подачи материала, были печальным последствием моего выступления в *Ночной Линии*. Как только всё это началось, во время одного из моих многочисленных визитов к сенатору, который начинал эру нашей программы в SAIC, он спросил, не мог бы я опровергнуть отчёт Американского Института Исследований. Я ответил ему, что это будет для меня не только просто, а исключительно просто. Сенатор предложил мне заняться этим и нанести сокрушительный удар.

Тот мой отчёт, уничтожающий методологии ЦРУ, без всякого сомнения, продемонстрировал, что ЦРУ заранее определило результат их расследования, т.е. прежде, чем оно фактически было проведено. Думаю, эта моя статья – очередной пример победы в сражении, но поражения в «экстрасенсорной» войне. Конечно, было очень весело легко и непринуждённо посмеяться над ЦРУ и их методами, но, полагаю, всё это имело долгосрочные последствия, которые, возможно, я пожинаю и по сей день.

Подводя итоги, хочется сделать краткие выводы о технических и административных и политических причинах закрытия программы «Звёздные Врата». Сначала технические причины:

- Задачи разведки сместились от стратегических к тактическим. Такой сдвиг резко уменьшил эффективность разведданных, собранных при помощи ЭСВ.
- Исследования не решали самую насущную проблему: как заранее определить, стоит ли полностью доверять разведывательным отчётам, полученным с помощью ЭСВ, частично ли им доверять или они не стоят того, чтобы по их данным проводить какие-либо действия. Мы так и не разработали принципов, на которых можно было бы интегрировать полученные с помощью ЭСВ разведданные с данными, полученными всем разведывательным сообществом.
- К сожалению, общий уровень эффективности ЭСВ не столь хорош, как это зачастую описывается. С научной точки зрения, эта работа не могла соответствовать и не соответствовала ожиданиям.

Помимо этих технических трудностей, которые можно было бы со временем преодолеть, были и административные и политические причины для закрытия программы, которые оказались непреодолимыми. Среди них можно выделить следующие:

- Комитет по Направленной Деятельности Конгресса предписывал ЦРУ принять ЭСВ программу и включить сотрудников в свой штат. С моей точки зрения, это наложило на ЦРУ груз непосильной ответственности. Вообще, изменение в программе означало, что надо начинать с нуля, и, по моему мнению,

никто не хотел быть обремененным потенциальными проблемами, связанными с предыдущей административной версией такой программы.

- Программа «Звёздные Врата» выживала в течение 20 лет частично из-за своих разведывательных и научных успехов. Но за время существования программы она всегда была под прицелом то одной, то другой группировки, пытающихся закрыть её, независимо от достоинств. Принципиальная причина, по которой программа сумела выжить и продержалась так долго, была в исключительной храбрости немногих правительственных чиновников, которые иногда, рискуя собственной карьерой, поддерживали работу программы и не давали «Звёздным Вратам» закрываться. Ко времени ретроспективной проверки Американского Института Исследований большинство из этих замечательных людей или ушло в отставку, или переменяло место работы. Короче говоря, мы потеряли свое политическое прикрытие.

- В течение этого непростого периода времени некоторые, действующие из лучших побуждений, но неосведомленные правительственные чиновники, участвующие в проекте, думая, что таким образом они способствуют сохранению программы, восторженно рассказывали о результатах исследований. Но их энтузиазм был воспринят, как серьезные преувеличения эффективности разведанных, полученных с помощью ЭСВ. Короче говоря, все 20 лет существования программы нам чаще вредила восторженность наших друзей, чем атаки любого из самых оголтелых наших критиков!

В 1995 году Министерство Обороны и ЦРУ прекратили финансирование любой дальнейшей деятельности в области исследования ЭСВ и использования его в разведке и в решении проблем национальной безопасности. Программа «Звёздные Врата» была закрыта. Насколько я знаю (а я думаю, что я знаю), у американского Правительства не было больше никакой другой официальной программы использования экстрасенсорного восприятия для сбора разведывательных данных в нашем беспокойном мире, с тех пор как они закрыли программу «Звёздные Врата».

**

Заканчивая рассказ Эдвина Мэя, мы хотим подчеркнуть очень важный момент: хотя внешне может показаться, что закрытие «Звёздных Врат» произошло из-за стечения ряда неудачных обстоятельств, но главной причиной, лежащей в основе нахлынувших бюрократических неурядиц, было исчезновение стратегической мотивации у правительства, министерства обороны и спецслужб США.

Могла ли выжить эта программа? Да, могла. Но для этого нужна была принципиальная переориентация её целей со стратегического противостояния на реальные задачи сегодняшнего дня, такие как терроризм, раскрытие преступлений, поиски пропавших людей и т.д. И вместо противостояния нужна была международная кооперация в этих вопросах. Но к такому сдвигу мышления американские государственные структуры явно оказались не готовы.

Зато оказались готовы бывшие участники программы «Звёздные Врата». В 90-е годы Эдвин Мэй приезжал в Россию много раз, а 2000 году он предложил другому из нас, своему коллеге по программе Джозефу Мак-Мониглу совершить такое путешествие вместе. Для Джо, как для офицера-разведчика, занимавшегося в прошлом шпионажем за Советским Союзом, такое предложение вызвало противоречивые чувства. С одной стороны, Джо никогда не бывал в России, и ему было интересно взглянуть на страну, с которой была связана столь значительная часть его профессиональной биографии, и на перемены, происшедшие в ней. С другой, образ врага еще окончательно стёрся из его представлений о России, и поэтому отношение к поездке было неоднозначным.

Однако Джо, как и Эдвин, оказался способен поменять своё представление и отбросить стереотипы, так долго доминировавшие в отношениях между США и Россией. И это не помешало ему быть достаточно критичным к остаткам советского менталитета. Мы хотим привести рассказ Джозефа Мак-Монигла об этой поездке и о его встречах с российскими коллегами, также военными и разведчиками, которые когда-то были его противниками, а теперь стали друзьями.

Рассказ Джозефа Мак-Монигла:

В середине 2000 года мой друг Эдвин Мэй поинтересовался, не хотел бы я съездить в Россию. Он получил для этого достаточное финансирование и был уверен, что мы сможем устроить там встречу с некоторыми из главных русских игроков, работавших с военной экстрасенсорикой. Хотя со времён Перестройки прошло уже десятилетие и во многих областях, благодаря советскому лидеру Михаилу Горбачёву, произошли радикальные изменения, но эти новшества не везде коснулись стиля мышления и поведения россиян. Так что одновременно эта поездка была мне очень интересна и несколько тревожила меня. Таково было моё отношение к ней – как бывшего американского офицера-разведчика, чьей работой в прошлом был шпионаж за Советами.

Со старым советским менталитетом и стилем работы мне пришлось столкнуться сразу же. Чтобы оформить визу в Россию, Эду нужно было получить официальное приглашение от начальника особого Управления Генштаба, генерал-лейтенанта Савина. Он приглашение оформил, но мой визит в Вашингтон для получения визы растянулся от предполагаемого часового посещения Российского Посольства до двух дней бюрократического кошмара. Там признали, что официальный запрос существует, но оказалось, что в Посольстве нет никого, кто был бы уполномочен выдать визу без копии приглашения, фактически находящегося в Российском Консульстве на западном побережье. Процесс отправки приглашения с западного побережья на восточное электронной почтой занял почти 48 часов. Возможно, в компьютерах российского посольства находились ещё советские электроны, и такова была скорость их движения. В конечном счете, на второй день мне позвонили в гостиницу и сообщили, что я могу забрать приглашение. Это произошло меньше чем за 72 часа до моего вылета из Международного аэропорта Кеннеди в Нью-Йорке. Эд и я договорились встретиться в аэропорту в Лондоне, откуда мы с ним намеривались вылететь в Москву. У него была карта-схема нашего путешествия, информация о бронировании номеров в гостинице, и всякие другие вещи первой необходимости, без которых не обойтись в поездке.

К сожалению, наша встреча с Эдом в Лондоне так и не состоялась. Я прошёл регистрацию, зная, что самолет Эда уже приземлился, и сам он был, вероятно, уже

на подходе, но не смог вовремя пройти через таможню, чтобы успеть на московский рейс. Я стоял у трапа самолёта до тех пор, пока старшая стюардесса не сказала мне, что люк закрывается, и если я предпочитаю оставаться по ту сторону борта, то самолет улетит без меня. Я неохотно поднялся на борт, понимая, что лечу в Москву, имея в кармане только листочек с названием гостиницы и не имея даже элементарной возможности спросить на русском языке, где находится туалет. Наш коллега и переводчик, Лариса Виленская, уже была в Москве, мы должны были встретиться уже там.

Прибыв в Москву и пройдя таможню в Шереметьево, я получил свой багаж и поймал такси, чтобы добраться до гостиницы. К счастью, шофер такси смог прочитать название отеля по-английски. Эд забронировал номер в отеле «Марриотт», так как он, будучи частью американской системы отелей, должен был соответствовать западным стандартам. Но, к сожалению, работа в отеле не была отлажена так, как это принято на Западе. Моя попытка зарегистрироваться наткнулась на ряд осложнений. Эд забронировал номер для нас, но сделал это на свою кредитную карту. Меня не хотели регистрировать, потому что я был не Эдвин Мэй. После часового разбирательства с менеджером, мне согласились предоставить комнату, но только с условием, чтобы я перевёл плату с кредитки Эда на свою. В конце концов, мы смогли прийти к соглашению, хотя в те дни цены были настолько высоки, и это почти дошло до лимита моей кредитки. Но самое курьёзное ждало нас впереди, когда Эд, наконец, прибыл более поздним самолётом. Его бронь в отеле не хотели признавать, потому что комната была теперь закреплена за мною. В итоге менеджер позвонил мне и попросил спуститься в вестибюль, где мы смогли наконец разрешить возникшую проблему. Но это не всё! На протяжении всего двухнедельного пребывания в Москве мы были обязаны каждое утро подходить к конторке портье, чтобы обменять наши старые электронные ключи от комнаты на новые, потому что дверные коды не могли действовать дольше суток. В конечном счёте, после долгих бесед с представителями отеля, для нас всё-таки сделали несколько отступлений от правил.

Потребовался какой-то период времени, чтобы устроить официальную встречу, так что мы провели несколько дней отдыха, расслабляясь и посещая некоторые из общепринятых достопримечательностей Москвы. Это было для меня очень впечатляющим времяпрепровождением, потому что это было моё первое посещение Москвы, и я знал о российской столице только то, что видел в учебных фильмах, или запомнил из сведений, полученных во время инструктивных совещаний по старому СССР. Очень многие вещи произвели на меня неизгладимое впечатление, являясь одновременно и интересными, и странными. После посещения мавзолея Ленина, выходя, я заметил, что прямо напротив находится огромный универмаг – ГУМ. Здание сверкало иллюминацией и ничуть не уступало самым красивым американским торговым центрам. Невольно я задался вопросом, что бы подумал Ленин, если бы внезапно воскрес и увидел всё это буржуйское великолепие?

Чуть подальше от Красной площади, вниз по улице, находился другой торговый центр, ещё более внушительных размеров, почти полностью подземный. Три этажа магазина ломились от вещей и еды: здесь можно было купить всё, что вашей душе угодно. И повсюду были новые рестораны, даже три Макдональдса, с залами на пятьсот человек. Было очевидно, что россияне уже всюду вкушают плоды глобальных перемен, потрясших их страну. Но стоило взглянуть пристальней, и можно было увидеть, что трудный процесс перемен был в самом разгаре. Ближайшие события убедили нас в этом.

Пока решался вопрос об официальных встречах, профессор Ипполит Моисеевич Коган пригласил нас показать нашу обычную презентацию по дальновидению в знаменитом Московском Государственном Университете для большого количества зрителей. Когда мы подъезжали к Университету, я заметил около него много военных. Но самым удивительным мне показалось то, что мы так и не смогли попасть в лекционный зал. Он был заперт, и никто не мог найти ключ. Пришлось носить стулья в холл, и лекция прошла там. Я часто думаю, как хорошо, что русские люди не спешат расстраиваться, если что-то происходит не так, как они ожидали. На презентации мы ответили на огромное количество вопросов, включая

и те, на которые мы никогда ранее не были в состоянии ответить: как работает дальновидение.

Наконец наступил день, когда рано утром в гостиницу прибыл черный мерседес с водителем и эскортом, чтобы отвезти нас на официальную встречу. Эд и Лариса выглядели вполне спокойными, чего я не могу сказать о себе. В кои-то веки мне предстояло встретиться с моими коллегами, с которыми мы в течение долгих лет Холодной войны выполняли одну и ту же работу, только по разные стороны Железного Занавеса.

Какое-то время мы ехали по окраине Москвы. Но как только выехали за пределы городской черты, за окнами Мерседеса замелькала местность, которую можно назвать сельской. Скоростная автострада сменилась дорогой, покрытой гравием, мало чем отличающейся от той, которая ведёт к моему дому в Центральной Виржинии. Потребовался без малого час, чтобы добраться до места нашего назначения, которое оказалось весьма современно выглядящей дачей с деревянным забором. Ворота открылись, мы въехали во двор и припарковались. У дверей нас встречали генерал-лейтенант Алексей Савин и генерал спецслужб Борис Ратников, вместе с женщиной, офицером охраны, и многочисленными людьми, которые не были нам первоначально представлены. Нас тепло поприветствовали, пригласили в дом и провели экскурсию по помещениям. Я понял, что это было, возможно, одно из многих мест для собраний, которые всегда были наготове, и это место – одно из недавно построенных. Здесь были помещения для исследований и медитаций и комната для проведения брифингов, которая, вероятно, также использовалась как учебный класс. Были офисы и общий зал со столовой и кухней. К главному зданию были подведены подземные лаборатории, а также компьютерные залы, помещения для отдыха, среди которых была даже влажная сауна. Бесспорно, это было лучшее место среди тех, где я когда-либо проводил сеансы дальновидения.

После экскурсии нас формально представили присутствующим там российским экстрасенсам. Большинство из них было намного моложе меня, и пропорция соотношения мужчин и женщин в группе была приблизительно такой, как и в своё время в оперативном подразделении программы «Звёздные Врата». Я был

представлен российской дальновидящей № 1 в военной программе – женщине, которая, как я чувствовал, была так же взволнована встречей, как и я. Позже мы узнали, что ей была присвоена высокая российская награда за экстрасенсорную разведку во время Чеченской войны, эта женщина-экстрасенс работала там на переднем рубеже боевых действий. Она вызвала во мне глубокое уважение. После представления мы пошли в учебную комнату, где нам подробно рассказали о проводящейся тогда в России работе по экстрасенсорике.

Тут я должен признать, что сделал много интересных записей в своём блокноте. Российская культура несколько отличается от типичной американской. Так, и в области психотроники было много вещей, с которыми я совсем не был знаком, но которые составляли необычный, специфический фон. Поэтому я больше слушал, чем говорил или задавал вопросы. Через несколько часов мы сделали перерыв и двинулись в комнату отдыха и в столовую.

На протяжении всех моих армейских лет я очень много путешествовал и приспосабливался к самым разным мировым культурам. В ходе той московской социализации я, наверное, выпил столько спиртного, что в этом море не сел бы на мель и боевой линкор. Но справедливости ради должен сказать, что с тем праздничным обедом, который был дан в нашу честь в России, не может идти в сравнение ни один из многочисленных торжественных обедов, на которых я побывал во многих странах мира. Русские, действительно знают, как устроить вечеринку. Стол ломился от яств, он был от края до края заставлен всевозможной едой, все сидели за этим большим круглым столом, как члены одной дружной большой семьи. Как только я начал есть, мне вручили то, что в Америки назвали бы стаканом для сока. Но в эти стаканы до краёв наливали водку. Как только стаканы всех присутствующих наполнялись, кто-нибудь из них вставал и произносил официальный тост, который был чрезвычайно хорош и звучал нескольких минут, в конце его все опрокидывали стакан с водкой и со стуком ставили пустые стаканы на стол. К тому времени, как я опрокинул в себя три стакана водки, подошла моя очередь произносить тост. Я стоял по стойке «смирно», держал свой стакан высоко (и, надеюсь, прямо) и сказал тост, идущий от

самого сердца. Я честно не могу вспомнить точно, что я тогда произнёс, потому что, сами знаете, что делает с нами водка, но независимо от того, какие это были слова, должно быть, тост был правильный, поскольку после него я попал в такие крепкие двусторонние объятия, что у меня кости затрещали. После вечеринки мы возвратились в гостиницу, где я и провел следующие 15 часов, восстанавливая подорванное здоровье.

Возвратившись на следующий день на эту же дачу, мы приняли участие во многих обсуждениях и совещаниях, и я получил возможность поучаствовать в эксперименте с их главным экстрасенсом из женской половины группы – Еленой Климовой. Меня изолировали в крошечной тьме подземной комнаты и попросили нарисовать то, что первым придёт на ум – предполагалось, что Климова нарисует то же самое. Стартовым сигналом служил звонок, который должен был прозвучать через наушники. Климова была в другой части здания, её задачей было при тех же самых условиях, в каких находился я, проделать ту же операцию. Нахождение во тьме, когда вы в течение получаса сидите в мёртвой тишине, полностью дезориентирует, в такой обстановке очень трудно рисовать на графическом планшете электронной ручкой. Но именно так была поставлена задача, и надо было сделать всё возможное и невозможное, чтобы её осуществить. Услышав звонок в наушниках, я решил, что просто позволю ей водить своей рукой по планшету на расстоянии. По второму звонку я закончил рисунок, и меня отвели наверх. Потом мы сравнили то, что нарисовал я, и то, что изобразила Климова. Наши рисунки представляли собой точные зеркальные отражения друг друга. Думаю, на всех в комнате это произвело очень сильное впечатление.

В течение последних нескольких часов нашего второго визита я спросил, можно ли делать фотографии. Сначала вопрос вызвал некоторую обеспокоенность офицеров охраны, но после обсуждения этого вопроса с Савиным нам дали разрешение фотографировать с условием, что мы не будем обнародовать эти фотографии, пока не получим официального разрешения на публикацию. Мы согласились. Впервые эти фотографии опубликованы на страницах данной книги.

Прежде чем мы уехали из Москвы, Савин организовал мне, Эдду и Ларисе поездку в госпиталь ветеранов войны в Подмосковье. Главврач госпиталя выделил в своём плотном графике время и провёл для нас обширную экскурсию по своему учреждению, которым он очень гордился. Можно понять эту его гордость. В те дни у нового российского правительства не было большого количества денег, и поддерживать здание в порядке было очень трудно. Конечно, если захотеть, то можно было заметить, что и само здание госпиталя, и палаты нуждались в некотором ремонте. Однако госпиталь сиял чистотой, и видно было, что персонал делает всё для того, чтобы поддерживать его на высоком уровне. Но самое неизгладимое впечатление произвело на меня то, какое отношение было в госпитале к раненым. Ветераны действительной военной службы, которые находились в госпитале, проходили реабилитацию не для того, чтобы уйти на гражданку. Они реабилитировались для возвращения назад в свои воинские подразделения. Это касалось и тех, кто потерял на войне конечности. Я говорил с некоторыми из них, и они уверили меня, что обязательно вернуться назад в свои воинские части, как только их признают достаточно пригодными для воинской службы. Конечно, они не вернуться на те же самые рабочие места, разумеется, нет, но им предоставят рабочее место, соответствующее их квалификации и физическому состоянию, и они будут трудиться столько часов в день, сколько позволит состояние их здоровья. Предполагалось, что для поднятия морального духа воина лучше после реабилитации вернуть мужчину в строй на прежнее место службы, чем выбросить его из Армии на гражданку. Таким образом, страна могла использовать опыт солдат и офицеров, и в то же время они не становились бременем для государства, потому что не могли получить гражданскую работу. Конечно, были и такие, которые не подлежали реабилитации, однако таких людей было немного в сравнении с теми, кто хотел возвратиться на прежнее место службы.

В течение длительного времени мы путешествовали по России и встречались со многими другими людьми, связанными с интересующими нас областями исследования, но, в конце концов, наш визит завершился, и мы должны были отбыть в Штаты. Портье в гостинице сказал нам, что можно избежать ужасных

очередей и трудностей в аэропорту, если мы заплатим по 350 долларов с человека за специальный сервис. Мы обсудили это и решили, что так и поступим. За эти деньги нас комфортно доставили в 5 часов утра на мерседесе от гостиницы до аэропорта. Три раза наш автомобиль останавливала милиция, которая, очевидно, искала кого-то другого. Когда мы наконец приехали в аэропорт, наш багаж отправили в боковую дверь, где его досмотрел таможенный агент, специально выделенный для нас: он бегло проверил наши сумки, а затем привязал к ним бирку с надписью «Нью-Йорк». После этой процедуры нас сопроводили к отдельному бару на втором этаже, где были бесплатные напитки, пока другой таможенный чиновник не подошёл и не пригласил нас пройти на борт самолета. Мы спустились по другую сторону стеклянной стены, где ждали посадки все другие пассажиры, и сели в самолёт раньше пассажиров первого класса. Это была великая первая поездка – поездка, в которой я очень много узнал о своих коллегах, и уверен, они сделали то же самое в отношении меня. И это была не последняя наша поездка в Россию. Генерал-лейтенант Алексей Савин и я стали хорошими друзьями и остаёмся таковыми на протяжении многих лет. Но к тому времени как московская земля осталась далеко внизу, я уже думал о доме

Сейчас мы живем в новом интересном мире, где некоторые вещи изменились довольно сильно, в то время как другие – очень мало. Холодная война закончилась давным-давно. Я побывал в Москве и встретился со своими коллегами, мужчинами и женщинами, против которых я работал в течение очень многих лет. Я нашёл в них своё собственное отражение. Замечательные люди, вдумчивые и проницательные, любознательные и вдохновенно занимающиеся исследованием тех самых проблем, которым я отдал три прошедших десятилетия своей жизни и работы: изучением глубоко потаённого мира человеческого духа. Они так же посвящают свои жизни защите безопасности своего отечества, как и я. Однако время изменило то, что теперь мы не противники, а соратники: ведь у нас много общих целей, особенно в исследовании человеческого сознания и в том, что все мы хотим применить полученные знания на благо человечеству.⁴⁹

⁴⁹ В этом рассказе Джозефа Мак-Монигла речь идёт о визите на одну из секретных подмосковных баз в/ч 10003 генерала Савина.

**

Из рассказа Джозефа Мак-Монигла мы хорошо видим, как конец противостояния политических систем дал возможность более глубокого понимания людьми друг друга и сотрудничества между странами. Любопытно сравнить в этом плане возможности американских и российских экстрасенсов.

Сам Джо в это время уже много путешествовал по миру, демонстрируя возможности экстрасенсорики. В частности, японское телевидение организовало для него ежегодную передачу-шоу по поиску пропавших людей, популярность которой настолько велика, что её регулярно смотрят около 30 миллионов зрителей. Возможно, подобная открытость вполне естественна для ушедшего в отставку экстрасенса-разведчика-американца, но без происшедших перемен мы вряд ли могли бы ожидать подобное от экстрасенса, ранее работавшего на советские спецслужбы.

Тем более приятно, что такая же возможность международного сотрудничества появилась и для граждан стран бывшего Советского Союза. Это хорошо видно из продолжения рассказа известного экстрасенса Тофика Дадашева, теперь уже относящегося к 90-м годам, на примере его взаимоотношений со спецслужбами Турции, что совершенно невозможно было бы себе представить в советские времена. В его рассказе также хорошо отражаются изменения взаимоотношений экстрасенсов и спецслужб в постсоветский период в целом.

Рассказ Тофика Дадашева:

Ещё в конце восьмидесятых я решил совсем отойти от участия в работе спецслужб, так как всё больше и больше консультировал людей в частном порядке и не хотел, чтобы эти два вида деятельности пересекались. Но случались и нарушения этого обета. Как-то, в начале 90-х, я гостил по приглашению в загородном правительственном посёлке недалеко от Баку. И вдруг у одного из охранников пропало оружие. Спецслужбы очень встревожились: кругом жили люди из непосредственного окружения Президента Азербайджана. Обратились ко мне, и я, учитывая оказанное мне гостеприимство, не смог отказать. Перед тем, как

взглянуть на подозреваемых, я попросил показать мне охранника, у которого это оружие исчезло. Едва увидев его, я сказал:

– Больше не ищите, пистолет спрятал он сам.

– Не может быть! – поразились сотрудники спецслужб. – Зачем ему это делать? Или он готовит преступление?

– Нет, – успокоил их я, – причина какая-то бытовая, типа ссоры с женой. Он всего лишь сделал глупость, дайте мне слово не судить его.

Слово мне дали, и моя правота подтвердилась уже на следующий день: этот охранник признался во всём. Потом его просто уволили.

В середине 90-х был интересный случай, когда меня приглашали сотрудничать спецслужбы Турции. Я проездом находился в Стамбуле, когда мне позвонили и попросили помочь молодому человеку, который попал в тяжёлую аварию. Он был сыном Неджмеддина Арбакана, лидера исламской партии, поэтому спецслужбы контролировали эту ситуацию. Я приехал, провёл экстрасенсорную диагностику и сделал, что смог. Меня спросили:

– А будет он жить?

– Жить будет, но ему нужна сложная операция, лучше сделать её в Америке или Германии. И он останется прикован к инвалидной коляске, – ответил я. – Это тяжело, и для него, и для семьи, но это не конец всего. У него хватит сил, чтобы дальше вести активную жизнь. Я вижу, что он станет депутатом парламента, а его отец, кстати, в течение года станет премьер-министром.

Работники спецслужб поразились:

– Как может господин Арбакан стать премьер-министром в течение года, если за это время даже не будет выборов?

– Не знаю как, но станет, – ответил я.

Действительно, вскоре после этого в турецком правительстве произошли неожиданные перестановки, и 28 июня 1996 года Неджмеддин Арбакан стал премьер-министром. Я немедленно получил приглашение переехать на жительство

в Турцию, где мне предоставляли особняк и особые условия работы. Но я отказался, в основном, по патриотическим мотивам.

В середине 90-х годов мне снова пришлось столкнуться с террористом. Я снова работал в Баку, консультировал людей, принимая их в специально снятой для этого квартире. Как-то мне сообщили, что на приём пришёл журналист из Белоруссии, который здесь проездом. Я попросил помощницу ввести его, но как только он появился в коридоре у дверей, я почувствовал внутренний толчок и сразу сказал ему:

– Стойте! Вашу сумку оставьте в коридоре за дверью. У вас там случайно не бомба?

Внешне это было похоже на шутку, но он опешил. Без всякой улыбки он положил сумку в указанном месте, прошёл ко мне в комнату и сел напротив. Возникла неловкая пауза...

– Что вы хотите? – прервал я её.

– Написать о вас репортаж для моей газеты, – ответил он.

Мы немного поговорили, и он ушёл. Через несколько дней я узнал, что этот «журналист» арестован азербайджанскими спецслужбами по обвинению в терроризме. Оказалось, что он ранее уже совершил взрыв поезда в Белоруссии и намеревался сделать это снова в Азербайджане или России. На суде этот человек сказал: «Меня разоблачил Тофик Дадашев».

Надо сказать, что я сам не сообщал о нём спецслужбам, поскольку в этот раз не был стопроцентно уверен, что передо мной террорист. Но, как стало понятно, квартира, в которой я работал, прослушивалась спецслужбами, и не напрасно. Они обратили внимание на мои слова о бомбе и на всякий случай проверили этого человека. В результате оказались спасёнными многие человеческие жизни.

Из историй последних лет я могу привести пример о похищении жены президента Международного Банка Азербайджана Джахангира Гаджиева.⁵⁰ Это случилось 10 февраля 2005. Преступники схватили её, когда она выходила из салона-парикмахерской, увезли в неизвестном направлении и потребовали выкуп 20 миллионов евро. На следующий день утром мне в Москву позвонил один близкий человек из Баку и рассказал об этой истории. Банкир обратился к нему с просьбой уговорить меня помочь в её розыске. Повисла тягостная пауза, поскольку я чувствовал, что дело имеет не только криминальную подоплеку, а у меня принцип не связываться с подобными делами. С другой стороны, я не мог отказать близкому человеку... и высказал ему свои соображения. Мой знакомый был настолько ошарашен услышанным, что спросил, можно ли банкир сам мне позвонит и я повторю ему то же самое. Через две минуты банкир Гаджиев позвонил сам. Я сразу же спросил:

– Вы сообщили спецслужбам?

– Все уже задействованы, – ответил он.

– У них есть предположения?

– Нет, абсолютно никаких.

– Ее похитили не бандиты, – сказал ему я, – а люди из органов по линии МВД, очень высокопоставленные. Поэтому у них много возможностей для контроля ситуации. Уверен, что они это делают не в первый раз. Но и у меня есть опыт: несколько лет назад я помог одним высокопоставленным людям – у них украли сына – тогда похитителями тоже были люди из органов. Вам нужно держаться, не паниковать, владеть собой. Если проявите слабость, то это будет им только на руку.

– А можете Вы приехать? – попросил Гаджиев.

– Опасность в том, что если я приеду, похитителям станет известно об этом, и они от неё избавятся – убьют и спрячут труп. Я уверен, что их человек находится рядом с Вами (позже это подтвердилось – им оказался друг семьи Гаджиевых, который

⁵⁰ Мы впервые публикуем рассказ о роли Тофика Дадашева в этой истории, в своё время нашумевшей в прессе.

был племянником главаря похитителей), и они знают все Ваши помыслы, держат Вас под контролем.⁵¹

На вопрос, что с ней будет, я ответил, что родственники не должны волноваться, она будет в целости и сохранности, не будет насилия и издевательств, это не обычные бандиты, чтобы резать нос и уши, издеваться над ней. Я также сказал передать мне её фотографию, чтобы я мог подействовать на удачный исход ситуации, это мой метод. И еще раз повторил, что если я приеду, этим всё испорчу. Приехать я могу после освобождения заложницы. Все это я сказал банкиру по телефону.

Через 2 часа мне в Москву передали фотографию. Я провёл сеанс экстрасенсорной оптимизации ситуации и воздействия на удачу. Вскоре спецгруппа Министерства национальной безопасности Азербайджана провела операцию по обезвреживанию преступников и освободила заложницу. Их всех застали врасплох. Главарём преступников был полковник полиции, сотрудник Главного управления уголовного розыска МВД Азербайджана Гаджи Мамедов. А непосредственным организатором этого похищения оказался друг семьи Гаджиевых банкир Эльчин Алиев, племянник Мамедова.

Участники операции получили высокие звания и награды. Хотя моя роль в этой истории не разглашалась, вполне естественно было ожидать какого-нибудь выражения благодарности. Поэтому я был удивлён, что после завершения операции никто из участников мне даже не позвонил.⁵²

**

В рассказах Тофика Дадашева, как и в рассказах Джо Мак-Монигла, мы можем увидеть и почувствовать позицию экстрасенса, работающего для спецслужб и военных. Позицию исследователя и организатора этих работ отражают повествования Эдвина Мэя, Алексея Савина и Бориса Ратникова.

⁵¹ Мы можем себе представить, какую огромную ответственность и риск взял на себя Тофик Дадашев, говоря всё это. Несмотря ни на какие экстрасенсорные способности, для этого нужна была незаурядная смелость.

⁵² Специальное интервью Тофика Дадашева для этой книги.

Интересным соединением этих позиций является следующий рассказ доктора медицинских наук, полковника внутренней службы Вячеслава Звоникова, который будучи сам экстрасенсом и врачом-исследователем, в начале 90-х перешёл на работу в Министерство Внутренних Дел и организовал там большой центр по изучению и практическому использованию экстрасенсорики.

Здесь мы также видим радикальное изменение позиции государственных органов по отношению к экстрасенсорике, которое было особенно характерно в последний советский период, когда резкий слом старой идеологии заставил чиновников открыть глаза на новые нетрадиционные идеи и подходы к решению социальных проблем. К сожалению, нужно отметить, что этот период открытости новым идеям у государственных структур в России практически закончился к середине 90-х годов.

Рассказ профессора Вячеслава Звоникова

Вообще-то, изначально я военный врач и классический учёный, занимающийся резервными возможностями человека. Сколько себя помню, меня всегда интересовала эта проблема, ещё с детства, да и в медицину я пошёл из-за интереса к экстрасенсорике. Кроме того у меня самого тоже есть определённые экстрасенсорные способности. Я провожу много ЭСВ исследований и часто сам участвую в экспериментах, но на проблему чудес я всегда смотрел и смотрю через призму науки с объективным подходом.

Моя история сотрудничества с МВД началась в 1989 году, в Армении, куда я выехал оказывать пострадавшим помощь после разрушительного землетрясения в Спитаке. Там я встретился с министром внутренних дел СССР Вадимом Бакатиным. Мы быстро нашли общий язык, и он сделал мне предложение открыть у него в Министерстве специальный центр с солидным финансированием. При этом Бакатин дал мне широкие возможности творческого развития моих идей.

В это время я всё ещё работал в Институте авиационной и космической медицины и только что составил для правительственных органов доклад о том, что существуют экстрасенсорные явления, которыми надо серьёзно заниматься, то есть

их надо изучать, развивать и использовать в рамках оборонного ведомства. Эта бумага сработала, моими предложениями заинтересовались. В результате я познакомился с полковником Михаилом Бажановым, который занимался подобными вопросами в Министерстве Обороны. Он предложил мне перейти на работу в его отдел в Генштабе. Это тоже было заманчивое предложение, позволявшее мне остаться системе Министерства Обороны, но уже иметь широкие возможности исследований в области парапсихологии. Некоторое время я серьёзно колебался между Генштабом и МВД.

Я выбрал МВД. Через год у меня в Центре работало уже 150 человек. Первый отдел моего Центра, состоявший из 12-15 человек, занимался исключительно экстрасенсорикой. Нами была создана большая программа, под моим началом находилось более сотни институтов и лабораторий. Вопросами экстрасенсорики в это время очень интересовались премьер-министр СССР Валентин Павлов и заведомом по обороне ЦК КПСС Олег Бакланов. Они много нам помогали.

Работал я в тесной кооперации с КГБ и Министерством Обороны.

Проработали мы очень эффективно года три. За это время было сделано очень много. Мы проводили тестирование среди милиционеров, находили способных, экстрасенсорно одарённых ребят. Протестировали около 400 милиционеров, из них отобрали и подготовили к оперативной экстрасенсорной работе человек 30. Они начали заниматься экстрасенсорным поиском преступников, и результаты были весьма солидными.

Из этого периода мне вспоминается первое убийство бизнесмена-иностранца в Москве. В советские времена весь иностранный бизнес был связан с государством, и такое просто не случалось. Но после перестройки начался делёж государственной собственности, жёстко столкнулись частные интересы, и в 1991 году в гостинице был убит польский бизнесмен. В его номере нашлись вещи, через которые нашим экстрасенсам удалось снять информацию и чётко определить приметы убийц, их местонахождение и то, что убийство связано с нефтью. В оперативном порядке мы

смогли вывести группу захвата на тот район, где скрывались преступники. Убийцы были арестованы именно там, где указали наши экстрасенсы.

Параллельно мы провели масштабное тестирование экстрасенсорных способностей населения нашей страны с участием нескольких тысяч человек. По данным нашего Центра, среди населения России явными экстрасенсорными способностями обладает около 1,5% людей. Есть регионы России, где люди экстрасенсорно более продвинуты, к примеру, на Кубани. А СРЕДИ ТЕХ, КТО ДЕКЛАРИРУЕТ НАЛИЧИЕ У СЕБЯ ЭКСТРАСЕНСОРНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ, НА САМОМ ДЕЛЕ ОБЛАДАЮТ ИМИ НЕ БОЛЕЕ 5-7 %. Согласитесь, убийственная статистика. Её важно помнить, когда приходится общаться с экстрасенсами.

Была и юмористическая экстрасенсорика. Всё время, пока я работал в МВД, меня постоянно донимали изобретатели психотронных генераторов. Несмотря на то, что здание нашего Центра было частью Министерства Внутренних Дел, и там стояла мощная военная охрана, изобретатели всё равно ухитрялись пролазить внутрь и добираться до моего кабинета. В результате, к концу третьего года моей работы, половина соседней комнаты для совещаний была до потолка забита психотронными генераторами разных, иногда весьма экзотических конструкций. Большинство этих изобретений были чистой халтурой, но не все, как я знал ещё со времён своей работы в Институте космической медицины, когда мы испытывали один из таких психотронных генераторов с явным наблюдаемым эффектом. Но теперь проверять их у меня просто не было времени.

Когда в рамках МВД создавалась Служба чрезвычайных ситуаций, затем превратившаяся в Министерство Чрезвычайных Ситуаций (МЧС), мой Центр предложил им сотрудничество. Это очень логично и естественно – использовать экстрасенсорику в чрезвычайных ситуациях. К сожалению, в начальный период у МЧС было слишком много организационных проблем, и бессменный глава этого ведомства Сергей Шойгу просто физически не мог уделить этому вопросу достаточно внимания. Всю психологическую службу МЧС возглавила его дочь Юлия. Я разговаривал и с Юлией Шойгу об организации экстрасенсорной службы в рамках МЧС, но прежде чем эта идея успела реализоваться, я покинул МВД.

Позже, во второй половине 90-х годов МЧС использовало экстрасенсов, подготовленных в программах генерала Савина, но масштаб работ был гораздо меньше, чем предложенный мною изначально. А потенциал здесь огромный: можно предсказывать и предотвращать катастрофы, предвидеть землетрясения, находить под завалами людей, выявлять наиболее эффективные стратегии борьбы с пожарами и так далее. Конечно, работа должна быть поставлена на серьёзном научном уровне, с хорошей медицинской, психологической и физиологической базой исследований. Кроме того, почти всегда должен быть проводник-профессионал между экстрасенсом и тем, кому он нужен: к примеру, спасателем при поиске людей. Это значит, что профессионалов, которые могут выступать в роли «переводчиков», нужно специально готовить. Несомненно, МЧС нужен центр экстрасенсорной поддержки, он спасёт немало жизней и сэкономит много средств. Возможно, такой центр можно создать и на международном уровне.

Мы проработали до 1993 года, потом начали один за другим меняться министры. В то время сливались два министерства внутренних дел: России и СССР, которые не соглашались друг с другом по целому ряду политических вопросов. В результате этих конфликтов наш Центр распался, и мне пришлось написать рапорт об увольнении. Сейчас от наших начинаний в МВД осталась лишь небольшая лаборатория, всё вернулось на тот изначальный круг, который был до моего прихода. Конечно, никакая работа не проходит бесследно: зёрна были посеяны, но очень жаль одного из главных дел моей жизни.

В последующий период с помощью генерала Николая Шама мы организовали частный центр, где занималась вопросами, которые курировала Федеральная Служба Охраны и лично генерал Борис Ратников. Они делали заказы, а мои ребята, подготовленные по нашим экстрасенсорным методикам, эти заказы выполняли. Было много интересных работ по расследованию преступлений, аварий, кораблекрушений, мы делали прогнозы землетрясений. Проводили составление фотороботов не по памяти, а по образному экстрасенсорному восприятию.

Вот один из примеров. Тогда уже во весь рост встала проблема терроризма, и спецслужбы обратились к нам по поводу серии взрывов троллейбусов в Москве.

Ни они, ни милиция не могли найти террористов, не было никаких следов. Мы начали работать в паре с оперативной группой, расследующей эти преступления. Мои экстрасенсы, уходя в прошлое, сделали фотороботы террористов, и их показали по телевидению. Мы также экстрасенсорно локализовали места, где прятались преступники. Наши ребята с помощью своего внутреннего видения просмотрели там номера машин, затем их проверила оперативная группа, и в одной, действительно, был обнаружен труп террориста. Когда же мы вышли на заказчика этих терактов, работы тут же были прекращены. Очевидно, он был связан с высокими государственными структурами. Это был либо передел власти, либо политические интриги.

Сейчас в моём новом Центре мы проводим множество интереснейших экспериментов по экстрасенсорике. Работаем не со случайно набранными с улицы людьми и не с лицами, объявившими себя великими экстрасенсами. Мы тестируем людей, находим среди них обладающих экстрасенсорными способностями, и работаем с ними по определённой, отработанной нами методике повышения их природных экстрасенсорных возможностей. Поэтому я знаю, что чудо я могу показать – в любых, самых строгих контролируемых условиях – сегодня, завтра, послезавтра, и с высокой процентной вероятностью. А если оно не получается, то я точно знаю, почему и что именно не сработало. Мы вышли на стабильную вероятность 75-80 % фиксации информационного воздействия, что удовлетворяет самым строгим научным критериям достоверности и повторяемости.

Кроме этого, я преподаю в Московском Гуманитарном Университете. Читаю студентам спецкурсы на психологическом факультете, в частности по резервным возможностям психики. Здесь я, возможно впервые в России, в официальном учебном заведении на строгом научном уровне говорю об экстрасенсорике, в частности, рассказываю студентам о своих исследованиях в этой области.

Это особенно важно в нынешние времена, поскольку ситуация поменялась, и об экстрасенсорике много говорится в средствах массовой информации, но научная разработка этих вопросов в загоне. Дело в том, что человек как таковой сейчас неинтересен, интересна машина, производство. Вложил деньги – получил отдачу.

Хотя наши политики декларируют приоритет человеческих ценностей, но всё, что связано с человеком, государство не интересуется. Я очень надеюсь, что такая ситуация изменится, и изменится в относительно недалёком будущем, потому что возможности, которые человечество может получить от развития экстрасенсорных способностей людей и их правильного использования, – просто колоссальны.⁵³

**

Как мы видим из рассказа профессора Звоникова, в начале 90-х работа с ЭСВ в России вышла на государственный уровень даже в тех структурах, которые ею никогда раньше не занимались – в Министерстве Внутренних Дел. Но этим дело не ограничилось – в рамках КГБ была создана единая программа экстрасенсорных исследований, разработки новых необычных технологий и их практического использования – что для России явилось фантастическим идейным прорывом!

Конечно, реакция старого менталитета не заставила себя долго ждать: уже к середине 90-х работы с экстрасенсорикой были почти прекращены и в МВД, и в службах безопасности, из государственных структур удерживаясь только под крылом Министерства Обороны. Отброс назад при прорыве нового – это обычное явление, вряд ли стоит удивляться этому. Но любопытно, что водораздел между за и против экстрасенсорики уже явно проходил не по линии идеологии коммунизм-капитализм, а по линии прогресс-регресс науки и общества.

О том, как создавалась эта единая программа работ в области экстрасенсорики и смежных областей, и о дальнейших перспективах экстрасенсорики в России мы узнаем из окончания рассказа генерала Николая Шама, который стал последним заместителем председателя КГБ в истории этой организации и который в этот момент возглавлял по линии КГБ все разработки в области ЭСВ и новых технологий:

Рассказ генерала Николая Шама:

Когда в сентябре 1991 года меня назначили на должность заместителя председателя КГБ, я поставил перед собой такую задачу: выявить всё, что делается

⁵³ Специальное интервью профессора Вячеслава Звоникова для этой книги.

в стране в сфере необычных технологий, экстрасенсорики и парапсихологии, провести оценку уровня и перспектив, жёстко установить приоритеты, определить спецподразделение КГБ, которое каждодневно занималось бы нетрадиционными спецтемами. Таким подразделением был определён отдел во Втором Главке (впоследствии Управлении П), который возглавлял полковник Николай Шарин. Начали налаживаться контакты с американцами, возникла идея сотрудничества по новым технологиям, чтобы совместно выйти на решение проблем организации системы контроля над всеми работами, которые проводились в этой области. Оставлять всё без контроля государства было опасно. Моя идея была такова: выделить эту специальную тему, сделать курирующие подразделения, занимающиеся отслеживанием ситуацией в нашей стране и в других странах и анализом работ, чтобы потом прийти к определённым выводам и принятию решений на правительственно-государственном уровне. Для такого подхода была своя предыстория.

Как я уже говорил, целенаправленной обобщающей работы в 80-е годы в СССР в этой области не велось. В КГБ не было программы, подобной «Звёздным Вратам» в США, но на высших курсах КГБ были предметы по оперативной психологии, суть которых состояла в том, чтобы научиться считывать мысли человека, его мотивацию и научиться скрытному выведыванию нужной информации, технологиям воздействия на человека. Были также закрытые темы исследований, пограничные между психологией, парапсихологией и техникой, – в этом котле варилась масса военных и гражданских специалистов, учёных, инженеров, психологов, психоаналитиков. Некоторые из этих разработок могли бы показаться непосвящённому человеку совершенно невероятными, взятыми прямо из фантастического романа. Однако, это были реальные вещи, над которыми трудились учёные и инженеры высшей квалификации. Многие из них давали конкретные и эффективные результаты в практическом применении.

Вот один из примеров такой фантастики в реальной жизни. На рубеже 80-х и 90-х годов в СССР разрабатывался комплекс аппаратуры, задачей которого был перенос любой информации, связанной или с людьми, или с растениями, или с животными,

или со средой обитания, в любую точку нашей планеты. В 1991 году я лично присутствовал при монтаже этого генератора: его главная излучающая антенна-экран была диаметром около 3 метров, весь он был опутан проводами, как водорослями. Задач этого и ему подобных генераторов простирались от воздействия на сознание и поведение людей до управления климатом в заданных регионах Земли. В более глобальном аспекте эти технологии можно использовать не только и не столько для разрушения экосистем, сколько для восстановления разрушенной экологии. В этом заключался фундаментальный позитивный смысл этих разработок.

Однако единой государственной программы по подобным вещам не было. Какие-то планы по направлениям были, но главная проблема состояла в том, что все институты были государственно-бюджетными, они должны были вписываться в свой бюджет, официально открыть тему и получить деньги. Но для того, чтобы работа велась системно, нужен был единый аналитический мозг, который формулировал бы цели и задачи, организовывал решение конкретных вопросов, получал обратную связь и анализировал полученную информацию. А в реальности были массы косвенных субъективных причин: связи, друзья, знакомые, командный приоритет – всё это порождало разногласия, каждый институт варился в собственном соку, не было единого центра. Но движение всё равно шло, силы аккумулировались, разработки разных институтов сводились воедино, люди приходили к выводу, что надо объединить усилия в серьёзной комплексной совместной программе.

В конце 80-х – начале 90-х мы также столкнулись с тем, что особые возможности стали использоваться в преступных целях. К примеру, те же лохотронщики, которые использовали методы манипуляции сознанием людей, применяли самое настоящее экстрасенсорное воздействие, превращали человека в биоробота, который выполнял все требования. Когда люди приходили в себя, то часто не могли вспомнить, что с ними было. Вполне возможно, что в некоторых из этих случаев были использованы генераторы, созданные в лабораториях военно-

промышленного комплекса, которые были украдены и применены преступными группировками в корыстных целях.

Из историй такого типа, происшедших в последнее время, мне вспоминается следующая, похожая на голливудские киноленты. Как-то одна моя знакомая, Тамара Меренкова попала на удочку мошенника-профессионала, Виталия Ревзина, сознательно или бессознательно использовавшего экстрасенсорное воздействие в преступных целях. Она, будучи вдовой генерала, была весьма состоятельной женщиной. После смерти мужа ей было трудно оставаться в Москве, где они жили вместе с мужем, и она решила купить в Бельгии дом. Для этого продала свою огромную квартиру в Москве, мебель, картины, драгоценности. Собрала около трёхсот тысяч долларов наличными и отдала их из рук в руки Виталию Ревзину, который разыграл роль солидного агента по недвижимости, снял офис с окнами на Красную площадь и, как паук, поджидал крупную добычу, которая залетит к нему. Деньги исчезли, дома, естественно, тоже нет, и в попытках вернуть похищенное у Меренковой началась с ним судебная война, продолжающаяся вот уже 12 лет. Однако, наша правоохранительная и судебная системы настолько коррумпированы и пронизаны духом стяжательства, что слов нет. Преступник, имеющий деньги, может купить любого судью, следователя и адвоката. А мы можем противопоставить ему лишь законы, статьи, положения, интеллектуально-информационный уровень. Ситуация давно зашла в тупик.

Однако, эта проблема, имевшая экстрасенсорные корни, неожиданно получила надежду на экстрасенсорное решение. Я случайно встретился со своим старым знакомым, Валерием Кустовым, поговорил с ним об этом деле и попросил помочь. Валерий, по его словам, экстрасенсорно «включился» в эту ситуацию и начал её «разруливать». Казалось бы, ничего не происходит, но вдруг я встречаю знакомого, который работает в Фонде по правам человека, возглавляемом Э. А. Панфиловой – и к делу подключается фонд. Не заставил себя ждать и второй, и третий моменты неожиданной помощи. Мои друзья выпускают журнал «Сверхновая реальность». Там в редакции я встретился по работе с журналистом, который сразу же заинтересовался и взялся за эту тему. Неожиданно к этому делу подключился

Владыка, епископ одной из епархий России. Так Кустов по своим экстрасенсорным каналам «включил» в ситуацию новых людей, обладающих специфическими возможностями, и через 2 месяца ситуация, которая 12 лет была безнадежной, стала выглядеть решаемой.

А тогда, в начале 90-х подобное случилось и с дочерью моего приятеля. Прямо на улице преступники ввели её в какой-то транс, используя экстрасенсорно-гипнотическое воздействие. Она отдала им все свои наличные деньги, потом сняла деньги со сберегательной книжки в банке и тоже отдала их. В состоянии помрачения она находилась весь день, очнулась только к полуночи и чуть в петлю не полезла. Конкретно эта история закончилась благополучно: её муж был полковником МВД, он раскрыл эту преступную группу. Но это был единичный успех, а нам нужна была общегосударственная система.

Поэтому, проанализировав всё, к концу 1991 года мы вышли на разработку мощной программы под единой идеологией, в которую включались десятки разрабатываемых тем в области неординарных технологий и парапсихологии, и стали вводить для них единый шифр. В этой программе, которую курировал я лично, все работы по экстрасенсорике и нетрадиционным уникальным технологиям были систематизированы. В конечном итоге эта работа должна была выйти на высший государственный уровень и приобрести статус национальной программы.

Но я не успел довести дело до конца. Зампредом КГБ я стал при Вадиме Бакатине, как раз перед развалом СССР. После августовского путча 1991 года началась чехарда с реформированием спецслужб. КГБ разделили, превратили сначала в МГБ, потом начали меняться имена и структура. Примерно через год органы безопасности возглавил Виктор Баранников. Все мои попытки заинтересовать этими темами новое руководство окончились ничем – все уже принялись делить деньги. Я подал в отставку и ушёл из системы.

Уйдя из спецорганов, я, тем не менее, не прекратил работы с экстрасенсорикой и нетрадиционными технологиями. В середине 90-х мы создали на коммерческой основе свой центр, который быстро раскрутился. Шли заказы на расследование

террористических актов, поиски пропавших кораблей и самолётов. Началось это с блестящего результата по расследованию взрыва троллейбуса в Москве: наши экстрасенсы указали всех исполнителей и заказчиков дела, спецслужбы их всех быстро нашли и арестовали. Об этом уже рассказал профессор Вячеслав Звоников.

Мы также начали разрабатывать идею, которая родилась ещё в 1991 году, – создать такой комплекс аппаратуры, для которой был бы доступен любой участок на земном шаре, и на этот участок можно было переносить любую информацию, связанную или с людьми, или с растениями, или с животными, или со средой обитания. Мы эту идею стали реализовывать, создавать этот генератор, аналог малого генератора, но уже в масштабированном варианте с трёхметровым экраном. Однако столкнулись с моральной проблемой: с помощью такого генератора можно будет переносить любую информацию, как хорошую, так и плохую, в том числе, и вести климатические войны. По нашим сведениям, работы по климатическим заказам уже давно ведутся в нескольких странах. Это может быть полезным во многих случаях, но бесконтрольное использование таких генераторов и климатические войны также могут разрушить экологические балансы Земли и вызвать экологическую катастрофу. Чтобы не способствовать этим разрушительным тенденциям, мы заморозили свои разработки.

За последние годы экстрасенсорика, глубинная психология и парапсихология сделали гигантский скачок. Современные технологии психологического воздействия на 2-3 порядка превосходят то, что раньше изучалось в университетах, даже в Академии КГБ. Есть технологии психотронного воздействия, вырезающие куски памяти. Сейчас многие исследователи уже вышли на создание искусственного воспроизведения среды, способной так же воздействовать на человека, как и экстрасенс. Появляется возможность обоснования, объяснения феноменов путешествия в прошлое, считывания информации с другого человека, переноса человеческого сознания в другое пространство и присутствия человека в другом пространстве без переноса материального тела.

Но при всех этих достижениях с человечеством происходят страшные вещи: на первый план выдвигается животная составляющая, люди становятся похожим на

животных, и управлять такими людьми становится легко. В рыночном мире всё продаётся и покупается, вопрос в цене. Жизненная парадигма человека превращается в примитивную и узко ограниченную линию, поэтому им можно легко манипулировать. Личный карман, личное обогащение, машина, дача, вояжи, еда, секс – вот что правит человеком, и за эти ниточки легко дёргать, в том числе и легко использовать негативное экстрасенсорное воздействие на таких людей. Именно это ведёт человечество к гибели, к глобальной катастрофе.

Человечество располагает возможностями создания системы детальной диагностики здоровья человека. На базе такой диагностики выработать регламент и режимы восстановления. Мы в современных условиях можем обеспечивать нормальную жизнедеятельность человека минимум до ста лет, сохраняя его работоспособность, мозговую деятельность. Современные технологии, связанные с полевым и информационным переносом, позволяют полностью революционизировать всё, что связано с сельским хозяйством, растениеводством, животноводством. На этой основе мы можем создать технологии, которые не влияют на окружающую среду, не загрязняют её, позволяют обеспечить любой прирост, получить экологически чистые продукты, решить проблемы энергетики, то есть выйти на получение энергии без выкачивания нефти и газа. Понятно, что невозможно мгновенно остановить потребление нефти, но можно проводить нефтедобычу нетрадиционными способами с помощью резонансных технологий, сделать её экологически менее разрушающей. И это при уменьшении, а не при увеличении денежных затрат. Сейчас деньги движут человечеством, но человечество должно стремиться выходить на совершенно другую стезю, в которой жажда обогащения – не главное. Нужно переосмыслить наши цели и задачи, изменить паттерны нашей деятельности, как между людьми, так и по отношению к окружающему миру. И экстрасенсорика можем нам в этом очень помочь.⁵⁴

**

⁵⁴

Специальное интервью генерала Николая Шама для этой книги.

В этих рассказах мы видим происходящий в наши дни поворот от экстрасенсорных войн к мирной экстрасенсорике. Может ли он стать постоянным? Трудно сказать. Этот вопрос связан с анализом общей геополитической ситуации и исторических тенденций развития, что является обширнейшей и сложной темой, далеко выходящей за рамки этой книги. Однако, эта тема исключительно интересна, и у нас есть по ней любопытная информация, пришедшая по экстрасенсорным каналам. В следующих книгах мы планируем уделить ей специальное внимание, а также расскажем о других полученных нами необычных фактах и выводах из этой удивительной области.

Экстрасенсорика является интегральной частью нашей психики и мира в целом. Мы можем продолжать споры о её природе, не соглашаясь в ряде вопросов, типа можно ли развивать экстрасенсорные способности или нет, но в чём мы все согласны, так это в том, что экстрасенсорнику нельзя отвергать и замалчивать. Более того, её надо активно использовать для блага людей. Отвергание и замалчивание экстрасенсорики в некоторых официальных научных кругах как раз и ведёт к негативному использованию этих феноменов, прежде всего для пси-войн.

У нас есть замечательные научные подходы для понимания экстрасенсорных феноменов, например представленные трансперсональной психологией. Как отмечает основатель этого направления Станислав Гроф, «где-то в процессе перинатальной развёртки, кажется, возникает странный качественный скачок типа петли Мёбиуса, в котором глубинное самоисследование индивидуального бессознательного превращается в переживание приключений во вселенной-в-целом, которые включают то, что наилучшим образом может быть описано как космическое сознание и сверхсознательный ум». В мире, пронизанном сознанием, экстрасенсорика естественна. Но это не единственный подход. Среди авторов этой книги есть и поддерживающие чисто материалистическую точку зрения. Позиции могут быть разными, но главное, чтобы общими были цели.

Из приведённых выше рассказов мы ясно видим, что экстрасенсорика может помочь нам в разработке новых мощных и экологически чистых технологий производства продуктов питания, очистки воды и природной среды, в поиске и

создании новых восполняемых источников энергии. Она позволяет увидеть необычные измерения реальности и открывает нам новые горизонты мировоззрения. Но что ещё более важно, экстрасенсорика даёт нам возможность более глубоко почувствовать сущность этого мира, она помогает нам глубже понять друг друга и даёт нам новые средства внутреннего соединения в единую общность, называемую человечеством.

А это значит, что будущее экстрасенсорики может быть исключительно ярким, способствующим человечеству в дальнейшем развитии и достижении новых ступеней эволюции. Но в то же время, как мы знаем, это будущее может быть далеко не безоблачным и даже мрачным, если экстрасенсорика используется в целях получения власти, из алчности, для обмана или для пси-войн.

Каким будет это будущее? – Это зависит только от нас.

Послесловие

Пси-войны уже бушевали на нашей планете. И возможность новой пси-войны совсем немного отличается от реальности новой мировой войны. Мы знаем много войн в истории, и главное, что в них меняется, – это средства воздействия на противника. Но главное, что в них остаётся постоянным, – это тёмная сторона человеческой природы, а также человеческая глупость, без которых невозможны никакие войны.

Борьба – это необходимая, неизбежная часть прогресса и эволюции. Длительное спокойствие приводит к застою и загниванию. Борьба – элемент движения и развития, она нужна, если это не борьба с оружием в руках, в том числе и оружием экстрасенсорным. Нам есть с чем бороться и более осмысленно.

Человечество стоит перед лицом глобального кризиса. Это экологическая катастрофа, истощение природных ресурсов и возрастающая опасность глобальных войн. Сможем ли мы решить эти проблемы и избежать самоуничтожения? Как минимум понятно, что мы можем и должны что-то делать. И в этом нам может помочь экстрасенсорика: и в понимании того, что именно нужно делать, и как.

Мы тратим гигантские материальные, энергетические, финансовые и человеческие ресурсы на конфронтацию в то время, когда их можно потратить для решения совершенно других задач: экология, энергетика, недра, океан, космонавтика, человеческое здоровье и психика. А сколько других сфер на Земле, которые требуют разумного вмешательства человека! Почему бы именно на них не направить наши силы? И если говорить конкретно о применении экстрасенсорики, то её можно направить на решение экологических проблем, на исследование и поиски способов лечения тяжёлых болезней, на предсказание стихийных бедствий и предотвращение их последствий, и на другие гуманитарные цели. Многие экстрасенсорные техники можно использовать для личного внутреннего роста и

трансформации сознания, что в конечном итоге может помочь в преодолении глобального кризиса, выживания человеческого вида и достижения новых ступеней эволюции человека.

Что касается военной экстрасенсорики, то и здесь легко найти подходящие применения – предотвращение и расследование преступлений, терроризм. Экстрасенсорика показала себя весьма эффективной в этих сферах; это много раз проверено и хорошо известно. На эту тему есть достаточно материала, у спецслужб есть разработанные методики, о чём говорят приведённые в этой книге примеры. Мы не вправе ожидать, что злоба и глупость вдруг завтра возьмут и покинут человечество. Поэтому мы можем и должны вести с криминалом и терроризмом войну, в том числе и экстрасенсорную. Криминальные структуры давно уже стараются поставить себе на службу экстрасенсорику. И если государство вовремя не спохватится, то может многое потерять.

Что для этого нужно? Конечно, нужен серьёзный государственный контроль деятельности в области экстрасенсорики. Информационно-энергетическая безопасность людей должна стать заботой государства; нужны юридические основания и законы, фиксирующие нормы работы с экстрасенсорикой. Нужна государственная проверка и сертификация экстрасенсов. Помимо безопасности, это ещё избавит людей от огромного количества жуликов и шарлатанов в этой области.

На что нам точно не стоит тратить силы – так это на споры по поводу реальности экстрасенсорных феноменов. При том огромном количестве неоспоримых фактов, которые наука накопила в этой области к сегодняшнему дню, этот вопрос окончательно решён. Парадигма в науке уже меняется, и для любого серьёзного учёного новой формации реальность и необходимость изучения экстрасенсорных феноменов совершенно очевидна. Конечно, чтобы у академического мира в целом окончательно исчезло сопротивление экстрасенсорике и парапсихологии, должно смениться нынешнее поколение учёных. Как однажды сказал основатель квантовой теории Макс Планк: «Научная правда одерживает победу не потому, что, убеждая своих противников, открывает им свет, а скорее потому, что ее противники, в конечном счете, вымирают, и новое поколение вырастает, уже знакомое с этой правдой».

Сам термин *парапсихология*, по мнению многих учёных и нашему мнению, тоже отжил своё. Все феномены, собираемые под этим названием, относятся к своим областям, прежде всего к психологии, медицине, биологии, физике и онтологии. Телепатия, ясновидение, дальновидение, предсказания, переживания вне тела, психодиагностика и так далее – это не специальная категория феноменов, а просто доступ к информации через экстрасенсорные каналы. Экстрасенсорные феномены являются элементами очень важных и непростых психических и космических процессов. Их понимание невозможно в рамках старой научной парадигмы и требует новых, более глубоких подходов – таких, например, как представленные в современной трансперсональной психологии.

Работа с экстрасенсорными феноменами требует особого подхода к гуманистической и философской стороне данного вопроса, уделения ей первоочередного внимания по сравнению с сиюминутно-меркантильной. Мы знаем легенды, что в былые времена на Земле существовали высокоразвитые цивилизации, обладавшие огромными знаниями в области технологий и психики, куда более высокими, чем обладаем мы. И эти цивилизации были уничтожены из-за злоупотребления знаниями, которыми владели. Пусть даже это только легенды, но и в этом случае они отражают реальный архетип разрушения, и служат нам предостережением. Реализация подобного сценария сегодня вполне возможна.

Причина всех этих негативных явлений заключена в природе нашей психики, в природе нашего эго, она встроена в наши гены. Ориентация на доминирование и материальные ценности, злоба и алчность приводят к формированию агрессора и потребителя, полуавтомата – биоробота, которым легко управлять. Когда люди не контролируют своё сознание, они становятся объектом эксплуатации, иные силы начинают манипулировать и управлять их поведением. Это неизбежно ведёт к умственной и нравственной деградации и открывает принципиальную возможность пси-войн.

К счастью, в сложных системах не бывает абсолютного детерминизма. Как бы ни старались любые, самые мощные силы осуществлять абсолютный контроль, это не получится. Как глубоки бы ни были причины глобального кризиса, всегда есть

противоположные силы, открывающие выход. Таковы законы природы, как мы их сегодня знаем, и это есть шанс для человечества. Так в чём же он?

Многие религиозные и философские учения считают, что человек – это целая вселенная, что в каждом из нас заключён весь мир, и задача лишь в том, чтобы найти соответствующие средства раскрытия этого потенциала и упорно работать над этим. Наша работа с экстрасенсорными феноменами во многих аспектах подтверждает эту точку зрения. Но если это так, если наш шанс – развитие, то экстрасенсорные способности являются частью нашего духовного роста и возможностями для нового пути развития общества. От реальности экстрасенсорных войн нам нужно прийти к реальности экстрасенсорного мира, не просто к спокойствию, а к новому удивительному миру, в котором экстрасенсорика станет частью нашей повседневной жизни.

Словарь терминов

Термин	Описание
Аномальное познание – АП Anomalous cognition – АС	Получение информации экстрасенсорным средствами. Синоним <i>экстрасенсорики</i> .
Биополе	Энергетическое поле живых объектов, фиксируемое экстрасенсорными и некоторыми аппаратными средствами.
Биоинформация	Информация о живых объектах, передающаяся экстрасенсорным средствами.
Биоэнергетика	Термин употребляется в разных смыслах, очень часто как синоним <i>экстрасенсорики</i> , но с акцентом более на энергетические, чем на информационные составляющие явлений.
CIA Central Intelligence Agency	ЦРУ Центральное Разведывательное Управление
Ясновидение	Процесс получения информации о внешнем мире экстрасенсорными средствами. Иногда в этот термин включается видение прошлого и будущего.
DIA Defense Intelligent Agency	Военная разведка армии США
Лозоходство	Определение места нахождения предмета психическими средствами.
ESP Extra-Sensory Perception Extra-Sensory Performance	Английская аббревиатура, означающая экстра-сенсорное восприятие или экстра-сенсорное взаимодействие.
ЭСВ Экстра-Сенсорное Восприятие Экстра-Сенсорное Взаимодействие	Традиционно – экстра-сенсорное восприятие. Однако в современном значении этот термин включает и экстрасенсорное воздействие.
Инвольтация	Оккультный термин, означающий влияние на людей посредством паранормальной энергии.
НПО	Научно-производственное объединение

Термин	Описание
Паранормальный	Выходящий за пределы принятой нормы; часто используется как синоним слова <i>экстрасенсорный</i> .
Парапсихология	Область изучения паранормальных феноменов, так или иначе связанных с человеческой психикой.
Предвидение	Получение информации о будущем через экстрасенсорные каналы.
Пси	Слово-приставка, синоним <i>экстрасенсорики</i> .
Экстрасенс	Человек, обладающий способностями получать информацию помимо известных органов чувств и/или воздействовать на объекты помимо известных физических способов.
Психокинез	Воздействие на физические объекты с помощью экстрасенсорных средств; синоним <i>телекинеза</i> .
Психотронное оружие	Оружие, преимущественно воздействующее на психику и использующее экстрасенсорные принципы и средства.
Психотроника	Синоним <i>экстрасенсорики</i> , но более относящийся к техническим средствам, созданным на базе экстрасенсорики.
Дальновидящий	Человек, обладающий способностью к <i>ясновидению</i> .
Дальновидение	Получение информации экстрасенсорным средствами. Синоним <i>ясновидения</i> .
SAIC – аббревиатура от Science Applications International Corporation	Международная Корпорация Прикладных Наук, расположена в Пало Алто, Калифорния
SRI – аббревиатура от Stanford Research Institute	Международный Стэнфордский Исследовательский Институт, расположен в Пало Алто, Калифорния
Телекинез	Процесс передвижения физических объектов с помощью чисто психических средств. Синоним слова <i>психокинез</i> .
Телепатия	Общение посредством прямого обмена мыслями.